

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драмы. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://lermontovmikhail.ru/> приятного чтения!

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драмы. Михаил Юрьевич Лермонтов

Драмы
Цыганы
(Опера)

Действ<вие> I
Явл<ение> 1

(Театр представляет приятное местоположение, цыгане сидят в шатрах, иные ходят и, собравшись в группы, поют.)

Цыганская песня
Цыган (поет)

Мы живем среди полей[1]
И лесов дремучих,
Мы счастливее царей
И вельмож могучих...
Гей, цыгане! Гей, цыган<ки>!
(и проч.)

Цыганка

(Из «Московского вестника» песнь)[2]

.....
.....
.....

(Пляшут и поют.)

(Всё умолкает.)

Старый цыган (перед очагом)[3]

Что за жизнь... одному да одному – Земфира ушла гулять в пустынном поле, она привыкла бродить по дальним лесам и таборам. Но вот уж и ночь – а всё ее нет... вот и луна спускается к небосклону. Как прекрасно... (Смотрит на месяц) (и подходя к очагу) Мой ужин скоро простынет – а дочь не приходила – видно, придется одному провести ночь...

Но вот она!..

Явление 2
(Земфира и за нею юноша.)

Старик

Где ты была так долго, дочь моя, я думал, что и ты меня покинешь, как сделала коварная мать твоя?..

Земфира

Прости, отец мой, но видишь ты,
веду я гостя: за курганом[4]
Его в пустыне я нашла
И в табор на ночь зазвала,
Он хочет быть как мы цыганом.
Его преследует закон,
Но я ему подругой буду,
Его зовут Алеко; он
Готов идти за мною всюду.
Старик

Я рад, останься до утра
Под сенью нашего шатра
Или пробудь у нас и доле,
Как ты захочешь...
Испанцы
Трагедия в пяти действиях

Посвящение[5]
Не отвергай мой слабый дар,
Хоть здесь я выразил небрежно
Души непобедимой жар
И дикой страсти пыл мятежной.
Нет! Не для света я писал –
Он чужд восторгам вдохновенья;
Нет! Не ему я обещал
Свои любимые творенья.
Я знаю: всё равно ему,
Душе ль, исполненной печали,
Или веселому уму
Живые струны отвечали.
Но ты меня понять могла;
Страдальца ты не осмеяла,
Ты с беспокойного чела
Морщины ранние сгоняла:
Так над гробницу стоит
Береза юная, склоняя
С участием ветки на гранит,
Когда ревет гроза ночная!..
Действующие лица
Дон Алварец. Дворянин испанский.

Эмилия. Дочь его.

Донна Мария. Мачеха ее.

Фернандо. Молодой испанец, воспитанный Алварецом.

Патер Соррини. Итальянец иезуит, служащий при инквизиции.[6]

Доминиканец. Приятель Соррини.

Моисей. Еврей.

Ноэми. Дочь его.

Сара. Старая еврейка.

Испанцы. Бродяги, подкупленные Сорринием.

Жиды и жидовки.

Служители инквизиции.

Слуги Алварца, слуги Сорриния, народ, гробовщики,

(действие происходит в Кастилии.)

Действие первое

Сцена I

(Комната у Алварца. Стол. Портреты на стенах и зеркало на стене.)

(Донна Мария сидит на креслах. Эмилия стоит и перебирает четки.)[7]

Донна Мария

Да, с этих пор тебе я запрещаю
С Фернандо говорить, во-первых, он

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru
Неблагодарный. Оттого мой муж
Тебе с ним не позволит съединиться
Супружеством; и я в том настою!
Эмилия

Поверьте, благородство не в бумагах,
А в сердце.
Донна Мария

Так, уж верно от него
Ты этого наслушалась. Прекрасно!..
Эмилия

Не мудрено, что мне Фернандо много
Прекрасных чувств помог узнать. Когда
Еще я забавлялась куклой, он,
Безвестный сирота, был взят моим отцом;
И с этих пор я под одной с ним кровлей
жила как с братом – и, бывало,
Вдвоем гуляли мы в горах Кастильских, [8]
Он был подпора и вожатый мне;
И не было на тех вершинах розы,
Которой для меня не мог бы он достать.
(Донна Мария в рассеянье как бы поправляет что-нибудь в своем одеянье – и не слушает.)

Однажды мы до ночи заходились:
Душистый ветерок свежее становился,
И месяц по небу катился.
Пред нами быстрый был поток; Фернандо,
Чтоб перенести, взял на руки меня;
Мы перешли, но я всё оставалась
в его объятьях. Вдруг, я помню,
Он странным голосом спросил меня:
«Эмилия меня не любит?» – «Нет! Люблю!» –
Сказала я, и уж с того мгновенья
Люблю его нежней всего на свете!..
Донна Мария

Вот это именно меня и заставляет
Тебе советовать не говорить с ним.
Тебе я заменяю мать, могу,
И мне дано от Алвареца право
Смотреть, как можно строго, за тобою.
И ты женой Фернандо быть не мысли.
Эмилия

А может быть, гаданья ваши ложны.
Донна Мария

Поверь, тебя я не глупее, потому,
Что уж за третьим мужем, опытность
Рассудок заменяет, знаю, как
Несчастливы супружества, когда
Муж и жена не равны состояньем.
Эмилия

Неужели умершие мужья
Рассудку придают?..
Донна Мария (будто не слыхав)

Звонят к обедне!
Эмилия

Звонят!
(в сторону)

а он <всё> не приходит.

Взяла ли ты молитвенную книжку?
Эмилия

Ах! Позабыла,
(берет со стола)

о! Как долго!..
(Фернандо входит. Д<онна> Мария не видит его, выходит в дверь. Эмилия из-под мантильи, следуя за мачехой, роняет записку. Фернандо, глядевший вслед за нею, подымает.)

Фернандо (открывает)

«Я знаю, что батюшка слышал об нашей любви и о твоём намерении жениться на мне. Он тебе, верно, станет говорить об этом. Ради бога, не горячись с ним: иначе мы никогда не будем счастливы».

Ты много требуешь, Эмилия!
(Молчание.)

Кто б мог подумать, что такой глупец,
Такой бесчувственный... чудна природа!..
И это милое, небесное созданье.
Эмилия!.. Нет, нет! Она не дочь его.
Мне скажут: благодарность! – благодарность!..
За что? – за то ль, что каждый день
Я чувствовать был должен, что рожден
Я в низком состоянье, что обязан
Всем, всем тому, кого душою выше.
За то ли, что ломоть вседневный хлеба,
Меня питавший, должен был упреком
Кольнуть мое встревоженное сердце?..
За это благодарность от меня?
О, лучше бы от голода погибнуть,
Чем выносить такие укоризны!..
И как он мог узнать мои желанья! Странно!..
Но что ни будь, а даже для нее
Малейшей не стерплю опять обиды! Полно!
Любовь возьмет свое... но не теперь..
(Алварец входит тихими шагами и садится в кресла.)

Фернандо

Какой же гордый вид, как будто в нем
Соединились все души предков;
(обращаясь к портретам)

О вы, вы, образы людей, великих
Своею мудростью и силой,
Скажите мне, ужель гниющие,
Немых гробов бесчувственные жертвы
Отнимут у меня мою Эмилию?..
Смешно! – я не могу себе представить,
Чтоб мертвые имели предрассудки!..
Алварец

Фернандо! До меня доходят слухи,
Что ищешь ты войти в мое семейство!..
Безумец ты! – клянусь святою девою!
И мысль одна, мой милый, быть мне зятем
Должна казаться смертною обидой.
Фернандо

Желательно, чтобы моя обида
Могла вам заплатить за ваши..
Алварец

Мои обиды!.. Слушай же, глупец,
Что я скажу тебе, да со вниманьем.
Фернандо (насмешливо)

Как счастлив тот, кто может, оказав
Добро один раз в жизни человеку,
Бранить его глупцом сто раз – и каждый день!
Алварец

Узнать ты должен наконец,
Кто ты! – доселе содержал я
Тебя почти совсем как бы родного.
Но с этих пор переменилось всё!
Я повторю тебе, как ты попал сюда:
С слугой однажды шел я из Бургоса[9]
(Тогда еще я только что женился).
Уж смерклось, и сырой туман покрыл
Вершины гор. Иду через кладбище,
Среди которого стояла церковь
Забытая, с худыми окнами.
Мы слышим детский плач – и на крыльце
Находим бедного ребенка – то был ты;
Я взял тебя, принес домой – и воспитал.
(Насмешливо)

Но для чего тебя там положили
И кто родители твои – бог знает!
А я так не хочу и знать; да, да!
Фернандо (пораженный) (про себя)

Так, так, совсем, совсем забытый сирота!..
В великом божьем мире ни одной
Ты не найдешь души себе родной!..
Питался я не материнской грудью
И не спал на ее коленях. Чуждый голос
Учил меня родному языку
И пел над колыбелию моей.
(Молчание.)

(Ходит взад и вперед. Потом опять приходит в спокойное положение.)

Алварец

О чем печален! – точно вот как было.
Возможно ли тебе теперь жениться
На дочери моей? Что после скажут
Другие благородные испанцы?
Фернандо

Поговорят – и замолчат.
Алварец

Не замолчат, не слыхано у нас,
Чтобы на улице найденный человек
С семейством очень древним, благородным
Мог сблизиться.
Фернандо

Сказать вам отчего?
Боятся эти люди, чтоб тогда
Их равенство скорей не увидали..
(Алварец подходит к портретам.)

Алварец

Вот этот, здесь, мой первый предок, жил
При Карле первом, при дворе, в благоволенье[10]

У короля, – второй при инквизиции
Священной был не в малых людях;
Вот тут написано, что сделал он:
Три тысячи неверных сжег и триста
В различных наказаниях замучил.
Фернандо (насмешливо)

О, этот был без спору муж святой;
Конечно, он причислен к лику?[11]
Алварец (равнодушно)

Нет еще!..
Вот третий здесь в военном одеянье,
С пером на шляпе красным, и с усами:
Вторым служил на флоте он – и утонул
В сраженье против англичан проклятых.[12]
Еще ж пятнадцать прадедов моих ты видишь
(Дай бог, чтоб и меня сюда вписали
И род наш до трубы последней продолжился);[13]
И – ты – ты захотел вступить в число их?
Где, где твои родители, бродящие
По свету негодяи – подлые... или...
Несчастливые любовники, или какие –
Нибудь еще похуже... дерзкий! Что ты скажешь?
Когда пергаменты свои покажешь[14]
И явишь всё, тогда я замолчу.
Фернандо

О, если б только я хотел молчать
Заставить вас (трогая шпагу), то без пергаментов
Я б это мог.
Алварец

Уж слишком ты забылся,
Бродяга! Покажи ж сейчас,
Как ты меня молчать заставишь: а не то
Велю тебя прибить, и это верно,
Как то, что папа есть апостолов наместник!.. [15]
Как ты меня молчать заставишь?
Бедняга, плут, найденыш!.. Ты не помнишь,
Что я, испанский дворянин, могу
Тебя суду предать за эту
Обиду (топнув), видишь ты перед собою
Изображения отцов моих?
Кто ж твой отец? Кто мать твоя,
Которая оставила мальчишку
У ветхой церкви? Верно уж жидовка;
А с христианкой быть сего не может:
Итак, смирись, жидовское отродье,
Чтоб я тебя из жалости простил!..
Фернандо (в беспокойстве)

Послушай, Алварец! Теперь – теперь я
Ничем тебе не должен! Алварец,
Ни благодарности, ни уваженья
Не требуй от меня, – кровь благородная
Текла поныне в жилах этих;
(Минута молчания.)

Вот эта шпага, если хочешь знать,
Она тебя молчать заставит.
Алварец

Вон! Вон скорей из дома моего,
Чтоб никогда ни сам, ни дочь моя
Тебя близ этих мест не увидали.
Но если ж ты замыслишь потихоньку
Видаться с нею, то, клянусь Мадритом, [16]

Клянись портретами отцов моих,
Заплотишь кровью мне.
Фернандо

Ты можешь кровь мою
Испить до капли, всю; но честь, – но честь
Отнять не в силах, Алварец!
Алварец

Вон! Вон, глупец! Когда ты хлеба
Иметь не будешь – к моему окошку
Не подходи, а то велю прогнать.
(В сторону)

Каков же негодяй Фернандо стал!..
Фернандо

О! Ад и небо!.. Ну прощай!..
Но бойся, если я решусь на что-нибудь!..
(Убегает в бешенстве и сталкивается в дверях с патером Сорринием, которого не замечает. Соррини на минуту поражен, но наконец сгибает спину и с поклоном входит. Алварец идет радостно иезуиту навстречу.)

Алварец

А! Добрый день отцу Сорринию!
(Он его сначала в беспокойстве не заметил.)

Как поживаете, святой служитель божий?
Соррини (кланяясь, с притворством глаза к небу)

Помилуйте, я лишь смиренный раб его
И ваш слуга покорнейший.
Да что у вас за шум в доме случился?
Как бешеный тут кто-то пробежал
И даже мне не поклонился.
Алварец

Да, я теперь лишь из дому прогнал
Питомца своего; давно пора уж было.
Соррини

И я давно уже заметил это;
Но не хотел лишь беспокоить вас..
Повеса он большой, и пылкий малый,
С мечтательной и буйной головой.
Такие люди не служить родились,
Но всем другим приказывать.
Не то, что мы: которые должны
Склоняться ежедневно в прахе,
Чтоб чувствовать ничтожество свое,
Стараясь добрыми делами
Купить себе прощенье за грехи.
А что он сделал, должно ли мне знать?
Быть может, против церкви или короля –
Так мне не худо знать..
Алварец

Бедняга этот..
Соррини

Бедняга?
Алварец

Как же! Я его нашел
Ребенком, брошенным на улице.
Соррини

Таким бы людям надобно прощать,
Они наказаны уж богом.
Алварец

Как прощать?
Да я вам расскажу, что сделал он.
Соррини (в сторону)

Как жалко, что его карманы пусты;
А то набил бы я свои потуже.
Так в мире всё из рук в другие переходит.
Алварец (с таинственным видом)

Когда он был еще ребенком, позволял
Ему я с дочерью моей играть;
Они играли да играли – я не думал,
Что выдет что-нибудь из этого худое.
Бывало, спросишь: что вы, дети? – Мы играем. –
Во что? – В любовь! – и нежно целовались,
Как горлицы. Фернандо, став постарше,
Уж понял, что нейдет так вольно обращаться,
И начал думать, как бы продолжать
Игру когда-нибудь, – из слов его я видел
Нередко, что желал бы он жениться
На дочери моей. Как я взбесился,
Вы можете понять, отец Соррини!..
С тех пор я стал с ним груб, суров, хоть против воли;
Как вы ни говорите, взял его
Еще ребенком я под эту крышу;
Он жил со мною двадцать лет;
Был будто первенцем моим... недавно
Я вновь хотел с ним показаться нежным –
Как вдруг узнал я от жены моей,
Что хочет у меня просить Фернандо
Эмилию в замужество... ну ж, меня
Вы знаете, – хоть сед – но как взбешусь...
Ну!.. Я и уговаривал его;
И представлял все важные причины, –
Он много мне грубил – и я решился
Прогнать его из дома наконец.
И не увидит христианская душа
Его ноги в дверях моих. В том я уверен!..
Соррини

Хм! Хм! Что ж ваша дочь?
Алварец

Не знаю. У обедни
Она теперь сидит с моей женою
И, верно, молится о нем. Да как вы
Мальчишке этому дорогу уступили,
Когда не поклонился даже он?..
Как вы его не удержали тотчас,
Чтоб должного потребовать почтения?
Соррини

Слепым дорогу должно очищать!
Алварец

Слепым? Да он глядел ведь в оба глаза.
Соррини (с презрительной улыбкой)

Конечно, вы не поняли меня:
Покуда ни одной сединки не видать
На голове, пока огнем живым,
Как розами, красуются ланиты,
Пока глаза во лбу не потускнели,
Пока трепещет сердце от всего,

От радости, печали, ревности, любви,
Надежды, – и пока всё это
Не пронеслось – и навсегда, – есть страсти, страсти
Ужасные; как тучею, они
Взор человека покрывают, их гроза
Свирепствует в душе несчастной – и она
Достойна сожаления бесспорно.
Такие люди слепы; ваш Фернандо
Из их числа. Так что ж мне было делать?
Я должен был дорогу уступить,
Совсем не от того, чтоб я боялся..
А... без причин с опасностью спорить
Нейдет ни званью моему, ни чину;
Вы согласитесь,
(показывая на крест)

этот крест смиренью учит
Меня. Тот, кто на нем был распят,
Моим примером должен быть – и я
Как мог свою обязанность исполнил!..
(Слуга Сорриния входит с письмом и отдает его своему господину.)

Слуга

Отец Соррини! Вот письмо от бедной.
Лишь только вы ушли, она явилась в дом наш.
Соррини

Да от кого письмо, – какая крайность?
Слуга

От бедной женщины, которую прогнали
Намедни вы..
Соррини (прерывает его)

И нынче приходить велел.
Слуга

О господин мой, как она жалка;
Я, слыша речь ее, расплакался.
Шесть, семь ребят в лохмотьях,
Лежащих на соломе без кусочка хлеба
Насущного. Как я воображал их крик:
«Мать! Дай нам хлеба, – хлеба.. мать! – дай хлеба!»
Признаться, сердце сжалось у меня.
Соррини

Молчи, молчи – не то и я заплачу!..
О боже мой, пошли благословенье
На бедную, забытую семью.
Услыши недостойного молитву.
(Слуге громко)

Дай пять серебряных монет – да от меня –
(Слуга смотрит на него. Соррини подходит и говорит тихо)

Ступай; дай ей одну!..
Слуга

Да сжальтесь!..
Соррини (топнув, громко)

Как? Много?
Добра не делаем мы никогда довольно..
(Слуга в смущении уходит.)

Алварец

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru
я удивляюсь вам, святой отец.
Соррини

Ах! Замолчите – я молю вас – слышать страшно...
я самый – самый бедный грешник.
Алварец (глядит в окно)

Вот и жена моя идет из церкви,
А с ней Эмилия с своими четками.
Соррини (в сторону)

Идет, прелестная! Пусть бережется; если
Заронит искру пламя в эту грудь,
Оледеневшую от лет... то не легко
Она избегнет рук моих – мне трудно
Носить поныне маску – и что ж делать?
Того уж требует мой сан. Ха! Ха! Ха! Ха!..
(Эмилия и донна Мария входят.)

Как счастлив я, что вижу наконец
Прелестную Марию – и тебя,
Невинную Эмилию. О! Алварец!
Не должен тот роптать на провиденье,
Кто обладает этими дарами неба,
Хотя бы крыши не было от солнца
Их защитить.
Алварец

Эмилия, поди сюда.
Я объявил отцу Сорринию,
что влюблена ты.
Эмилия (покраснев)

Батюшка!
Алварец

Молчи.
Отец святой тебя наставить хочет
В том, как вредна любовь, – а ты,
Ты слушай со вниманьем – чтоб ни слова
Не кинул он на воздух – сердце
Твое запутано; не знаешь ты,
Чего ты хочешь, – он тебе откроет
Опасность страшную любви.
Соррини

Да, если мне позволил ваш родитель,
То я готов неопытность ввести
На лучший путь. Там нет цветов,
Там терния, но цель, к которой мы
Приходим, веселит нас – а бывшее
Печально или весело, смотря по тем
Мгновениям, когда о нем воспоминаешь.
Итак, всего важнее последствие;
Коль к доброму концу деянья наши,
То способы всегда уж хороши,
Какие б ни были, – страшись Фернанда!
Он льстит тебе, обманет – или,
Положим, на тебе он женится –
Но это для того, чтоб быть богаче.
Алварец

Да этого не будет никогда;
Скорей все мертвые воскреснут.
Соррини

Не говорите этого – бывают
Такие случаи. Но вас, Эмилия,

Прошу бояться пламенной любви.
Быть может, притворяется Фернандо?
Послушайте, я расскажу вам случай,
Которому свидетель был в Мадриде,
При инквизиции святой.
У девушки одной любовник был,
Красивый, молодой и умный малый,
И, так сказать, на всё удалий.
И он красавицу мою любил,
И очень долго это продолжалось;
Как наконец заметила она,
Что, от нее без грусти удаляясь
Под разными предлогами, не стал
Он находить веселья в разговоре нежном,
Что к ней он вовсе охладил,
Что не дивился уж красе ее наряда,
И призывающего взгляда
Он понимать уж не умел.
Как женщине всё это не заметить,
Когда вся жизнь ее в том только состоит?..
Вот ревность в грудь ее, как червь, закралась
И долго сердце горькое точила..
Ну, просто, без обиняков скажу,
Она любимца отравила,
И он скончался в двое суток.
Но так как бедный сей испанец
Служил при инквизиции писцом,
То в дело все вошли по праву мщенья:
Преступницу наказывали долго,
Именье в пользу церкви обратив, –
И наконец замучили до смерти!
(Все содрогаются.)

Вот следствия любви!.. Страшись, Эмилия.
На мячик сердце в нас походит, положи
Ты на крутой горе его тихонько,
И он не тронется – но раз толкнув,
За ним хоть бросишься, но не догонишь.
Не так ли говорю я?
Алварец

Точно так.
Вы совершенно справедливо поступили
С несчастною преступницей! – как? Отравить
Служителя священной инквизиции?
Она мученья смерти заслужила.
Соррини

Нет! Я совсем не говорю сего.
(Кидая взор на Эмилию)

Я слишком жалостлив, – насильно
Меня заставили бумагу подписать;
Все члены у меня хладея трепетали,
И осуждал мой ум, что пальцы написали!..
Но такова судьба судей земных!
Все люди мы; и ослепленье страсти,
Безумное волнение души, должны мы
Прощать, когда мы излечить не в силах.
Донна Мария

Ах! Я и прежде так судила.
Алварец

И в самом деле правда это!
Соррини (радостно в сторону)

Они меня бояться!

Позволь тебя спросить мне, батюшка,
К чему всё это клонится.
Алварец

К тому,
Что не должна ты плакать и крушиться
Об том, что более Фернандо не увидишь, –
Он нагрубил мне нынче. И навеки
Его из дому я прогнал.
Не смей с ним видеться тихонько; иначе
Страшися оскорбленного отца...
Прощаю я твою любовь, как бы порок,
В котором ты исправилась. Надеюсь,
Что это будет так по крайней мере.
Соррини

Утешьтесь, нежная Эмилия!
Любовь пройдет, самим вам будет легче.
Эмилия (сквозь слезы)

Довольно и того, что сделали,
Но для чего смеяться надо мной?..
(Плачет.)

(Эмилия уходит, закрыв глаза платком. Все в изумлении.)

Соррини

Как резко вы сказали, Алварец!
Нечаянный удар вослед себе
Ведет раскаянье нередко.
Алварец

Э! Нужды нет, отец Соррини, –
Ведь надо было бы открыть;
А чем скорей, тем лучше...
Соррини

Не всегда.
Вы знаете ли: женщина – цветок,
Который, если вы его согнете вдруг, –
Изломится.
Донна Мария

Да не угодно ль вам
Позавтракать, отец Соррини.
Соррини

Благодарю, прекрасная Мария!
Земная пища часто не должна
Ласкать того, кто пищею духовной
Владеет. До свиданья! Донна, до свиданья!
И вы, почтенный друг мой, Алварец!
Желаю, чтоб небес благословенье
Сошло на дом ваш... и... чтоб ваша дочь
Утешилась скорей; я думаю,
Она и не замедлит. Ха! Ха! Ха! Прощайте!
(Уходит, низко кланяясь.)

Алварец

Когда еще нам сделать честь придет
Вам в голову, то, верьте мне,
Открыты будут ежедневно двери
Мои для вас... как сердце... (кланяясь) одолжите!
(Соррини, провожаемый до двери, уходит наконец.)

Ну, слава богу!.. Он такой смиренный,
Что и не знаешь, что сказать ему.
Боюсь таких людей, которые всегда
На языке своем имеют: да! И да!
Хоть сердятся они – не знаешь извиниться,
Затем, что с виду всем довольны.
Но с кем бранился я – с тем можно помириться!..
(Уходят все.)

Сцена II

(Ночь. Театр являет сад и балкон с левой стороны. На него выходит Эмилия. Балкон соединен ступенями с садом. Эмилия сидит.) (Месяц над деревьями.)

Эмилия

Всё тихо! – только это сердце беспокойно;
Неблагодарный! Я его просила,
Чтобы хоть для меня он удержался.
Ужели для меня не мог он? – вот мужчины!
Ужели мненье моего отца
Ему дороже, чем любовь моя?
Теперь уж некому меня утешить;
(Молчание.)

Уж эти мачехи! – презлбные творенья;
И этот иезуит! – ведь надобно ж
Мне окруженной быть таким народом!..
О! Если б мог прекрасный месяц озарить
Хотя последнее свиданье наше.
Фернандо разлюбил меня конечно,
А то бы он пришел проститься; я прощаю
Его горячность; но зачем нейдет
Он извиниться в этом предо мною..
Ему грозил отец мой; это правда!
Попробую сойти!
(Сходит с балкона.)

Там кто-то шевелится!
Как бьется сердце!.. Но чего бояться:
Ведь я одна.. а если кто-нибудь!..
Кто там?.. Тень шевелится на земле..
Ах! Боже мой!.. Куда уйду..
Слышен голос

Эмилия!..

Эмилия

Ах! Ах! Святой Доминго, помоги! [17]
Злой дух ко мне идет.
(В страхе не знает, что делать.)

Фернандо (выходит в черном плаще)

Эмилия!..

Мой голос страшен для тебя.. ты испугалась!..
Эмилия

Нет! Нет!.. Ах, сядем! я дрожу!..
Фернандо (берет ее за руку)

Ты права!
Но отчего я испугал тебя так сильно?..
(Они садятся на скамью.)

Эмилия

Ну что ж ты скажешь?

Я пришел проститься!..
Проститься! – в первый раз такое слово
Должно меня печалить... знаешь ли,
Я думаю, что был бы счастливей,
Когда бы не с кем было мне проститься...
Ты будешь плакать – мне двойная мука...
Эмилия

Сам виноват! Ведь я тебя просила...
Ты не хотел. Кто ж виноват? Кто ж виноват?
Фернандо

Нет, я не мог, клянуся небом!
Ты знала нрав мой – для чего писала?..
Но всё уж кончилось – не укоряй меня...
Не укоряй; признаться виноватым
Мне было б тяжело – ты это знаешь!..
Что сделано – то сделано...
Эмилия

Где будешь
Ты жить теперь, Фернандо?..
Фернандо

Где! Где жить?
Ты мне напомнила ужасное!..
Зачем такой вопрос?.. Ты знала,
Что не имею я ни друга, ни родни,
Ни места в целом королевстве, где б
Я мог найти приют. Последний нищий
Имеет то, чего я не имею:
Он равнодушно и спокойно просит хлеба.
Вообрази: лишь ты одна на свете
Сказала мне: люблю – тебе одной
Я поверял все мысли, все желанья;
Ты для меня: родня, друзья – ты всё мне!..
Гордился этим!.. Так, Эмилия:
Мы созданы небесным друг для друга;
Ты – всё для сердца этого – и бог
Не так жесток, чтоб всё отнять
У человека!
(Молчание.)

Эмилия

Знаешь, говорят, не должно
С мужчиной девушке сидеть в полночь...
Фернандо

Со мной сидеть не бойся никогда.
Эмилия (кидается ему на шею)

О! Милый! – как мне грустно! Будто
Свинец в груди наместо сердца...
Как вспомню, что в последний раз тебя
Здесь вижу, – слезы остановятся, дыханье
Редает... то боюсь, чтоб не пришел отец мой,
То – чтобы час прощанья не пришел...
Ко мне ужасные теснятся мысли;
Вчера я видела во сне, что ты
Меня хотел зарезать.
Фернандо (мрачно и быстро)

Перестань.
Взгляни на тихую луну! О, как прекрасна!
И облачка вокруг нее! – луна,

Луна! – как много в этом звуке чувств –
что будет, что теперь и что прошло, всё в нем
Соединяется – и что прошло!
И кто б подумать мог, что та ж луна,
которая была немой свидетель
Минуты первой... у ручья... в горах, – ты помнишь, –
что та ж луна свидетель будет
Разлуки, нежная Эмилия!..
Взгляни опять: подобная Армиде, [18]
Под дымкою сребристой мглы ночной
Она идет в волшебный замок свой.
Вокруг нее и следом тучки
Теснятся, будто рыцари-вожди,
Горящие любовью; и когда
Чело их обращается к прекрасной,
Оно блестит, когда же отвернут
К соперникам, то ревность и досада
Его нахмурят тотчас – посмотри,
Как шлемы их чернеются, как перья
Колеблются на шлемах, – помнишь –
В тот вечер всё так было – кроме
Судьбы Фернандо – небо и земля
Всё те же – только люди! – если б ты
Не причислялась к ним, то я б их проклял..
Эмилия

Да разве ты не человек же?
Фернандо

О! я себя бы вместе с ними проклял!..
Эмилия

За что это?
Фернандо

За то, что не могу
Я видеть хладнокровно, как они
Стараются друг другу делать зло,
С притворной добротой, когда совсем
Не просят их, – за то, что не могу
Я видеть общего стремленья к ничему,
Или для золота разбитые сердца!..
За то... Эмилия... о! я злодей –
я мог бы сделать счастливой тебя,
Стараться, чтобы ты меня забыла..
Но как взгляну на будущность... на жизнь,
Бесцветную, с прошедшим ядовитым..
Тогда... Эмилия... тогда я жертвовать
Готов твоим блаженством, чтоб иметь
Близ этой груди существо такое,
которое понять меня б могло!
Желаю, чтобы вечно час такой
Не приходил... Но! – не люби меня..
Ты видишь нрав мой – позабудь меня..
Забудешь ли?
Эмилия

что если б я сказала: да?
Не говори в другой раз то, чего не мыслишь..
Фернандо

Мой ангел, ангел... ты понять не можешь, как
любовь твоя меня терзает.
(Фернандо обнимает ее, и она – его.)

О, если счастье неба будет
Иметь так много горечи, как этот
Единый поцелуй, то я бы отказался

От рая добровольно. Ах! Эмилия!
Ступай ты лучше в монастырь,
Ступай в обитель – скрой себя от света,
Умри!.. Предвижу много страшного!
О, если б никогда ее не знал я!
(Звон.)

Полночь!... прости!.. Но что за шорох...
(Молчанье.)

Мы пропали!
Я позабыл калитку затворить...
Беги!.. Беги!..
Эмилия

Спаси нас, царь небесный!
(Уходит на балкон и скрывается.)

Фернандо (вынимает шпагу)

Кто там! Заплатишь дорого
За это любопытство мне!
(Ударяет по кусту, вскрикнув, выползает жид седой и бросается на колени.)

Моисей

Помилуй...
Яви, что жалость у испанца есть.
Фернандо

Вздор, вздор... ты слышал – и умрешь.
Признайся, ты подослан.
(Шпагу подставляет к горлу.)

Моисей (на коленях)

Нет.
Фернандо

Ты лжешь...
Моисей

Страшись убить напрасно старика;
(кидается в ноги, обнимает колени)

Спаси меня... у нас ведь бог один...
Меня преследуют... быть может, твой
Отец в живых... я сам отец... о, для него –
Спаси меня от инквизиции...
Возьми именья половину... но зачем
Ругаться попусту над седидами –
Тебе заплотит бог твой... у меня
Есть дочь, что будет с нею, если ты
Меня не пощадишь... что будет с нею...
О! Сжался, сжался!
Фернандо

У тебя есть дочь!..
А я хотел?.. О... нет! Довольно в свете
Сирот и без нее... возьми
(кидает ему, не глядя, плащ и шляпу)

надень!..
Иди за мной – ни слова... или смерть!..
Ни слова – я хочу тебя спасти!..
Моисей

Как!.. Как!..

Клянусь Иерусалимом,
что он не христианин... это верно.
(Надевает плащ и шляпу.)

Фернандо

Собака! что сказал ты... что сказал ты?..
Не смей закон мой поносить при мне..
Пойдем.
(Являются издали факелы и люди с другой стороны.)

Моисей (тихо про себя)

Но если он меня предаст,
Но если он..
Фернандо

Ты видишь факелы! Пойдем.
Действие второе
Сцена I

(В доме Соррини, комната, где он угощает бродяг, чтоб они ему служили. Несколько испанцев сидят за двумя столами, кричат, смеются и пьют.) (Слуги разносят вина.)

1-й испанец (бродяга)

Да, если инквизиция святая
На тот конец учреждена была,
чтоб нас кормить, то дай бог ей здоровья..
Соррини, впрочем, очень добрый малый,
Хотя ханжит немного, – но с летами,
когда придет пора рассудка, можно
Надеяться на исправленье.
2-й испанец

Ты, конечно,
Ослеп и белое за черное берешь,
как все слепые... ха! Ха! Ха!.. Не так ли?
(Пьет.)

1-й испанец

Могу заверить вас, друзья мои,
что молод патер наш. Не телом, так душой.
Как любят женщины его поныне,
и как он сам их любит, вопреки закону!
3-й испанец

Он женщинами столько же любим,
как нами!..
1-й испанец

Разве ты его не любишь?
3-й испанец

Ну да! когда накормит хорошо.
Но, ergo, [19] эта нежная любовь
проходит с голодом и с жаждой!..
4-й испанец

А я готов побиться об заклад,
что наш Соррини плутни затевает
опять. уж эти угощенья не к добру.
Так, – помнишь ли: ему хотелось,
чтоб мы зарезали дон Педро
и дом его сожгли?.. уж то-то пиршество
он задал нам, – или в другой раз,

Пред тем, чтоб нам велеть похитить для него
Красавицу бургосскую, от тетки.
Вот дьявольское было дело! – positum:[20]
Теперь он также затевает плутни!..
1-й испанец

Эх! что нам в том! Ведь надо ж есть и пить, притом же
Он наш заступник в инквизиции.
3-й испанец

Однако же не худо бы ему
Своим гаремом поделиться с нами;
Не то все гурии[21] завянут – или
Им будет слишком тесно наконец.
5-й испанец (за другим столом)

Вина!
(кричит.)

Слуга

Сейчас... в минуту...
5-й испанец

К черту ждаться! Вина!
Будь проклят ты с своим Сорринием!..
Слуга (подает стакан)

Вот вам вино.
5-й испанец

Прегадкое, с водой.
Поди ты к черту с ним – ракалия!.. [22]
(Бросает стакан на пол и обливает 2-го испанца.)

2-й испанец (горячо)

Послушай! – будь вперед поосторожней!
За это бьют у нас.
5-й испанец (вскочив)

Чего ты хочешь, ты?
2-й испанец

Я говорю, чтоб ты вперед остерегался!..
Не то...
(схватывает стул)

Я стулом рассчитаюсь!..
5-й испанец

Клянуся честью, ты в живых не будешь.
Я вырву твой язык... и псам
Голодным на обед отдам!..
(Вынимает кинжал.)

Уж я тебя достану...
(Бросается на него.)

3-й испанец

Погодите.
(Другие удерживают их.)

Оставь кинжал, а ты свой стул и станьте,
Как должно в поединке, – шпаги выньте,
А секундантов будет уж довольно.

Вот так... начните,
(начинают)

хладнокровней только..
А ты уж слишком близко наступаешь..
Зачем так горячишься ты?..
2-й испанец (перестав)

Я тронул.
5-й испанец

Нет!..
1-й испанец

Смотрите, чтоб при первой крови кончить.
5-й испанец (нападая)

Он жизнью мне своей заплотит.
1-й испанец (четвертому)

Хоть взбалмошный, зато и храбрый малый!..
(2-й испанец отступает, тот на него нападает, и вдруг ранен в плечо, их
разнимают.)

3-й испанец

Товарищи, довольно – помиритесь!..
4-й испанец

Конечно; мир за бранью следует всегда.
5-й испанец

Пожалуй, я готов... твоя победа.
2-й испанец

Итак, мы вновь друзья.
5-й испанец

Но знаешь ли,
Когда б они меня не удержали,
То я сдержал бы обещанье,
И верно б твой язык собаки съели!
(Входит Соррини, они все низко ему кланяются.)

Соррини

Какой я слышал шум!
5-й испанец

Да! Мы немножко
Повздорили, почтенный патер, но
Всё кончилось примиреньем... (к другим) так ли?
Соррини

А я пришел вам дать препорученье:
Столь важного давно не исполняли вы!..
Вопрос: вы знаете ли Алвареца?
Все

Знаем!
Соррини

Есть у него жена.
Все

жену?
Соррини

Нет! Нет!.. Не то!..
Я к ней подделаться хочу, чтобы она
Не помешала вам похитить дочку,
Она на это, верно, согласится,
Затем, что если дочери не будет,
То ей именье всё достанется
По смерти мужа... а его кончины час
Она приблизит уж по-своему.
Но дело не о том теперь.
У Алвареца есть премиленькая дочь,
И я... но вы уж знаете! Зачем
Старинные уроки повторять?
Она понравилась мне ужасно... я горю
Любовью к ней!.. Готов я всю казну
Мою отдать вам... только б вы
Эмилию мне привезли! – что только можно,
Яд, страх, огонь, мольбу, употребите,
Убейте мачеху, служителей, отца,
Лишь мне испанку привезите...
И всё, всё тайно доведите
До этого счастливого конца.
Тогда – друзья мои... вы не видали
Такого пиршества... какое будет.
Но слушайте! – я вверил тайну вам –
Страшиться изменить – о! Если
Хоть искра заговора выскочит...
То всех под инквизицию отдам.
3-й испанец

Я знаю Алвареца, дочь его
И мачеху... но есть еще Фернандо,
Который в доме их воспитан...
Он молодец... я видел, как в арене
Пред ним ужасный буйвол упал.
Его ты не подкупишь... и не так-то
Легко с ним будет справиться.
4-й испанец

Конечно!
Да он же и влюблен в Эмилию...
Соррини (вспоминая)

Фернандо! – кто такое! Да!.. Фернандо!..
Знакомо это имя что-то мне!
А!.. Вот судьба!.. Он выгнан из дому
Два дня тому назад безмозглым Алварецом
За вздор какой-то!.. Нечего бояться!..
Но... правда... может он узнать... предостеречь...
Ну, если эта буйная душа
Испортит дело всё... нет!.. Прежде
Убейте мне его... найдите... справьтесь...
Как вам тогда придет на ум...
Потом Эмилию похитить можно...
Клянусь... я выдумал прекрасно!..
Все (кричат)

Пожалуй!.. Как ты хочешь, патер.
Соррини

Прощайте! Я надеюсь на вашу скромность.
(Половина уходят.)

(Про себя)

Когда ты хочешь непременно,

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru
чтоб что-нибудь не сделали иль сделали,
То говори, что ты уверен в людях;
И самолюбие заставит их
Исполнить трудное твое желанье.
(Остальная половина уходит. Соррини садится в кресла.)

Что значит золото? – оно важней людей,
Через него мы можем оправдать
И обвинить, – через него мы можем,
Купивши индульгенцию, [23]
Грешить без всяких дальних опасений
И несмотря на то попасть и в рай.
И вот последний год мой уж настал.
Однако ж не уйдет Эмилия
Из рук моих. Я отомщу ей
За смех вчерашний – о, поверь мне,
Надменная красавица, ты будешь
Стоять передо мною на коленях
И плакать и молить... тогда меня узнаешь...
Не засмеешься ты, когда скажу,
Что и старик любить умеет сильно;
И в том признаешься невольно ты...
Любить! – смешно, как это слово
Употребляю я с самим собою,
Но я ей отомщу за гордый смех.
Хотя б она была моей последней жертвой –
Последней?... будто нету денег у меня,
Чтобы купить еще на десять лет
И больше отпущение грехов!
Грехов! Ха! Ха! Ха! Ха! – на что оно годится
Для тех, которые ему душой не верят?
А я и без него умею обойтись.
(Входят с радостью толпой испанцы и ведут певца с гитарой.)

Испанцы

Вот мы певца пымали на дороге,
Не хочешь ли послушать, он споет
Про старину, про гордых наших предков;
Не хочешь ли, почтенный патер?
Соррини (поглядывая на певца)

Благодарю я вас, друзья мои. Нейдет
Мне быть свидетелем мирских веселий
И юности пиров гремящих.
Сединам этим преклоняться должно в прахе
Перед распятым, а не украшаться
Венками радости. Не петь я должен, но
Рыдать, моляся за грехи свои
И ваши – ибо стадо с пастырем: едино!..
(Уходит нагнувшись.)

5-й испанец (в сторону)

Что ж! Без тебя так нам еще вольнее.
3-й испанец

Признаться, я не верю, чтоб у нас
У каждого одни грехи с ним были.
Мы делаем злодейства, чтобы жить,
А он живет – чтобы злодейства делать!..
Певец

Что ж мне вам спеть, ей-богу, я не знаю!..
2-й испанец

Ну полно, брат. Садись и начинай играть,
А песни выльются невольно.

Люблю я песни, в них так живо
являются душе младенческие дни.
О прошлом говорят красноречиво
и слезы на глаза влекут они;
Как будто в них мы можем слезы возвратить,
которые должны мы были проглотить;
Пусть слезы те в груди окаменели,
но их один разводит звук,
Напомним дни, когда мы пели
без горькой памяти, без ожиданья мук.
3-й испанец

Ха! Ха! Ха! Ха! Разнежился опять...
Опять понес ты вздор давнишний,
Опять воспоминанья, черт бы с ними...
5-й испанец

Баба!..
4-й испанец (показывает на певца)

Тс, тс.
1-й испанец

Он начинает!.. Слушать!..
Баллада
Гвадьяна бежит по цветущим полям, [24]
в ней блещут вершины церквей;
но в прежние годы неверные там
купали своих лошадей.
на том берегу, поклянусь, что не лгу,
хранимый рукой христиан,
с чалмой и крестом, над чугунным столбом,
стоит превысокий курган. [25]
недалеко отсюда обитель была.
монахи веселой толпой,
когда наступила вечерняя мгла,
за пир садились ночной.
вот чаши гремят, и поют, и кричат,
и дверь отворяется вдруг:
взошел сарацин, [26] безоружен, один –
и смутился пирующий круг.
неверный, склоняся челом, говорит:
«я желаю проститься с чалмой,
крестите меня, как закон ваш велит!
клянуся восточной луной:
не ложь, не обман, из далеких стран
привели меня к вашим стенам.
я узнал ваш закон, мне понравился он:
я жизнь свою богу отдам!»
но монахи его окружили толпой
и в сердце вонзили кинжал.
и с золотом сняли алмаз дорогой,
который на шее сиял.
и ругались над ним, со смехом пустым,
пока день не взошел молодой.
и кровавый труп на прибрежный уступ
был брошен злодейской рукой.
не прошло трех ночей, как высокий курган
воздвигся с крестом и чалмой,
и под ним тот пришлец из восточных стран
зарыт – но не силой земной!
и с тех пор каждый год, только месяц взойдет,
в обитель приходит мертвец
и монахам кричит (так молва говорит),
чтоб крестили его наконец!..
(многие хлопают в ладоши.)

1-й испанец

Прекрасно! Очень хорошо.
Все испанцы

Благодарим.
Не хочешь ли вина, искусный трубадур?[27]
(Ему подадут, и он пьет.)

Певец

За здравье папы!.. А потом за ваше!
3-й испанец

Товарищи, пойдете же теперь
Искать свою любезную добычу...
Пойдете, с помощью святого Доминика!
Нам бог простит!.. Ведь надо людям жить!..
(Уходят все с громким хохотом.)

Сцена II

(Комната у жида, богатые ковры везде и сундуки. Тут стоит на столбике лампа горящая. В глубине сцены две жидовки нижут жемчуг. Всё богато. Ноэми входит и садится у стола облокотившись.)

Ноэми

Нет! – не могу работой заниматься!
Шитво в глазах сливается, и пальцы
Дрожат, как будто бы иголка тяготит их!
Молиться я хотела – то же всё!
Начну лишь... а слова мешаются;
То холод пробежит по телу вдруг,
То жар в лицо ударится порой,
И сердцу так неловко, так неловко!..
И занимает всё воображенье
Прекрасный образ незнакомца,
Который моего отца избавил
От гибели вчера. Дай бог ему всё счастье,
Отнятое у нас несправедливо.
Как будто бы евреи уж не люди!
Наш род древней испанского – и их
Пророк рожден в Ерусалиме!
Смешно! Они хотят, чтоб мы
Их приняли закон, – но для чего?
Чтоб в гибель повергать друг друга, как они?
Они так превозносят кротость,
Любовь к себе подобным, милость –
И говорят, что в этом их закон!
Но этого пока мы не видали.
(Молчание.)

Однако ж есть и между ними люди!
Вот, например, вчерашний незнакомец.
Кто б ожидал? – как жалко, что его
Я не увижу, – но отец мой
Его так живо описал, так живо!..
Высокий стан и благородный вид,
И кудри черные как смоль, и быстрый взор,
И голос... но зачем об нем я мыслю?..
Что пользы!.. Ах! Какой же я ребенок! –
(Молчание.)

Мне скучно! – вся душа расстроена,
И для меня суббота поневоле
Сегодня!.. Сердце бьется, бьется,
Как птичка, пойманная в сетке!
Зачем нейдет отец мой? Он опять
Злодеям в руки попадетс...

Как скучно быть одной весь день;
Всё песнь одна; низать и распускать свой жемчуг,
Читать и перечитывать, одеться
В парчу и вновь раздеться, есть и пить
И спать... однако ж эту ночь
Мой сон был занимателен и страшен!
(Молчание.)

Что пользы?
(Кличет)

Няня! Сара! Сара!
Поди ко мне! Поди сюда! Ну что же!..
Сара (старуха идет)

Что, милая Ноэми, что тебе?
Иль жемчуг распустила – но ведь я
Стара – мои глаза всю бойкость потеряли;
Тебе вредит неосторожность,
А мне так невозможность! Так ли?
Ноэми

Нет, Сара! Жемчуг я оставила низать.
Сара

Что! Аль не нравится? Вот я
В свои года не тем была довольна!
А этой молодежи нынешней
Всё дурно! – что ж меня звала ты?
Ноэми

Так!
Мне скучно!.. я больна!
Сара

Больна? Ах, боже мой.
Так я пошлю скорее за врачом..
Есть у меня знакомый, преискусный!..
Ноэми

Не надо... я не то чтобы больна!
А... так! Не в духе!.. Всё нейдет на лад,
Что ни начну!.. Мне хочется того, чего
Сама определить не в силах я!..
Мне грустно! – расскажи мне сказку
Про старину! – садись и расскажи!..
Сара

Дай мне припомнить, милое дитя,
Вот видишь!.. Память-то слаба,
Я столько слышала, видала, испытала,
Что из толпы моих воспоминаний
Навряд одно вполне перескажу!..
Ноэми

Я видела сегодняшнюю ночь
Ужасный сон! Ужасный!.. Растолкуй мне;
Мне снилось, что приходит человек,
Обрызганный весь кровью, говоря,
Что он мой брат... но я не испугалась
И стала омывать потоки крови,
И увидала рану против сердца
Глубокую... и он сказал мне:
«Смотри! Я брат твой»... но, клянусь,
В тот миг он был мне больше брата;
И я заплакала, и стала умолять
Я бога, чтобы жизнь его продлил;
Но этот человек захохотал

И вдруг воскликнул: «Перестань молиться!
я брат твой! ныне братьев ненавидят!..
Оставь меня, прекрасная еврейка:
я христианин – и не брат твой;
я над тобой хотел лишь посмеяться!»
И он спешил уйти... и я схватила
Его широкий плащ... но что ж? – в руках
Остался погребальный саван! – я проснулась...
Сара

Он братом называл себя твоим?
Нозми

Но это вздор! – я не имела брата!
И никогда иметь не буду!..
Сара

О! Нозми!
Не говори!.. Случиться это может!..
Нозми

Как может!.. Как? Нет, это невозможно!
Сара

Послушай! – у тебя был брат.
Он старше был тебя... судьбою чудной,
Бежа от инквизиции, отец твой
С покойной матерью его оставили
На месте том, где ночевали;
Страх помешал им вспомнить это...
Быть может, думали они, что я
Его держала на руках... с тех пор
Его мы почитали все умершим
И для того тебе об нем не говорили!
А может быть, он жив – как знать!
Ведь божья воля неисповедима!
Нозми

Ах, Сара! Сара! Нет, он умер!..
Увял он, как трава пустыни, и, как цвет
Полей, засохнул!.. Так, он был рожден для жизни,
Он был рожден, чтоб быть мне другом, –
О Сара! Если умер он – как счастлив,
И как должна я плакать об себе!
Гонимый всеми, всеми презираем,
Наш род скитается по свету: родина,
Спокойствие, жилище наше – всё не наше.
Но час придет, когда и мы восстанем!..
Так говорит писанье, так я верю –
Зачем и нет? – что сделал мой отец
Сим кровожадным христианам? Деньги
Имеет он и дочь – вот всё его богатство;
И если б он уверен был найти
Отчизну и спокойствие, то верно б
Свои все деньги отдал людям,
Которые его поныне притесняли, –
Однако ж и меж них есть добрые.
Сара

Да, да вот тот испанец молодой,
Который спас наместни Моисея!
Родитель твой хотел вознаградить
Его звенящим кошельком – но он
Его ногами истоптал, сказав:
«Собака! Жизнь твоя сего не стоит!
Я не наемник твой». Прости ему всевышний
Подобные хулы за то,
Что спасон одного из гибнущих сынов

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru
Израиля!..
Нозми

Прости ему всевышний!..
Сара (подходит к окну)

Какая ночь! В такую точно ночь
Я стала жертвою любви! Иосиф мой!
О, если б ты меня теперь увидел,
Ты испугался бы; в то время я цвела,
Мои глаза блистали, как алмазы,
И щеки были нежны, точно пух!..
Увы! Нозми, кто б тогда подумал,
Что этот лоб морщины исчертят,
Что эти косы поседеют? – то-то время!..
Нозми

Что мой отец нейдет!..
Сара

Чу! Вот сова кричит – ужасный крик!
Я не люблю его! – во мне все жилы
Кровь оставляет при подобном крике!..
(Стучат в дверь.)

Ах! Верно, твой отец пришел!.. Ну ж поздно!..
Голос

Скорее отоприте! Отоприте!
(Служанки, сидевшие за шитьем, бросаются и отпирают, входит Моисей, ведет
Фернандо с перевязанной рукой, сей едва идет.)

Моисей

Нозми! Сара! Помогите, помогите!..
Измучен я усталостью.. и страхом.
Он истекает кровью.. о! Проклятье
Злодеям!.. Дайте кресло и подушки;
Он истекает кровью!..
(Дают длинную подушку и кладут на пол, его сажают и поддерживают голову
ослабевшую.)

Будь Авраам свидетель, [28] эта ночь
Ужасней той, когда я сына потерял;
Тому я дал существованье,
А этот возвратил мне жизнь!..
О бог, бог иудеев, сохрани
Его, хоть он не из твоих сынов!..
Фернандо

Кто здесь моих убийц так проклинал?
Зачем? Они хотели сделать мне добро,
Освободить от мук! Так земляки мои
Всегда добро друг другу делают!
О, перестаньте –
(как от сна)

где я? Кто со мной?
(Поднимает голову.)

Благодарю того, кто спас меня, – но кто он?..
Моисей

Ты спас его недавно сам:
Он здесь перед тобой, еврей, гонимый
Твоим народом, – но ты спас меня,
И я тебе обязан заплатить,

Хоть я в твоей отчизне презираем.
Так, дочь моя, вот мой спаситель!..
Ноэми (становится на колени и целует руку)

Еврейка у тебя целует руку,
Испанец!..
(Она остается на коленях и держит руку.)

Фернандо (Моисею)

Что сказал ты, иноверный!
Отчизна! Родина! – слова пустые для меня,
Затем, что я не ведаю цены их;
Отечеством зовется край, где наши
Родные, дом наш и друзья;
Но у меня под небесами
Нет ни родных, ни дома, ни друзей!..
Ноэми

Когда ты не нашел себе друзей
Меж христиан, то между нас найдешь;
Ты добр, испанец, – небо справедливо!..
Фернандо

Я был добр!..
Моисей (стоя над ним)

Кровь течет из раны;
Перевяжите – как он побледнел.
Фернандо

У волка есть берлога, и гнездо у птицы –
Есть у жида пристанище;
И я имел одно – могилу!..
Чудовище! Зачем ты отнял у меня
Могилу!.. Все старанья ваши – зло!
Спасти от смерти человека для того,
Чтоб сделать зло! – безумцы;
Прочь!.. Пусть течет свободно кровь моя,
Пусть веселит... о! Жалко! Нет монаха здесь!..
Одни евреи бедные – что нужды?
Они всё люди же – а кровь
Приятна людям! – прочь!
(Срывает перевязи.)

Ноэми

Отец мой!
(В отчаянье)

Он сорвал перевязку! – он умрет.
(Все бросаются опять навязать.)

Сара

О! Как он ослабел, несчастный..
Какая бледность покрывает щеки:
Как жалко!..
Фернандо

Дайте пить мне, я горю;
Язык засох... скорее, ради бога!
(Сара уходит за питьем.)

Ноэми

Испанец, успокойся! Успокойся!

Ты был несчастлив, это видно,
Хоть молод. Я слыхала прежде,
Что если мы страдальцу говорим,
Что он несчастлив, то снимаем тягость
С его души!.. Ах! Как бы я желала,
Чтобы ты стал здоров и весел!..
Фернандо

И весел!.. (Стонет.)
Ноэми

Я прошу тебя: подумай,
Что я твоя сестра, что тот еврей – отец твой.
И воображение тебя утешит:
Оно дано нам, людям, для того,
Испанец!
Фернандо

Девушка! Ты дочь его!
Ноэми

Ты отгадал, ты спас отца мне!
И он тебя спасет. Я заклинаю
Тебя твоим законом, перестань
Тревожиться печальной думой:
Она вредит здоровью твоему,
Разгорячает кровь.
(Сара приносит стакан.)

На, выпей!
Фернандо

Благодарю! Твои слова напитка лучше!..
Когда о мне жалеет женщина,
Я чувствую двойное облегченье! –
Послушай: что я сделал этим людям,
Которые меня убить хотели?
Что не разбойники они, то это верно.
Они с меня не сняли ничего
И бросили в крови вблизи дороги..
О, это всё коварство!.. Я предвижу,
Что это лишь начало... а конец!..
Конец... (вздрагивает) что вздрогнул я? –
что б ни было,
Я уступлю скорей судьбе, чем людям..
Оставь меня покуда!
(Она встает и отходит; но издали всё на него смотрит.)

Сара (подходит к Моисею)

Скажи, молю тебя, как ты его нашел?
Я это всё за сон принять готова!..
Моисей

Пошел к раввину я: он был мне должен;
Он задержал меня часа с четыре,
Хоть против воли; ночь уже была
Темна, и я, в сапог засунув
Свой кошелек, боясь воров, пошел
Домой. Луна вставала, над болотом
И между гор густой туман дымился;
Иду я, недалеко уж отсюда,
Густым леском, – и слышу звук шагов!..
Все жилки задрожали у меня,
И я невольно бросился за куст:
Сижу – дрожу – передо мной была поляна
И месяц ударял в нее лучами;
Шесть человек стояли на поляне,

И слышу: «Этой самую дорогой
Иди он должен ныне... ну ж не знаю,
Как он кинжалы наши выдержит.
Мне жалко бы его убить до смерти,
Он малый славный и к тому ж бедняк!
Да делать нечего, когда велел нам патер
Его отправить в дальнюю дорогу!..»
Едва окончена была такая речь,
Как вдруг я слышу крик и звук кинжалов;
Он долго защищался, наконец
Упал, и все они в минуту разбежались,
Как будто мертвый был страшней живого!..
Когда утихло всё, я вышел посмотреть,
кто был несчастной жертвою злодейства,
И что ж? Мой благодетель, мой спаситель! –
я различил черты его при свете
Луны... он ранен был легко;
Но, странно, не узнал меня,
и будто по природному влеченью
Встал... я понес его... он всё шептал,
Но я не понял слов... потоки крови
Бежали на меня... так я принес
Несчастливого сюда!.. Бог сделал это чудо!..
Сара

И точно, это чудо, Моисей!..
Нозми (которая в то время опять села у ног Фернандо)

что? Утихает боль твоя или нет?..
Фернандо

Дай руку мне! О нежное создание,
Как обо мне она печется...
Моисей (Сара)

Поди постель ему ты приготовь,
я тотчас сам приду туда...
Сара

Да как
Его зовут, кто он таков, нельзя ли узнать?
(Уходит.)

Моисей (подходит)

Позволь, одно я у тебя спрошу:
Кто ты и как тебя зовут?
Фернандо

Когда я жизнь свою подвергнул для твоей,
То спрашивал ли: как тебя зовут?..
(Молчание.)

Меня зовут Фернандо!
Вот всё, что я могу сказать, другое
Пусть спит в груди моей, как прах твоих отцов
В земле сырой!.. Я не скажу моих отцов.
Я ни отца, ни матери не знаю!..
Но полно: я прошу, не спрашивай меня
Вторично об таких вещах!..
Ты этим ни отца, ни матери не дашь мне!
Нозми

я буду для тебя сестрой.
Фернандо

Ты для меня сестрой не будешь!
Нозми

Зачем же отвергать так своенравно
Того, кому ты можешь вверить горесть
Души твоей, – ужель различье веры?
Ужели хочешь ты, чтоб я
Раскаялася в том, что иудейка!..
Фернандо

Бог сохрани меня от этой мысли –
Ты цвет пустыни, ты дитя свободы:
Без правил любишь ты, – испанцы только
Без правил ненавидят ближних!..
У них и рай и ад, всё на весах,
И деньги сей земли владеют счастьем неба.
И люди заставляют демонов краснеть
Коварством и любовью к злу!..
У них отец торгует дочерьми,
Жена торгует мужем и собою,
Король народом, а народ свободой;
У них, чтоб угодить вельможе или
Монаху, можно человека
Невинного предать кровавой пытке!
И сжечь за слово на костре, и под окном
Оставить с голоду погибнуть, для того,
что нет креста на шее бедняка,
Есть дело добродетели великой!
О боже, сохрани меня от мысли,
что ты должна принять их предрассудки;
Но между них одно есть существо,
Но между демонов один есть ангел
Души моей... но замолчу об этом...
Нозми

Ты горячишься, это увеличит
Твое страданье с болью ран твоих;
Не хочешь ли чего-нибудь?.. Усни...
Вот мой отец придет: он приготовил
Постель твою; всю ночь я просижу
Вблизи тебя... чего ни пожелаешь ты,
Мы всё достанем, только будь спокоен;
Иль кровь опять начнет течи из ран.
Фернандо (в сторону)

Эмилия далеко от меня;
О, если б эта милая еврейка
Была Эмилия!.. Как скоро бы все раны
Закрылись, кроме одной;
Но рана эта так приятна сердцу!..
Эмилия! Эмилия!.. Быть может,
Умру я здесь, далеко от тебя;
И ты моей могилы не найдешь;
И от последней от тебя я буду
забыт!.. Забыт!..
Моисей

Усни! Постель уже готова...
Эй! Сара! Помоги поднять его.
(Две еврейки, слуга еврей, Сара и Моисей поднимают слабого Фернандо и уводят.
Нозми одна остается.)

Нозми

Проникло сожаленье в грудь мою;
Так вот кого я так желала видеть,
Не ведая желанию причины!..
Нет, нет, я не спасителя отца
Хотела видеть в нем;
Испанец молодой, с осанкой гордой,

Как тополь стройный, с черными глазами,
С такими ж черными кудрями,
Являлся воображенью моему,
И мною овладел непостижимой силой,
И завладел моим девичьим сном;
Отец мой так его подробно описал.
(Молчание.)

О, как судьба людьми играет!..
Кто б отгадал, что этот человек,
Недавно спасший моего отца,
Сегодня будет здесь, у нас, облитый
Своею неповинной кровью,
Измученный, едва не мертвый?
Мне кажется, я чувствую любовь
К нему – не сожаленье, а любовь!
Как это слово звучно в первый раз!..
Когда он говорит, то сердце у меня
Трепещет; точно как боится,
Чтоб сердце юноши не перестало биться;
Когда ж произношу его название,
Хотя бы в мыслях только я сказала:
Фернандо!.. То краснею, будто бы
Самой себя стыжусь или боюсь!..
Чего стыдиться, я не понимаю,
Любви! – все любят – что же тут худого;
Так точно – ничего худого нет в любви;
К чему же совесть тут мешается
И будто сердце предостерегает?..
Но как же слушаться ее?..
Как не любить! – ах! Без любви так скучно;
И даже думать не о чем! – о боже!
Храни его! Храни обоих нас:
Прости любовь мою!.. Я не могу иначе!..
(Она стоит в задумчивости.)

Действие третье

Сцена I

(В доме Алвареца. Спальня донны Марии. Большое зеркало, стол и стулья.) (Алварец в креслах. Мария перед зеркалом надевает что-то на голову.)

Алварец

Желал бы я узнать, зачем сюда
Эмилия здороваться нейдет;
Уж верно плачет о своем любезном
Иль с цитрою мечтает на балконе. [29]
Вот дочери! От них забот гора,
А нет ни утешенья, ни добра.
Донна Мария (оборачиваясь)

Как думаешь, любезный мой супруг,
Идет ли мне вот это ожерелье
И можно ли так показаться в люди?
Оно не дурно!..
Алварец

Всё к тебе идет.
И если б ты явилась мне теперь
В измаранном и самом гадком платье,
То, я клянусь мечом отцовским,
Любил бы я тебя как прежде
И столько же прекрасна ты б казалась
Моим глазам.
Донна Мария

Неужли? Ах, мой милый!..
(В сторону)

Он думает, что только для него
Я одеваюсь, как прилично мне.
Возможно ль быть самолюбиву так,
Возможно ль быть так глупу – как мужа?..
Да странно, что так много требуют от нас;
Ужель мы созданы блистать красой своею
Для одного лишь в свете?
Алварец

Говорил я
Тебе уж о намеренье своем
Иль нет?..
Донна Мария

А что такое?
Алварец

Слушай:
Хочу я замуж выдать дочь свою;
Боюсь, чтоб не ушла она с Фернандо,
Жених готов: богат он и умен..
Донна Мария

Ах, милый друг, не рано ли?
Нет, погоди – она так молода.
Алварец

Да слушай: ведь жених-то редкий;
Он храбр, в честях, любезен и богат..
Донна Мария

Да хочет ли он сам жениться?
Алварец

Я покажу тебе письмо его,
Оно вот в этом ящике лежало.
(Хочет отпереть ящик у стола. Мария смущенная подходит. Он дергает.)

Да что ж? – он заперт у тебя – дай ключ..
Донна Мария

Что хочешь ты?
Алварец

Дай ключ!
Донна Мария

Что?
Алварец

Ключ мне!
Донна Мария

Ключ?
Ах, боже мой, я, верно, затеряла!
Да после мы найдем..
Алварец

Как после! Для чего
Не тотчас?
Донна Мария (в сторону)

Если он увидит, я пропала!
(Ему)

Да после я найду письмо твое!..
Зачем сердиться из пустого – как смешно!..

И ключ потерян? Черт возьми! Досадно!
Слуга (входит)

Ждет лошадь у крыльца. И всё готово..
Алварец

А я совсем забыл, что надо ехать;
Прощай, моя Мария, – до свиданья.
(Целует ее и уходит.)

Донна Мария (одна)

Ах! Наконец от сердца отлегло!..
Переложу в другое место я
Подарок патера Сорриния с письмом
Его.
(Вынимает ключ из<-за> пазухи и отпирает, взяв коробку с жемчугом.)

Прекрасный жемчуг, нечего сказать!..
Алмазы в кольцах точно звезды блещут!
За это мне не должно помешать
Увести Эмилию!.. О! Старый сластолюбец,
Богат ты... оттого твои подарки малы;
Но так и быть, согласна я
На предложение твое, Соррини!..
Эмилия самой мне надоела.
Но, впрочем, этим ей не много зла
Я сделаю... невинной девушке
Приятно быть любимой стариком,
Как старой молодым; затем,
Что пылкость одного бесчувствие другого
Обыкновенно заменяет!..
Наскучила уж мне Эмилия давно.
Покуда здесь она, боюсь
Я пригласить к себе кого-нибудь.
И хорошо, что патер захотел
Избавить от нее; и жалко только,
Что мужа моего увести никто не хочет!..
(Смотрит на ящик Сорриния.)

Какое множество природных недостатков
Покроют эти малые алмазы,
Как много теней в блеске их потонет!..
И за подобное благодеянье
Мне не пожертвовать бессмысленной девчонкой,
Которая ребяческой любовью
Вскружила голову свою? – ха! Ха! Ха!
(Смотрит письмо Сорриния, которое было в ящике.)

Мой муж, я думаю, уехал на́долго,
И нынче наш монах пришлет людей,
Которым и вручу подарок свой!
А для меня же лучше, чтоб Соррини
Ее имел, чем муж законный.
Алмазы, жемчуг градом на меня
Посыплются, и я поеду в город,
И удивленья поразит моих соперниц,
Когда явлюсь в арену; я сто глаз
У них украду силой красоты..
Никто не отгадает, что сей жемчуг
Ценою слез невинных куплен!..
Но! – я придумала. В Мадрит отправлюсь,
Там получу прощение грехов,
И совесть успокоится моя..
(Ставит ящик с жемчугом на кровать и оборачивается. Эмилия входит бледная, в
черном платье, в черном покрывале и<с> крестиком на груди своей.)

Донна Мария

Здорова ли, моя Эмилия?
Как ты спала?..
Эмилия

Благодарю вас;
Спросите лучше, как я не спала.
Уж сон давно бежит моих ресниц..
С тех пор..
Донна Мария

О! Знаю, знаю, милый друг;
Я чувствую вполне твое несчастье
И всё бы отдала, чтобы помочь тебе;
Клянусь душой!..
Эмилия (с нежным упреком)

Итак, одно лишь слово
Всего дороже было вам.
Донна Мария

Ты мне простишь.
Не знала я, что любишь ты так сильно.
И только остеречь тебя желала.
Но ныне я ошибку ту заглажу..
Эмилия

Один Спаситель мертвых воскрешал.
Донна Мария

Зачем ты так бледна и в черном платье
И в черном покрывале?
Эмилия

Я слыхала,
Что черный цвет печали цвет.
Донна Мария (берет ее за руку)

О, не грусти, я всё поправлю.
Эмилия

Что отнял бог, того не отдадут
Нам люди. А что люди взяли,
То может возратить одна могила!..
Донна Мария

Ты от Фернандо это слышала наверно!
О! Памятлива ты!
(Эмилия отворачивается.)

Но успокойся!
Тот, кто достоин был воспоминанья,
Тот и тебя достоин. Испытанья
Пройдут. И я тебе клянусь,
Что упрошу жестокого отца.
Позволит он соединиться вам;
И счастье опять украсит
Твои ланиты пламенным румянцем;
Не плачь, не плачь – не всё гроза бушует,
Проглянет солнце, и цветок, измятый
Порывом ветра, встанет обогреться..
Эмилия

Не смейтесь над несчастьем, чтобы вам
Не заплатило небо тем же.
Донна Мария

Боже

Храни меня смеяться над тобой;
Я говорю, что скоро твой любезный
Фернандо будет муж твой;
Поверь: мои старанья совершат
Блаженство то, к которому так сильно
Стремишься ты ребяческою мыслью.
Эмилия (с рыданьем бросается к ногам Марии и обнимает колени)

Я не ищу блаженства – нет его,
Нет в свете ничего – Фернандо умер –
Он умер – умер – он погиб навеки.
О! Плачьте обо мне все люди, все созданья,
Все плачьте – если ваши слезы
Сравнятся когда-нибудь с моими;
Мой стон могилу потрясет, – о, плачьте!
Он – умер – умер – он погиб навеки.
Донна Мария

О, поднимись! Ты бредишь, ангел мой,
Встань, встань.
Эмилия (всё на коленях, подняв голову)

Исполни просьбу сироты.
Донна Мария

Исполню, всё исполню, только встань;
И отдохни – встревожилась ты слишком.
Эмилия (встает)

Так выслушай, о чем прошу тебя.
(Целует руку ей.)

Когда прощались мы в последний раз,
В ту ночь, – он мне сказал: «Иди
Скорее в монастырь, иди в обитель,
Сокрой от света добродетель сердца».
Молю тебя, молю тебя, как нищий, –
Не помешай уйти мне в монастырь
Сегодня... помоги мне – заклинаю –
Тебе заплотит тот, кто всем заплотит!
(Кинув умоляющий взгляд на донну Марию)

Фернандо умер! Я хочу исполнить
Его желанье!.. Он меня любил!..
(Молчание.)

Донна Мария

Но если он не умер, если
Тебя пустые обманули слухи?..
Но если станет он искать тебя,
Чтоб к алтарю вести невестою своей,
И вдруг увидит в черном покрывале
В ряду монахинь – что с ним будет?
Ужели ты об нем не пожалеешь?
Не пожалеешь ты о счастии,
Которого б могла дожидаться?
Какая слабость! – где твое терпенье?..
Эмилия

Мое терпенье?
(Поднимает глаза к небу.) (Тихо в сторону)

Он был жив, – и я
Терпела!
Донна Мария

Выкинь из ума
Твой глупый замысел. Поверь мне,
Пустые слухи обманули
Тебя... поверь мне... я уж знаю,
Что говорю.
Эмилия (с укоризной)

Его не воскресить вам.
Вы не имеете подобного искусства!
Я вас просила об одном – вы не хотели
Исполнить просьбы самой униженной!..
(Хочет уйти. Донна Мария удерживает ее.)

Донна Мария

Так слушай же: вчера бродила я
В саду; и под вечер зашла я в рощу;
Вдруг, вижу, человек ко мне подходит:
Он издали всё следовал за мною.
То был Фернандо... он упал к моим ногам:
Он плакал, обнимал мои колена
И сделал то, что обещалась я
Составить ваше счастье. Твой отец
Уехал на два дни – меж тем
Вы можете видаться – и потом
К ногам родителя вы упадете,
И я соединю свои моления...
Эмилия

О, это слишком!.. Я не верю..
Донна Мария

Клянусь тебе, что жив он... и увидишь
Его ты скоро... что с тобой?..
Эмилия

Мне дурно!
О боже!.. Голова кружится. Кто б подумал?
(Упадает в слабости на стул.)

Донна Мария

Какое детство! – что с тобой?.. Скрепися!..
(В сторону)

Я заманю голубку в сети;
Я поведу на тайное свиданье;
Там будет шайка дожидаться, верно;
И тут же схватят и умчат ее.
Благодари мой ум, Соррини! Он искусен!
Эмилия (встает)

Нет! Ничего. Простительная слабость!
Так тяжело я мучилась, что счастье
Мне тяжело... он жив! О боже!
Прости мой ропот!.. Как я легковерна;
Служанка мне сказала, и я тотчас
Поверила обманчивым рассказам!
О! Видно, что печаль родня нам, людям,
Когда мы ей скорей веселья верим.
(Марии)

Благодарю вас... мой укор напрасный
Вас огорчил... простите вы меня?
Я слишком мучилась! Скажите:
Где я с ним встречусь?
Донна Мария

Сегодня мы пойдем в густую рощу;
Там на поляне есть высокий дуб,
С дерновою скамьей. И там увидишь ты
Фернандо. Не счастлива ль ты
Одной надеждой? Для чего
Смущала так предчувствием себя?
Поверь: невинную любовь
Хранят святые ангелы, как стражи!
Дитя! Дитя! – и вот вся горесть
Рассеялась – и в монастырь не хочешь!..
Но не стыдись ребячеством своим:
Оно есть добродетель, потому
Что, как всё доброе, не долговечно!..
Эмилия

И я его увижу?.. Он не умер?!
Донна Мария

Увидишь – и согласишь мне совсем.
(Эмилия устремляет на Марию взор, хочет что-то сказать, но волнение мешает ей.
Она целует крепко мачехе руку и, закрыв лицо, убегает.)

Донна Мария (глядит вслед)

Ступай! Ступай!.. И жди спокойно
Свиданья вместо гибели своей.
Ступай! – тебя старик излечит скоро
От бредней пламенной любви.
Поплачешь ты, потрусишь ты, пожмешься,
Поморщишься – но наслажденье
Прогонит ужас – после всё пройдет!
Создатель мой! Ужели точно
Мое так дурно предприятие, что сама
Я это чувствую? – что ж тут худого?
Она счастливей будет у Соррини,
Чем здесь; когда она ему наскучит,
С приданым выдаст замуж он ее;
Быть может, так случится, что Фернандо
Получит руку бедной девы..
Но – что бы ни было, я всё избавлюсь
От любопытных глаз, и мой любимец
Бесстрашней будет навещать меня..
Так всё взаимно в этом свете:
Соррини благодарен мне, а я ему!..
(Уходит.)

Сцена II

(В горах перед жилищем Моисея. Дикое местоположение. Скамья направо под большим дубом, возле коего сделано вроде белой палатки, где сидят служанки и слуги жида и работают и поют свою печальную песню.)

Еврейская мелодия[30]

I

Плачь, Израиль! О, плачь! – твой Солим опустел!.. [31]
Начуже в раздолье печально житье;
Но сыны твои взяты не в пышный предел:
В пустынях рассеяно племя твое. [32]

II

Об родине можно ль не помнить своей?
Но когда уж нельзя воротиться назад,
Не пойте! – досадные звуки цепей
Свободы веселую песнь заглушат!..

III

Изгнанное пеплом посыпьте чело
И молитесь вы ночью при холодной луне,
Чтоб стенанье израильтян тронуть могло

IV

Тому только можно Сион вам отдать, [34]
Привести вас на землю Ливанских холмов, [35]
Кто может утешить скорбящую мать,
Когда сын ее пал под мечами врагов.
Фернандо (медленно входит)

Что золото? Какая это вещь,
Когда оно могло б составить счастье
Мое?.. Металл, как и другой!
Или дал бог ему такое право,
Каким лишь редко люди обладают?..
(Опять начинают петь.)

Какой печальный голос! Эти люди
Поют об родине далеко от нее,
А я в моем отечестве не знаю,
Что значит это сладкое название..
Я в мире не имею ничего почти,
А всё желал бы больше, но зачем?..
Чтоб новыми желаньями томить
Себя? Чтобы опять ловить мечты?
Нет! Пусть останусь я, каков теперь;
Пусть никогда не буду счастлив, чтоб
Не сделаться похожим на других..
В страданиях жизнь; я в них живу, я к ним привык,
Никто их не разделит.. и тем лучше
Для тех людей, которые б хотели
Их разделить.
(Ноэми входит.)

Где твой отец?
Ноэми

Ушел
По делу он... на что тебе отец мой?
Фернандо

Хотел бы я благодарить его!..
Он спас мне жизнь... и я его стараньем
Теперь здоров как прежде..
Ноэми (быстро)

Ты здоров?..
Фернандо

Да, я здоров, как человек, который
Так часто болен был, что старую болезнь
Болезнью не считает!..
(Садится на скамью. Она возле него.)

Ноэми

Ты должен долее у нас остаться!
Поверь, не вовсе залечились раны
Твои... и чем тебе здесь худо?..
Останься здесь еще. Ты сам ведь говорил,
Что у тебя пристанища нет в свете..
Ты, верно, здесь останешься, испанец?..
Фернандо

Нет..
Я не хочу обременять вас больше
Моим присутствием – мне надо..
Ноэми

Ужели благодарность тяготит

Тебя?.. Я этому не верю.
Не говорил отец мой так,
Когда от гибели его ты сам избавил..
Фернандо

Я раз уж был неблагодарным! и боюсь
Вторично быть таким; но, впрочем,
Я не могу остаться здесь никак.
Я не могу... не должен... не хочу!..
Нозми (в сторону; встав)

Итак, нам разлучиться должно;
Итак, моя любовь... о, сжался, небо!
(Ему)

Послушай: я твои лечила раны,
Моя рука была в крови твоей,
Я над тобой сидела ночи, я старалась
Всем, чем могла, смягчить ту злую боль;
Старалась, как раба, чтоб даже
Малейший стук тебя не потревожил..
Послушай, я за все мои старанья
Прошу одной, одной награды..
Она тебе не стоит ничего;
Исполни ж эту малую награду!
Останься здесь еще неделю..
Фернандо

Не искушай меня лукавой речью:
Я уж сказал, что не могу; мне должно прочь,
(сильно)

Ты хочешь знать, зачем?
(Показывая ей портрет Эмили)

О! На, взгляни сюда!..
(Она отворачивается, взглянув, и закрывает лицо.)

Вот женщина! Она не может видеть
Лица, которое не уступает
Ей в красоте.
(Молчание.)

Так! Так! Я должен к ней.
С опасностью жизни я увижу
Эмилию!
(Ей)

Где твой отец?
(Подходит и видит, что она плачет.)

О чем ты плачешь?..
Нозми

Не думала я плакать!
Фернандо

Стало быть,
Ты плакала не думавши. Скажи,
О чем?.. Скажи, не я ль виновен в том?
Остатком горьких слез, в груди моей
Хранящихся, я выкуплю твои.
В лета надежд не прячут слез!..
О чем ты плачешь?..
Нозми

О том, чего ты дать не можешь мне;
О внутреннем спокойствии..
Фернандо

Как рано
Его ты потеряла, если правда,
что говоришь!..
Ноэми (в сторону)

Скажу ему, что он
В том виноват, скажу, что я его
Люблю, и упаду в его объятия;
Он не погубит, он великодушен...
Но что хотела я? – другая уж владеет
Душой Фернандо... что хотела?
Но нет, нет – нет, она любить не может,
Как я; она не обтирала крови
С его глубоких ран, она не просидела
У ног его ни ночи, трепеща,
чтобы желанный сон не превратился
в сон беспробудный!.. Нет! Нет! Нет!..
Она любить его, как я, не может!..
(Входит Моисей. Ноэми замечает его, идет медленно навстречу. Он ее обнимает.)

Моисей (печально)

Ну, дочь моя. Скажу тебе я новость!..
Сегодня...
Фернандо (подходит)

Моисей! Благодарю тебя
За попечения твои...
(Протягивает руку.) (Моисей медлит.)

Дай руку;
Не думай, что боюсь я оскверниться,
Не почитай Фернандо за глупца;
Ты человек... и ты мой благодетель.
Благодарю... я ухожу отсюда!..
Моисей

Так скоро? Как?..
Фернандо

Не возражай, еврей!
Я до тебя имею просьбу... лишь одну,
Одну: дай мне червонцев пять взаимы.
Я знаю, что жида все деньги любят
И христианам не вверяют их;
И в этом правы. Но меня ты знаешь!
Я преступление свершу, но все отдам
Твои червонцы... вот вся просьба.
Моисей

Куда ж ты хочешь? Для чего идешь!..
Фернандо

Недалеко живет отсюда
Дон Алварец; в его саду когда-то
Мы встретились с тобою. Я к нему
Хочу идти просить гостеприимства:
Я был воспитан там, от юных лет.
Но здесь мне оставаться невозможно,
На это есть причины... я клянусь,
что возвращу тебе червонцы...
Ты знаешь, в свете деньги нужны,
чтобы исполнить предприятие...
И в случае, что он меня не примет
в свой дом...
Моисей (с удивлением)

Дон Алварец! Дон Алварец!..
Ах! Боже мой! Тот беден, кто постигнут
Твоим палящим гневом... у меня
Есть дочь... я понимаю это горе.
Невероятно... страшно!
Фернандо

Что случилось!
Моисей

Несчастье большое... Ах! Злодеи!
Злодеи... ад не так искусен...
Мне нынче самовидец рассказал...
Фернандо

Зловещий ворон!
(В сильном движении.)

Моисей

Ада мало им...
Такого ангела... вот вы услышите!
Горю встанет волос ваш; не слезы – камни
Уроните из глаз вы... вот испанцы!
(К Фернандо)

Вот ваша инквизиция святая!
Теперь не смейте презирать евреев...
Фернандо

Зловещий ворон!.. Что такое?..
Сейчас скажи! Гранитным этим небом
Клянусь, клянусь твоим законом, я, как тигр,
Тебя на части раздеру...
(Еврей в изумлении. Фернандо хватает его за руку; тише, дрожащим голосом)

Ты видишь, я ума лишаюсь!.. Человек!..
Молютебя, скажи мне, что случилось?..
Нозми

Как он дрожит?.. Отец мой, говори
Скорей... взгляни, какая бледность!..
Моисей

У дона Алвареца дочь была!
Фернандо (вскрикнув)

Была!..
(Молчание.)

Я тверд! Не бойся продолжать;
Какая мне нужда до этой дочери,
И мало ль дочерей на свете...
(Принужденно)

Ха! Ха! Ха!..
Я тверд!..
Моисей

Еврей знакомый рассказал мне
Печальный случай... (он подслушать где-то
Умел злодеев). Есть доминиканец,
Иль езуит, по-вашему не знаю, –
По имени Соррини... и хоть стар,
Он любит женщин. Подкупив злодеев,
Он им велел похитить непременно
Дочь Алвареца... нынче жертву
Негодные на гибель повлекли.

Не понимаю только, как могли
Они успеть в своем ужасном деле!..
Отца-то дома не было, я слышал.
Погибнет девушка... а жалко! Жалко!
Я четверть бы именья тотчас дал,
Чтобы ее спасти... но вряд ли можно!
(Фернандо хочет что-то сказать, поднимает руки... вдруг с невольным стоном
опускает и быстрыми шагами с отчаяньем уходит в горы.)

Моисей (пораженный)

Куда?.. Куда... остановите! Удержите
Его!.. Он в бешенстве!..
Ноэми (смотрит вслед)

Взгляни: вот он взбежал
Уж на гору... бежит, остановился...
Над самой пропастью... он упадет... но нет!..
Идет сюда...
(Бросается отцу на шею.)

Зачем, зачем, отец мой,
Сказал ему ты эту новость?..
Моисей

Дочь моя!
Всё воля божия! – никто из нас не может
Противустать ей! Тот, кто сотворил нас,
Имеет право с нами поступать,
Как хочет...
Ноэми

Для чего ж он дал нам душу?
Зачем способность дал любить, страдать,
Когда он, верно, знал, что муки есть
Неизлечимые, что можно обмануть
Любовь?.. Зачем нас бог оставил?..
(Она уходит.) (Фернандо возвращается.)

Фернандо (подходит)

Ты думал, я заплачу, старый!
Ты этого хотел, но женская печаль
Не устыдит моих ланит! – бесчеловечный!
Я отомщу... чтоб целый мир... а то свершу,
Что... я не знаю сам еще, но землю
Мой подвиг испугает... ты подумал,
Что я заплачу? – нет! Клянусь:
Скорее разорвется это сердце,
Чем я заплачу...
Моисей (берет его за руки)

Успокойся! Объясни мне...
Твое отчаянье... не сожаленье
Одно...
Фернандо

Старик!.. Старик!.. Ты жил покойно,
Не знал страстей... во мне они кипели
Сильней, чем все земные бури. О! Проклятье
Тому, кто дал мне жизнь. Несправедливый бог,
Зачем казнить меня через других
И ангела губить, чтоб наказать безумца
Ничтожного? – иль также в небесах
Есть пытки?.. Я терпел – и полно мне терпеть!
Повиновался я судьбе – довольно;
Я мог быть счастливым... довольно,
Довольно... никогда не буду счастлив...

Отныне отдаюся мести,
Союз с землей и небом разрываю..
Старик, дай денег!.. С этим я прорвусь
В его жилище.
Моисей (дает денег)

Вот! Возьми!..
Фернандо

Эмилия – моя!
В бесчестье иль невинная – моя;
Живая или мертвая – моя!..
О! Как я отомщу... прощай, отец..
Я своего не знаю.
(Обнимает его крепко.)

Мстить прекрасно!
Благослови меня!.. Иду на смерть... прощай.
(Уходит.)

Моисей (поднимает руки)

Услыши, бог, молитву иудея,
Храни его от преступленья!
Ты можешь удержать порыв страстей,
Вселить покорность, веру, так легко,
Как усмиряешь вихри гор... Ты бог
Израиля, ты бог Ерусалима!..
(Уходит.)

Сцена III
(Комната в доме у жида, как в 2-м действии.)

Ноэми (за нею Сара)

Не утешай меня! Не утешай меня!
Злой дух меня сгубил! Он предвещал
Мне радость и любовь – любовь он дал,
А радость он похоронил навеки!
Теперь мы больше не увидимся с Фернандо;
И я могу открыто плакать,
Закона не боюсь. О! Я люблю
Его как бога... он один мой бог.
И небо запретить любить его не может.
Меня не понял он, другую любит,
Другую, слышишь ли, другую!.. Я умру!
Не утешай меня! Не утешай меня!
(Ломает руки.)

Сара

С тобою плакать вместе я хочу,
Когда тебя нельзя утешить..
Ноэми

Плакать!
Тебе ль со мною плакать?.. Любила ль ты,
Как я?.. Любила ль чужеземца,
Любила ль христианина, была ли
Им презрена, как я?.. Ах! Сара! Сара!
Мое блаженство кончилось надолго!
И вот плоды моих надежд, мечтаний,
Плоды недоспанных ночей и беспокойств!..
О, сжался надо мною, небо!
Скорей в сырую землю, поскорей,
Покуда я себя роптаньем не лишила
Спокойствия и там..
Сара

Старайся
Рассеяться!.. В твои лета позабывают
И самую жестокою печаль.
Вот твой отец придет! Теперь
С раввином он беседует
О чем-то занимательном и важном.
Он новостью тебя займет.
НОЭМИ

Я проклинаяю
Все эти новости, одна уж
Меня лишила счастья... а другая
Мне не отдаст его. Ах, Сара!
Всё кончено! Всё кончено!
(Моисей вбегает как бешеный.)

Моисей

Дочь! Дочь! Дочь!.. Он нашелся!
Зачем теперь? Зачем так поздно... он нашелся!..
Твой брат... мой сын!.. Сын!.. Я не знал...
Жестокий случай так... я не прижал
Его к груди, и не прижму... найден,
И в тот же миг потерян. О судьба!
Земля и небо, ветры! Бури! Гром!
Куда вы сына унесли? Зачем отдать,
Чтобы отнять... и христианин!
Возможно ли? – мой сын... я чувствовал,
Что кровь его – моя... я чувствовал,
Что он родной мой... о Израиль!
Израиль!.. Ты скитаться должен в мире,
Тебя преследуют стихии даже...
И бог твой от тебя отворотился.
Мой сын! Мой сын!..
Сара

Где ж он? Зачем не здесь?
Кто ж он?.. И кто сказал... что сын твой!
Моисей

О горе! Горе! Горе нам! Он здесь был –
Раввин принес мне доказательства... я верю,
Что он – мой сын! – я спас... он спас меня...
И он погибнуть должен... не спастись
Ему вторично от руки злодеев...
Нозми! Горе! Горе для тебя!
Фернандо – брат твой!
Испанец – брат твой!
Он гибнет; он родился, чтоб погибнуть
Для нас! – он христианин!.. Он твой брат!
(Нозми падает без чувств на пол. Сара спешит к ней.)

Пускай умрет и дочь... и я!.. У бога
Моих отцов нет жалости... мой сын! Мой сын!
(Ломает руки и стоит недвижим.)

Действие четвертое

Сцена I

(В доме Соррини. На столе бумаги и книги и песочные часы.)

Соррини (входит)

Сегодня, может быть, увижу я
Мою красавицу. Мою! – зачем же нет?
Она моя, так верно, как я плут.
Когда я сам с собою, то никак
Себя я не щажу. Зачем? Я плут.

Я это знаю сам, зачем скрываться
Перед собой? Я плут, но умный плут.
Да, впрочем, я не вижу тут худого;
Я сотворен, чтоб жить и наслаждаться.
И всеми средствами я должен достигать
Предположенной цели. Я достиг –
И умный человек. Не удалось – глупец!
Так судят люди, большей частью.
Великий инквизитор обещал
У нашего отца святого выпросить
Мне шапку кардинала, [36] если я
Явлюсь ее достойным – то есть
Обманывать и лицемерить научусь!
О! Это важная наука в мире!
Наука женщин! С нею прямо в папы;
И этому есть доказательства у нас.
(Молчание.)

В кровавый путь отправлен уж Фернандо...
Один лишь Алварец... да этот плох!
О! Бедная Эмилия; давно ли
Сказала ты, что старику смешно
Любить и невозможно?.. Но сегодня
Ты мысли переменишь...
(Садится.)

Говорят,
Что женщины должны быть неприступны
Для нашего сословья; что закон велит...
Ужель закон в сей толстой книге
Сильней закона вечного природы?
Безумец тот, кто думал удержать
Ничтожным правилом, постановленьем
Движение природы человека;
Он этим увеличил грех – и только,
Дал лишний совести укор и между тем
Желание усилил запрещеньем!
Пострижен был насильно я в монахи;
Почти насильно (в пылкой юности
Не можем понимать мы важной пользы);
Пускай, пускай они за всё ответят,
Что сделал я; пускай в аду горят
Они... но что такое ад и рай,
Когда металл, в земле отрытый, может
Спасти от первого, купить другой?
Не для толпы ль доверчивой, слепой
Сочинена такая сказка? – я уверен,
Что проповедники об рае и об аде
Не верят ни в награды рая,
Ни в тяжкие мученья преисподней.
Да, впрочем, добрый смысл велит не верить,
Что души будет вечный жечь огонь;
Что черти за ноги повесят тех,
Которые ни рук, ни ног иметь не будут.
(Берет книгу, перо и бумагу.)

Займусь!
(Кладет.)

Нет, что-то я не в духе!
Кто бы поверил, что в мои лета
Хорошенькой девчонки ожиданье
Могло смущать, тревожить, беспокоить?
Я всё не понимаю, для чего
Мне не годится женщину любить,
Как будто бы монах не человек?
(Смотрит на часы.)

Часы бегут – и с ними время; вечность,
коль есть она, всё ближе к нам, и жизнь,
как дерево, от путника уходит.
Я жил! Зачем я жил? – ужели нужен
я богу, чтоб пренебрегать его закон?
Ужели без меня другой бы не нашелся?..
Я жил, чтоб наслаждаться, наслаждался,
чтоб умереть... умру... а после смерти?
Исчезну! – как же?.. Да, совсем исчезну..
Но если есть другая жизнь?.. Нет! Нет!
О наслажденье! Я твой раб, твой господин!..
(Звонит.) (Слуга входит.)

Не позабудь, что я тебе сказал.
Когда подъедут близко удальцы
Мои, то киньтесь вы с оружием толпой
И, будто бы освободивши силой,
Ее сюда скорее приведите..
Да чур не забывать, что вы без языков,
А то... меня ты знаешь коротко!
Возьми ж себе заранее награду
(дает кошелек)

И раздели другим... ступай же.
(Слуга берет кошелек и целует руку.)

Слуга

Всё исполню.
(Соррини подходит к окну.)

Соррини

Да, кажется, я вижу пыль, ужели
Они спроворили всё дело? Донна
Мария лакома на жемчуг,
Как видно; впрочем, ей мешала
Моя красавица, как лишнее бревно
В строенье дома; сам его не дашь,
А как попросят, так легко расстаться!
(Глядит в окно.)

Они! Так точно!.. Ближе подъезжают;
Вот и мои спасители бегут... сраженье!
Железо о железо бьется и стучит
Безвредно... искры сыплются кругом.
Так в споре двух глупцов хоть много шуму,
Да толку нет... как кровь моя кипит
В полусохшем сердце!.. Ну,
(смотрит)

схватили
Эмилию и тащат... торжество!
Victoria!.. [37] теперь я говорю
Отважно: veni, vici [38] – потому
что я еще девицу не видал!..
(Отходит от окна.) (Слуга входит.)

В лице твоём победу я читаю:
Веди сюда..
(Слуга ушел.)

Victoria, Соррини!
(Потирает руками.)

Поплачет Алварец, поплачет, покричит,
Порвет седые волосы... и не узнает,
Где дочь его... ха! Ха! Ха! Ха! Победа!..

Эмилия

Где мой спаситель!.. Ах! Отец Соррини,
Не вам ли я обязана спасеньем?
Вознагради вас боже так, как я
желала бы!.. О мой спаситель!
Соррини

я христианский долг исполнил только.
(Идет и запирает дверь.)

Эмилия

О, возвратите поскорей меня
Родительскому дому... мой отец
в отчаянии будет, если он
узнает про ужасный этот случай!
Со мной гуляла мачеха моя
в саду, и вдруг злодеи ухватили
меня, связали, повлекли с собою.
Окончите благодеянье ваше!..
Велите отвести меня домой
как можно поскорей... что мой отец
подумает, что скажет он?..
(Плачет.)

Соррини

Эмилия! Ты вся дрожишь. Как можно
теперь тебе домой отправиться. Теперь?..
Ты так слаба... нет, отдохни подоле здесь,
побудь подоле у меня... зачем лишать
меня такого счастья...
Эмилия

Ради бога!
я не могу остаться здесь у вас!
я не должна.
Соррини

Зачем же ты не можешь,
мой ангел! Кто тебе мешает
день, два и три здесь отдохнуть?
Эмилия

День, два и три!..
Соррини

Чему дивиться тут?
Эмилия

я вас не понимаю?
Соррини

День, два, три
и более останешься ты здесь,
и ежели понравится тебе,
то можешь ты остаться вечно... то есть
(в сторону)

Пока ланиты не поблекнут и глаза
не потеряют пламень свой волшебный.
Эмилия

Отец Соррини!

Да, я не шучу;
Ты там была рабой – здесь будешь ты царицей;
Мой дом и всё, что в нем, твое,
А ты моя.
Эмилия

Какое право?
Соррини

Силы...
Я спас тебя – вот право – и довольно!
Эмилия

Вы позабыли, кто вы! Как могу
Я с вами жить! Что это значит?..
Соррини

Не горячись,
(держит ей руку)

красавица! Любовь
Не смотрит на лета своих печальных жертв;
Ты видишь, я был прав, когда сказал,
что может и старик любить.
Эмилия

Соррини!
(Вырывает руку.)

Оставь меня... бесчестный человек!
Когда судьба меня случайно отдала
во власть твою, ты оскверняешь
Гостеприимство... что ты хочешь? Боже!
Спаси меня, спаси, святая дева!..
Соррини

Скажу тебе: святых здесь нет... итак...
Эмилия

Конечно, только демоны одни
живут с подобным извергом... но бог
услышит вопль невинной девушки!
Соррини

Нас опыт научает в свете
не упускать благоприятный случай.
Ну, поцелуй меня на первый раз.
Эмилия (отворачивается, дрожа)

Так вот моя судьба.
(Ему)

Прочь, прочь, злодей!..
Соррини

Ты думаешь, что ты теперь царица
в моем доме? Нет, это будет после,
когда всё сделаешь, что я скажу,
когда в мои объятия упадешь.
Эмилия

В твои объятия – никогда!
Соррини

Послушай;
Тебе слова пустые не помогут;

Да или нет... два слова могут только
Подействовать на сердце это. Если
Ты скажешь да... то для тебя ж приятней!
А если нет... то берегись упрямства!
Оно к добру не доведет. Покорность
Одна лишь облегчит твою судьбу!..
Но, впрочем, я не вижу твоего несчастья!..
Любовь мою нельзя назвать несчастьем..
Умею я любить и награждать,
И ни одна прекрасная девица
Не вырывалась из моих объятий,
Когда почувствовала пламень груди
Моей. Поверь, старик, такой как я,
Любить умеет лучше юноши:
Всё опытность, мой друг!..
Эмилия (после минуты молчания)

Знавал ли ты
Спокойствие души, знавал ли ты
Надежду, радость... счастье..
Всем тем, что ты знавал и не знавал,
Чему ты верил, от чего страдал,
Всем тем, что страшно для души твоей,
Коль есть в тебе душа, бессовестный злодей,
Я заклинаю на коленях... пощади,
(становится на колени)

О, пощади... оставь меня! Я буду
Молчать о всем, что слышала, о всем,
что знаю... только пощади меня!..
Не тронь моей невинности; за это
Грехи твои и самые злодейства
Простит тебе всевышний. Так, Соррини!
Но если ты... тогда умру я! И к тебе
Придет моя страдальческая тень
И бледною рукой отгонит сон..
О, пощади... клянусь молчать до гроба!..
Соррини

Глупец, кто верит женским обещаньям,
А пуще женской скромности, – да, да!
Не всё ль равно на нитку привязать
Медведя и надеяться, что он
Не перервет ее, чтобы уйти;
Невольно проболтается язык твой..
Нет, я теперь в таком уж положенье,
Что предо мною смерть или победа
На волосе висят... а так как, верно,
Я изберу победу, а не смерть,
То все твои мольбы напрасны,
Эмилия..
Эмилия

Итак, спасется нечем.
(Плачет.)

Соррини

Мне кажется..
Эмилия

Пошли мне смерть, о боже.
А не бесчестье.
(Падает в кресла и закрывает лицо.)

Соррини

Всё притворство это!

Не верю я, чтоб девушка могла
С упрямою такою защищаться.
(Хочет у нее поцеловать руку, она ему дает пощечину. Он, грозя пальцем, с тихою злостью говорит)

Ты такова, сердитая девчонка!..
О! О!.. Я справлюсь. Нет! Я не стерплю
Такой обиды... отомщу... увидишь...
Теперь не жди себе спасенья.
Скорее эти стены все заплачут,
Чем я, твой стон услышав; так, скорей,
Скорей земля расступится, чтоб вмиг
Испанию со мною поглотить, чем сердце
Мое расступится, чтобы впустить одно
Лишь чувство сожаленья... ты увидишь,
Каков Соррини!.. Он просить умеет,
Умеет и приказывать как надо.
(Она открывает лицо и смотрит с ужасом.)

Умею и кинжал употребить
При случае, чтобы заставить вас,
Сударыня, повиноваться мне.
(Злобно)

Ха! Ха! Ха! Ха!.. О! Ты меня узнаешь!
(Подходит к ней. Вдруг слышен шум.)

Эй! Кто там?
(Соррини отпирает дверь, и входят испанцы толпою)

Вы зачем? – какая дерзость.
Один испанец

Мы
Пришли за награждением.
Соррини

За каким?
Другой испанец

А как же, разве ты нам, патер, не велел
Дочь Алвареца увезти... иль позабыл?
Что? Видно, только пред услугою
Твой кошелек открыт издалека.
Третий испанец

А как достали мы твою красотку,
Так тотчас обеднял?
Соррини

Бездельники.
(Бросает большой кошель золота.)

Терпенья не было?..
Все (берут золото и уходят)

Прощай, отец Соррини!..
(Он уже не запирает дверь.)

Соррини

Эмилия! Решись же наконец...
Эмилия (встает с кресел)

Так ты их посылал меня похитить!
О! Верх злодейства в человеке! Я погибла,
Погибла... нет надежды.
Соррини (насмешливо)

Нет надежды!
(Берет ее за руку.)

Пойдем со мной,
(целует)

мой друг бесценный!
Так долго защищаться, плакать,
Просить... чтоб наконец признаться побежденной!
Эмилия

Ты думаешь, я вынесу позор свой?
Нет, я умру, старик!..
Соррини (с гордой улыбкой)

Старик! Шути...
Старик тебе покажет, что довольно
Он пылок.
Эмилия(сложив руки)

Мать божия! Ужель
Ты не спасешь меня!..
Соррини

Пойдем... пойдем...
Не скажут, что Соррини уступил
Кому-нибудь. О, я наедине
Не тот, каким кажуся в людях.
(Берет ее руку.)

Эмилия

Оставь меня, твое прикосновение,
Как зараженного чумою, ядовито...
Соррини (злобно)

Пойдем же; я велю..
(Вдруг стучится кто-то в дверь. Оба останавливаются. Иезуит отходит прочь.
Отворяет<ся> дверь: человек, окутанный плащом полигрима, сняв шляпу, входит.)

Неизвестный

Впустите ради
(он входит быстро, потом нагибается)

Христа!.. Я так устал! Прошу
Кусочка хлеба только. Здравствуйте,
Пошли вам бог свое благословенье,
Честный отец!.. Я бедный, бедный странник...
Соррини (в сторону)

Некстати он пришел; зачем его пустили?
(Скрыпит зубами.) (Глядит.)

Он подозрителен.
(Ему)

Садись... садись!
Тебе велю тотчас подать вина и хлеба.
Откуда ты идешь? Кто ты?
Неизвестный

Я бедный странник!
Ходил в Ерусалим... иду назад...
Устал... и голоден, иду домой.
Пока язык мой смерть не охладит,
Везде тебя я буду прославлять,

Кто б ни был ты, гостеприимный.
Соррини

Я исполняю только долг свой.
Неизвестный

Долг!
Немногие тебе подобно мыслят.
Благодарю! – и бог тебя благодарит!..
Соррини (к Эмилии)

Сестра! Вели принести вина и хлеба..
(Страннику)

Живем с сестрой мы вместе.
(Видя, что Эмилия нейдет, – дрожит и подходит к ней.)

Ступай! Когда я говорю: иди.
Неизвестный (про себя)

Меня ты не обманешь, крокодил!
Соррини (громко)

Ступай же..
Неизвестный

Стой!
Соррини (испугавшись)

Как! Кто ты?
Неизвестный

Я..
(Сбрасывает плащ с себя и вынимает кинжал.)

Эмилия

Фернандо!..
Фернандо

(берет быстро за руку Эмилию и уводит на другую сторону сцены. Становится пред ней, держа ее одной рукой.)

Теперь я требую с тебя ответа..
Соррини

Кто ты? – Фернандо не воскреснет!
Ты дух иль человек?
Фернандо

Я тот,
Кто не боится адских умыслов,
Кто может наказать тебя кинжалом
И чья рука не дрогнет пред убийством,
Когда оно ее спасет... отдай ее.
(Схватывает Соррини за горло.)

Я ничего не жду на небесах,
Я ничего не жду под небесами;
Я мести душу подарил; не жди,
Чтоб я помедлил отослать
Тебя туда – где ждет суд божий
Тебе подобных! Видишь этот нож –
Он над тобой. Оставь же добровольно
Свой умысел.
Соррини

Но если ты убьешь меня,

То все-таки Эмилию нельзя
Спасти. Тебя не выпустят
Отсюда слуги – так пусти ж меня!
Я закричу...
Фернандо (пускает его)

Ты прав: я не палач!..
(В сторону)

Ужели я боюсь увидеть кровь?
(Ему)

Отдашь ли мне Эмилию?
Соррини

Нет, не отдам...
(Подбегает к двери всё ближе.)

Фернандо

Отдашь!.. Ты, верно, содрогнешься
Пред тем, что я предпринял. А! Соррини!
Она моя... и честь ее моя.
Когда б ты дал мне тысячу миров
За эту девушку... я б их отвергнул все!
Не принуждай меня, не принуждай
К убийству.
Соррини

Не отдам ее.
Фернандо

Ты камень, но перед моим отчаяньем
Ты содрогнешься.
Соррини

Нет!..
Фернандо

Соррини,
Соррини! Редко лишь прошу кого-нибудь
Я на коленях... но узнай сперва,
Что тот, пред кем стоял я на коленях,
Не долго проживет.
Соррини (со смехом)

Опять за то же!
Фернандо

Ты мне отдашь Эмилию, не то
Я отниму... не доведи меня
До этой крайности. Я уж готов
На всё. Я с нею потерять готов
И небо, чтоб избавить от твоих когтей.
Я не шутить пришел... о! Слушай! Слушай!
В последний раз... отдай ее.
Соррини

Посмотрим!
(Бросается в дверь и зовет на помощь)

Сюда! Сюда! Сюда! Разбой! Эй! Слуги!
(Шум и крик за сценой.)

Эмилия (бросив томный взор)

Фернандо!..

Ну! Всё кончено! Напрасно
желал я крови не пролить. Прощай,
мой друг,
(обнимает ее)

Прощай! Мы долго
с тобою не увидимся.
(Отворачиваясь)

О боже!
Итак, ты хочешь, чтоб я был убийца!
Но я горжусь такою жертвой... кровь ее –
Моя! Она другого не обрызжет.
Безумец! Как искать в том сожаленья,
О ком сам бог уж не жалеет!
Час бил! час бил! – последний способ
удастся, – или кровь! – нет, я судьбе
не уступлю... хотя бы демон удивился
Тому, чего я не могу не сделать.
(Эмилия устремляет молящий взор на него.) (Во время этого разговора входят слуги
Сорриния и он. Все с оружием.)

Соррини

Посмотрим, кто сильней из нас!.. Эй, слуги!..
Фернандо

Узнай же клятву: мы стоим пред богом..
Живая или мертвая – она
Моя – ты видишь.
(Показывает кинжал.)

Эмилия

Ах!..
(Склоняет голову на грудь Фернандо.)

Соррини

Меня не настраиваешь!
Мне мертвую не нужно... слуги! Эй,
схватите, бейте, режьте наглеца!..
(Он сам защищен слугами.)

Фернандо

Ни с места!
(Все останавливаются.)

Соррини

Что же вы?
(Они опять хотят броситься.)

Фернандо

Ни с места вы, рабы!..
(Сорринию)

В последний раз, в виду небес и ада,
Отдай ли мне ее?
Эмилия (едва слышным голосом)

Хранитель ангел мой!
Спаси меня!
Соррини

Живую не отдам!..
Что б ни было.
Фернандо

О!.. Так смотри сюда!
(Прокалывает ей грудь. В эту минуту все поражены. Он подымает ее труп с полу и уносит сквозь толпу удивленную. Слуги хотят броситься вслед.)

Соррини (после молчанья, остановив слуг)

Оставьте! Иначе хочу я сделать!..
(Он дрожит.)

(Дает знак, чтоб все ушли.) (Уходят.)

Какая дерзость!.. Да! Он мне заплотит.
Я сам в опасности. Он может...
Что может он?.. Я зол теперь,
Как дьявол... отомщу ж ему,
Сожгу его, сдеру с живого кожу,
Сорву железом ногти, исщиплю
Горячими щипцами, на гвоздях
Его ходить заставлю, медь кипящую
Волью безумцу в горло и упьюсь,
Упьюсь, как сладким нектаром,
Его терзаньем, вздохами и визгом!..
Спади с меня личина скромности,
Пускай узнают все, что итальянец
Соррини, по его веселию и плескам,
Когда Фернандо будет издыхать
В огне иль под ударом палача;
Чем медленней конец его придет,
Тем будет счастье мое полней.
Оклеветшу его, хоть сам не вывернусь,
Но всё же я упьюсь его мученьем.
О клевета! Приди на помощь! – никогда
Так не нуждался я в тебе, как ныне:
Дай тысячу мне жал змеиных, чтоб
Я мог облить врага холодным ядом
Твоим...
(Ударяет себя двумя пальцами в лоб.)

Мой план почти готов...
Да, да... вот так... а там! Богиня
Души моей, тебе с сих пор я отдаю
Себя!.. Возьми! Я твой – и за могилой!
(Входит доминиканец, приятель Соррини.)

Доминиканец

Соррини, здравствуй!
Соррини

Здравствуй! Кстати ты пришел.
Доминиканец

А что такое?
Соррини

Я тебе скажу
Сейчас.
Доминиканец

Должно быть, ты узнал
Пристанище богатого жида
Или, что всё равно, еретика.
Веселье на лице твоём блистает!

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru
Так точно, ревностный служитель веры,
Я отгадал, что хочешь ты сказать.
Соррини

Ты отгадал. Знал ли прежде
Ты дона Алвареца, у него
Воспитывался юноша Фернандо...
Он еретик! Он верит Лютеру[39]
И чтит его!.. Сегодня он убил
Дочь Алвареца в доме у меня.
Я спас ее от хищников, но, боже!
Не мог спасти от острого кинжала!
Его сыскать нам надо и вести
На казнь преступника двойного!
Он труп несчастной девушки
Понес с собой!.. Да! Я его найду,
Я по следам его пойду кровавым,
И жизнь заплотит он...
Доминиканец

Конечно!
Да, кажется, я на дороге встретил
Убийцу... но случайно не заметил,
что нес он мертвую, так быстро
Он шел!.. Так страшен он казался!
Соррини (после минуты задумчивости)

Дай руку мне! Клянись быть заодно...
Доминиканец (протягивает руку)

Возьми с моей рукою обещанье...
Соррини

Быть заодно во всяком случае!
Доминиканец (кинув боязливый и подозрительный взгляд)

А разве ты виновен в чем-нибудь?
Соррини

Нет! Нет! Ведь знаешь ты: мы вечно правы.
Доминиканец

Брось шуточки! Ты тут не виновен?
Соррини

Нет! Нет! Но если б даже был...
Доминиканец

Без если, просто:
Как с другом говори...
Соррини

Да нет!
Доминиканец

Простее!
Скажи: невинен ты?
Соррини

Как голубь!
Доминиканец (с коварной улыбкой)

Вот так! Ха! Ха! Ха! Ха! Давай бумаги;
За друга всем готов – душой и телом
Пожертвовать. А еретик Фернандо
Погреется у нас, пока
Охолодеет прах его проклятый;
(садится и берет перо с бумагой)

Я напишу, как ты мне говорил,
А там и в суд с убивственной бумагой!
Умен был тот, кто изобрел письмо.
Перо терзает иногда сильнее,
Чем пытка! – чтобы уничтожить царство,
Движения пера довольно, даже рай
Дает перо отца святого папы;
Ты веришь в эту власть?
Соррини

Как в добродетель!
Доминиканец

Итак, начну писать я свой донос.
(Начинает писать.)

Соррини (пока он пишет, подходит к месту, где убита Эмилия.) (Глядя вниз)

На этом месте кровь ее текла!
Вот пятна! Вот одно, другое!..
Впервые мне на кровь глядеть ужасно,
Впервые сердце бьется и трепещет,
И волосы невольно дыбом
Встают при мысли о убийстве!..
Жалеть ли мне Эмилию? – да что ж?
Всем должно умереть!.. Но если тень
Ее предстанет мне во мгле ночной,
Как говорила дева, если я
Преследуем, терзаем буду
Ее рукой холодною повсюду,
Как совестью мятежной, если
Кровавое пятно и день и ночь
Глазам бессонным станет представляться!.. [40]
Как? Я боюсь? Соррини стал бояться!
Кого? – себя!.. Стыдись... нет теней!
Нет призраков; могила слишком крепко
Свою добычу держит, чтоб она
Могла исторгнуться из рук ее сырых!
Но совесть! – совесть вздор! Однако ж... как, Соррини?
Ты совести боишься, и давно ль?
(Ударяет ногой в землю.)

Я презираю эту кровь, как совесть.
Доминиканец

Донос готов!
Соррини (подписывает)

Я подписал!
Доминиканец

И я!..
Соррини

Идем!
Доминиканец

Ужель донос подать боишься,
Товарищ; ты дрожишь!..
Соррини

От радости!
(Берет шляпу и палку)

Вот всё мое оружие, пойдем.
Доминиканец

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru
И горе!

Врагам закона нашего и нашим!
Пощады нет; клянемся!
Соррини

Нет пощады!
Какое же мучение избрать,
Чтобы мой еретик почувствовал
Всю тягость наших рук, всю тягость
Закона для отступника? – не сжечь ли?
Он оскорбил закон, он осквернил мой дом.
Доминиканец

Нет, четверить.
Соррини

Свинца кипящего
Ему влить в горло.
Доминиканец

Или на гвоздях
Его заставить спать.
Соррини

О, если б он имел
Сто жизней, я бы каждую иным,
Ужаснейшим терзаньем истощил!..
Однако цель моя достигнута!..
(Потирает руками.)

Доминиканец

Пойдем!
И с помощью святого Доминика
Еретика без жизни в прах повергнем!
(Уходят в радости.)

Действие пятое
Сцена I
(Дом Алвареца – стол.) (Свеча на столе.)

Алварец (сидит у стола)

Итак, она бежала от меня
С Фернандо – убежала с негодяем!
Донна Мария

Как я тебе сегодня объяснила;
Зачем ты не хотел позволить ей
За этого бродягу выйти замуж?
Алварец

Так не хочу же плакать об негодной,
Неблагодарной!..
Донна Мария (насмешливо)

Плачь, нет, плачь!
Об дочери такой нельзя не плакать!
Алварец

И как она была привязана ко мне!
Донна Мария

Да! Это видно!..
Алварец

Где тут стыд?
Покрывать седые волосы отца

Бесчестьем, посмеяться над отцом,
Любовницею быть бездомного бродяги,
В таких летах... А! Это слишком много!..
Нет! Звери благородней! Звери лучше!..
Донна Мария

Побереги себя!..
Алварец

Пускай она с Фернандо,
Как нищая, под окнами блуждает:
я отвергаю от себя ее!
Эмилия не дочь мне; пусть она
Найдет отца себе другого; я отвергнул
Бесстыдную от сердца своего.
Когда б она пришла к моим дверям,
Усталая, голодная, худая,
Как смерть, когда б она просила
Кусочка хлеба у меня, и этого
Я б не дал ей; пускай она умрет
На обесчещенном моем пороге!..
Донна Мария

Ты болен, друг! – не хочешь ли прилечь?
Алварец

Так, мне покой необходим теперь,
Я чувствую, что я совсем расстроен.
Донна Мария (в сторону)

Бедняк ведь точно весь измучен.
Алварец

Боже!
Зачем ты дал мне дочь, зачем послал
Ты с ней бесчестье на главу мою?
О! Накажи ее! Прошу тебя,
Молю тебя! Из древнего семейства –
И так бежать с Фернандо! – ныне вижу:
я воскормил змею в дому своем..
(Уходит.)

Донна Мария

Что делает теперь любезный патер
Соррини? – верно, он уже сорвал
Цветок невинности и наслажденья!..
Пришлет ли он еще подарок мне,
Его сотруднице!.. Конечно, он пришлет;
Мне кажется, что начинаю я
жалеть о бедной жертве сластолюбья!
А я была ведь главною причиной?
О! Совесть! Для чего терзать меня
Некстати? – прежде бы терзала;
Теперь помочь едва ли могут люди!
(Открывает ящик стола и вынимает подарки Сорриния, смотрит на них и кладет на
место опять.)

Нет, не могу я видеть этот жемчуг
И камни дорогие! – руки, пальцы
Мои дрожат, когда я их держу;
Какая-то невидимая сила
Весь этот жемчуг превращает в слезы;
Прочь! Прочь!..
(Кладет в ящик.)

Как мог меня прельстить
Подобный гадкий жемчуг?.. Совесть! Ты

Не хочешь покидать моей души?..
Зачем теперь? Что пользы для тебя?..
Угодники святые, помогите!
Молитвою, постом, богатым подаяньем
Загладить я хочу проступок свой,
Лишь дайте сон мне, дайте мне покой!
(Входит Алварец встревоженный.)

Алварец

Жена! Послушай! Здесь блуждают тени,
Мне кажется... сейчас я видел что-то,
Я слышал голос... голос мне знакомый!..
Мне дурно...
(Садится.)

Донна Мария

Успокойся, друг мой.
Где тени? – теней не бывало здесь!
Твоя печаль, твое воображение,
Быть может, эти призраки рождает!
Алварец

Мне дурно.
(Звонит.)

Эй, слуга! Воды,
(Слуга входит.)

Воды!.. Как можно поскорее.
(Уходит слуга.)

Жена! Я говорю, здесь бродят тени;
Ужель ты не слыхала голос томный?
Ужель ты не могла приметить их?
Донна Мария

Твои глаза от слез устали!
Алварец

Как?
Нет! Я не плакал, и не стану плакать!..
Я проклиная дочь свою.
(Слуга приносит стакан; он пьет; слуга уходит.)

Донна Мария (в сторону)

Мне страшно!..
Есть мертвецы, есть тени, говорят
Ученые монахи... мы должны
Им верить... это, право, страшно!
Алварец

Ну, если умерла Эмилия..
Ну, если в эту самую минуту
Ее душа рассталась с нею... если..
Донна Мария

Что говорит он! Небо!
Алварец

Нет! За гробом
Проклятие отцовское не тронет!
За гробом есть другой отец!.. Прощаю
Тебя, когда тебя не будет.
Между живых... пусть тень твоя не бродит
Вокруг меня, не отгоняет сон

От глаз моих, пусть ужас не подымет
Седые волосы, покрытые тобою
Стыдом и поношеньем, – нет! В могиле
Проклятие отцовское не тронет!
Там есть другой судья... прощаю,
Прощаю, дочь моя... о небо! Небо!
(Открывается дверь настежь с шумом, является Фернандо, держа труп Эмилии, старик
вскакивает. Ужас во всех лицах.)

Донна Мария

Ах!.. Всё пропало!
(Бросается в другую комнату.)

Алварец

Что такое значит?..
(Фернандо кладет тело на стул.)

Чья кровь? Чье это тело?
(Фернандо стоит над нею, мрачен.)

Кто она? Кто ты?
Фернандо

Я дочь тебе принес.
Алварец

Эмилия!.. – мертва!
Фернандо

Мертва!
Алварец

Так ты ее убийца!
Фернандо

Я!..
Алварец

Так ты!.. О, если б я имел довольно силы,
Чтоб растерзать тебя! Ты, похититель,
Убийца... и с такой холодностью!
Принес сюда... о милое создание!
Дочь! Дочь моя! И кровь ее течет...
И я!..
Фернандо

Не правда ли, она прекрасна?..
Алварец

Чего ты ждешь? Ступай хоть в ад,
Но прочь от глаз моих, убийца! Кровь ее,
Пока ты здесь, течи не перестанет...
О, если бы не слаб я был... прочь, демон,
Прочь, прочь от дочери моей!
Фернандо

Я здесь остаться
Решился...
Алварец

Ты решился?
Фернандо

Да! В живых
Она была твоя – теперь моя!
Геройским преступленьем я купил

Кровавый этот труп... он мой!.. Смотри
На эти бледные черты и отрекись
От дочери...
Алварец

Так подожди! Ты скоро
Меня увидишь!.. Тигр, змея коварства!
Я средство отыщу тебе отмстить,
Я инквизицию на помощь призову!
Фернандо

Кто не боялся уничтожить это,
(показывая на труп)

Того ничто не испугает в мире!..
(Алварец убегает и запирает двери за собой.)

Он запер двери! Ха! Ха! Ха! Прекрасно,
Старик, исполнил ты мое желанье!
Я с нею быть хочу наедине...
Как с другом... духи тишины!
Вы будете свидетелями свадьбы
Моей... здесь я клянусь любить
Ее одну, что б ни было... вы, стены,
Смотрите на Эмилию мою
И плачьте, если можете вы плакать!
Бледна! Бледна! – мертва!..
(Бросается к ногам ее и плачет.)

(Молчание.)

Ты мне простишь? Не правда ли, мой ангел?
Я спас тебя!.. Смотрите: улыбнулась!
Улыбкой смерти, сладкою улыбкой!
(Берет за руку.)

Рука ее как лед!
(Целует руку.)

Позволь поцеловать!
О, как приятно мертвых целовать!..
(Встает.)

Что ежели отрежу я косму
Волос и с ней умру, не легче ль будет мне
Терпеть последние мученья тела?
(Отрезывает косму волос кинжалом.)

Залог ее любви! Как я велик!
Пожертвовал собой, своей душой,
Пожертвовал таким созданием, чтоб
Освободить Эмилию, хоть вечно
Я не увижусь с ней!.. Один! Один!
Как жил, так и умрешь, Фернандо.
Зачем же небо довело меня
До этого? Бог знал заранее всё:
Зачем же он не удержал судьбы?..
Он не хотел!
(Молчание.)

Эмилия!
Теперь как прежде всеми ты забыта.
Но я с тобой!..
(Подходит ближе.)

Кровь на груди засохла!..
И предадут ее сырой земле;
Глаза, волшебные уста, к которым

Мой дерзкий взор прикован был так часто,
И грудь, и эти длинные ресницы
Песок засыплет, червь переползет без страха
Недвижное, бесцветное, сырое,
Холодное чело... никто и не помыслит
Об том... и, может быть, над той
Могилой проклянут мое названье,
Где будет гнить всё, что любил я в жизни!..
О! я тебя навеки потерял!
Рай не отдаст божественный твой образ
Душе моей; я навсегда простился
С тобой, когда удар судьбы свершился!
Я сам разрушил... сам отвергнул, сам
Свою надежду уничтожил... о! Прощай!
Прощай! Прощай! Ты спящий ангел!..
Бледна! Бледна!.. Мертва...
(Шум за дверями и голоса, но Фернандо стоит с поникшей головой и ничего не слышит.) (Входят служители инквизиции с начальником и веревками и прочими приготовлениями.)

Начальник

Он здесь! Фернандо наш возлюбленный!
Здесь еретик! Схватите поскорей!
(Подходят, берут. Он недвижим, ничего не чувствует.)

Свяжите руки!
Фернандо (как от сна)

Что вам надобно?
Начальник

Ты на костре пылающем увидишь,
Что хочет инквизиция святая!
Фернандо

За что?
Начальник

Мы не привыкли отвечать, за что!
Свяжите.
Фернандо

Я не дамся.
(Вырывается.)

Начальник

Мы увидим!..
Фернандо

Кто хочет жить?
Начальник

Я знаю: ты не хочешь!
Вот для чего пришли мы за тобой
Фернандо

Не думайте, что я боюсь вас.
Я не хочу оставить этот труп!..
Прочь от меня. Своим присутствием
Вы оскверните это место. Посмотрите:
Она святей, чем все святые ваши!
Своею кровию она купила рай,
А ваши кровию других мечтают
Его купить... прочь! Прочь отсюда!
Начальник

Я не люблю пустое толковать,
Схватите же его!
Фернандо (вынимает кинжал)

Приди на помощь
Вторично, мой кинжал... кто будет первый?
(Они отступают.)

Никто!.. Да сколько вас?.. Ужель один
Так страшен!
Начальник (своим)

Что нам торопиться, други?..
Он не уйдет от наших рук наверно.
Пускай придет отец Соррини сам:
Он нас прислал... пусть он с ним справится;
А из чего нам жертвовать собой!
(Становятся у двери.)

Фернандо

Что если брошусь я на них, как тигр,
И всех в крови к ногам своим повергну?..
Но нет! – зачем лишить их брэнной жизни,
Зачем лишить того, что им бесценно?
Я здесь один... весь мир против меня!
Весь мир против меня: как я велик!..
(Входит доминиканец с бумагой в руках.)

Доминиканец

Фернандо!
Фернандо

Что?
Доминиканец

Против тебя донос есть.
Фернандо

Не мудрено!
Доминиканец

И суд уж подтвердил,
Чтоб взять тебя.
Фернандо

Где суд в Испании?
Есть сборище разбойников!..
Доминиканец

А ты,
Ты не разбойник?
Фернандо

Нет.
Доминиканец (показав труп)

А это что?
Фернандо

Я спас ее!.. Она меня любила,
Любила!.. О! Знавал ли ты любовь?
Нет, не знавал!.. Как воск бы ты растаял,
Взглянув на эти бледные черты!
Она меня любила!.. Как еще любила!..
Доминиканец

Не о любви пришел я говорить:
Ты обвинен, что веришь Лютеру
И всем еретикам; вот для чего
Пришли мы взять тебя, мой друг;
Ты веришь в Лютера?
Фернандо

Как странно:
Без пытки спрашивает он меня!
Я верю, что есть бог!
Доминиканец

Что папа
Наместник бога?
Фернандо

Кто его поставил?
Доминиканец

Так ты не веришь?
Фернандо

Разве бог велел
Вам жечь людей?
Все (кричат)

Он еретик! Он еретик!
Доминиканец (к другим)

Зачем его вы тотчас не связали?
Начальник

Не сладили.
Доминиканец

Так смел он защищаться?
(К Фернандо)

Ты должен умереть, мой друг.
Фернандо

Я это знаю!
Я это знал давно... и ты умрешь!..
О! Не хвались своей минутной властью!
Вот образ смерти.
(Показывая на Эмилию)

Если рок Эмилию
Не пощадил, то пощадит ли вас?..
Доминиканец

Ты слышал приговор, итак, сдавайся!..
(Соррини входит и крадется дальше от Фернандо.)

Фернандо

Соррини, здравствуй! Верно, ты пришел
Последний миг страдальца усладить!
Не бойся! Я тебе не сделаю
Вреда! Я прежде забыл.
Я совершил свое. Предоставляю
Тебя раскаянью и совести.
Не вечно спят они. Граница есть
Всему... но полно уж об этом!
Соррини

Глупец, ты смеешь угрожать?
Фернандо

Соррини!
Ты победил... но просьба есть одна:
Исполни... если ты ее исполнишь,
То на костре я буду за тебя
Молиться, в лютой пытке буду имя
Твое благословлять.
Соррини (с улыбкой)

Скажи мне, что такое!
(Насмешливо)

Скажи мне... если только можно!..
Фернандо (вынимает косу Эмилии)

Ты видишь этот черный пук волос!
Пускай они сгорят со мной. Сегодня
я их отрезал с головы ее!
(указывая на тело Эмилии)

Пред смертью не снимайте их с меня;
Они вам не мешают.
Соррини

Нет, нельзя!
Никак нельзя.
Фернандо

Последняя мольба!
(Скрежещет зубами.)

Поверь мне, эти волосы никак
Тебе не помешают слышать крики
Мои, которые железо пытки
Исторгнет!..
Соррини

Нет! Никак нельзя!..
Их вид твои страданья облегчит,
Но этого не хочет суд.
Фернандо

Соррини!
Ты хочешь...
Соррини

я хочу, чтоб ты повиновался!
Служители! Еретика схватите
Сейчас и волосы из рук его
Нечистых вырвите. Канатами свяжите
Преступника! Он слышал приговор,
И глупо мешкать...
(В сторону)

ты заплотишь мне;
Узнаешь, что Соррини мстить не хуже
Тебя умеет: впрочем, мы виновны оба, –
А кто взял верх, тому и слава!
(В это время все приблизились к Фернандо. Но он отталкивает одного ближайшего,
бросается на Соррини и ранит его в руку.)

Фернандо

Издохни!
Соррини (который упал от удара, встает)

Помогите!
Фернандо (тихо и мрачно)

Жив!
Соррини

Я жив,
Чтоб насладиться муками твоими!
Доминиканец

Перевяжите руку!
(Перевязывает.)

Фернандо

Ныне вижу,
Что не исполнил ты свое предназначенье
И меру всех твоих злодейств. Творец
Свидетель мне: хотел очистить землю я
От зверя этого... железо обмануло..
И он живет... презренный человек!
Он отвратительнее для меня,
Чем все орудья пытки.
(Бросает кинжал на землю.)

Прочь, неверный
Металл! Ты мне служил, как люди:
Помог убить невинность, притупился
О грудь злодея,
(топчет)

прочь, изменник!
(Видя, что кинжал не в руках его, бросаются все на него, схватывают и связывают
руки.)

Доминиканец

Теперь он безопасен нам! Схватите,
Свяжите!
Соррини

Как мы мешкаем! – о! Сердце
Мое трепещет, хочет увидеть
Огонь, где этот еретик погибнет!
Во имя бога! Дети! Ну, ступайте!
Начальник

Чтоб он не вырвался! Держите крепче!..
Фернандо

Не бойтесь! Я не стану вырываться.
(Насмешливо)

Кто отослать хотел на небеса
Такого ангела,
(показывая на Сорриния)

заслуживает тот
Ужаснейшую казнь!..
Моисей (за дверью)

Впустите! Поскорее!
(Вбегает в отчаянье.)

Мой сын! Фернандо! Где он? Где он? Где он?
Фернандо, ты мой сын! Недавно я
Узнал. Раввин мне объявил. Что сделал ты?
Нашел! – и вновь теряю навсегда!
Мой сын! Мой сын! О небо!
Фернандо (вздрагивает)

я твой сын!
(Молчание.)

Старик... неправда! Говори: неправда!
Что пользы мне найти отца в подобный час?
Старик... ты обманулся! Я не сын твой,
Никто не требуй больше от меня любви.
Моисей

Нет! я тебя спасу!
(Бросается к ногам Соррини.)

О господин!..
Я сожаленья не прошу – у христиан,
Я знаю, господин, оно проступок!
Но вся моя казна твоя!
(Обнимает колена.)

Вот здесь червонцы!..
(Вынимает мешок.)

Спаси его! Позволь ему бежать!
Он сын мой!.. За него я всё отдам.
Фернандо

Встань! Встань! Не унижай себя пред ним,
Будь горд, как я, – иль ты не мой отец!
Встань! – и учись ненавидеть презирая.
Моисей (на коленях)

Возьми мое богатство, всё! – оно
Перед тобой... я дочь еще имею!..
Фернандо

Старик, молчи! – когда б я не был связан,
Я б рот тебе зажал..
Моисей

Помилуй!..
(Обнимает колена.)

Соррини

Нет!
Моисей

На казнь?..
Соррини

Ну что ж?
Начальник (одному из служителей)

Иди вперед.
Фернандо (к Моисею и Эмилии)

Прощайте!
(Его уводят.)

Соррини (Моисею)

Ну, что ты?
Моисей

Увели! – нельзя ль помочь!
Соррини (берет мешок с деньгами)

Попробую! Все средства не исчезли!

В суде имею я довольно власти.
Да ты еврей – ага!.. Зачем ты здесь?
О погоди! – я и с тобою справлюсь.
(Уходит смеясь.)

Моисей

Ушел! – и деньги взял, и сына взял,
Оставил с мрачною угрозой!.. О творец!
О бог Ерусалима! Я терпел –
Но я отец! Дочь лишена рассудка,
Сын на краю позорных могилы,
Имение потеряно... о боже! Боже!
Нет! Аврааму было легче самому
На Исаака нож поднять...[41] чем мне!..
Рвись, сердце! Рвись! Прошу тебя – и вы
Долой, густые волосы, чтоб гром
Небес разил открытое чело!
(Рвет волосы.)

Сын! Дочь! Имение! Червонцы!
Всё, всё!..
(ломая руки)

потеряно навек!
(Входят два человека с носилками.)

О горе! Горе мне! О горе! Горе!
(Жид убегает.)

(Два человека с удивлением глядят.)

1-й гробовщик

Везде одно отчаянье да казни;
Конечно, этот человек немало
Имел несчастья.
(Показывая на дверь, куда ушел Моисей.)

2-й гробовщик

Да! Как волосы он рвал!
1-й гробовщик

Он жид, однако ж я его жалею!..
2-й гробовщик

Приметил ли, когда нас посылал
Дон Алварец за телом дочери,
Как он едва держался на ногах
И крупная слеза катилась по щеке?
1-й гробовщик

Да, это приключенье занимает
Весь город!
2-й гробовщик (с помощью другого кладет на носилки тело Эмилии)

Мир душе твоей, девица!..
1-й гробовщик

Ей пышные готовят похороны,
Я слышал.
2-й гробовщик

Вот чего не понимаю!
Не всё ль равно усопшему, в парче
Или в холсте он будет съеден червем?..

Так принято.

2-й гробовщик (обвивая покрывалом тело на носилках, чтобы оно не упало)

Вот брачная постель твоя,
Красавица!
(Молчание.)

Куда была она прекрасна!..
Хоть я привык к таким работам, а теперь
Мне как-то жалко, как-то тяжело
На сердце.
(Подымают носилки с Эмилией.)

1-й гробовщик

Полно тут болтать! За дело!
Пойдем... вот так! Смотри, держать ровнее!
(Уносят тело.)

Сцена II
(Улица в городе близко жилища Алвареца.)

(Народ.)

1-й испанец

А! Здравствуй! Добрый день! Ты слышал ли
Печальную историю Фернандо.
2-й испанец

Он в город приведен сегодня, взят
В тюрьму; уж суд над ним окончен;
Костер стоит готов – я видел сам;
У нас не любят очень долго мешкать,
Когда какой-нибудь монах обижен;
Сейчас сожгут, хотя не виноват.
3-й испанец

Однако же Фернандо виноват, зачем
Он бедную Эмилию зарезал;
Жестокосердый!.. Нет! Пускай горит он.
4-й испанец

Он смерть предпочитал позорной жизни
И думал сделать ей добро, не зло!..
2-й испанец

Народ валит толпой, чтоб посмотреть,
Как умирает человек.
(Показывая на толпу)

Кто скажет,
Что эти люди сами смертные?
Сара (за сценой)

О, помогите удержать ее!..
Нозми входит с растрепанными волосами, а за нею Сара.)

До самого до города она
Всё так бежала... я измучилась!
Нозми! Ах! Она сошла с ума.
НОЗМИ

Пусти меня! – мой брат! мой брат! мой брат!
Куда ты?.. Я тебя люблю, люблю так нежно.
Закон – тиран! – какой уродливый

И гадкий вид! – дай руку мне! – о нет:

Как? Эти пальцы пахнут смертью!

Отдайте ожерелье мне назад...

Мой брат! Мой брат! Мой брат!

Я знала, он погибнет, Сара,

Пойдем домой.

(Сара берет ее за руку.)

Нет! Так я не хочу!

(Бросается на колени.)

О люди добрые! Скажите мне,

Где брат мой?

2-й испанец

кто она?

Сара

Ах! Сжальтесь!

Вы видите, она сошла с ума,

никто ее не может удержать...

2-й испанец

Когда бы все жида с ума сошли,

Как эта девушка, нам было б лучше.

Нозэми

Где брат мой?

4-й испанец

Бедная еврейка!

Нозэми (встав)

Вы думали, что я бедна, – но мой отец

Стократ богаче вас – и в столько ж лучше.

Вы думали, что долго буду я

стоять пред вами на коленях, – так ошиблись!

я буду петь, плясать и веселиться!

(Обтирает глаза.)

Прочь! Прочь, вы, слезы! – вы лжецы!

Не плакать я хочу, но веселиться,

Прочь слезы – мой отец богат!..

(Стонет.)

Сара

Что говорит она? – всё бредит!

Мы бедные евреи!..

2-й испанец (глядя на Нозэми)

Как жалка!

Нозэми

Где он?

Пылает небо, люди гибнут,

Земля трепещет... там, в огне, в огне,

Мой брат! Мой брат! – я не пойду к нему?

Пустите!..

Сара

Что ты делаешь,

великий боже! Образумь ее!

5-й испанец (вбегает)

Всё кончилось! Я был в суде, Фернандо

ведут на казнь, его пытали долго,

вопросы делали – он всё молчал, ни слова

Они не вырвали у гордого Фернандо –
И скоро мы увидим дым и пламя.
2-й испанец

Пойдемте посмотреть на казнь Фернандо!..
(Некоторые идут.) (Народ толпится через улицу.)

Ноэми

Чья казнь!
(Упадает на землю.)

Я... слышала, Фернандо.
(Тихо)

Мой брат! что ж? Смейтесь! – казнь и смерть!..
Как это больно!
(Группа составляет вокруг нее.)

Сара

Помогите ей!
Воды! – я заклинаю богом, помогите.
(Становится на колени возле.)

Она еще тепла... о, демоны, не люди!
Что я могу, бессильная старуха?
О, помогите, помогите ей!
6-й испанец (сухо)

Жидовка умереть одна не может?
Пускай она издохнет!.. И Фернандо,
Как говорят, был сын жида.
Сара

Он сын
По крайней мере человека – ты же камень!
Проклятье на тебя, кто б ни был ты!
(Склоняясь к Ноэми)

Ноэми! Ты оставить хочешь нас!
Ужасная судьба отца – и дочь, и сына
В одну минуту потерять!
Ноэми (тихо)

Фернандо!..
(Молодой человек из толпы подходит ближе.)

7-й испанец

Прелестные черты! Когда б печаль
И смерть не истощили их
Красы до половины, – что за бледность!
(Сара берет ее за руку и вздрогивает.)

Свинцу подобны сделались губы, [42]
Menschen und Leidenschaften
(Ein Trauerspiel)[43]
Посвящается
Тобю только вдохновенный,
Я строки грустные писал,
Не знав ни славы, ни похвал,
Не мысля о толпе презренной.
Одной тобою жил поэт,
Скрываючи в груди мятежной
Страданья многих, многих лет,
Свои мечты, твой образ нежный;

Назло враждующей судьбе
Имел он лишь одно в пре<д>мете:
Всю душу посвятить тебе,
И больше никому на свете!..
Его любовь отвергла ты,
Не заплативши за страданье.
Пусть пред тобой сии листы
Листами будут оправданья.
Прочти – он здесь своим пером
Напомнил о мечтах былого.
И если не полюбишь снова,
Ты, может быть, вздохнешь об нем.
Действующие лица
Марфа Ивановна Громова – 80 лет.

Николай Михалыч Волин – 45 лет.

Юрий Николаич, сын его – 22 лет.

Василий Михалыч Волин, брат Н<иколая> М<ихалыча> – 48 лет.

Любовь, Элиза – дочери 1) – 17 лет, 2) – 19 лет.

Заруцкий, молодой офицер – 24 лет.

Дарья, горничная Громова – 38 лет.

Иван, слуга Юрия.

Василиса, служанка 2-х барышень.

Слуга Волиных.

(Действие происходит в деревне Громова.)

Действие первое

Явление 1

(Утро.)

(Стоит на столе чайник, самовар и чашки.)

Дарья. Что, Иван, сходил ли ты на погреб? Там, говорят, всё замело от вчерашнего дождя... Да видел ли ты, где Юрий Николаич?

Иван. Ходил, матушка Дарья Григорьевна, – и перетер всё что надобно – а барина-то я не видал – вишь ты – он, верно, пошел к батюшке наверх. Дело обыкновенное. Кто не хочет с родным отцом быть – едет же он в чужие края, так что мудреного... А не знаете ли, матушка, скоро мы с барином-то молодым отправимся или нет? Скоро ли вы с ним проститесь?

Дарья. Я слышала, барыня говорила, что через неделю. Для того-то и Николай Михалыч со всей семьей привалил сюда – да, знаешь ли, вот тебе Христос, – с тех пор, как они приехали сюда, с тех самых пор (я это так твер<до> знаю, как то, что у меня пять пальцев на руке), – я двух серебряных ложек не досчиталась. Ты не веришь?

Иван. Как не верить, матушка, коли ты говоришь. Однако ж это мудрено – ведь у тебя всё приперто – надо быть большому искуснику, чтоб подтибрить две серебряные ложки. Да! Тут как хочешь экономию наблюдай и давай нам меньше жалованья и одежды и всё что хочешь – а как всякой день да всякой день пропажи, так ничего не поможет...

Дарья. Это же вина всё на мне да на мне, а я – видит бог – так верно служу Марфе Ивановне, что нельзя больше. Пускают этих – прости господи мое согрешение – в доме угощают, а сделалась пропажа – я отвечаю. Уж ругают, ругают! (Притворяется плачущей.)

Иван. А можно спросить, отчего барыня в ссоре с Н<иколаем> М<ихалычем>? Кажись

Дарья. Не отчего? Как не отчего? Погоди – я тебе всё это дело-то расскажу. (Садится.) Вишь ты: я еще была девчонкой, как Марья Дмитриевна, дочь нашей боярыни, скончалась – оставя сына. Все плакали как сумасшедшие – наша барыня больше всех. Потом она просила, чтоб оставить ей внука Юрья Николаича, – отец-то сначала не соглашался, но наконец его улакомили, и он, оставя сына, да и отправился к себе в отчину. [44] Наконец ему и вздумалось к нам приехать – а слухи-то и дошли от добрых людей, что он отнимет у нас Юрья <Николаича>. Вот от этого с тех пор они и в ссоре – еще...

Иван. Да как-ста же за это можно сердиться? По-моему, так отец всегда волен взять сына – ведь это его собственность. Хорошо, что Н<иколай> М<ихалыч> такой добрый, что он сжалился над горем тещи своей, а другой бы не сделал того – и не оставил бы своего дитища.

Дарья. Да посмотрела бы я, как он стал бы его воспитывать, – у него у самого жить почти нечем – хоть он и нарахтитесь в важные люди. [45] Как бы он стал за него платить по четыре тысячи в год за обучение разным языкам?

Иван. Э-эх! Матушка моя! Есть пословица на Руси: глупому сыну не в помощь богатство. Что в этих учителях. Коли умен, так всё умен, а как глуп, так всё напрасно.

Дарья (с улыбкой). А я вижу, и ты заступаешься за Н<иколая> Михалыча – он, видно, тебя прикармлил, сердешный; таков-то ты, добро, добро.

Иван (в сторону). По себе судит. (С гордым видом) Я всегда за правую сторону заступаюсь и положусь на всю дворню, которая знает, что меня еще никто никогда не прикармливал.

Дарья. Так и ты оставляешь нашу барыню. Хорошо, хорошо, Иван (топнув ногой), – так я одна остаюсь у нее, к ней привязанная всем сердцем, – несчастная барыня (притворяется плачущею).

Иван (в сторону). Аспид!

явление 2
(Входит Василиса с молошником.)

Василиса. Пожалуйте, Дарья Григорьевна, барышням сливок – вы прислали молока, а они привыкли дома пить чай со сливками, так не прогневайтесь.

Дарья. Они у вас всё сливочки попивали – (в сторону) видишь, богачки! (Ей) у меня нет сливок, теперь пост – так я не кипятила.

Василиса. Я так и скажу?

Дарья. Так и скажи! – ну чего ждешь! Я тебе сказала, что у меня нет. (Василиса уходит.) (Она продолжает) Экие какие спесивые – ведь голь, настоящая голь, а туда же, сливок да сливок – ради, что к тем попали, где есть сливки. Пускай же знают, что я не их слуга. Экие какие...

явление 3
(Николай Михалыч, Василий Мих<алыч> входят.)

Ник<олай> М<ихалыч> (Дарье). Здравствуй, Дарья!..

Дарья. Здравствуйте, батюшка! Хорошо ли почивали?..

Ник<олай> М<ихалыч>. Хорошо – да у вас что-то жарко наверху. Послушай! Пошли мне моего человека.

Дарья (Ивану). Пошли! Что ты стоишь? (Он уходит.)

Никол<ай> М<ихалыч> (брату). Посмотри-ка, брат, как утро прекрасно, как всё свежо. Ах, я люблю ужасно это время, пойдем прогуляться в саду, пойдем...

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драмы. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru
Василий М<ихалыч>. Изволь – я готов. (Уходят. Дарья отворяет им дверь.) (Дарье)
Поддай нам чаю в сад! – слышишь?

Дарья. Каковы! – принеси им туда чаю – как будто я их раба. Как бы не так. Так не понесу же им чаю, пускай ждут или сами приходят. О-ох, время пришло, времечко – всякой командует!

Явление 4

(Квартира Заруцкого в избе.) (Ребятишки на полотах. Люлька и баба за пряжей в углу.)

Заруцкий (сидит за столом, на котором стоит бутылка и два стакана. Он в гусарском мундире). Вот, кажется, я нашел еще товарища моей молодости. Как полезно это общественное воспитание! – на каждом шагу у жизни мы встречаем собратий, разделявших наши занятия, шалости, которые милы бывают, только пока мы молоды. Как старое воспоминание, нам любезен старый друг. (Молчание.)

А Волин был удалой малый, ни в чем никому не уступал, ни в буянстве, ни в умных делах и мыслях, во всем был первый; и я завидовал ему! Но он скоро будет – я послал сказать ему, что старый его приятель здесь. Посмотрим, вспомнит ли он меня?

(Пьет.) Славное вино. То-то попотчеваю.

(Берет гитару и играет и поет. Гитара лежала на столе.)

или 1

Если жизнь тебя обманет, [46]
Не печалься, не сердись,
В день уныния смиришь,
День веселья, верь, настанет.
Сердце в будущем живет,
Настоящее уныло,
Всё мгновенно, всё пройдет:
Что пройдет, то будет мило...
или 2

Смертный, мне ты подражай! [47]
Наслаждайся, наслаждайся,
Страстью пылкой утомляйся,
А за чашей отдыхай.
(Пьет.)

(В эту минуту дверь отворяется, и Юрий быстро входит в избу и бросается на шею Заруцкому. Молчание.)

Явление 5

Юрий. Заруцкий... как неожиданно...

Заруцкий. Давно, брат Волин, не видались мы с тобой. Я ожидал тебя и знал наверно, что ты меня не забыл, – каков же я пророк.

Юрий. Как ты переменялся со время разлуки нашей – однако не постарел и такой же веселый, удалой.

Заруцкий. Мое дело гусарское! – а ведь и ты переменялся ужасно...

Юрий. Да, я переменялся – посмотри, как я постарел. О, если б ты знал все причины этому, ты бы содрогнулся и вздохнул бы.

Заруцкий. В самом деле, чем больше всматриваюсь – ты мрачен, угрюм, печален – ты не тот Юрий, с которым мы пировали, бывало, так беззаботно, как гусары накануне кровопролитного сраженья...

Юрий. Ты правду говоришь, товарищ, – я не тот Юрий, которого ты знал прежде, не тот, который с детским простосердечием и доверчивостью кидался в объятья всякого, не тот, которого занимала несбыточная, но прекрасная мечта земного,

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru
общего братства, [48] у которого при одном названии свободы сердце вздрагивало и щеки покрывались живым румянцем, – о! Друг мой! – того юношу давным-давно похоронили. Тот, который перед тобою, есть одна тень; человек полуживой, почти без настоящего и без будущего, с одним прошедшим, которого никакая власть не может воротить.

Заруцкий. Полно! Полно! – я не верю ушам своим – ты, что ли, это ты говоришь? Скажи мне, что с тобою сделалось? Объясни мне – я, черт возьми, ничего тут не могу понять. Из удалыца – сделался таким мрачным, – как доктор Фауст! Полно, братец, оставь свои глупые бредни.

Юрий. Не мудрено, что ты меня не понимаешь, – ты вышел 2-мя годами прежде меня из пансиона и не мог знать, что со мной случилось... Много-много было без тебя со мною, ах! Слишком много! (Начинает рассказ. Заруцкий закуривает трубку...)

Заруцкий. Да что ж могло с тобою быть? Несправедливости начальства, товарищей? И ты этого в 6 лет не мог забыть? Полно, полно, – что-нибудь другое томит и волнует твою душу. Глаза чернобровый красавицы раг ехемпле.[49]

Юрий. Нет – совсем нет! – что за смешная мысль! Ха-ха-ха!.. (Молчание.)

Заруцкий. Да что же! Мне любопытно знать!.. Кстати, выпей-ка стакан! (Взяв за руки) Не знаю, чем тебя мне угостить, дорогого гостя...

Юрий (выпив). Помнишь ли ты Юрия, когда он был счастлив; [50] когда ни раздоры семейственные, ни несправедливости еще не начинали огорчать его? Лучшим разговором для меня было размышление о людях. Помнишь ли, как нетерпеливо старался я узнавать сердце человеческое, как пламенно я любил природу, как творение человечества было прекрасно в ослепленных глазах моих? Сон этот миновался, потому что я слишком хорошо узнал людей...

Заруцкий. Вот мы, гусары, так этими пустяками не занимаемся – нам жизнь – копейка, зато и проводим ее хорошо.

Юрий. Без тебя у меня не было друга, которому мог бы я на грудь пролить все мои чувства, мысли, надежды, мечты и сомненья... Я не знаю – от колыбели какое-то странное предчувствие мучило меня. Часто я во мраке ночи плакал над холодными подушками, когда вспоминал, что у меня нет совершенно никого, никого, никого на целом свете – кроме тебя, но ты был далеко. Несправедливости, злоба – всё посыпалось на голову мою, – как будто туча разлетевшись упала на меня и разразилась, а я стоял как камень – без чувства. По какому-то машинальному побуждению я протянул руку – и услышал насмешливый хохот – и никто не принял руки моей – и она обратно упала на сердце... Любовь мою к свободе человечества почитали вольнодумством – меня никто после тебя не понимал. Однако ж ты мне возвращен снова! Не правда ли?..

Заруцкий. О государь! Наш мудрый государь! Если бы ты знал, каким гидрам, каким чудовищам, каким низким нравственным уродам препоручаешь лучший цвет твоего юношества, – но где тебе знать? – один бог всеведущ!.. Черт меня дери, если я не изрублю этого... злодея, когда он мне попадетсся, – он многих сделал несчастливими. Продолжай! Друг мой!..

Юрий. Потом – ты знаешь, что у моей бабки, моей воспитательницы, жестокая распря с отцом моим, и это всё на меня упадет. Наконец, я тебе скажу – не проходит дня, чтобы новые неприятности не смущали нас, я окружен такими подлыми тварями – всё так мне противуречит...

Заруцкий. Эх! Любезный, черт с ними!.. Всех не исправишь!

Юрий. Еще (берет его за руку) знаешь ли? Я люблю...

Заруцкий. Ну так, без этого не обойтись? В кого, скажи мне, в кого ты влюблен. Я помогу тебе – на то и созданы гусары: пошалить, подраться, помочь любовнику – и попировать на его свадьбе.

Юрий. На свадьбе? – кровавая будет свадьба! Она никогда не будет мне принадлежать, зачем же называть ее – я хочу погасить последнюю надежду – я не хочу любить, – а всё люблю!..

Заруцкий. Послушай, брат, знаешь ли, я сам люблю и не знаю, любим ли я; мне стало жалко тебя, ты очень несчастлив. Послушай! Зачем ты не пошел в гусары? Знаешь, какое у нас важное житье, – как братья, а поверь, куда бабы вмешаются, там хорошего не много будет!

Юрий (в сторону). О, если б ты знал, что я люблю дочь моего дяди, ты не сравнивал бы себя со мною. (Вслух) Я еду в чужие края – оставляю всех – родину, – может быть, это поможет моему рассеянию.

Заруцкий. Твой отец здесь и дядя и кузины... их две?..

Юрий (с приметным смущением). Да... да – они все приехали со мной проститься!.. И мы с тобой снова расстанемся!

Заруцкий. Твое воображение расстроено, мой милый, ты болен. Зачем тебе ехать от нас?

Поверь мне, той страны нет краше и милее,
Где наша милая иль где живет наш друг. [51]

Юрий. Зачем разуверять меня, зачем останавливать несчастного. Неужели и ты против меня; неужели и ты хочешь моей гибели, и ты изменил мне – скажи мне просто, что ты думаешь, – быть может, ты хочешь посмеяться надо мной, над безнадежной моей любовью так – как некогда – у меня был друг, который хохотал. Долго этот хохот останется в моем слухе. Ах! Имей немного сострадания, столько, сколько человек может иметь, – оставь меня лучше!

Заруцкий. Бедный, в каком он безумии. Зачем я коснулся его живой струны? (К Юрию) Послушай, запомни мои слова: дома лучше!..

Юрий. Я еду – я должен ехать – я хочу ехать... (Кидается на стул и вдруг закрывает лицо руками.)

Заруцкий (стоит в безмолвии над ним, покачав головою). Бедный!.. Кто виноват?.. Неужели человек может быть так чувствителен, что всякая малость раздражает его до такой степени. (Ударив себя по сердцу) Этого я, по чести, не понимаю!.. Эй, брат. Вставай-ка – ты болен... Опомнись (трогает его).

Юрий. Да! Я болен! Смертный яд течет по моим жилам. (Заруцкий поднимает его.) (Как ото сна встает.) Где я, у кого я?

Заруцкий. В объятиях твоего друга.

Юрий (обнимает его с восторгом). У меня есть друг.

Заруцкий. Утешься, брат, – не век горе.

Юрий (не слыша его). Ты на меня не сердит? А? Прости мне, если я что-нибудь тебе обидное сказал, – не я говорил – мои страсти, мое безумство – прости меня...

Заруцкий. Тебе нужен свежий воздух!.. Итак, пойдем отсюда... в поле... (Уходят.)

Явление 6

(Комната барышень. Любенька сидит и читает. Горничная шьет платье, а Элиза перед трюмо. Всё тихо.)

Элиза (примеривая шляпу). Посмотрите, ma sœur, [52] как эта шляпка на мне сидит. Не правда ли, что прекрасно...

Любовь. Да, это правда. (Положив книгу) Ах! Если бы ты знала, какую прекрасную книгу я читаю.

Элиза. А что такое, позвольте спросить?

Любовь. «Вудсток, или Всадник», Вальтера Скотта! Я остановилась на том месте, когда Алина удерживает короля и полковника... [53] Ах, как я ей завидую...

Элиза. По мне ничего тут нет прекрасного. Пускай бы их сражались... да шею себе

Любовь. У всякого свой вкус...

Элиза. Кстати: помнишь ли, как мы были в Москве. Я танцевала с одним прехорошеньким, молодым мальчиком. Он мне писал письмо, познакомился с кузинами для меня...

Любовь (с презрением). И ты приняла письмо?

Элиза. Экая важность! Я очень рада... Когда мы приедем опять в столицу – он на мне женится... А ты не хочешь замуж, душенька моя? – будь спокойна, не возьмет тебя никто.

Любовь. Где ж нам с вами, большими барынями, равняться... ты любимая дочка, а...

Элиза (как будто не слышит ее). Какое прекрасное время – пойду в сад... (Уходит.)

Любовь. За что меня батюшка меньше ее любит, боже мой? Что я сделала?... Неужели должна любовь отца разделяться не ровно!.. Кажется, я привязана к нему с такой же нежностью, как сестра моя, никогда не огорчала его непослушанием – никогда – никогда... Ах, если бы маменька была жива, если б было кому с участием, нежностью меня прижать к груди своей, я бы не жаловалась на судьбу мою.

(Василиса-служанка встает и уходит.)

Как я помню ее последние слова «не плачь, дочь моя, – что делать, если отец тебя не любит, – молись, дочь моя, – божеская любовь равна любви родительской!» И бледное болезненное лицо ее сделалось совершенно спокойно – как смерть!.. (Молчание.) Видно, мне вечно быть сиротой. Я смутно помню, что когда-то я была у Троицкой лавры[54] – и мне схимник предсказал много горестей. О! Святой старик, зачем твое предсказание исполнилось?

(Она садится за книгу. Вдруг входит Заруцкий. Она в испуге вскакивает.)

явление 7
(Заруцкий подходит к ней.)

Любовь. Чего вам надобно, милостивый государь, – здесь – когда я одна – вы, верно, ошиблись комнатой, вы не сюда хотели взойти...

Заруцкий. Нет, сударыня. Я точно там, где хотел быть... Это ваша комната...

Любовь. Кажется...

Заруцкий. Не пугайтесь – прошу вас – не пугайтесь...

Люб<овь>. Мне нечего вас пугаться – только этот поступок очень удивителен...

Зар<уцкий>. Если вы узнаете причины его – то, клянусь вам, не будете удивляться... если вы слышали или чувствовали сами ту власть, которой покорствуется всё в природе... то исполните мою просьбу...

Любовь. Мне кажется, у вас никакой просьбы до меня, 17-летней девушки, не может быть, что я могу вам сделать...

Заруцкий. Я гусар, а гусары говорят то, что думают: позволяете ли мне говорить откровенно?

(Она в смущении молчит.)

Знавали ли вы страдания любви, вы носите ее имя, отвечайте, протекал ли огонь ее по вашим жилам?..

Любовь. Какой странный вопрос...

Заруцкий. Знавали ли вы любовь?..

Любовь. Это слишком много, слишком дерзко – я не привыкла к таким разговорам – оставьте меня, – вы не хотите – я вам приказываю, не то я позову людей... ибо – я не хочу вам сделать эту неприятность. Оставьте меня.

Заруцкий. В последний раз заклинаю вас, скажите мне, любили ли вы какого-нибудь юношу, – одного на целом свете.

Любовь (с досадою). Это слишком вольно, м<илостивый> г<осударь>, – повторяю вам, если вы меня не оставите...

Заруцкий (вскакивает как громом поражен). (В сторону) Итак, все надежды мои провалились сквозь землю... попробую еще... быть может, она мыслит, что Заруцкий ее любит, – ах! Счастливая мысль – еще есть спасенье.

(Подходит к ней с спокойным видом.) Я обожаю – сестру вашу...

Любовь. Что же вам до меня. Зачем тревожить мое спокойствие таким неожиданным приходом, зачем же вы пришли ко мне? Ваш поступок невозможно понять!..

Заруцкий. Я для того пришел к вам, чтобы вымолить, выплакать помощь, – будьте уверены в чистоте моих желаний – я хочу, клянусь вам, хочу на ней жениться – но – прежде – доставьте мне случай с ней говорить наедине, скажите ей, что она любима – страстно – столько, сколько гусар может любить. Я хочу узнать ее ближе – вы будете свидетелем – умоляю вас – но что это значит? Вы отворачиваетесь? – как можно отказываться сделать доброе дело, когда мы в состоянии.

Любовь. Я не в состоянии этого сделать!..

Заруцкий. Как! Имея доверенность сестры вашей, ее дружбу – и вы...

Любовь. Вы ошибаетесь!.. Я не имею ничьей доверенности, ничьей дружбы!..

Заруцкий. Итак – мне идти без надежды – а?..

Любовь. Нет – останьтесь... слушайте... поклянитесь мне, что вы во зло не употребите ее снисхождения... но чем вам клясться... нет... лучше... скажите мне, положив руку на сердце: правда ли, что мужчины так злы и коварны, как их обвиняют, – правда ли, что их душе ничего не стоит погубить девушку навеки...

Заруцкий (подумав, решительно). Неправда...

(Слышен шум.)

Любовь. Я постараюсь убедить Элизу... но помните, что грешно будет употребить во зло мою и сестрину доверенность... слышите – она идет – бегите скорей, бегите...

Заруцкий. Я буду надеяться. (Уходит.)

(Чрез минуту входит Элиза.)

Явление 8

Элиза. Ах, какой смех! Grand dieu! Grand dieu![55] кабы ты знала, Любанька, что там за шум внизу. Марфа Ивановна так раскапризничалась – что хоть из дому беги!.. Ужас! – девок по щекам так и лупит – ха! Ха! Ха! Ха! – стоит посмотреть – и за что? Ах, дай отдохнуть – самая глупейшая глупость – ах! Как я устала!.. После тебе расскажу!..

Любовь. А у меня есть дело очень важное до тебя... и на твой счет...

Элиза. Что такое? Скажи, пожалуйста! Скажи!..

Любовь. Пойдем со мной!

(Уходят.)

Конец 1-го действия

Действие второе

(Комната Марфы Ивановны. Она сидит на креслах, перед ней стоит Дарья.)

Марфа Ив<ановна>. Как ты смела, Дашка, выдать на кухню нынешний день 2 курицы – и без моего спросу? – а? – отвечай!

Дарья. Виновата... я знала, матушка, что две-то много, да некогда было вашей милости доложить...

Марфа Ив<ановна>. Как, дура, скотина, – две много... да нам есть нечего будет – ты меня этак, пожалуй, с голоду уморишь – да знаешь ли, что я тебе сейчас вот при себе велю надавать пощечин...

Дарья (кланяясь). Ваша власть, сударыня, – что угодно – мы ваши рабы...

Марфа Ив<ановна>. Что, не было ли у вас какого-нибудь крику с Николай Михаловичем...

Дарья. Нету-с – как-с можно-с нам ссориться – а вот что-с – нынче ко мне барышни присылали просить сливок, и у меня хоть они были, да...

Марфа Ив<ановна>. Что ж ты, верно, отпустила им?..

Дарья. Никак нет-с...

Марф<а> Ив<ановна>. Как же ты смела...

Дарья. Добро бы с вашего позволения, а то вы почивали – так этак, если всяким давать сливок, коров, сударыня, неостанет... у нас же нынче одна корова захворала, и я, матушка, виновата, не дала, не дала густых сливочек... слыхано ли во свете без барского позволения?..

Марф<а> Ив<ановна>. Ну, так хорошо сделала... Не знаешь ли ты, где мой внук, молодой барин?..

Дарья. Кажется, сударыня, он у своего батюшки.

Марф<а> Ив<ановна>. Всё там сидит. Сюда не заглянет. Экой какой он сделался – бывало, прежде ко мне он был очень привязан, не отходил от меня, пока мал был, – и напрасно я его удаляла от отца – таки умели Юрьюшку уверить, что я отняла у отца материнское именье, как будто не ему же это именье достанется... Ох! Злые люди!

Дарья. Ваша правда, матушка, – злые люди.

Марф<а> Ив<ановна>. Кто станет покоить мою старость! – и я ли жалела что-нибудь для его воспитания – носила сама бог знает что – готова была от чаю отказаться – а по четыре тысячи платила в год учителю... и всё пошло не впрок... Уж, кажется, всяким ли манером старалась сберечься от нынешней беды: ставила фунтовую свечу каждое воскресенье, всем святым поклонялась. Ему ли не наговаривала я на отца, на дядю, на всех родных – всё не помогло. Ах, кабы дочь моя была жива, не то бы на миру делалось, – не то бы...

Дарья. Что это вы, сударыня, так сокрушаетесь – всё еще дело поправное – можно Юрья Николаича разжалобить чем-нибудь, а он уж известен, как если разжалобится, – куда хочешь, для всякого на нож готов... Есть, Марфа Ивановна, поговорка: железо тогда и куется, пока горячо...

Марфа Иванов<на>. Вот как врет – можно ли это – как его разжалобишь – он уж ничему не поверит...

Дарья. Как вашей милости у нас, рабов, об таких вещах спрашивать... вам ли не знать...

Марфа Ив<ановна> (смотря кверху). Видит богоматерь, я не теряла молитв... постараюсь, попробую поступить по твоему совету, Дашка... да слушай, что они там ни будут говорить с отцом, всё узнавай и приходи сказывать мне...

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru
Дарья. Слушаюсь – уж на меня, Марфа Ивановна, извольте надеяться...

Марф<а> Ив<ановна>. Ну я надеюсь: ты всегда мне верно служила...

Дарья. Видит бог–с, не обманывала никогда и вечно в точности ваши приказанья исполняла... да и вашей милостью довольны. (Кланяется.)

Марф<а> Ив<ановна>. Но вот уж через неделю Юрьюшка поедет – и я избавлюсь от этих несносных Волиных – то–то кабы дочь моя была в живых!.. (Молчание.) Эй, Дашка, возьми–ка Евангелие и читай мне вслух.

Дарья. Что прикажете читать?

Марфа Ив<ановна>. Что попадется!..

(Дарья открывает книгу и начинает читать.)

Дарья (читает вслух довольно внятно). «Ведяху со Иисусом два злодея. И егда приидоша на место, нарицаемое лобное, ту распяшу его и злодеев, оваго одесную, а другога ошуюю. Иисус же глаголаше: Отче, отпусти им: не ведают бо, что творят. Разделяюще ризы его и метяху жребия...»

Марфа Ив<ановна>. Ах! Злодеи–жиды, нехристы проклятые... как они поступали с Христом... всех бы их переказнила, без жалости... нет, правду сказать, если б я жила тогда, положила бы мою душу за господу, не дала бы его на растерзание... Переверни–ка назад и читай что–нибудь другое...

Дарья (читает). «Горе вам, лицемеры, яко подобитесь гробам украшенным, иже снаружи являются красны, внутри же полны суть костей мертвых и всякой нечистоты!.. Так и вы извне являетесь человеком праведни, внутри же есте полны лицемерия и беззакония...»

Марфа Иван<овна>. Правда, правда говорится здесь... ох! Эти лицемеры!.. Вот у меня соседка Зарубова... такая богомольная кажется, всякой праздник у обедни, а намеднясь велела загнать своих коров и табун на мои озими – все потоптали, – злодейка...

Дарья. Да еще, сударыня, бранит вас повсюду по домам – такая змея... и людям–то своим велит на вас клепать нивесь что – мы хоть рабы, а как услышишь что–нибудь такое, так кровь закипит – так бы и вцепилась ей в волосы...

Марф<а> Ив<ановна>. Продолжай...

Дарья (читает). «Дополняйте же вы меру злодеяния отцов ваших. Змеи, порождение ехиднины, как убежите от огня и суда геенны?»

Марфа <Ивановна>. Не убежит она... Послушай, Дашка... возьми что–нибудь другое!..

Дарья. Из чьего Евангелия прикажете?

Марф<а> Ив<ановна>. От Марка.

Дарья. «Сего ради глаголю вам: вся, елика аще молящися просите, веруйте, яко приемлете; и будет вам. И егда стоите на молитве, прощайте, аще что имате на кого, да и отец ваш, иже на небесех, отпустит вам согрешения ваша...»

(Слышен громкий стук разбитой посуды, обе вздрагивают.)

Марф<а> Ив<ановна>. Что это?.. Верно, мерзавцы что–нибудь разбили... сбегай–ка да посмотри!..

(Дарья уходит. Чрез минуту приходит.)

Дарья. Ваша хрустальная кружка, с позолоченной ручкой и с вензелем...

Марфа Ив<ановна>. Она!

Дарья. В дребезгах лежит на полу...

Марф<a> Ив<ановна>. Ах, злодеи! Кто разбил – кто этот окаянный?..

Дарья. Васька-поваренок!..

Марф<a> Ив<ановна>. Пошли его сюда... скорей... уж я ему дам, разбойнику, березовой каши.

(Дарья призывает его.)

Марф<a> Ив<ановна>. Как ты это сделал, мерзавец... знаешь ли, что она 15 рублей стоит? – эти деньги я у тебя из жалованья вычитаю. Как ты ее уронил, – отвечай же, болван?.. Ну – что ж ты? Говори.

(Мальчишка хочет говорить.)

Как? Ты еще оправдываться хочешь... Эх! Брат, в плети его, в плети на конюшню...

(Мальчик кланяется в ноги.)

Вздор! Я этим поклонам не верю... убирайся с чертом, прости, боже, мое согрешение...

(Мальчик идет.)

Убирайся... (топнув ногой) Моя лучшая кружка, с золотой ручкой и с моим вензелем!.. Нельзя ли, Дашка, ее поправить, склеить хоть как-нибудь...

Дарья. Ни под каким видом нельзя-с.

Марф<a> Ив<ановна>. Экая беда какая.

(Входят Н<иколай> М<ихалыч> и Вас<илий> М<ихалыч> Волины. Дарья уходит с книгой.)

Явление 2

Ник<олай> Мих<алыч>. Здоровы ли вы, матушка, нынче и хорошо ли почивали... я слышал, что вы долго не засыпали...

Мар<фа> Ив<ановна>. Да, батюшка, мне что-то не спалось – я всё думала об моем Юрьюшке... как это он поедет путешествовать, я боюсь за него – вот вы, отцы, не так беспокоитесь об детях!.. А мне так грустно с ним расставаться...

Ник<олай> Мих<алыч>. Неужели вы думаете, что мне легче. Вы ошибаетесь, позвольте мне сказать. Я сына моего не меньше вас люблю; и этому доказательство то, что я его уступил вам, лишился удовольствия быть с моим сыном, ибо я знал, что не имею довольно состояния, чтоб воспитать его так, как вы могли.

Мар<фа> Ив<ановна> (к Вас<илию> Мих<алычу>). Что, батюшка! Как ваше дело, что говорит сенат?..

Вас<илий> Мих<алыч>. Сенат-с? – до него еще дело не доходило. А всё еще кутят да мутят в уездном суде да в губернском правлении... такие жадные, каналы, эти крючки подьячие, со всей сволочью, что когда туда приедешь, так и обступят – чутье собачье! Знают, что у тебя в карманах есть деньги... и вот уж пять лет тянется вся эта комедия... впрочем, для меня совсем не смешная, потому что я действующее лицо!..

Марф<a> Ив<ановна> (к Н<иколаю> М<ихалычу>). Знаете ли, Н<иколай> Мих<алыч>, я хочу, чтоб Юрьюшка ехал во Францию, а в Германию не заглядывал, – я терпеть не могу немцев! Чему у них научишься!.. Все колбасники, шмерцы!.. [56]

Ник<олай> М<ихалыч>. Позвольте перервать речь вашу, матушка, немцы хотя в просвещении общественном и отстали от французов, то есть имеют некоторые странности им приличные, в обхождении, не так ловки и развязны, но зато глубокомысленнее французов, и многие науки у них более усовершенствованы, и Юрий, в его лета, очень даже может сам располагать собою, ему 22 года, он уже имеет чин – и прочее>...

Марф<а> Ив<ановна>. Сохрани бог!.. Нет, ни за что.

Вас<илий> М<ихалыч>. Так ему надо ехать чрез Германию, иначе невозможно, хоть на карту взгляните.

Марф<а> Ив<ановна>. Как же быть! А я не хочу, чтоб он жил с немцами, они дураки..

Ник<олай> Мих<алыч>. Помилуйте! У них философия преподается лучше, нежели где-нибудь! Неужто Кант был дурак?.. [57]

Марф<а> Ив<ановна>. Сохрани бог от философии! Чтоб Юрьюшка сделался безбожником?..

Ник<олай> М<ихалыч>(с неудовольствием). Неужели я желаю меньше добра моему сыну, чем вы? Поверьте, что я знаю, что говорю. Философия не есть наука безбожия, а это самое спасительное средство от него и вместе от фанатизма. Философ истинный – счастливейший человек в мире, и есть тот, который знает, что он ничего не знает. [58] Это говорю не я, но люди умнейшие..

(Вас<илий> М<ихалыч> в тайном удовольствии.)

И всякий тот, кто хотя мало имеет доброго смысла, со мною согласится.

Марф<а> И<вановна>. Стало быть, я его совсем не имею.. это слишком самолюбиво с вашей стороны.. уверяю вас!..

Ник<олай> М<ихалыч>. Лучше сами поверьте, что отец имеет более права над сыном, нежели бабушка.. Я, сжался над вами, уступил единственное свое утешение, зная, что вы можете Юрия хорошо воспитать.. Но я ожидал благодарности, а не всяких неприятностей, когда приезжаю повидаться к сыну.. Вы ошибаетесь очень: Юрий велик уж, он сделался почти мужем и может понимать, что тот, кто несправедлив противу отца, недостоин уважения от сына.. Я говорю правду, вы ее не любите – прошу вашего извинения.. Впрочем, знайте, что я не похож на низких ваших соседей и не могу не говорить о том, что чувствую: я очень огорчен вашим против меня расположением.. Но что ж делать, вы задели меня за живое: я отец и имею полное право над сыном.. Он вам обязан воспитанием и попечением, но я ничем не обязан. Вы платили за него в год по 5 тысяч, содержали в пансионе, – но я сделал еще для вас жертву, которую не всякий отец сделает для тещи, уж не говорю об имени.. прошу извинить.

Марф<а> Ив<ановна> (привстав). Как, и вы можете меня упрекать, ругать, как последнюю рабу, – в моем доме.. Ах! (Упадает в изнеможении злобы на кресло и звонит в колокольчик.) Дашка, Дашка, палку.

Дарья. Сию минуту. (Приносит палку и выводит ее из комнаты под руку.)

Ник<олай> Мих<алыч>. О боже мой! Может ли сумасшествие женщины дойти до такой степени!.. (Ходит взад и вперед.)

Вас<илий> Мих<алыч> (подходит к нему). Вот что значит, братец, спорить с бабами! А отчего это всё, отчего не мог ты взять просто сына своего от нее: не хотел заплатить 3000 за бумагу крепостную. Ведь она тебе отдавала имение – что за глупое великодушие не брать! – или брать на честное слово, что всё равно. Вот она и сделала условие, что если ты возьмешь к себе сына, так она его лишит наследства, а тебя не сделала опекуном. Что, брат! Видно, поздно!..

Ник<олай> М<ихалыч>. Но ее слово, уверения брата ее – я почему мог отгадать, что они меня обманут?..

Вас<илий> М<ихалыч>. Что, скажи мне, ты шутишь? – честное слово! Ха! Ха! Ха!.. Нынче это нуль по левую сторону единицы.

(Уходят.)

Явление 3

(Сад, сумерки, и луна на небе, налево беседка. Любовь в длинной черной шали, в

Любовь (читая). Он желает говорить со мною здесь наедине, в это время, – что такое значит? Юрий хочет со мною говорить – об чем? Между нами не может быть и не должно быть ничего такого, что бы нельзя было сказать при свидетелях. Однако ж я не должна опасаться, хотя говорят, что девушки должны бояться мужчин. Зачем мне бояться Юрия?.. Ах! Часто, когда на меня устремлял он свои взоры неподвижные, светлые, – что-то чудное происходило в груди моей; сердце билось. Быть может, он в меня влюблен? Нет! Нет! Сему не случиться никогда! Я не верю этой любви. Он не может на мне жениться, так на что ему безнадежною страстью себя мучить. Зеркало мне говорит, что я хороша собой, что могу нравиться, но он, он столько знал красавиц лучше меня. И если бы это было в самом деле, если я любима, то он должен столько уважать меня, он должен думать, что добродетель не позволит мне явно отвечать ему, – к тому ж я, кажется, не показала ему ничего такого, что бы могло возбудить его страсти; неужели он приметил биение моего сердца. Ах! Нет!.. Он сам, Юрий, был со мной всегда мрачен, холоден, он вряд ли способен любить нежно... Но зачем ему было свидание?.. Это письмо!.. Не понимаю, чего хотел он... (Молчание.) Но вот луна взшла, всё тихо и прохладно – а он нейдет. (Молчание.) Как я глупо сделала, что пришла сюда, непонятное влечение управляло моими шагами. (Садится возле беседки.) Что если нас увидят вместе... моя честь погибла – о, безумная!..

Явление 4

Юрий (в плаще, без шляпы, тихими шагами подходит к ней и берет ее за руку).
Любовь!.. Вы здесь уже!..

Любовь (испугавшись). Ах!..

Юрий. Вы испугались?

Любовь. Нет... вы мне что-то хотели сказать – я готова слушать – со вниманием.

Юрий. Да – я много хотел сказать вам... вы помните: с тех пор, как мы с вами знакомы, вы никогда не отказывались от маловажной и легкой для вас просьбы моей... теперь... я вас прошу дать мне честное слово, сказать мне правду, правду чистую – как ваше сердце...

Любовь. Мое слово?.. Хорошо. (Смотрит ему в глаза.)

Юрий (в сильном движении берет ее за руку). Прошедшую ночь, когда по какому-то чудному случаю я уснул спокойно, удивительный сон начал тревожить мою душу: я видел отца, бабушку, которая хотела, чтоб я успокоил ее старость на счет благополучия отца моего, – с презреньем отвернулся я от корыстолюбивой старухи... и вдруг ангел-утешитель встретился со мной, он взял мою руку, утешил меня одним взглядом, одним неизъяснимым взглядом обновил к жизни... и... упал в мои объятия. Мысли, в которых крутилась адская ненависть к людям и к самому себе, – мысли мои вдруг прояснились, вознеслись к небу, к тебе, создатель, я снова стал любить людей, стал добр по-прежнему. Не правда ли, это величайшее под луною благодеяние? И знаешь ли еще, Любовь, в этом утешителе, в этом небесном существе, – я узнал тебя!.. Ты блистала в чертах его, это была ты, прекрасная, как теперь... никто на свете, ни самый ад меня не разуверит!.. Ах! Это была минута, но минута блаженная, – это был сон, но сон божественный!.. Послушай, Любовь, теперь исполни свое обещание, отвечай как на исповеди, может ли этот сон осуществиться... умоляю тебя всем, чем ты дорожишь теперь или когда-нибудь будешь дорожить, – говори как на исповеди... знай, что одно твое слово, одно слово, может много сделать добра и зла...

(Любовь в сильном нерешении.)

И ты молчишь!.. Любовь...

Любовь. Нет!..

Юрий. Как! Что нет, говори, что нет!..

Любовь. Сон твой никогда не сбудется!..

Юрий. Небо! Что она хочет делать?.. Скажи: да!.. (Молчание.) Отчего не хочешь

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru
сказать: да... это слово, этот звук мог бы восстановить мою жизнь, возродить меня к счастью! Ты не хочешь? – что я тебе сделал, за что так коварно мстишь мне, неужели женщина не может любить, неужели она не радуется, когда видит человека, ей обязанного своим блаженством, – когда знает, что это стоит одного слова, хотя бы оно выходило и не от сердца... скажи: да!

Любовь. Нет.

Юрий. И в тебе есть совесть?..

Любовь. Я не могу сказать: да. На что искушать тебя: моим ты никогда, никогда не будешь – узы родства, которые связывают нас вместе, разрывают сердца наши... забудь свои мечты! Ты не хочешь погубить бедную девушку, не правда ли? – так забудь свои безумные желанья, забудь их!.. (Молчание.) Ты поедешь в чужие края, разные, новые предметы развлекут твои мысли, тебе понравится другая...

Юрий. Я не поеду... у ног твоих, я говорю тебе, у ног твоих счастье целой жизни человека – не раздави безжалостно!.. А если ты меня отвергнешь, – ах, то, верно, никакая дева не будет больше мне нравиться – я окаменею, быть может, навеки.

Любовь (садится на скамью возле беседки и сажает его). Посмотри, брат мой, как прекрасен взошедший месяц, какая тихая, светлая гармония в усыпающей природе, – а в груди твоей бунтуют страсти, страсти жестокие, мятежные, противные законам. Посмотри на эти рассеянные облака, светлые, как минуты удовольствий, и мимолетные, как они; посмотри, как проходят эти путники воздушные... (Она закрывает лицо платком.) Перестань страдать, друг мой, – полно!.. (В слезах упадает на грудь Юрия, который в сильном оцепенении сидит недвижно, глаза к небу.)

Юрий (после долгого молчания). Ах!.. (Берет ее руку. Между тем слышна вдали песня русская со свирелью, и то удаляется, то приближается, в конце которой Юрий вскакивает как громом пораженный и отбегает от Любви.) Какие звуки, они поразили мою душу... кто их произвел... не с неба ли, не из ада ли... нет... но вот опять... опять... всесильный бог!.. (Кидается к ногам Любви, которая встала со скамьи.) Пускай весь мир на нас обрушится: я люблю тебя. Скажи и ты: люблю!..

Любовь (через силу). Нет. (Хочет бежать.)

Юрий (у ног ее). Не верю... не обманешь – я прочел в глазах твоих... только... я недоволен... скажи: люблю!

Любовь (хочет что-то сказать... но вдруг останав<ливается>). Зачем тебе признание, если ты прочел всё в глазах моих!..

Юрий (вскакивает с восторгом). Я любим – любим – любим – теперь все бедствия земли осаждают меня – я презираю вас: она меня любит... она, такое существо, которым бы гордилось небо... и оно мне принадлежит! Как я богат!.. (К ней) Ты не знаешь, девушка, как много добра сделала ты в сию минуту... (обнимает ее). О, если бы мой отец видел это, как восхитился бы он взаимным пламенем двух сердец.

Любовь. Твой отец!.. Что ты говоришь?..

Юрий (дрожащим голосом, ударив <в> грудь). Да, да... ты говоришь правду, я не должен никому об этом рассказывать, всё восхищение, вся сладость сих незабвенных минут должны остаться здесь, здесь, в груди моей – всякий день я буду упиваться воспоминанием, ни одно горькое чувство ненависти и раскаяния не проникнет туда, где я схороню мое сокровище... (К Любви) Теперь один поцелуй на прощанье. (Целует ее.) О!!!.. Я слишком счастлив для человека!.. (Завернувшись в черный плащ, быстро уходит.)

Любовь. Как он любит... добрый юноша!.. (Молчание.) Кажется, я ничего дурного не сделала, ни одно преступление не тяготеет на мне, мне не в чем упрекнуть себя... а сердце бьется и трепещет как птичка, попавшаяся в сеть нечаянно!.. (Молчание.) Однако ночь сгущается, и месяц дошел до половины небес. Меня будут искать везде, – а здесь так пусто, страшно... (Становится на колени и поднимая руки наверх) Ангел-хранитель! Не допусти случиться чему-нибудь с бедной девушкой, она предается тебе, прости ей слабости... и охрани от нечистого духа. (Встает и уходит.)

Конец 2-го действия

Действие третье

Явление 1

(Галерея, откуда виден сад. Элиза идет с зонтиком одна.)

Элиза. Как жарко нынче, так и жжет лицо и шею. Если б не этот благодетельный зонтик, я б сделалась черней арапки, и это бы было плохо для меня, потому что je dois être aujourd'hui plus belle que jamais[59] для предложенного свиданья... ха! Ха! Ха! Как Любанька смешна была вчерась, начинает мне говорить про этого Заруцкого и про его желание с такой важностью, comme si c'était une affaire d'état!..[60] ха! Ха! Ха! Ха!.. Бедненькая, начиталась романов и скоро с ума сойдет. Она судит целый свет по себе... например, нынче – всю ночь проплакала, верно, ей кто-нибудь комплимент сказал, и она воображает, что в нее влюблены... и плачет с сожаления! Нет, moi je me moque de tout cela![61] вот уж, верно, нынче будет страстное объяснение, он упадет на колени... я ему скажу маленький equivoque[62] – и он должен быть доволен... чего же ему больше?.. Впрочем, этот Заруцкий, верно, посещал большой свет; он нимало не похож на этих армейских, его собратий... ха! Ха! Ха! – армейский!.. Одно это слово чего стоит?.. Но кто-то идет!.. А мне нужно нынче быть одной. (Уходит.)

Явление 2

(Юрий и Вас<илий> Мих<алыч> идут по галерее, и Вас<илий> Михалыч что-то ему говорит, ведя за руку.)

Васил<ий> Мих<алыч>. Экой ты упрямый человек! – да выслушай только, что я тебе говорю... Твой отец нынче со мной приходит к Марфе Ивановне, она нас хорошо приняла, а у нее стояла эта змея Дарья, причина всех наших неприятностей, – вот, слушай, брат и начинает говорить...

Юрий (отходя прочь). И мне нет спокойствия – ни одной минуты... эти сплетни, эта дьявольская музыка жужжит каждый день вокруг ушей моих... (К дяде) Дядюшка, в другое время... теперь я...

Вас<илий> Мих<алыч>. Да теперь, а не в другое время... слушай, ты должен это всё знать, чтоб уметь ценить людей, окружающих тебя...

Юрий. Я только ценю тех, которые не мучат меня вечно своими клеветами...

Вас<илий> М<ихалыч>. Я понимаю, что ты это на мой счет говоришь, но я не сержусь... не для себя я говорю... но хочу тебе показать, кто твой отец и бабка!..

Юрий (твердо). Ну так и быть, я слушаю!..

Вас<илий> Мих<алыч>. Во-первых, твой отец начал говорить ей о тебе, о твоём отъезде... она расхаживала по обыкновению, уверяла, что она тебя больше любит, нежели он, вообрази, потом он ей стал представлять доказательства противные очень учтиво, она вздумала показывать, что ему и дела нет до тебя, – тут Никол<ай> Мих<алыч> не выдержал, признаться, объяснил ей коротко, что она перед ним виновата и что он не обязан был тебя оставлять у нее, но что были у него причины посторонние и что она изменила своему слову. Она взбесилась до невозможности, ушла. Теперь она нас выгонит из дому... прощай, мой племянничек... надолго, потому что, верно, ни я, ни брат больше сюда не заглянут.

Юрий (всплеснув руками). Всемогущий боже! Ты видел, что я старался всегда прекратить эти распри... зачем же всё это рушится на голову мою. Я здесь как добыча, раздираемая двумя победителями, и каждый хочет обладать ею... Дядюшка, оставьте меня, прошу вас, я измучен...

Вас<илий> Мих<алыч>. Нет... ты должен решиться в чью-нибудь пользу.

Юрий. На что?.. К чему я должен? Кто приказал?

Вас<илий> М<ихалыч>. Честь.

Юрий. Честь? – кто вам внушил это слово?.. О! Адская хитрость... как ничтожно это слово, а как много власти имеет оно надо мной... мой долг, долг природы и

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru
благодарность: в какой вы ужасной борьбе между собой... дядюшка! Зачем вы произнесли это слово: я решился...

Васил<ий> М<ихалыч>. Для кого, друг мой?

Юрий. Отец обладает моею жизнью.. но знайте, что если бабушка будет укорять в неблагодарности, если она станет показывать глазам моим все свои попечения о моей юности, все свои благодеяния, всё, чем я ей обязан, если она будет проклинать меня за то, что я отравил ее старость, сжег огнем терзаний седые ее волосы, за то, что я оставил ее без причины, если, наконец, я сам иссохну от раскаяния, если я буду отвергнут за это преступление небом и землею, если тогда я прокляну вас отчаянным языком моим... если... о, берегитесь, берегитесь... вся свинцовая тягость греха сего погрязнет на вас... Откажитесь от вашего свидетельства, оно ложно, спасите свою душу, оно ложно, говорю вам... признайтесь, что вы солгали...

Вас<илий> М<ихалыч>. Нет, я не откажусь – когда я сам видел и слышал, что нас с братом выгоняют из дому.

Юрий. Итак, всё кончено. Вот мое слово.

Вас<илий> М<ихалыч>. Ну, слава богу, наконец ты решился... я пойду к отцу твоему и объявлю, что ты решился не оставлять его... как он будет рад, и я уверен, что тебя больше прежнего полюбит.

Юрий. Радоваться? Кто радоваться?.. Мой отец!.. Не дай бог, чтоб это была большая радость в его жизни... что он будет думать, обнимая неблагодарного (ударяя себя в лоб и ломая руки), но мое честное слово!..

Вас<илий> Мих<алыч>. Неблагодарного? Как это ты сделаешься неблагодарным? Против кого? Да, ты бы сделался неблагодарным и преступником, если бы оставил Н<иколая> Мих<алыча>, который дышит одним тобою... а эта бабушка, она, поверь, пожалуйста, больше сделала тебе зла, нежели добра. Я мои слова готов повторить при самом императоре...

Юрий. По крайней мере она желала делать добро.

Вас<илий> Мих<алыч> (с коварной улыбкой). Мы знаем желания этой злодейки.

Юрий. Еще попытка... скоро ль вы насытитесь... Но говорите, пускай удар будет ужасен, но вдруг, пускай вся мера зла, яда подземного прольется в мою грудь... но только вдруг. Это всё легче, нежели с нестерпимой едкой болью день за днем отщипывать кусок моего сердца... говорите! Я тверд! Не бойтесь, видите... (дико) видите... ха! Ха! Ха!.. Видите, как я весел, равнодушен, холоден, точно как вы... (С сильным движением хватая его за руку) Только чур, говорить правду...

Вас<илий> Мих<алыч>. Вот тебе Христос (крестится), я начну рассказывать с начала всего дела, чтоб совершенно изобличить хитрую старуху и ее помощников, этих сестриц и братьев и служанок... За месяц перед смертью твоей матери (еще тебе было 3 года), [63] когда она сделалась очень больна, то начала подоз<ре>вать Марфу Ивановну в коварстве и умоляла ее перед богом дать ей обещание любить Ник<олая> Мих<алыча> как родного сына, она говорила ей: «Маменька! Он меня любил, как только муж может любить свою супругу, замените ему меня... я чувствую, что умираю». Тут слова ее пересекались, она смотрела на тебя, молчаливый, живой взгляд показывал, что она хочет что-то сказать насчет тебя... но речь снова прерывалась на устах покойницы. Наконец она вытребовала обещание старухи... и скоро уснула вечным сном... Твоя бабушка была огорчена ужасно, так же как и отец твой, весь дом был в смущении и слезах. Приехал брат старухи, Павел Иванович, [64] и многие другие родственники усопшей. Вот Павел Иваныч и повел твоего отца для рассеяния погулять, и говорит ему, что Марф<a> Ив<ановна> желает воспитать тебя до тех пор, пока тебе нужна матушка, что она умоляет его всем священным в свете сделать эту жертву. Отец твой согласился оставить тебя у больной бабушки и, будучи в расстроенных обстоятельствах, уехал со мною. Вот как всё это началось... Чрез 3 месяца Николай Мих<алыч> приезжает сюда, чтоб тебя видеть, – приезжает – и слышит ответы робкие, двусмысленные от слуг, спрашивает тебя – говорят – нет... он вообразил, что ты умер, ибо как вообразить, что тебя увезли на то время в другую деревню. Брат сделался болен, душа его терзалась худым предчувствием. Ты с бабушкой приезжаешь наконец... и что же? – она охладела

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru совсем к нему. Имение, которое Марфа Ивановна ему подарила при жизни дочери и для которого он не хотел сделать акта, полагаясь на честное слово, казано совсем уже не в его распоряжении! Он уезжает – и через полгода снова здесь является.

Юрий. Я предчувствую ужасную историю, стыд всему человечеству... Но буду слушать неподвижно, дядюшка... только... помните уговор...

Вас<илий> Мих<алыч>. Помилуй!.. Да будь я анафема проклят, если хоть слово солгу! Слушай дальше: когда должно твоему отцу приехать – здешние подлые соседки, которые получили посредством ханжества доверенность Марфы Ивановны, сказали ей, что он приехал отнять тебя у нее... и она поверила... Доходят же люди до такого сумасшествия!

Юрий. Отец... хотел отнять сына... отнять... разве он не имеет полного права надо мной, разве я не его собственность... Нет, я вам снова говорю, вы смеетесь надо мною...

Вас<илий> Мих<алыч>. Доказательство в истине моего рассказа есть то, что бабушка твоя тотчас послала курьера к Павлу Иванычу, и он на другой день приезда брата прискакал... Николай Михалыч стал ему говорить, что слово не сдержано, что его отчуждают от имения, что он здесь насчет сына как посторонний, что это ни на что не похоже... но это езуит, снова уговорил его легко, потому что отец твой благородный человек и судит всех по доброте души своей. И перед отъездом брат согласился оставить тебя у бабушки до 16<-ти> лет, с тем чтобы насчет твоего воспитания относились к нему во всем. Но второе обещание так же дурно сдержано было, как первое.

Юрий. И это всё! Не правда ли?..

Вас<илий> Мих<алыч>. Нет, это еще половина.

Юрий. Ах! Зачем не всё? Пощади меня, пощади, царь... небесный...

Вас<илий> М<ихалыч>. Марфа Ивановна то же лето поехала в губернский город и сделала акт, какой акт?.. Сам ад вдохнул в нее эту мысль, она уничтожила честное слово, почла отца – отца твоего за ничто, и вот короткое содержание: «Если я умру, то брат П<авел> И<ваныч> опекуном именем, [65] если сей умрет – то другой брат, а если сей умрет, то свекору препоручаю это. Если же Ник<олай> Мих<алыч> возьмет сына своего к себе, то я лишаю его наследства навсегда»... Вот почему ты здесь живешь; благородный отец твой не хотел делать историй, писать государю и лишить тебя состояния... но он надеялся, что ты ему заплотишь за эту жертву...

Юрий (после минуты молчания, когда он стоял как убитый громом). Чтобы ей подавиться ненавистным именем!.. О!.. Теперь всё ясно... Люди, люди... люди... Зачем я не могу любить вас, как бывало... я узнал тебя, ненависть, жажда мщения... мщения... Ха! Ха! Ха!.. Как это сладко, какой нектар земной!..

Вас<илий> Мих<алыч>. А неприятности последовавшие очень натуральны... к тому ж старуха любит, чтобы ей никто не противуречил, и эти окружающие... эта поверенная Дарья преопасная змея...

Юрий. Довольно, прошу вас, не продолжайте, – остальное мне всё известно...

Вас<илий> Мих<алыч>. Нет, мой друг, еще... еще...

Юрий. Я больше не желаю знать... вы рассказали так прекрасно, как приятна ваша повесть... (Впадает в задумчивость.)

Вас<илий> Мих<алыч> (в сторону, с улыбкой). Мое дело кончено, и всё пришло в порядок... я не буду сказывать обо всем брату... он такой... он не любит подобных штук... (Смеется.) Как он горячился, беденький...

Юрий (между тем взглянув на <Василия Михалыча>). Вам смешно мое страданье... не правда ли!..

Вас<илий> Мих<алыч>. Нет... помилуй... что ты.

Юрий (в сторону). Нет... нет... какое ледяное слово... он, это видно, он из любви мне

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru открыл злодейство... так всегда со мною делали... из привязанности я был обманут когда-то дружбой... о, тщетные уверенья... нынче... (К дяде) Оставьте меня, прошу вас: мне надо побыть одному... я весь в огне, мне надо отдохнуть...

Вас<илий> М<ихалыч>. Хорошо, друг мой... до свиданья. (Уходит, потирая руки.) А мое дело сделано, слава богу... (Уходит.)

Явление 3

Юрий. Как я расстроен, как я болен... желчь поднялась в голову... грудь взволновалась... сердце бьется, подобно свинцу, облитому кровью... от избытка чувствований я лишился чувства... Но отдохнем... я увижу ее, утешителя-ангела, она мне возвратит, на минуту, потерянное спокойствие... Пойду, пойду... (Закрыв лицо руками, уходит в галерею медленными шагами.)

Явление 4

(Входит Марфа Ивановна, за ней Дарья и подает ей стул. Она садится.)

Марф<а> Ив<ановна>. Каковы, неучи!.. В моем доме мне грубить, ну можно ли после этого им хоть день здесь остаться... Вон их, вон их!..

Дарья. Ваша правда, сударыня... такие беспокойства... полно, смотрите на себя, ведь лица нет... Не угодно ли капле гоманских?

Марфа Ив<ановна>. На что, на что... лучше позови ко мне Юрьюшку...

Дарья. Сейчас. (Уходит.)

Марф<а> Ив<ановна>. Ну, может ли какая-нибудь холопка более быть привязана к своей госпоже, как моя верная Дашка... (Молчание.) Ну вот, однако ж, я скоро отделаюсь от этих Волиных-братцев. Однако и Юрьюшка уедет и оставит меня одну... видно, так на небесах написано... Я буду без него молиться, всякое воскресенье ставить толстую свечу перед богоматерью, поеду в Киев, а он ко мне будет писать... (Кашляет.) Какой же у меня кашель, от нынешнего крику... То-то и есть, что надо слушаться Евангелия и святых книг, недаром в них говорят, что не надо сердиться... а нельзя: вот как начнут спорить младшие себя, сердце и схватит. То-то нынешний век, зятья зазнаются, внуки умничают, молодежь никого не слушается... Не так было в наше время... бывало, как меня свекровь тузила... а всё молчу; и вымолчалось... Как умерла моя свекровушка и оставила мне денег, рублей 30 000, да серебра, да золота... А нынче всё наше русское богатство, всё золото прадедов идет не на образа, а к бусурманам, французам. (Молчание.) Как посмотришь, посмотришь на нынешний свет... так и вздоргнешь: девушки с мужчинами в одних комнатах сидят, говорят – индо мне старухе за них стыдно... ох! А прежде, как съедутся, бывало, так и разойдутся по сторонам чинно и скромно... Эх! Век-то век!.. Переменились русские... (Смотрит назад в галерею.) Да вот и Юрьюшка идет.

Явление 5

(Юрий мрачно и тихо приближается, не глядя на старуху, за ним Дарья.)

Юрий (бледный, расстроенный, с неудовольствием, не смотря на М<арфу> И<вановну>). Вы меня изволили спрашивать?

Марф<а> Ив<ановна>. Да, мой друг! Я давно желала говорить с тобой... да как-то это редко мне удавалось.

Юрий (холодно). Мне самому очень жалко...

Марф<а> Ив<ановна>. Ты всё с отцом да с дядей, ко мне и не заглянешь... видно, я уж стара стала и глупа, что ли? Брежу, не так ли?..

Юрий. Я от самой колыбели так мало был с отцом, что вы мне перед отъездом позвольте с ним поговорить... по крайней мере я так думаю...

Марф<а> Ив<ановна>. Кто ж тебе запрещает... Однако ж я бы хотела тебе сказать и спросить у тебя что-нибудь важное...

Юрий. Я буду слушать... (Дарье) Ступай вон...

Марф<а> Ив<ановна>. Зачем?.. Она может слышать...

Юрий. Мне совсем не нравятся такие свидетели... Прошу вас выслать ее...

(Марфа Ивановна дает знак, и она уходит.)

Марфа Ивановна. Знаешь ли, что твой отец наговорил мне тьму грубостей, и мы поссорились, и он едет завтра отсюда?

Юрий. Знаю-с... но что ж тут до меня касается... я сам еду с ним, если так...

Марфа Ивановна. Ты... с ним... едешь... ты с ума... сошел. Я тебя... не пущу.

Юрий. Вы меня не пустите? Вы? – да что вы между отцом и сыном?.. Разве я тот же ребенок, который равнодушно глядел на ваши поступки?.. Или не знаете: между отцом и сыном один бог!.. И вы осмелились взять это место...

Марфа Ивановна. Так вот плоды моего воспитания!.. Вот нынешняя благодарность?.. О, на что я дожидалась до сего времени... Юрий хочет меня оставить: в заплату всем моим благодеяниям... и никто не закроет мне глаза нежною рукой!..

Юрий. А ваша Дарья?..

Марфа Ивановна. И ты смеешь! Неблагодарный!.. Почему ты знаешь?

Юрий (в сторону). Вот совесть?.. Я только назвал, а она всё отгадала.

Марфа Ивановна. Говори, злодей, не я ли тебя вскормила и образовала...

Юрий. Много мук, много бессонниц стоило мне ваше образование... вы хотели поселить во мне ненависть к отцу, вы отравили его жизнь... вы... Но довольно: вы сами знаете свои поступки... и вините себя!..

Марфа Ивановна. Так ты точно меня оставляешь для отца, злодея, негодяя, которого я ненавижу и который за меня поплотится... для него, неблагодарный?..

Юрий. Теперь я вам ничем больше не обязан... О!.. Эти слова... заплатили за всё, за всё... простите. (Уходит.)

Марфа Ивановна (пораженная сидит безмолвно на креслах и в ужасном смущении). Он всё знает!..

(Занавес опускается.)

Конец 3-го действия

Действие четвертое

Явление 1

(Марфа Ивановна и Дарья. Первая на больших креслах в своей комнате.)

Марфа Ивановна. Дай каплю гофманских, Дарья.

Дарья. Сейчас, матушка. Что это с вами делается?..

Марфа Ивановна. Меня Юрий покидает... меня, которая его воспитала.

Дарья (притворно.) Во всем, матушка, воля божия видна. Стало, вам так на роду было написано, горе мыкать в старости – уж я, сударыня, над вами нынче плакала, инда глаза красны.

Марфа Ивановна. Он меня покидает, оставляет, как подлую нищенку на большой дороге, – верно, это злодеи, отец да дядя, его научили...

Дарья. Вестимо, сударыня, они, да и кому ж, кроме их.

Марфа Ивановна. Как будто не знают, что я его за это лишу имения. Уж не достанется Юрию ни гроша... хоть провались деньги мои.

Дарья. Ах! Марфа Ивановна, есть у нас поговорка, как волка ни корми, он всё в

Марфа Иван<овна>. Юрий меня для них покидает. Кто ж утешит мою старость.
(Закрывает лицо платком и рыдает.)

Дарья. Что это вы, сударыня, себя убиваете.. успокойтесь, матушка. (В сторону)
Теперь я могу сделать славную штуку – заставя ее поссориться с зятем и внуком,
сама их меж собой перессорю, да после, если это откроется, свалю на нее. А отняв
именье у Юрья Николаича, верно, барыня мне даст много денег. Куда ж ей их
девать? – сама не издержит. (К ней) Не угодно ли лечь?

Марф<а> Ив<ановна>. О!.. я никогда на тебя не роптала, боже мой, а теперь не
могу...

Дарья. И то сказать правду, – как вы ни старались переманить его к себе, а всё
понапрасну, уж не вы ли его ссорили с отцом, не вы ли наговаривали, не вы ли
имением прельщали Никол<ая> М<ихальча>, если он оставит сына у вас, – нет-таки –
не удержали молодого барина.

Марфа Ив<ановна>. А не ты ли мне всё это советовала, не по твоим ли словам я
поступала? – право, если <бы> мы не хитрили, гораздо бы лучше шли все дела мои..
Ты, дьявол, мне жужжала поминутно про эти адские средства, ты.. ты хотела моей
печали и раздора семейственного..

Дарья (кланяясь). Власть ваша.. а мое дело холопское; могу ли вам советовать?
Если вы послушаетесь моих глупых речей, так это вашей же милости.. Да и какая же
мне прибыль ваше горе.. вот хоть теперь вы плачете, матушка, и я плачу, – разве
мне легко по ночам-то не спать, сударыня.. нет-с – мы, вся дворня, только и молим
господа об вашем спокойствии, только и блюдем что ваше здоровье.. (Молчанье.)

Марф<а> Ив<ановна>. Не знаешь ли, какое в моем положении средство осталось? Как
помочь?..

Дарья (подумав). Средств много.. да вряд ли одно из них вашей милости
пондравится..

Марф<а> Ив<ановна>. Нужды нет, говори всё, смело.

Дарья. Просить прощенья у Николай Мих<альча> и уговорить, чтобы он остался, так
же как и Юрия Николаича, а после второго можно как-нибудь и совсем оставить,
притворясь больной.. Тогда он уж не поедет в Неметчину.

Марф<а> Ив<ановна>. Ох, нет, это не удастся.. они нам уж не поверят.. да к тому ж
мне просить прощенье у зятя? Мне? – я разве девчонка перед ним? Ни за что, ни за
что в свете. (Молчанье.) Нет ли другого способа?..

Дарья. Насильно удержать.

Марфа Ив<ановна>. Нельзя. За это ответишь.

Дарья (кинув проницательный взгляд). Клевета!

Марф<а> Ив<ановна>. Клевета? Что это.. клевета? – как, объясни..

Дарья. Это, сударыня, последнее средство..

Марф<а> Ив<ановна>. Говори же скорей..

Дарья. Надобно, думаю так, поссорить Юрья Николаича с батюшкой его, тогда он
поневоле к вам оборотится, вы же приласкайте его.. говорится, что если человек
тонет, так готов за плывущую траву ухватиться. Тут же, как молодой барин будет в
отчаянье, можно у него выманить честное слово – а на его слово и подозрительный
жид рад будет положиться. Нечего сказать!..

Марфа Ив<ановна> (в смущении). Полно-полно – да как нам поссорить их?.. Где
средство?

Дарья. Я сказала уж, сударыня: клевета!

Марф<а> Ив<ановна>. Да как это...

Дарья. Надо довести до ушей Ник<олай> Мих<альча>, будто бы Юрий Ник<олаич> вам говорит одно, а ему другое, – вот и дело с концом-с. Другого средства навряд кто найдет...

Марф<а> Ив<ановна>. Я тебе это дело препоручаю, Дашка... и берегись, если его испортишь!..

Дарья (подумав). Вот что мне кажется, Марфа Ивановна, – мы этак их перессорить-то перессорим, а Юрий Ник<олаич> всё вас покинет.

Марф<а> Ив<ановна>. Как... отчего? Стало быть, этот способ не годится.

Дарья (в сторону). Решительная минута. (Ей) Другого средства нет.

Марф<а> Ив<ановна>. Мне надо непременно Юрьюшку в руки... я без него жить не могу.

Дарья. Право, это вам так только кажется-с...

Мар<фа> Иван<овна>. И ты против меня.

Дарья. Как можно, сударыня. А я говорю, что нам не удастся перехитрить Волиных... а если удастся, так что пользы; молодой барин вас не успокоит больше... уж кончено... только вас же станет укорять, вам же беспокойства...

Марф<а> Ив<ановна>. Я хочу...

Дарья. Как угодно, матушка, я готова на все ваши приказания.

Марфа Ив<ановна> (в сторону). Однако ж она правду говорит – внук всё знает, так мне только на совесть свинец, если он будет жить в моем доме да укорять меня, – бог с ним. (Дарье) Ну, я с тобой соглашаюсь, видно, мне суждено промыкать старость сиротой – весело зато прежде жила. Однако ж мне хочется им отомстить!

Дарья (в сторону). Подействовало. (Ей) Да мое для мщенья лучшее средство. Уж наказанья Юрью Николаичу лучше не будет – у него негде будет головы преклонить, как разве на улице... да и Ник<олай> Михальчу будет жутко... много крови у них обоих попортится...

Марф<а> Ив<ановна>. Я хочу видеть их мученья... месть... месть!.. Злодеи, прости, боже, мое согрешенье... не в силах, мать богородица и святые угодники – простите мне... поеду в Киев, половину имения отдам в церковь, всякое воскресенье 10-тифунтовую свечу перед каждым образом поставлю... только теперь помогите отомстить... теперь простите мне!.. (В расслабленье) Капель... Дашка! – дурно!..

Дарья (подает). Так я нынче же начну дело... только, сударыня, не беспокойтесь, не огорчайтесь... весь дом на вас не наплачется...

Марф<а> Ив<ановна>. Как не огорчаться...

Дарья. Ваша воля будет исполнена, матушка...

Марф<а> Ив<ановна>. Моя воля!.. Ах!.. Послушай, – ты так поступай, чтобы никто не знал...

Дарья. Слушаю-с... уж я...

Мар<фа> Ив<ановна>. То-то же!.. Отведи меня на постель. (Дарья ее доводит до двери.) Да послушай – поди возьми шкатулку... а я уж сама дойду с палкой. (Уходит.)

Дарья (берет шкатулку, вернувшись). Ха! Ха! Ха! Теперь рыбки попляшут на сковроде...[66] Эта старуха вертится по моему хотенью, как солдат по барабану... я теперь вижу золотые, серебряные... ха! Ха! Ха!.. В руке моей звенят кошельки... без них ведь я буду хозяйкой здесь... барыня-то слаба: то-то любо!.. Не дай бог, однако ж, чтоб умерла... при ней-то мне тепло... а тогда... придет дело плохое за все

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru
мои козни, особенно если они откроются... мне скажут, грех тяжкий эти сплетни, бог накажет... как бы не так... я слышала от господ старых, что если на исповеди всё скажешь попу да положишь десять поклонов земляных – и дело кончено, за целый год поправа. Да и что за грех – штука теперешняя, я не понимаю, – поссорить отца с сыном – не убить, не обокрасть... помиряются... ведь... экая важность поссорить отца с сыном... хи! Хи! Хи! (Хочет идти в комнату госпожи с ларчиком, но на пути останавливается.) Да! Я позабыла подумать, как распустить мои ложные вести... (Подумав) Всего лучше чрез людей Василья Мих<алыча>, как ненарошно. А он, узнав, не помешкает объявить приятную весточку братцу своему. (Уходит.)

Явление 2

(Сад, день. Декорация последней сцены 2-го действия.)

(Юрий входит... расстроенный вид.)

Юрий. Дурно кончаются мои дни в этой деревне... последние дни... какие сцены ужасные... мое положение ужасно, как воспоминанье без надежд... чрез день... мы едем... но куда. Отец мой имеет едва довольно состояния, чтоб содержать себя... и я ему буду в тягость... в тягость... О! Какую я сделал глупость... но тут нет поправки... нет дороги, которая бы вывела из сего лабиринта... (Молчание.) Что я говорю?... Нет, моему отцу я не буду в тягость... лучше есть сухой хлеб и пить простую воду в кругу людей любезных сердцу... нежели здесь веселиться среди змей и, пируя за столом, думать, что каждое роскошное блюдо куплено на счет кровавой слезы отца моего... это ужасно... это адское дело... (Слышен разговор.) Но кто идет в аллее – две тени... Заруцкий... его мундир... а это... Элиза... нет, нет... это Любовь... отчего сердце мое так молотком и бьется, будто бы хочет выскочить. Что всё это значит? Опять искушение – опять. (Прячется.)

(Меж тем Любовь и Заруцкий входят в полном разговоре и останавливаются, так что ему нельзя слышать слов, но можно видеть, не будучи примечену.)

Явление 3

Заруцкий. Умоляю вас. Сделайте меня счастливым. Вы не знаете, как горячо мое сердце пылает, если вы никогда не любили, – но если когда-нибудь Купидон заглядывал в ваше сердце...[67] то судите по себе. Во имя того юноши, который мил вам, заклинаю вас, приведите ее сюда...

Любовь. Вы слишком дерзки, сударь... почему вы знаете, люблю ли я кого-нибудь... поймали меня в саду, нечаянно – и не даете мне покоя. Думаете: я не могу острямить вас, велеть прогнать или пожаловаться папеньке... другая бы этого не сделала... и то для того, что вы приятель Юрья Николаича.

Заруцкий (в сторону). Хорошо! (Ей) Именем его заклинаю вас. (Становится на колени.). Заклинаю вас, выведите Элизу... вы будете тут...

Юрий (за деревом). И она может терпеть это... злой дух испортил ее сердце... о! (Стонает.)

(Заруцкий берет ее руку.)

Довольно!.. Пистолеты будут готовы в минуту... и (с дикой радостью) он мне поплотится своим мозгом. (Уходит.)

Любовь (в сторону). Если бы он не был таков, как Юрий, мог ли бы он быть его другом: а он меня сделал такой счастливой; зачем же завидовать сестре. (Ему) Дайте мне вторично слово во зло не употребить снисхождения Элизы.

Заруцкий. Клянусь.

Любовь. Я не нуждаюсь в ваших клятвах, дайте мне только честное слово. Но я не хочу насильно его у вас вырвать; пускай это будет добровольно.

Заруцкий (вставая). Мое гусарское слово.

Любовь. Точно? Ну я согласна! – только чур, помнить уговор. (Убегает.)

Заруцкий. Ну вот и мои дела приходят к окончанью – это славно – что за важность, если я изменю своему слову: женщины так часто нас обманывают, что и не грешно

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru иногда им отплатить тою же монетою. (Закручивая усы) Элиза эта преинтересная штука, хотя немного кокетится, – да это ничего. Первое свиданье при свидетелях, а второе tête-à-tête.[68] Можно отважиться – а если нет, ну так можно жениться, – впрочем, мне этого не очень хочется. Гусарское житье, говорят, повеселее.

(Юрий быстро входит с пистолетами.)

явление 4

Юрий. Господин офицер..

Заруцкий. Мой друг!..

Юрий. Так вы меня называли прежде.

Заруцкий. И теперь, надеюсь.

Юрий (подаёт ему пистолет). Вот наша дружба.

Заруцкий. Как? что это значит?

Юрий (отвернувшись). Берите.

Заруцкий. Я не хочу! – растолкуй мне, за что и на что?.. Я не возьму... может быть, ошибка... и за это, черт возьми... я не стану с другом стреляться.

Юрий (с горьким тоном). Трус...

Заруцкий. Ты, брат, с ума сошел или шутишь. (Отталкивает подаваемые пистолеты.)

Юрий (в сторону). Если он меня убьет, она ему не достанется; если я его убью... О! Мщенье!.. Она ему никогда не достанется, ни ему, ни мне... пусть так... теперь я понимаю, отчего он не хочет стреляться, – он не хочет ее лишиться... как желал бы я быть на его месте. Смерть ему, похитителю последнего моего сокровища, последнего счастья души моей... смерть и проклятье!.. (Ему) Трус, слабодушный ребенок... не тебе быть гусаром, ты способен стоять на коленках пред женщинами... ха! Ха! Ха!.. Стыдись, мямля, бери-ка пистолет.

Заруцкий (подходя). Так Юрий в самом деле не шутит?

Юрий (показывая на оружие). Моя последняя шутка здесь... (кидает один пистолет на землю.)

Заруцкий. О! Это много для шутки. (Подымает пистолет.) Мы стреляемся здесь!..

Юрий. В самом деле?.. Небо или ад мне послало это блаженство? Благодарю тебя, мой помощник...

Заруцкий. Только ты мне должен объяснить...

Юрий. Дай честное слово, что будешь стреляться.

Заруцкий. Вот оно!..

Юрий. Ты похитил у меня ее сердце, сердце той... что была сейчас здесь... да!.. Этого... кажется, довольно, слишком для меня довольно.

Заруцкий. Я очень рад, что это так, ибо ты ошибаешься... выслушай только.

Юрий. Я не слушаю... я не верю ничему больше на свете, этот миг переменяет мое существование...

Заруцкий. Да я не стану без того стреляться...

Юрий (с дикой радостью). А твое честное слово?

Заруцкий (в сторону). Проклятое честное слово...

Юрий. Стреляй!

Заруцкий. Я готов. (Про себя) Выстрелю на воздух!

Юрий (в сторону). Может быть, он еще не виновен, может быть, она меня обманула... разве он не имел права ее любить, если был любим... однако ж это требует крови, крови... пускай моя кровь прольется. (Берет его за руку.) Будем стреляться друзьями...

Заруцкий. Что это? Откуда эта перемена?

Юрий. Позволь мне умереть твоим другом.

Заруцкий. К чему ж стреляться?

Юрий. Ах!.. Я хочу умереть или тебя убить, тайна тяготит мое сердце... короче: я должен с тобою стреляться...

Заруцкий. Но какая тайна?

Юрий. О нет! Не испытывай меня... не принимай участия, его не должно для меня существовать... не срывай покрова с души, где весь ад, всё бешенство страстей... позволь, лучше позволь мне тебя обнять в последний раз. (Обнимает.) (Поднявшись) Так, всё кончено... я сделал должное... последняя слеза всех моих слез, свинцовая слеза моих страданий упала ему на грудь... ее, может быть, пробьет мой свинец; что ж?.. Он будет тогда счастливей меня. (К нему) Хорошая ночь, друг... а помы нам отпоют вечную память. (Становятся.)

Заруцкий (наводит пистолет). Раз... два...

Юрий. Постой!..

Заруцкий. На что!..

Юрий. Ты должен мне клясться, что если я буду убит... то ты ее больше ни разу не обнимешь... что ты кинешь ее навсегда... Заруцкий!.. Заруцкий!.. Не забудь, что мы еще друзьями... ты должен отомстить меня... Я для тебя всё сделал, что нужно. У меня в кармане бумага, где написано, что я сам застрелился... а ты беги! Беги!.. Совесть не должна тебя мучить: она всему виною...

Заруцкий. Твой ум расстроен: ты не знаешь, про кого говоришь...

Юрий. Не говори, не оправдывай ее: она черна как сажа... Не эта ли девушка клялась в любви на груди моей, не здесь ли хранится ее клятва?.. Я преклонял мои колена, как перед ангелом, ангелом невинности, – боже всемогущий, прости, что я оклеветал твое чистейшее творенье!..

Заруцкий. Коли дело делать, так скорей, нам могут помешать...

Юрий (в задумчивости). Какой адский дух толкнул меня за это дерево... зачем я должен был увидеть обман, мне приготовленный, зачем, выпивая чашу яда, мне должно было узнать о том, – в ту минуту, когда напиток уже на языке моем... Может быть, без этого я бы скоро ее разлюбил или провел месяцы наслаждения спокойного, на груди изменницы, – но теперь, теперь, когда я сам видел... теперь... змея ревности клубится в груди моей... ненависть пожирает мою душу... я должен отмстить за оскорбленное мое сердце...

Заруцкий. Волин! Готовься!..

Юрий (не слышит). Ужели это была необходимость; ужели судьбе нет другого дела, кроме терзать меня... она знает, что человек слабее ее: ты, грудь моя, бывшая всегда жертвенник одних высоких чувств... окаменей подобно ее сердцу... пускай на тебе дымится мщенье... О! Для чего в первые минуты любви закрыты от нас муки ревности?.. Но он, он... мой друг; ах! Зачем! Я б роздробил его череп... теперь я должен умереть... и что для меня жизнь, что снова блеснет разочарованной душе двадцатилетнего старика, (подумав) так я стар... довольно жить!..

Заруцкий (бьет его по плечу). Теперь не время размышлять... или ты боишься?..

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драмы. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru
Юрий (как от сна). Я готов! (Оборачивается и открывает лоб.) Дай я буду считать... когда скажу: три... спускай... раз, два (останавливается)... не могу... чудо! Сердце охладело... слова не льются... но я возьму верх.

(Слышен крик. Вбегает Любовь.)

Явление 5

Любовь (подбежав к Юрию, видит пистолет). Ах!.. Что это такое...

Юрий (отходя прочь). Ничего!..

Любовь (к Заруцкому). Ради неба!.. Что это значит! (Молчание.) Даже вы не хотите мне сказать... (К Юрию) Зачем эти пистолеты!.. И ствол к тебе...

Юрий (язвительно). Спроси у него... у этого гусара в золотом ментике и с длинными усами, он и теперь лучше удовлетворит твоему желанью, чем я.

Любовь (с нежным укором). Юрий! Зачем такой холодный тон... как ты скоро переменялся...

Юрий (в сторону). О, непостижимое женское притворство. (Ей) Оставьте меня... я сказал вам, спросите у Заруцкого!..

Заруцкий (подходит к Юрию). Нам помешали – итак, до завтрашнего... (Уходит.)

Юрий. Как знать, что будет завтра?.. Может быть, я буду счастлив, может быть, я буду лежать на столе... (Любови) Что вы не пошли за ним, он вас любит больше меня...

Любовь. Какая холодность – но мы теперь одни, растолкуй мне эту тайну, умоляю тебя самим богом...

Юрий. Не им ли ты клялась любить меня...

Любовь. Я сдержала мою клятву.

Юрий. Я и позабыл, что она не клялась любить меня одного... быть может, она права; кто знает женское сердце, – говорят, оно способно любить многих вдруг...

Любовь (с грустью). О! Как ты несправедлив...

Юрий. Против тебя? Я несправедлив?.. И ты можешь так равнодушно говорить... как будто... о, трепещи, если я докажу тебе.

Любовь. Чего мне бояться? Совесть моя чиста...

Юрий. Ее совесть? Ад и проклятье... Я тебя любил без всякой цели, но это благородное чувство впервые обмануло меня. За каждую каплю твоей крови я был готов отдать душу; за один твой веселый час я заплатил бы целыми годами блаженства... и ты... мне изменила!..

Любовь. Как?.. Такая клевета, ужасное подозренье вышло из твоего сердца?.. Не верю! Ты хотел испугать меня. (Берет его за руку.) Ты шутишь... о, скажи: ты шутишь!.. Юрий! Перестань; я не... вынесу... этого...

Юрий (в бешенстве). И ты не стыдишься перед этими деревьями, перед цветами, растущими вокруг, пред этим голубым сводом, которые были свидетелями наших взаимных обещаний... посмотрите, деревья, с какой адской улыбкой, притворной невинностью она стоит между вами, недвижна, как жена Лотова... [69] взгляни и ты, девушка, на них... они качают головами, укоряют тебя, смеются над тобой... нет... надо мной они хохочут... слышишь, говорят: безумец, как мог ты поверить женщине, клятвы ее на песке, верность... на воздухе... беги, беги, уже зараза смертельная в крови твоей... беги далеко, из родины, где для тебя ничего больше нет... беги туда, где нет женщин... где ж этот край благословенный... пушись искать его... стану бродить по свету, пока найду, и погибну... где?.. Лишь бы дальше от нее... а то мне всё равно! – простите, места моего детства, прости, любовь, надежда, мечты детские... всё свершилось для меня... (Хочет бежать, Любовь, как пробудившись, вдруг останавливает его.)

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru
Любовь. Остановись, на минуту!.. Не погуби невинную девушку. (Жалобно) Слушай, жестокий друг: клянусь, в первый раз клянусь всем страшным для меня, что я тебя одного любила и люблю!.. Чего тебе еще больше; неужели и эти слова тебя не уверяют? Юрий!.. Отвечай мне ласково, иначе ты убьешь меня. (Сильнее прижимает к себе его руку.)

Юрий (почти не слышав ее слов). Какой сильный дух остановил меня? Отчего я еще здесь... Моя голова пылает, мысли мешаются, (старается вырваться) пусти... пусти.

Любовь. Юрий! Не пусти тебя, пока ты не признаешь меня невинною, до тех пор смерть не оторвет меня от ног твоих; я обниму колени, если ты отрубишь руки, я зубами стану держаться, позволь мне тебе всё объяснить!..

Юрий (холодно). Вы справедливы...

Любовь. Ты говоришь не от сердца.

Юрий. Ты невинна, непорочна... пусти меня...

Любовь (пускает слабже его руку, но Юрий не выдергивает свою, и она остается). Помнишь ли ты прошедшее? – ты сам признавался, что моя нежность сделала тебя счастливейшим человеком, я верю, ибо люблю тебя со всем пламенем первой страсти... вспомни, что ты мне рассказывал давно уже; ты говорил, что предмет первой любви твоей своею холодностью сделал твой характер мрачным и подозрительным, что с тех пор твое сердце страдает от нанесенной язвы... (Юрий глядит в сторону, дабы скрыть смущение.) А ты губишь первую любовь бедной девушки... суди по себе... ты сделался мрачен, а я не перенесу этого... Неужели ты такой эгоист, что считаешь себя одного с чувством и душою... О Юрий, ты так обманул меня; ты говорил о привязанности своей ко всему миру, ко всем людям, а ныне не имеешь сожаления к бедной девушке...

(Юрий в сильном смущении.)

Но ты плачешь... о, не верю, что ты совсем меня отвергнул, нет, я еще любима, – не верю твоей холодности, она пройдет, ревнивый мужчина!.. Видишь: я у ног твоих прошу пощады: люби меня... выслушай оправданье...

(С рыданьем упадает перед ним и обнимает его колена, Юрий в сильном движении; рыданья останавливают вырывающиеся слова; он плачет.)

Юрий (дрожащим голосом). Прочь, прочь... сирена... прочь от меня...[70]

Любовь (встает и поднимает глаза к небу. Тихо). О боже! Боже мой!..

Юрий (отошел в сторону). Слабость! Слабость! Она мне напомнила про первую любовь, про первые муки душевные – и я заплакал; но она не тверже меня духом; я заставлю ее, бледнея и дрожа, признаться в измене... (Молчание.) Я не знаю, она еще так много власти имеет надо мною, что надо призвать всю твердость, чтоб совершенно окаменеть... так, я не должен иметь ни малейшей жалости к прекрасному личику этому... я желал бы ее сделать безобразною, чтобы совершенно истребить из груди любовь. (Берет пистолет и подходит к ней.) Видишь ли это оружие... я могу чрез одно пожатие пальца превратить тебя в окровавленный труп... видишь. (Прицеливается.)

Любовь. Стреляй, если можешь...

Юрий (бросает пистолет. С досадой). Женщина!

Любовь. Неужели думаешь, что я дорожу теперь жизнью... нет, я никогда не наслаждалась ею и умею не бояться убийцы. (Опускает снова в задумчивости голову и руки.)

Юрий (мрачный, приближается к ней). Наши сердечные связи расторгнуты, виновна ты или нет. Я не буду любить тебя, я не могу, если б даже и хотел... (Глядит ей пристально в глаза и берет руку.) Вот перстень, который ты мне дала недавно: возвращаю его тебе, как ненужного свидетеля любви моей. Возьми его назад. Я еду из родины в чужие края, ничто больше здесь меня не задержит... (Тронутый) Благодарю тебя за лучшие часы моей жизни и ни за что не укоряю. Ты показала, что

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru
можно быть совершенно счастлив у сердца нежной женщины и что это блаженство короче всех блаженств... (Жмет руку ей.) Благодарю тебя, любовь!.. (Молчание. После чего Юрий с жаром продолжает) О друг мой! Оставь свое бесполезное упрямство. Ты меня не разуверишь, ибо я сам всё видел... но... признайся чистосердечно, что ты виновна, тогда, быть может, я снова полюблю тебя...

Любовь (гордо). Нет! я на свою честь не буду клеветать... Впрочем, мое признание было б бесполезно, если б я была в самом деле виновна пред тобою...

Юрий. Итак, ты не хочешь...

Любовь (твердо). Не могу и не должна!..

Юрий. Прощай. (Идет, но ворочается.) Дай мне последний поцелуй. (Берет ее руки.) Прощай, любовь, прощай надолго!.. (Целует ее в губы.) (В восторге) Нет! Нет! Эти уста никогда не могли быть преступными, я б никому не поверил, если б... проклятое зренье!.. Бог всеведущий! Зачем ты не отнял у меня прежде этого... зренье... зачем попустил видеть, что я тебе сделал, бог!.. О! (с диким стоном) во мне отныне нет к тебе ни веры, ничего нет в душе моей!.. Но не наказывай меня за мятежное роптанье, ты... ты... ты сам нестерпимо пыткой вымучил эти хулы... зачем ты мне дал огненное сердце, которое любит и ненавидит до крайности... ты виновен!.. Пусть гром упадет на меня, я не думаю, чтоб последний вопль давно погибшего червя мог тебя порадовать... (В отчаянье убегает.) (Молчание.)

Любовь (оглядывается). (Жалобно) Он ушел! О, я несчастная девушка!.. (Упадает в слабости на скамью дерновую.)

(Занавес опускается.)

Конец 4-го действия

Действие пятое

Явление 1

(Комната Николая Михалыча, сундуки и чемоданы готовы к отъезду.)

Васи<лий> Мих<алыч> (входя, слуге, который идет за ним). Что? Что? Не может быть; неужели это правда?

Слуга. Точно так-с...

Васи<лий> Мих<алыч>. Так, так, мне самому это всё казалось... экой шельма... поди позови брата сюда моего... экое несчастное дело! (Уходит слуга.) Ну как объявить ему теперь – просто, да, просто – надобно за один раз кончать эти сплетни. (Садится.) Надобно порядком распечь племянника моего – экую он заварил кашу – однако я пощажу его немного. Молодость! Всё молодость! Хотя это такой порок, от которого всякий день мы исправляемся, – может быть, он и не совсем так говорил, или что-нибудь да не так тут есть... впрочем, я не думал бы никак, чтоб Юрий дошел до такой низости, если б (в задумчивости опускает голову)... Ба! Что это за записка: Ma chère... [71] это любопытно. (Подымает записку – вдруг вскакивает в изумлении и долго молчит, смотря на записку, потом с досадой говорит) Как... к Любви – к моей дочери любовное письмо – свидание... Юрий... нет, этого я не стерплю. (Молчание.) Видно, это давно написано, потому что на полу валяется, как всё старое. (Молчание.) Ну, говори, что я несправедливо делал, любя дочерей моих неодинаково... Я наперед как предчувствовал это... вот Лизушка такой штуки не сделает... с братом двоюродным любовное свиданье – где это на свете видано... О! Я ему отомщу; будет теперь меня помнить. После этого чего нельзя от него ожидать, от обольстителя двоюродной сестры!.. (Ходит взад и вперед.) Однако припрячу записку до случая. (Кладет в карман.) Но вот и брат идет, кажется...

Явление 2

(Николай Михайлович входит.)

Ник<олай> Мих<алыч>. Что это, брат, такое, что опять за важное дело. У меня, право, их теперь так много, что не знаю, куда с ними деваться.

Вас<илий> Мих<алыч>. Да дело немаловажное, касающееся до тебя и до твоего сына.

Ник<олай> М<ихалыч>. М<арфа> Ив<ановна> что-нибудь еще хочет сочинить, не правда

Вас<илий> Мих<алыч>. Нет, до нее тут ничего не касается.

Ник<олай> Мих<алыч>. Эх, братец! Так что же тут может быть важного? Ты меня только оторвал от занятия... об этом после можно поговорить.

Вас<илий> Мих<алыч>. То-то нельзя...

Ник<олай> Мих<алыч>. Что же это?..

Вас<илий> Мих<алыч>. Твой сын...

Ник<олай> Мих<алыч>. Мой сын – лучший из сынов. Благороден, справедлив, хотя мечтателен, и меня любит, несмотря на все происки старух...

Василий М<ихалыч>. Хм! Хм! Хм!

Ник<олай> Ми<халыч>. Что ты так смотришь? Неужели кто-нибудь может сказать нет?

Вас<илий> Мих<алыч>. Нет! Не то чтобы не любил совсем; а это еще подлежит сомнению.

Ник<олай> Мих<алыч>. Как сомнению? Что это! Неужели ты так об нем думаешь? Братец!

Василий Мих<алыч>. Да думаю... и, может быть, ты сам скоро начнешь думать.

Ник<олай> Мих<алыч>. По крайней мере он до сих пор не подал мне повода почитать его бесчестным человеком.

Вас<илий> Мих<алыч>. Вот видишь: есть люди, которые умеют так скрыть цель свою и свои поступки, что...

Ник<олай> Мих<алыч>. Братец! Юрий не из таких людей...

Васил<ий> Мих<алыч>. Человек неблагодарный не может быть хорошим человеком.

Ник<олай> Мих<алыч>. В нем этого нет...

Вас<илий> Миха<лыч>. А как есть? Разве Марфа Ивановна не воспитала его, разве не старалась об его детстве, разве не ему же хотела отдать всё свое имение, а он – оставит – ну, да это для отца, – да как поступает с ней; со стороны жалко смотреть, – груб с нею, как с последней кухаркою...

Ник<олай> Мих<алыч>. Что же из этого всего ты хочешь вывести!.. Ради бога объяснись!..

Василий Мих<алыч>. А то хочу вывести, что он, обманув ее, может обмануть и тебя. Видишь: тебе кажется, что он с ней так дурно поступает, ее оставляет, про нее дурно говорит... а кто знает, может быть, и ей он на тебя бог знает как клеветет.

Ник<олай> Мих<алыч>. Стыдись! – это всё одни несправедливые подозрения! – помилуй! Что ты делаешь?

Вас<илий> Мих<алыч>. Я хочу тебе открыть глаза из одной дружбы к тебе, и у меня, поверь, не одни подозрения – без доказательств не смел бы я говорить.

Ник<олай> Мих<алыч>. Да тут нет доброго смысла, братец!..

Вас<илий> Мих<алыч>. Отчего же?

Ник<олай> Мих<алыч>. Ну ты, верно, согласишься, что Юрий умен!

Вас<илий> Мих<алыч>. Глупый человек не может быть так лукав!..

Ник<олай> Мих<алыч>. Итак, согласен! Какая же тут цель? Он должен бы был понять, что эти сплетни, как ты говоришь, ни к чему не послужат!

Вас<илий> Мих<алыч>. То-то и дело: он умен, потому-то я еще и не совсем дошел до цели. А в том, что я теперь тебе расскажу, – я уверен. Слушай же: вчерась, в ее комнате, он говорит своей бабке: довольны ли вы теперь моей привязанностью! Вам тяжело присутствие моего отца! Я ему про вас наговорил, он с вами побранился – и теперь вы имеете полное право ему указать порог...

Ник<олай> Мих<алыч>. Ужасное бесстыдство...

Вас<илий> Мих<алыч>. Да – но это не всё...

Ник<олай> М<ихалыч>. Что еще может быть ниже этого!... но нет, не верю... не верю... кто слышал это? (Берет его сильным движением за руки.) Отвечай, кто слышал?.. кто?

Вас<илий> Мих<алыч> (в сторону). Беда! Надобно солгать. (Ему) Я – я слышал... право я...

Ник<олай> Мих<алыч>. Непостижимый случай. Сын... не могу подумать этого – изверг!..

Вас<илий> Мих<алыч>. Успокойтесь!.. Успокойтесь...

Ник<олай> М<ихалыч>. Мне успокоиться? Ха-ха!.. (Звонит, человек входит.) Сына моего пошли. Сию минуту отыщи его, хотя б он был у самого черта... слышишь. (Ходит взад и вперед по комнате.)

Вас<илий> Мих<алыч>. Но я тебя прошу, братец, поменяжируй, поменяжируй его... пожалуста, – ведь я так только тебе сказал, а не для того, чтобы сделать из этого целую историю... пощади его, ведь он еще молод, видишь ли... братец...

Нико<лай> Мих<алыч> (в бешенстве). Никогда – никогда – мне его пощадить – нет – я ему дам нагонку – кто б подумал – такое злодейство... хотя бы капля совести – ничего! До тех пор меня обмануть... О! Он дорого мне это заплотит... (Ходит взад и вперед.)

Вас<илий> Мих<алыч> (в сторону). Вот, кажется, и Юрий идет сюда – сяду на это кресло и, как ни в чем не бывало, стану слушать. Да я б желал, чтоб ему хорошенько досталось, – ведь видно, что родства не знает. Любовное свидание с моей дочерью! Боже, боже мой! Экая нынче молодежь! Ну ж, я ему отплатил! В таких случаях солгать простительно! (Садится возле стола.)

Явление 3
(Прежние и Юрий (входит тихо).)

Юрий. Вы меня спрашивали, любезный батюшка?

Ник<олай> Мих<алыч> (в сторону). Любезный! Я ему задам такой любезности, что он будет помнить.

Юрий (ближе). Батюшка! Что вам угодно?..

Ник<олай> Мих<алыч> (оборачиваясь. Сердито и строго). Кажется, вам бы можно со мной поучтивее обращаться...

Юрий (в удивлении отступает назад).

Вас<илий> М<ихалыч> (в сторону). Идет хорошо покуда.

Николай Ми<халыч>. Кто тебе велел сюда прийти?

Юрий (всё еще смотрит на него).

Николай Ми<халыч>. Повторяю, зачем ты сюда пришел?

Вас<илий> Мих<алыч>. Да ведь ты, братец, за ним, кажется, посылал!..

Ник<олай> Мих<алыч>. Знаю сам. Да я хочу, чтобы он отвечал... (С презреньем)

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru
Видишь, как смотрит, точно бык. (Юрию) Что ты молчишь, негодяй?

Юрий. Что такое?.. Но вы, верно, шутите, батюшка, перестаньте, прошу вас; нынче такие шутки мне слишком тяжело легли на сердце... кончите...

Ник<олай> Мих<алыч>(сердито). Смотри, пожалуста, – я с ним шучу!.. Нет, серьезно говорю, сударь, что ты негодяй, скверный человек.

Юрий (горячо). Батюшка, я не заслужил этого!

Ник<олай> Мих<алыч>. Ты заслужил больше... ты стоишь, чтоб я тебя прибил... и еще больше.

Юрий (гордо и с увеличивающимся жаром). Вспомните, что я уже не ребенок... не доведите меня до крайности, моя голова довольно нынче разгорячена... Я невинен, ручаюсь честью!.. Но за себя не всегда могу отвечать!.. Не...

Ник<олай> Мих<алыч>(прерывает). Отец всегда имеет право над сыном... а ты хочешь идти против меня, неблагодарный?..

Юрий. Так, я неблагодарен, только не к вам. Я обязан вам одною жизнью... возьмите ее назад, если можете... О! Это горький дар...

Ник<олай> Мих<алыч>. Что ты хочешь сказать этим...

Юрий. Для вас я покидаю несчастную старуху, хотя мог бы быть опорой последних дней ее... Она мне дала воспитание, ухаживала за моим детством, ей обязан я пропитаньем, богатством, всем, что я имею, кроме жизни... и в несколько дней я ее приблизил к могиле... К ней я неблагодарен... я не должен был смотреть на ваши распри: обязанность человечества должна была занять мое сердце... но для вас я сделал великое преступление... и вы меня обвиняете, вы, мой отец... нет, это свыше границ возможного!..

Ник<олай> Мих<алыч>. Ты можешь так бесстыдно лгать, лицемер... ты, который своими низкими сплетнями увеличил нашу ссору, который, надев маску привязанности, являлся к каждому и вооружал одного против другого, через которого я как последний нищий выгоняем из этого дома... несчастный; если б я это знал, я б тебя удушил при твоём рожденье, чтоб никогда глаза мои не видали такого чудовища!..

Юрий (бросается к ногам его). Ради всего страшного, не продолжайте, отец мой!.. Я почти понимаю, что вы хотите сказать... клевета... клевета... всё клевета... не верьте никому... кроме мне... я вас люблю, я это доказал...

Ник<олай> Мих<алыч>. Змея...

Юрий. Рассмотрите, узнайте... но берегитесь меня доводить до отчаяния: я невинен!..

Ник<олай> Мих<алыч>. Я всё знаю... теперь поздно твое коварство. Тебе не удалось нынче. Сквозь этот огорченный вид невинности, сквозь эти бледные черты я вижу адскую душу... отрекаюсь от нее: ты больше мне не сын... прочь, прочь отсюда с твоим наследством. Ты мне золотом не заклеишь язык... я всё тебя отвергну, хотя б с тобой были миллионы... такое коварство... почти отцеубийство, если не хуже, потому что я тебя любил... и в таких молодых летах... прочь, прочь... я не могу слышать тебя близко!.. Мое состояние самое опасное, может быть, и скоро совсем разорюсь... буду просить милостыню... но верь мне, даже не подойду к твоему окошку... я не захочу встре<тить> на нем печать моего проклятья... сердце мое тогда бы облилось сожаленьем... я этого не хочу – прочь!..

Юрий (вздрагивает при слове проклятье и, быв прежде в ужасном движении, вдруг становится как окаменелый).

(Молчание.)

Васил<ий> М<ихалыч> (подходит к брату). Не довольно ли? Посмотри, как он бледен... как мертвец.

Ник<олай> Мих<алыч>. Так его и надо... нужды нет!.. Он еще может раскаяться...

Юрий (вдруг с диким смехом). Ха! Ха! Ха!.. Отец проклял сына... как это легко... Посмотрите, посмотрите, посмотрите на это самодовольное лицо... посмотрите на эти спокойные черты: этот отец проклял сына!.. (Уходит в сильном, но молчаливом отчаянии.)

явление 4
(Прежние без Юрия.)

Ник<олай> Мих<алыч>. Он ушел?..

Вас<илий> Мих<алыч>. Кажется, братец, кажется.

Ник<олай> Мих<алыч>. Я так утомился, мне надобно отдохнуть... о, не дай бог иметь такие дни в жизни никакому отцу.

Вас<илий> Мих<алыч>. Ты прав, братец... не дай бог...

Ник<олай> Мих<алыч> (уходит).

явление 5
Вас<илий> Мих<алыч> (один). Уж досталось тебе, негодяй... Если я б еще последнее сказал да представил это письмо, так не то бы еще было – да так уж пожалела моя душа... Теперь пойду, однако ж дочку свою не стану еще бранить... будет время... и без нас здесь шуму и горя довольно... ох, ох! Ох!.. (Уходит за братом своим.)

явление 6
Дарья (которая подслушивала за противоположной дверью, выходит на цыпочках). Всё кончено – слава богу, мне удалась эта, как многие другие, однако лучше этой еще ни одной не могу запомнить. Так прекрасно через людей передала я свою выдумку Вас<илию> Мих<алычу> – а тот сдуру и поверил... Ну ж мне будет благодарность от госпожи моей... денег-то, денег-то... а уж этот Волин, зажгла я его хоромы, и морем не потушит... теперь всё наше... хоть заране молебен святым угодникам служи... Однако ж потороплюсь объявить свою новость барыне... добро вам, незваные гости!

явление 7
(Дарья хочет уйти, но встречается в дверях с Марфой Ивановной.)

Марф<а> Ив<ановна> (входит с палкой). Дашка! Дашка! Что тут случилось! Скажи скорей! Я слышала шум... вижу радость на твоём лице... что такое? Дашка! Поддай стул...

Дарья (подвинув стул). Что случилось, сударыня?..

Марфа Ив<ановна>. Ну да! Говори же.

Дарья. Что случилось?!..

Марф<а> Ив<ановна>. Какое дурацкое эхо!.. Отвечай же скорей.

Дарья. Случилась маленькая комедь между батюшкой и сынком... не извольте бояться – это ничего: Юрья Николаича батюшка побранил да в шутку и проклял; а тот огорчился. Вот вам всё, сударыня.

Марф<а> Ив<ановна>. Проклял... ты этому виною, негодяйка... ты (поднимает руку на нее) своими сплетнями это сделала...

Дарья. Да ведь вы сами, матушка, приказывали. (Кланяясь) Чем же я могла вас прогневить...

Мар<фа> Ив<ановна>. В ссылку сошлю, засеку... я тебе сказала, чтоб поссорить их... но разве не ты мне это присоветовала... теперь что с ним будет, с Юрьюшкой... погубит он свою душу... прочь, адский дух, прочь... с глаз моих долой... в Сибирь... в ад... ах, я несчастная... окаянная... что это мы наделали...

Дарья (повалившись ей в ноги). Помилуйте... мать родная... золотая... серебряная... государыня... спасите меня...

Марф<а> Ив<ановна>. Как могло это до того дойти... кто б подумал... о, эта змея

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов termontovmikhail.ru
проклятая... о! Если б я знала, я бы скорее помирилась тысячу раз с Волиным... лишь бы не дошло до этого... на старости лет такой грех на мне... Он погиб теперь... и я погибла... и все... все... Уф! Как темно... как холодно... будто железная рука выдавила последнюю каплю крови из моего сердца... там светло... вот чаша... в ней вода... в воде... яд. (Молчание.) (Тихо) Отойди... отойди... упрекающее дитя... отойди, чего ты от меня хочешь?... Ты говоришь, что ты душа моего внука!.. Нет... откуда тебе взяться?... Ох! Ох!.. Не трогай руки моей!.. Я тебя не знаю... не знаю... никогда тебя я не видала. (Уходит с признаками сумасшествия.)

Дарья (встав). Она сошла с ума – теперь опять всё наше, опять дело выиграно.
(Уходит с веселым лицом.)

явление 8[72]

(Комната Юрия: темно. Он стоит возле стола, опершись на него рукою; возле него стакан воды. Иван, слуга его, стоит недалеко.)

Иван. Здоровы ли вы, барин...

Юрий. На что тебе?

Иван. Вы так бледны...

Юрий. Я бледен?... Может быть, скоро буду еще бледнее.

Иван. Ваш батюшка только погорячился, он скоро вас простит...

Юрий. Поди, добрый человек, это до тебя не касается.

Иван. Мне не ведено от вас отходить...

Юрий. Ты лжешь!.. Здесь нет никого, кто б занимался мною... Я здоров: поди же прочь.

Иван. Напрасно, сударь, хотите меня в том уверить, ваш расстроенный вид, бродящие глаза, дрожащий голос показывают совсем противное...

Юрий (вынимает из шкатулки, на столе стоящей, кошелек. В сторону). Я слышал, что в людях это (показывая на кошелек) многое может произвести. (Ивану) Возьми это – и ступай отсюда, здесь тридцать червонцев...

Иван. За тридцать сребреников продал Иуда Иисуса Христа... а это еще золото... нет, барин, я не такой человек... хотя раб, а не решусь взять от вас денег за такую услугу.

Юрий (бросает в окно). Так пусть кто-нибудь подымет.

Иван. Что это с вами, сударь, делается. Утешьтесь... не всё горе; не всё печаль на свете. Успокойся, батюшко.

Юрий (тяжело). Однако ж.

Иван. Бог пошлет вам счастье... хотя б за то только, что меня благодетельствовали. Никогда я, видит бог, от вас сердитого слова не слышал...

Юрий. Точно?..

Иван. Я всегда велю жене и детям за вас бога молить.

Юрий. Так у тебя есть жена и дети...

Иван. Да еще какие... как с неба, прекрасная, добрая жена... и малютки, сердце радуется, глядя на них...

Юрий. Если я тебе сделал добро, исполни мою единственную просьбу...

Иван. И телом и душой готов, батюшка, на вашу службу...

Юрий. У тебя есть дети... не проклинай их никогда.

(Отходит в сторону.)

Иван (смотрит на него с сожалением. Его кто-то из-за кулис вызывает к Марфе Ивановне. Он уходит медленно.) (Юрий остается один.)

явление 9
(Юрий один.)

Юрий. А он, мой отец, меня проклял! И так ужасно... в ту минуту, когда я для него жертвовал всем: этой несчастной старухой, которая не снесла бы сего; моею благодарностью... в эту самую минуту... ха! Ха! Ха!.. О, люди, люди... два, три слова, глупейшая клевета сделала то, что я стою здесь на краю гроба... Прекрасная вечность! Прекрасные воспоминания!.. Но... это всё должно было так кончиться... Где золото есть главный предмет, дело там не кончится лучше... И в этот день он меня проклял! В тот самый день, когда я столько страдал, обманутый любовью, дружбой... Мое терпенье кончилось... кончилось... я терпел, сколько мог... но теперь... это выше сил человеческих!.. Что мне жизнь теперь, когда в ней всё отравлено... что смерть! Переход из одной комнаты в другую, подобную ей. (Указывая на стакан) Как подумать, что эта ничтожная вещь победит во мне силу творческой жизни? Что белый порошок превратит в пыль мое тело, уничтожит создание бога?.. Но если он точно всеведущ, зачем не препятствует ужасному преступлению, самоубийству; зачем не удержал удары людей от моего сердца?.. Зачем хотел он моего рожденья, зная про мою гибель?.. Где его воля, когда по моему хотенью я могу умереть или жить?.. О! Человек несчастное, брошенное созданье... он сотворен слабым; его доводит судьба до крайности... и сама его наказывает; животные бессловесные счастливей нас: они не различают ни добра, ни зла; они не имеют вечности; они могут... о! Если б я мог уничтожить себя! Но нет! Да! Нет! Душа моя погибла. Я стою перед творцом моим. Сердце мое не трепещет... я молился... не было спасенья; я страдал... ничто не могло его тронуть!.. (Сыпет порошок в стакан.) О! Я умру, об смерти моей, верно, больше будут радоваться, нежели о рожденье моем. Отец меня отвергнул, проклял мою душу – и должен этого дожидаться. (Молчание небольшое.) Природа подобна печи, откуда вылетают искры. Когда дерево сожжено: печь гаснет. Так природа сокрушится, когда мера различных мук человеческих исполнится. Всё исчезнет. Печь производит искры: природа – людей, одних глупее, других умнее. Одни много делают шуму в мире, другие неизвестны; так искры не равны меж собой. Но все они равно погаснут без следа, им последуют другие без больших последствий, как подобные им. Когда огонь истощится, то соберут весь пепел и выбросят вон... так с нами, бедными людьми; всё равно, страдал ли я, веселился ли – всё умру. Не останется у меня никакого воспоминания о прошедшем. Безумцы! Безумцы мы!.. Желаем жить... как будто два, три года что-нибудь значат в бездне, поглотившей века; как будто отечество или мир стоит наших забот, тщетных как жизнь. Счастлив умерший в такое время, когда ему нечего забывать: он не знает этих свинцовых минут безвестности... счастлив, кто, чувствуя тягость бытия, имеет довольно силы, чтоб прервать его. Прощай, мой отец, мы никогда не увидимся... не от тебя я умру... ты только помог мне образумиться... Ах! И она... эти прекрасные, обманчивые черты – потеряют свою привлекательность, кто б поверил? Мне их жалко. О! Скоро... скоро... вы все пройдете как тени... (Берет стакан и пьет, тут вздрагивает.) За здоровье ваше... Меня утешает мысль: все люди погибнут... глупо было бы желать быть исключену из этого числа. Но... зачем холод бежит по моим жилам, зачем я дрожу... еще не время... погоди... погоди, адское чудовище... еще четверть часа, смерть, – и я твой!.. (Садится в кресла – небольшое молчание.)

явление 10
(Любовь и Элиза входят в разговоре. Юрий, видя их, вскакивает и отходит в сторону. В комнате темно.)

Элиза. Что тебе сказал Заруцкий, отчего его не было в саду... что это всё значит?.. Твое беспокойство не к добру, ma chère. [73] Ты от меня бегаешь – и, верно, чего-нибудь ищешь.

Любовь. Не видала ли ты, где Юрий...

Элиза. На что тебе его...

Любовь. Ах! Сестрица! Ты всему виною. Они хотели стреляться... Заруцкий меня на коленях просил, чтоб я тебя привела для свиданья. Юрий видел и принял совсем иначе... О! Я несчастная девушка!.. Он меня оставил, он думает, что я изменила

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов termontovmikhail.ru
ему... он не хочет даже выслушать меня. О! Если б он знал... если б он видел мои слезы...

Юрий (в сторону). И я только теперь это слышу!.. Безумец я!

Элиза. Чего же ты теперь хочешь, ma sœur?[74]

Любовь. Дядюшка его проклял... он в отчаянье... верно, понапрасну; бог его за меня наказал. Я хочу его сыскать... хочу утешить Юрия... Ах! Сестрица, сестрица! Если б он видел мои слезы... но... он меня любит, в нем еще есть жалость... о, если б он знал, что происходит в моем сердце.

(Юрий в это время подходит и отходит в нерешимости.)

Любовь. Я его утешу, пойду к его отцу. На коленях выпрошу прощенье... или умру... я боюсь... О! Где б мне его найти... одна моя любовь может его утешить... он всеми так жестоко покинут!..

Юрий (в отчаянье). Злодей! Самоубийца!..

Элиза. Что это?

Любовь (бросается). Юрий! Юрий, он здесь... (Юрий встает.) Как бледен... какой страдальческий взгляд!

Юрий. Ты меня любишь... а я всегда любил тебя...

Любовь (рыдает у него на шее). Люблю ли я тебя?.. Благодарю небо!.. Наконец я счастлива... друг мой... друг мой... я тебе всегда была верна...

Юрий. Да! Да! Это мое последнее утешение.

Любовь (всё еще на груди его). Тебя все покинули.

Юрий. Ты ошибаешься! Я всех покидаю... ты этого не знала?

(Любовь подымается и смотрит с удивлением.)

Я еду в далекий, бесконечный путь...

Любовь. Что это? – ты едешь...

Юрий. Мы никогда, никогда не увидимся...

Любовь. Если не здесь, то на том свете...

Юрий. Друг мой! Нет другого света... есть хаос... он поглощает племена... и мы в нем исчезнем... мы никогда не увидимся... разные дороги... все к ничтожеству... Прощай! Мы никогда не увидимся... нет рая – нет ада... люди брошенные, бесприютные созданья.

Любовь. О всемогущий! Что сделалось с ним... он не знает, что говорит...

Юрий (смотрит на нее пристально). Как ты прекрасна в эту минуту... вот последнее удовольствие мое... оно велико... я согласен... Нет, не потревожу... это нежное выражение глаз, эти полуоткрытые уста... не стану говорить ей... не хочу видеть ее в ужасе... ах!.. Но нет, пусть она узнает. Что мне? Я умру!.. Пусть всё откроется... если б был здесь мой отец... как наслаждался б он видом моих предсмертных судорог...

Любовь. Что он говорит... Юрий! Юрий!.. Я предчувствую ужасное...

Юрий (берет ее за руку). Знай, что может сделать обманутое сердце, что может проклятие вечное отца... узнай... и... да разорвется твоя слабая грудь... трепещи... кровь остановилась в твоих жилах... а! Подумай! Отгадай... Ха! Ха! Ха! Ха! Нет, смейся лучше, пой, веселись, пляши... я – не бойся... я – только... принял – яд!..

Элиза. Ай! На помощь, скорей!.. (Убегает.)

(Любовь дрожит, бледнеет и упадает в обморок на кресло... он стоит над ней.)

Юрий. Так! Я это знал! – женщины! Женщины! Вы не сотворены для подобных ощущений!.. Как она бледна... образ смерти... О, если б она не просыпалась... если б могла не видеть моего трупа... (Становится на колени.) Не приходи в себя... ты и теперь прекрасна... умри лучше... мы с тобой не были созданы для людей.[75] Мое сердце слишком пылко, твое слишком нежно, слишком слабо. (Целует ее руку.) Рука тепла.

Любовь (приходит в себя). (Подымается на стуле и кидается к нему на шею.)
Молись!

Юрий. Поздно! Поздно!..

Любовь. никогда не поздно... молись! Молись!

Юрий (вскакивает). Нет, не могу молиться.

Любовь (встает). О ангелы, внушите ему! Юрий!

Юрий. Мне дурно!..

Любовь. Дурно...

Юрий. Пора!.. Скажи моему отцу, что я желал бы простить ему... (Упадает на землю.)

Любовь. Он падает... (Смотрит на небо.) Помоги! Помоги (становится на колени возле Юрия), останови его душу... Бог! Сделай первое чудо... он вернется к тебе...

Юрий (умирающим голосом). Плачь... плачь – плачь... Бог мне... никогда... не простит!.. (Умирает. Любовь рыдая падает на него. Молчание.)

явление 11

(Ник<олай> Мих<алыч>, Вас<илий> Мих<алыч>, Элиза, Иван, Дарья.)

Дарья (с ужасом). Умер.

Ник<олай> Мих<алыч> Мой сын... от моего проклятья!.. Не может быть! Он еще жив... не верю... он жив!.

Дарья (указывая на труп холодно). Отчего же? – посмотрите сюда... вы хотели: он умер...

Вас<илий> Мих<алыч> (поднимая Любовь). Дочь моя!.. Спирту!.. Ах! И она едва дышит... спасите, спасите хоть ее... (Любовь уносят. Вас<илий> Мих<алыч> и Элиза уходят.)

Иван. Боже! Прости душу моего господина!..

(Все стоят в безмолвном поражении.)

(Занавес опускается.)

Конец

Странный человек

The Lady of his love was wed with one.[76]

Who did not love better

.....

.....

...And this the world calls phrensy, but the wise

Have a far deeper madness, and the glance

Of melancholy is a fearful gift;

What is it but the telescope of truth?
Which strips the distance of its phantasies,
And brings life near in utter nakedness,
Making the cold reality too real!..

(The Dream. Lord Byron).[77]
Романтическая драма

Я решился изложить драматически происшествие истинное, [78] которое долго беспокоило меня и всю жизнь, может быть, занимать не перестанет.

Лица, изображенные мною, все взяты с природы; и я желал бы, чтоб они были узнаны, – тогда раскаяние, верно, посетит души тех людей... Но пускай они не обвиняют меня: я хотел, я должен был оправдать тень несчастного!..

Справедливо ли описано у меня общество? – не знаю! По крайней мере оно всегда останется для меня собранием людей бесчувственных, самолюбивых в высшей степени и полных зависти к тем, в душе которых сохраняется хотя малейшая искра небесного огня!..

И этому обществу я отдаю себя на суд.

Сцена I
Утром. 26<-го> августа.[79]

(Комната в доме Павла Григорьевича Арбенина. Шкаф с книгами и бюро.)

(Действие происходит в Москве.)

(Павел Григорич запечатывает письмо.)

Павел Григорич. Говорят, что дети в тягость нам, пока они молоды; но я думаю совсем противное. За ребенком надобно ухаживать, учить и нянчить его, а 20-летнего определяй в службу да каждую минуту трепещи, чтобы он какою-нибудь шалостью не погубил навеки себя и честное имя. Признаться: мое положение теперь самое критическое. Владимир нейдет в военную службу, во-первых, потому что его характер, как он сам говорит, слишком своеволен, а во-вторых, потому что он не силен в математике: куда же определиться? В штатскую? Все лучшие места заняты, к тому же... нехорошо!.. Воспитывать теперь самая трудная вещь; думаешь: ну, всё теперь кончилось! – не тут-то было: только начинается!.. Я боюсь, чтобы Владимир не потерял добрую славу в большом свете, где я столькими трудами достиг до некоторой значительности. Тогда я же буду виноват; про меня же скажут, как наемдни, что я не воспитывал его сообразно характеру. Какой же в его лета характер? Самый его характер есть бесхарактерность. Так: я вижу, что не довольно строго держал сына моего. Какая польза, что так рано развились его чувства и мысли?.. Однако же я не отстану от своих планов. Велю ему выйти в отставку года через четыре, а там женю на богатой невесте и поправлю тем его состояние. Оно по милости моей любезной супруги совсем расстроено; не могу вспомнить без бешенства, как она меня обманывала. О! коварная женщина! Ты испытываешь всю тягость моего мщенья; в бедности, с раскаяньем в душе и без надежды на будущее, ты умрешь далёко от глаз моих. Я никогда не решусь увидеть тебя снова. Не делал ли я всё, чего ей хотелось? И обесчестить такого мужа! Я очень рад, что у нее нет близких родных, которые бы помогали. (Молчание.) Кажется, кто-то сюда идет... так точно...

(Входит Владимир Арбенин.)

Владимир. Батюшка! Здравствуйте...

Павел Григорич. Я очень рад, что ты пришел теперь. Мы кой об чем поговорим: это касается до будущей твоей участи... Но ты что-то невесел, друг мой! Где был ты?

Владимир (бросает на отца быстрый и мрачный взор). Где я был, батюшка?

Владимир. Отгадайте, где я был?..

Павел Григ<орич>. У какого-нибудь тебе подобного шалуна, где ты проиграл свои деньги, или у какой-нибудь прекрасной, которая огорчила тебя своим отказом. Какие другие приключения могут беспокоить тебя? Кажется, я отгадал...

Владимир. Я был там, откуда веселье очень далеко; я видел одну женщину, слабую, больную, которая за давнишний проступок оставлена своим мужем и родными; она – почти нищая; весь мир смеется над ней, и никто об ней не жалеет... О! Батюшка! Эта душа заслуживала прощение и другую участь! Батюшка! Я видел горькие слезы раскаяния, я молился вместе с нею, я обнимал ее колена, я... я был у моей матери... чего вам больше?

Павел Григ<орич>. Ты?..

Владимир. О, если б вы знали, если б видели... отец мой! Вы не поняли эту нежную, божественную душу; или вы несправедливы, несправедливы... я повторю это перед целым миром, и так громко, что ангелы услышат и ужаснутся человеческой жестокости...

Павел Григ<орич> (его лицо пылает). Ты смеешь!.. Меня обвинять, неблагодар...

Владимир. Нет! Вы мне простите!.. Я себя не помню... Но посудите сами: как мог я остаться хладнокровным? Я согласен, она вас оскорбила, непростительно оскорбила; но что она мне сделала? На ее коленях протекли первые годы моего младенчества, ее имя вместе с вашим было первою моею речью, ее ласки облегчали мои первые болезни... и теперь, когда она в нищете, приехала сюда, мог ли я не упасть к ее ногам... Батюшка! Она хочет вас видеть... я умоляю... если мое счастье для вас что-нибудь значит... Одна ее чистая слеза смоет черное подозрение с вашего сердца и удалит предрассудки!..

Павел Григ<орич>. Слушай, дерзкий! Я на нее не сердит; но не хочу, не должен более с нею видеться! Что скажут в свете?..

Владимир (кусая губы). Что скажут в свете!..

Павел Григ<орич>. И ты очень дурно сделал, сын мой, что не сказал мне, когда поехал к Марье[80] Дмитриевне; я бы дал тебе препорученье...

Владимир. Которое бы убило последнюю ее надежду? Не так ли?..

Павел Григ<орич>. Да, да! Она еще не довольно наказана... эта сирена, эта скверная женщина...

Владимир. Она моя мать.

Павел Григ<орич>. Если опять ее увидишь, то посоветуй ей не являться ко мне и не стараться выпросить прощенья, чтобы мне и ей не было еще стыднее встретиться, чем было расставаться.

Владимир. Отец мой! Я не сотворен для таких препоручений.

Павел Григ<орич> (с холодной улыбкой). Довольно об этом. Кто из нас прав или виноват, не тебе судить. Через час приходи ко мне в кабинет: там я тебе покажу недавно присланные бумаги, которые касаются до тебя... Также тебе дам я прочитать письмо от графа насчет определения в службу. И еще прошу тебя не говорить мне больше ничего о своей матери – я прошу, когда могу приказывать! (Уходит.) (Владимир долго смотрит ему вслед.)

Владимир. Как рад он, что имеет право мне приказывать! Боже! Никогда тебе не докучал я лишними мольбами; теперь прошу: прекрати эту распрю! Смешны для меня люди! Ссорятся из пустяков и отлагают час примиренья, как будто это вещь, которую всегда успеют сделать! Нет, вижу, должно быть жестоким, чтобы жить с людьми; они думают, что я создан для удовлетворенья их прихотей, что я средство для достижения их глупых целей! Никто меня не понимает, никто не умеет обходиться с этим сердцем, которое полно любовью и принуждено расточать ее

(Входит Белинский, разряженный.) [81]

Белинский. А! Здравствуй, Арбенин... здравствуй, любезный друг! Что так задумчив? Для чего тому считать звезды, кто может считать звонкую монету? Погляди на меня; бьюсь об заклад, я отгадал, об чем ты думал.

Владимир. Руку! (Жмет ему руку.)

Белинский. Ты думал о том, как заставить женщину любить или заставить ее признаться в том, что она притворялась. То и другое очень мудро, однако я скорей возьмусь сделать первое, нежели последнее, потому что...

Владимир. О чем ты болтаешь тут?

Белинский. О чем? Он поглупел или оглох! Я говорил о царе Соломоне, который воспевал умеренность и советовал поститься, а сам был не из последних скоромников... ха! Ха! Ха!.. Ты, верно, ждал, чтоб твоя любезная прилетела к тебе на крыльях зефира... нет, потрудись-ка сам слетать. Друг мой! Кто разберет женщин? В минуту, когда ты думаешь...

Владимир (прерывает его). Где был ты вчера?

Белинский. На музыкальном вечере, так сказать. Дети делали отцу сюрприз по случаю его именин; они играли на разных инструментах, и для них и для отца это очень хорошо. Несмотря на то, гостям, которых было очень много, было очень скучно.

Владимир. Смешной народ! Таким образом глупое чванство всегда отравляет семейственные удовольствия.

Белинский. Отец был в восхищении и к каждому обращал глаза с разными телодвижениями; каждый отвечал ему наклоением головы и довольною улыбкой, и, уловя время, когда бедный отец обращался в противную сторону, каждый зевал беспощадно... Мне показались жалкими этот отец и его дети.

Владимир. А мне жалки бесстыдные гости; не могу видеть равнодушно этого презрения к счастью ближнего, какого бы роду оно ни было. Все хотят, чтобы другие были счастливы по их образу мыслей, – и таким образом уязвляют сердце, не имея средств излечить. Я бы желал совершенно удалиться от людей, но привычка не позволяет мне... Когда я один, то мне кажется, что никто меня не любит, никто не заботится обо мне... и, это так тяжело, так тяжело!..

Белинский. Эх! Полно, братец, говорить пустяки. Товарищи тебя все любят... а если есть какие-нибудь другие неприятности, то надо уметь переносить их с твердостью... всё проходит, зло, как добро...

Владимир. Переносить! Переносить! Как давно твердят это роду человеческому, хотя знают, что таким увещаниям почти никто не следует... Некогда и я был счастлив, невинен, но те дни слишком давно соединились с прошедшим, чтобы воспоминание о них могло меня утешить. Вся истинная жизнь моя состоит из нескольких мгновений, и всё прочее время было только приготовление или следствие сих мгновений... Тебе трудно понять мои мечты, я это вижу... друг мой! Где найду я то, что принужден искать?

Белинский. В своем сердце. У тебя есть великий источник блаженства, умеи только почерпнуть из него. Ты имеешь скверную привычку рассматривать со всех сторон, анатомировать каждую крошку горя, которую судьба тебе посылает; учишь презирать неприятности, наслаждаться настоящим, не заботиться о будущем и не жалеть о минувшем. Всё привычка в людях, а в тебе больше, чем в других; зачем не отстать, если видишь, что цель не может быть достигнута. Нет! Вынь да положь. А кто после терпит?

Владимир. Не суди так легкомысленно. Войди лучше в мое положение. Знаешь ли, я иногда завидую сиротам; иногда мне кажется, что родители мои спорят о любви моей, а иногда, что они совсем не дорожат ею. Они знают, что я их люблю, сколько может любить сын. Нет! Зачем, когда они друг на друга косятся, зачем есть

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru
существо, которое хотело бы их соединить вновь, перелить весь пламень юной любви своей в их предубежденные сердца! Друг мой! Дмитрий! Я не должен так говорить, но ты ведь знаешь всё, всё; и тебе я могу поверять то, что составляет несчастье моей жизни, что скоро доведет меня до гроба или сумасшествия.

Белинский. Магомет сказал, что он опустил голову в воду и вынул, и в это время 14-тью годами состарился; [82] так и ты в короткое время ужасно переменялся. Расскажи-ка мне, как идут твои любовные похождения? Ты нахмурился? Скажи: давно ли ты ее видел?..

Владимир. Давно.

Белинский. А где живут Загорскины? Их две сестры, отца нет? Так ли?

Владимир. Так.

Белинский. Познакомь меня с ними. У них бывают вечера, балы?

Владимир. Нет.

Белинский. А я думал... однако всё не мешает... Познакомь меня...

Владимир. Изволь.

Белинский. Расскажи мне историю твоей любви.

Владимир. Она очень обыкновенна и тебя не займет!..

Белинский. Знаешь ли ты кузину Загорскиных, княжну? Вот прехорошенькая и прелюбезная девушка.

Владимир. Быть может. В первый раз, как я увидел ее, то почувствовал какую-то антипатию; я дурно об ней подумал, не слыхав еще ни одного слова от нее. А ты знаешь, что я верю предчувствиям.

Белинский. Суевер!..

Владимир. Намедни я поехал верхом; лошадь не хотела идти в ворота; я ее пришпорил, она бросилась, и чуть-чуть я не ударился головой об столб. Точно так и с душой: иногда чувствуешь отвращение к кому-нибудь, принудишь себя обойтись ласково, захочешь полюбить человека... а смотришь, он тебе плотит коварством и неблагодарностью!..

Белинский (смотрит на часы). Ах, боже мой! А мне давно ведь пора ехать. Я к тебе забежал ведь на секунду...

Владимир. Я это вижу. Куда ты спешишь?

Белинский. К графу Пронскому – скука смертельная! А надо ехать...

Владимир. Зачем же надобно?

Белинский. Да так...

Владимир. Важная причина. Ну, прощай.

Белинский. До свиданья. (Уходит.)

Владимир. Люблю Белинского за его веселый характер! (Ходит взад и вперед.) Как моя голова расстроена; всё в беспорядке в ней, как в доме, где пьян хозяин. Поеду... Увижу Наташу, этого ангела! Взгляд женщины, как луч месяца, невольно приводит в грудь мою спокойствие. (Садится и вынимает из кармана бумагу.) Странно! Вчера я отыскал это в своих бумагах и был поражен. Каждый раз, как посмотрю на этот листок, я чувствую присутствие сверхъестественной силы и неизвестный голос шепчет мне: «Не старайся избежать судьбы своей! Так должно быть!» Год тому назад, увидав ее в первый раз, я писал об ней в одном замечании. Она тогда имела на меня влияние благотворительное, а теперь – теперь, когда вспомню, то вся кровь приходит в волнение. И сожалею, зачем я не так добр, зачем

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов termontovmikhail.ru
душа моя не так чиста, как бы я хотел. Может быть, она меня любит; ее глаза, румянец, слова... какой я ребенок! – всё это мне так памятно, так дорого, как будто одними ее взглядами и словами я живу на свете. Что пользы? Так вот конец, которого я ожидал прошлого года!.. Боже! Боже! Чего желает мое сердце? Когда я далеко от нее, то воображаю, что скажу ей, как горячо сожму ее руку, как напому о минувшем, о всех мелочах... А только с нею – всё забыто; я истукан! Душа утонет в глазах; всё пропадет: надежды, спасенья, воспоминания... О! Какой я ничтожный человек! Не могу даже сказать ей, что люблю ее, что она мне дороже жизни; не могу ничего путного сказать, когда сижу против этого чудного созданья! (С горькой улыбкой) Чем-то кончится жизнь моя, а началась она недурно. Впрочем, не всё ли равно, с какими воспоминаниями я сойду в могилу. О! Как бы я желал предаться удовольствиям и потопить в их потоке тяжелую ношу самопознания, которая с младенчества была моим делом! (Уходит тихо.)

Сцена II
Вечеру 28<-го> августа.

(Диванная в доме Загорскиных; дверь одна отворена в гостиную, другая в залу. Хозяйка Анна Николаевна; ее дочь Наталья Федоровна. Софья, княжна, вскоре. Иные сидят, другие разговаривают стоя.)

(Бьет восемь часов.)

Анна Николаевна (одному из гостей). Были вы вчера у графа? Там, говорят, был благородный театр... и еще говорят: как отделаны комнаты были... это чудо... по-царски!..

Гость 1. Как же-с – я был там. До 5<-ти> часов утра танцевали; и всего было довольно, всякого рода людей.

Наталья Фед<оровна>. Какие вы насмешники!.. А кто там был из кавалеров?..

Гость 1. Два князя Шумовых, Белинский, Арбенин, Слёнов, Чацкий... и другие; одних не помню, других позабыл... Знаете вы Белинского? – премилый малый, прелюбезный. Не правда ли?

Анна Ник<олаевна>. Да, я слыхала.

Одна из барышень. Скажите, пожалуйста, кто такое этот Арбенин? – мне об нем много рассказывали.

Гость 1. Во-первых, он ужасный повеса, насмешник, и злой насмешник; дерзок и всё, что вы хотите; впрочем, очень умный человек. Не думайте, что я это говорю по какой-нибудь личности; нет – все об нем этого мнения.

Наталья Фед<оровна>. Я вам ручаюсь, что не все: я первая не так думаю об нем. Я его знаю давно, он к нам ездит, и я не заметила его злости; по крайней мере он ни о ком при мне так не говорил, как вы теперь про него...

Гость 1. О! Это совсем другое; с вами он, может быть, очень любезен, но...

Другая барышня. Я сама слыхала, что Арбенина должно опасаться...

Гость 2 (подойдя). А мне кажется, наоборот...

Наталья Фед<оровна> (одной из барышень). Ma chère! [83] Знаешь ли ты что-нибудь глупее комплиментов?

Гость 3 (недавно подошедший). А знаете ли вы историю Арбенина?..

Одна из дам. Я не думаю, чтоб он был такое важное лицо, чтобы можно было заниматься его историей; и до кого она касается? Он очень счастлив: это доказывает его веселый характер, а история счастливых людей не бывает никогда занимательна...

Гость 3. Поверьте, веселость в обществе очень часто одна личина; но бывают минуты, когда эта самая веселость, в боренье с внутреннею грустью, принимает вид чего-то дикого; если внезапный смех прерывает мрачную задумчивость, то не

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru
радость возбуждает его: этот перелом доказывает только, что человек не может совершенно скрыть чувств своих. Лица, которые всегда улыбаются, – вот лица счастливых!

Наталья Федоровна. О! Я знаю, что вы всегда заступаетесь за господина Арбенина!

Гость 3. Разве вы никогда не заступаетесь за людей, которых обвиняют понапрасну?

Наталья Федо<ровна>. Напротив! Вот я третьего дни целый час спорила с дядюшкой, который утверждал, что Арбенин не заслуживает названия дворянина, что у него злой язык и так далее... А я знаю, что Арбенин так понимает хорошо честь, как никто, и что у него доброе сердце... он это доказал многим!..

Гость 1 (обращаясь к другому). Посмотрите, как она покраснела!

Гость 4. C'est une coquette.[84]

Наталья Ф<едоровна> (смотрит в дверь). Кто это еще приехал?.. Ах, вообразите: я не узнала издали кузину!..

(Княжна Софья входит.) (Кузины целуются.)

К<няжна> Софья (тихо Наташе). Я сию минуту, выходя из кареты, видела Арбенина; он ехал мимо вашего дома и так пристально глядел в окна, что, если б сам император проехал мимо его с другой стороны, так он бы не обернулся. (Улыбается.) Будет он здесь?

Наталья Ф<едоровна>. Почему же мне знать? Я не спрашивала, а он сам никогда наперед не извещает о своем приезде.

Кн<яжна> Софья (в сторону). А я надеялась еще раз его увидеть. (Громко) У меня сегодня что-то голова болит!

Гость 2. Лишь бы не сердце!

К<няжна> Софья (в сторону). Как плоско! (Ему) Вы вчера прекрасно играли у графа; особенно во второй пьесе; все были восхищены вами. (Он кланяется.) Только скажите, для чего вы так рано уехали, тотчас после ужина?

Гость 2. У меня заболела голова.

К<няжна> Софья (с улыбкой). Что за важность? Это не сердце!

Анна Ник<олавна> (подходит). Барышни, господа кавалеры, не хотите ли играть в мушку... столы готовы.[85]

Многие. С большим удовольствием.

(Все, кроме Наташи и Софьи, уходят.)

Княжна. Кузина! Мне кажется, ты совсем не радуешься своей победе? Ты как будто не догадываешься. Ну к чему хитрить? Всякий заметил, что Арбенин в тебя влюблен; и ты прежде всех это заметила. Зачем так мало доверенности ко мне? Ты знаешь, что я с тобой дружна и всегда всё про себя сказываю. Или я еще не заслужила...

Наталья Ф<едоровна>. Душенька! К чему такие упреки? (Целует ее.) Впрочем, это неправда... (Берет княжну за руку.) Не сердитесь же, Софья Николавна! (Смеется.)

Княжна. О! Я знаю, что он тебе нравится, но берегись! Ты Арбенина не знаешь хорошо, потому что его никто хорошо знать не может... Ум язвительный и вместе глубокий, желания, не знающие никакой преграды, и переменчивость склонностей – вот что опасно в твоём любезном; он сам не знает, чего хочет, и по той же причине, полюбив, разлюбит тотчас, если представится ему новая цель!

Наталья Ф<едоровна>. С каким жаром вы говорите, кузина!

Княжна. Потому что я тебя люблю и предостерегаю...

Княжна. О, я наслышалась довольно...

Наталья Ф<едоровна>. От кого?

Княжна. Да от самого Арбенина!

(Наташа отворачивается и уходит.)

Она ревнива! Она любит его! А он, он... как часто, когда я ему говорила что-нибудь, он без внимания сидел с неподвижными глазами, как будто бы одна единственная мысль владела его существованием; и когда Наташа подходила, я следовала за его взорами; внезапный блеск появлялся на них. О, я несчастная! Но как не любить? Он так умен, так полон благородства. Он часто разговаривает со мною, но почти всё о Наташе. Я знаю, что ему приятно быть со мною, но знаю также, что это не для меня. И то, что должно бы было служить мне неисчерпаемым источником блаженства, превращает одна мысль в жестокую муку.

Он не красавец, но так не похож на других людей, что самые недостатки его, как редкость, невольно нравятся; какая душа блещет в его темных глазах! Какой голос!.. О! Я безумная! Ломаю себе голову над его характером и не могу растолковать собственную страсть. (Молчание.) Нет! Они не будут счастливы... клянусь этим небом, клянусь душой моей, всё, что имеет ядовитого женская хитрость, будет употреблено, чтоб разрушить их благополучие... Пусть тогда погибну, но в утешение себе скажу: «Он не веселится, когда я плачу! Его жизнь не спокойнее моей!» Я решила! Как легко мне стало: я решила!

(В это время в глубине театра проходит несколько гостей, одни уезжают, другие приезжают; хозяйка провожает и встречает.)

(В<ладимир> Арбенин тихо выходит из гостиной.)

Княжна (увидав Арбенина). Как смела я решиться!..

Владимир. Ах, княжна!.. Как я рад, что вы здесь...

Княжна. Давно ли вы приехали?

Владимир. Сейчас. Вхожу в гостиную: там играют по 5<-ти> копеек в мушку. Я посмотрел: почти ни слова не сказал. Мне стало душно. Не понимаю этой глупой карточной работы: нет удовольствия ни для глаз, ни для ума, нет даже надежды, обольстительной для многих, выиграть, опустошить карманы противника. Несносное полостерство, стремление к ничтожеству, пошлое самовыказывание завладело половиной русской молодежи; без цели таскаются всюду, наводят скуку себе и другим...

Княжна. Зачем же вы сюда приехали?

Владимир (пожав плечами). Зачем!

Княжна (язвительно). Я догадываюсь!

Владимир. Так! Заблуждение! Заблуждение!... Но скажите, может ли быть тот счастлив, кто своим присутствием в тягость? Я не сотворен для людей теперешнего века и нашей страны; у них каждый обязан жертвовать толпе своими чувствами и мыслями; но я этого не могу, я везде одинаков – и потому нигде не гожусь; не правда ли, вот очень ясное доказательство...

Княжна. Вы на себя нападаете.

Владимир. Да, я сам себе враг, потому что продаю свою душу за один ласковый взгляд, за одно не слишком холодное слово... Мое безумство доходит до крайней степени, и со мною случится скоро горе, не от ума, но от глупости!.. [86]

Княжна. К чему эти притворные мрачные предчувствия. Я вас не понимаю. Всё проходит, и ваши печали, и (я не знаю даже как назвать) ваши химеры исчезнут. Пойдемте играть в мушку. Видели ли вы мою кузину, Наташу?

Владимир. Когда я взошел, какой-то адъютантик, потряхивая эполетами, рассказывал ей, как прошлый раз в Собрании один кавалер уронил замаскированную даму[87] и как муж ее, вступившись за нее, сдуру обнаружил, кто она такова. Ваша кузина смеялась от души... это и меня порадовало. Посмотрите, как я буду весел сегодня. (Уходит в гостиную.)

Княжна (глядит ему вслед). Желаю вам много успехов! Нынче же начну приводить в исполнение мой план. И скоро я увижу конец всему... Боже мой! Боже мой! Для чего я так слабодушна, так не тверда? (Уходит в гостиную.)

Сцена III

15<-го> сентября. Днем.

(Комната в доме Марьи Дмитриевны, матери Владимира; зеленые обои. Столик и кресла. У окна Аннушка, старая служанка, шьет что-то. Слышен шум ветра и дождя.)

Аннушка. Ветер и дождь стучат в наши окна, как запоздалые дорожные. Кто им скажет: ветер и дождь, подите прочь, мешайте спать и покоиться богатым, которых здесь так много, а мы и без вас едва знаем сон и спокойствие? Приехала моя барыня мириться с муженьком – о-ох! Ох! Ох! Не мирно что-то началось да не так и кончится. Оставляет же он нас почти с голоду умирать: стало быть, не любит совсем и никогда не любил; а если так, то и от мировой толку не будет. Лучше без мужа, чем с дурным мужем. Ведь охота же Марье Дмитриевне всё любить такого антихриста. Вот уж охота пуще неволи! Зато молодой барин вышел у нас хорош; такой ласковый; шесть лет, нет, больше, 8 лет я его не видала. Как вырос, похорошел с тех пор. Еще помню, как его на руках таскала. То-то был любопытный; что ни увидит, всё зачем? Да что? А уж вспылчив-то был, словно порох. Раз вздумалось ему бросать тарелки да стаканы на пол; ну так и рвется, плачет: брось на пол. Дала ему; бросил – и успокоился... А бывало, помню (ему еще было 3 года), бывало, барыня посадит его на колена к себе и начнет играть на фортепьянах что-нибудь жалкое. Глядь: а у дитяти слезы по щекам так и катятся!.. [88] Уж верно ему Павел Григорич много наговаривал против матери; да, видишь, впрок не пошло худое слово. Дай бог здоровья Владимиру Павловичу, дай бог! Он и меня на старости лет не позабывает. Хоть ласковой речью да подарит.

(Входит Марья Дмитриевна, с книгой в руке.)

Марья Дмитриевна. Я хотела читать, но как читать одними глазами, не следуя мыслию за буквами? Тяжкое состояние! Непонятная воля судьбы! Ужасное борение самолюбия женщины с необходимостью!.. К чему служили мои детские мечты? Разве есть необходимость предчувствовать напрасно? Будучи ребенком, я часто, под влиянием светлого неба, светлого солнца, веселой природы, создавала себе существа такие, каких требовало мое сердце; они следовали за мною всюду, я разговаривала с ними днем и ночью; они украшали для меня весь мир. Даже люди казались для меня лучше, потому что они имели некоторое сходство с моими идеалами; в обхождении с ними я сама становилась лучше. Ангелы ли были они? – не знаю, но очень близки к ангелам. А теперь холодная сущность отняла у меня последнее утешение: способность воображать счастье!.. Не имея ни родных, ни собственного имени, я должна унижаться, чтобы получить прощение мужа. Прощения? Мне просить прощения! Боже! Ты знаешь дела человеческие, ты читал в моей и в его душе и ты видел, в которой хранился источник всего зла!.. (Задумывается; потом подходит медленно к креслам и садится.) Аннушка! Ходила ли ты в дом к Павлу Григоричу, чтоб разведывать, как я велела? Тебя там любят все старые слуги!.. Ну что ты узнала о моем муже, о моем сыне?

Аннушка. Ходила, матушка, и расспрашивала.

Марья Дмитр<евна>. Что же? Что говорил обо мне Павел Григорич? Не слыхала ли ты?

Аннушка. Ничего он, сударыня, об вас не говорил. Если б не было у вас сына, то никто не знал бы, что Павел Григорич был женат.

Марья Дмит<ревна>. Ни слова обо мне? Он стыдится произносить мое имя! Он презирает меня! Презрение! как оно похоже на участие; как эти два чувства близки друг к другу! Как смерть и жизнь!

Аннушка. Однако же, говорят, что Владимир Павлович вас очень любит. Напрасно,

Марья Дмит<ревна>. Да! Мой сын меня любит. Я это видела вчера, я чувствовала жар его руки, я чувствовала, что он всё еще мой! Так! Душа не переменяется. Он всё тот же, каков был сидящий на моих коленях, в те вечера, когда я была счастлива, когда слабость, единственная слабость, не могла еще восстановить против меня небо и людей!

(Закрывает лицо руками.)

Аннушка. Эх, матушка! Что плакать о прошедшем, когда о теперешнем не наплачешься. Говорят, Павел Григорич бранил, да как еще бранил, молодого барина за то, что он с вами повидался. Да, кажется, и запретил ему к нам приезжать!..

Марья Дмитрев<на>. О! Это невозможно! Это слишком жестоко! Сыну не видаться с матерью, когда она. слабая, больная, бедная, живет в нескольких шагах от него! О нет! Это против природы... Аннушка! В самом деле он это сказал?

Аннушка. В самом деле-с!..

Марья Дмит<ревна>. И он запретил моему сыну видеть меня? Точно?

Аннушка. Запретил-с, точно!

Марья Дмит<ревна> (помолчав). Послушай! Он думает, что Владимир не его сын или сам никогда не знал матери!

(Ветер сильнее ударяет в окно. Обе содрогаются.)

И я приехала искать примиренья? С таким человеком? Нет! Союз с ним значит разрыв с небесами; хотя мой супруг и орудие небесного гнева, но, творец! Взял ли бы ты добродетельное существо для орудия казни? Честные ли люди бывают на земле палачами?

Аннушка. Как вы бледны, сударыня! Не угодно ли отдохнуть? (Смотрит на стенные часы.) Скоро приедет доктор: он обещался быть в 12 часов.

Марья Дмитр<евна>. И приедет в последний раз! Как смешна я кажусь себе самой! Думать, что лекарь вылечит глубокую рану сердца! (Молчание.) О! Для чего я не пользовалась тысячью случаями к примирению, когда еще было время. А теперь, когда прошел сон, я ишу сновидений! Поздно! Поздно! Чувствовать и понимать это напрасно, вот что меня убивает. О раскаяние! Зачем за мгновенный проступок ты грызешь мою душу. Какое унижение! Я принуждена под другим именем приезжать в Москву, чтоб не заставить сына моего краснеть перед миром. Перед миром? Это правда, собрание глупцов и злодеев есть мир, нынешний мир. Ничего не прощают, как будто сами святые.

Аннушка (посмотрев в окно). Доктор приехал.

(Доктор входит.)

Марья Дмитр<евна>. Здравствуйте, Христофор Василич. Милости просим!

Доктор (подходит к руке). Что? как вы?

Марья Дмитр<евна>. Благодаря вам, мне гораздо лучше!

Доктор (щупая пульс). Совсем напротив! Совсем напротив! – вы слабее! У вас желчь, действуя на кровь, производит волнение! У вас нервы ужасно расстроены. Вот я ведь говорил, вам надобно лечиться долго, постепенно, по методу, а вы всё хотите вдруг!

Марья Дмит<ревна>. Но если недостает способов?

Доктор. Эх, сударыня! Здоровье дороже всего! (Пишет рецепт.)

Марья Дмитр<евна>. Откуда вы теперь, Христофор Василич?

Марья Дмит<ревна>, Аннушка (вместе). От Арбенина! (Обе в замешательстве.)

Доктор. А разве вы его знаете?

Марья Дмит<ревна>. Нет! А кто такое Арбенин?

Доктор. Этот господин Арбенин, коллежский асессор, в разводе с своей женой – то есть не в разводе, а так: она покинула мужа, потому что была неверна.

Марья Дмит<ревна>. Неверна! Она его покинула?

Доктор. Да, да – неверна! У нее, говорят, была интрига с каким-то французом! У этого же Арбенина есть сын, молодой человек лет 19-ти или 20-ти, шалун, повеса, заслуживший в свете очень дурную репутацию: говорят даже, что он пьет. Да, да! Что вы на меня так пристально глядите? Все, все жалеют, что у такого почтенного, известного в Москве человека, каков господин Арбенин, сын такой негодяй! Если его принимают в хорошие общества, то это только для отца! И еще, вообразите! Он смеется всё надо мной и над моей ученостью! Он – над моей ученостью? Смеется?!

Марья Дмит<ревна> (в сторону). Личность! Я отдыхаю!

Доктор. Ах! У вас лицо в красных пятнах! Я говорил, что вы еще не совсем здоровы!

Марья Дмит<ревна>. Это пройдет, господин доктор! Благодарю вас за новость – и позвольте мне с вами проститься! Вы почти знаете, в каком я положении! Я скоро еду из Москвы! Недостаток в деньгах заставляет меня возвратиться в деревню!

Доктор. Как! Не возвративши здоровья?

Марья Дмит<ревна>. Доктора, я вижу, не могут мне его возвратить! Болезнь моя не по их части...

Доктор. Как? Вы не верите благому влиянию медицины?

Марья Дмит<ревна>. Извините! Я очень верю.. однако не могу ею пользоваться...

Доктор. Есть ли что-нибудь невозможное для человека с твердой волею...

Марья Дмит<ревна>. Мне должно, моя воля – ехать в деревню. Там у меня тридцать семейств мужиков живут гораздо спокойнее, чем графы и князья. Там, в уединении, на свежем воздухе мое здоровье поправится – там хочу я умереть. Ваши посещения мне более не нужны: благодарю за всё... позвольте вручить вам последний знак моей признательности...

Доктор (берет деньги). Однако вы еще очень нездоровы! Вам бы надобно...

Марья Дмит<ревна> (значительно взглянув на него). Прощайте!

(Доктор, раскланявшись, уходит с недовольною миной.)

Этот человек в состоянии высосать последнюю копейку!

Аннушка. Вы совсем расстроены! Ваше лицо переменилось! Ах! Сударыня! Присядьте, ваши руки дрожат!

Марья Дмит<ревна>. Мой сын имеет одну участь со мной!

Аннушка (поддерживая ее). Видно, вам, сударыня, так уж на роду написано – терпеть!

Марья Дмит<ревна>. Я хочу умереть.

Аннушка. Смерть никого не обойдет... зачем же звать ее, сударыня! Она знает, кого в какой час захватить... а назовешь-то ее неравно в недобрый час... так хуже будет!.. Молитесь богу, сударыня! Да святым угодникам! Ведь они все страдали не

Марья Дмитр<евна>. Я вижу, что близок мой конец.. такие предчувствия меня никогда не обманывали. Боже! Боже мой! Допусти только примириться с моим мужем прежде смерти; пускай ничей справедливый укор не следует за мной в могилу. Аннушка! Доведи меня в мою комнату!

(Уходят обе.)

Сцена IV[89]
17-го октября. Вечер.

(Комната студента Рябинова. Бутылки шампанского на столе и довольно много беспорядка.)

(Онегин, Челяев, Рябинов, Заруцкий, Вышневецкий курят трубки. Ни одному нет больше 20<-ти> лет.)

Снегин. Что с ним сделалось? Отчего он вскочил и ушел не говоря ни слова?

Челяев. Чем-нибудь обиделся!

Заруцкий. Не думаю. Ведь он всегда таков: то шутит и хохочет, то вдруг замолчит и делается подобен истукану; и вдруг вскочит, убежит, как будто бы потолок проваливался над ним.

Снегин. За здоровье Арбенина; sacredieu![90] он славный товарищ!

Рябинов. Тост!

Вышневецкий. Челяев! Был ты вчера в театре?

Челяев. Да, был.

Вышневецкий. Что играли?

Челяев. Общипанных разбойников Шиллера.[91] мочалов ленился ужасно; жаль, что этот прекрасный актер не всегда в духе. Случиться могло б, что я бы его видел вчера в первый и последний раз: таким образом он теряет репутацию.[92]

Вышневецкий. И ты, верно, крепко боялся в театре...

Челяев. Боялся? Чего?

Вышневецкий. Как же? – ты был один с разбойниками!

Все. Bravo! Bravo! фора! Тост!

Снегин (берет в сторону Заруцкого). Правда ли, что Арбенин сочиняет?

Заруцкий. Да... и довольно хорошо.

Снегин. То-то! Не можешь ли ты мне достать что-нибудь?

Заруцкий. Изволь... да кстати... у меня есть в кармане несколько мелких пьес.

Снегин. Ради бога покажи... пускай они пьют и дурачатся... а мы сядем там... и ты мне прочтешь.

Заруцкий (вынимает несколько листков из кармана, и они садятся в другой комнате у окна). Вот первая; это отрывок, фантазия... слушай хорошенько!.. Создатель! Как они шумят! Между прочим, я должен тебе сказать, что он страстно влюблен в Загорскину... слушай:

1
Моя душа, я помню, с детских лет[93]
Чудесного искала; я любил
Все обольщенья света, но не свет,

В котором я мгновеньями лишь жил,
И те мгновенья были мук полны;
И населял таинственные сны
Я этими мгновеньями, но сон,
Как мир, не мог быть ими омрачен!

2

Как часто силой мысли в краткий час
Я жил века и жизнь иную,
И о земле позабывал. Не раз,
Встревоженный печальной мечтой,
Я плакал. Но создания мои,
Предметы мнимой злобы иль любви,
Не походили на существ земных;
О нет! Всё было ад иль небо в них!

3

Так! Для прекрасного могилы нет!
Когда я буду прах, мои мечты,
Хоть не поймет их, удивленный свет
Благословит. И ты, мой ангел, ты
Со мною не умрешь. Моя любовь
Тебя отдаст бессмертной жизни вновь,
С моим названьем станут повторять
Твое... На что им мертвых разлучать?
Снегин. Он это писал в гениальную минуту! Другую...

Заруцкий. Это послание к Загорскиной:

К чему волшебною улыбкой[94]
Будить забвенные мечты?
Я буду весел, но – ошибкой:
Причину – слишком знаешь ты.
Мы не годимся друг для друга;
Ты любишь шумный, хладный свет –
Я сердцем сын пустынь и юга!
Ты счастлива, а я – я – нет!
Как небо утра молодое,
Прекрасен взор небесный твой;
В нем дышит чувство всем родное,
А я на свете всем чужой!
Моя душа боится снова
Святую вспомнить старину;
Ее надежды – бред больного.
Им верить – значит верить сну.
Мне одинокий путь назначен;
Он проклят строгою судьбой;
Как счастье без тебя – он мрачен.
Прости! Прости же, ангел мой!..
Он чувствовал всё, что здесь сказано. Я его люблю за это.

(Сильный шум в другой комнате.)

Многие голоса. Господа! Мы (честь имеем объявить) пришли сюда и званы на похороны доброго смысла и стыда. За здоровье дураков и <...>!

Рябинов. Тост! Еще тост! Господа! Коперник прав: земля вертится!

(Шум утихает.) (Потом опять бьют в ладони.)

Снегин. Оставь! Не слушай их! Читай далее...

Заруцкий. Погоди. (Вынимает еще бумагу.) Вот этот отрывок тем только замечателен, что он картина с природы; Арбенин описывает то, что с ним было, просто, но есть что-то особенное в духе этой пьесы. Она, в некотором смысле, подражание «The Dream»[95] Байронову. Всё это мне сказал сам Арбенин. (Читает.)

Я видел юношу: он был верхом[96]
На серой, борзой лошади – и мчался
Вдоль берега крутого Клязьмы. Вечер

Погас уж на багряном небосклоне,
И месяц с облаками отражался
В волнах – и в них он был еще прекрасней!..
Но юный всадник не страшился, видно,
Ни ночи, ни росы холодной... жарко
Пылали смуглые его ланиты,
И черный взор искал чего-то всё
В туманном отдаленье. В беспорядке
Минувшее являлось ему –
Грозный призрак, темным предсказаньем
Пугающий доверчивую душу;
Но верил он одной своей любви
И для любви своей не знал преграды!
Он мчится. Звучный топот по полям
Разносит ветер. Вот идет прохожий;
Он путника остановил, и этот
Ему дорогу молча указал
И удалился с видом удивленья.
И всадник примечает огонек,
Трепещущий на берегу другом;
И проскакав тенистую дубраву,
Он различил окно, окно и дом,
Он ищет мост... но сломан старый мост,
Река темна, и шумны, шумны воды.
Как воротиться, не прижав к устам
Пленительную руку, не слышав
Волшебный голос тот, хотя б укор
Произнесли ее уста? О нет!
Он вздрогнул, натянул бразды, ударил
Коня – и шумные плеснули воды
И с пеною раздвинулись они.
Плывет могучий конь – и ближе, ближе..
И вот уж он на берегу противном
И на гору летит... И на крыльцо
Взбегают юноша, и входит
В старинные покои... нет ее!
Он проникает в длинный коридор,
Трепещет... нет нигде... ее сестра идет к нему навстречу. О! когда б
Я мог изобразить его страданье!
Как мрамор бледный и безгласный, он
Стоял: века ужасных мук равны
Такой минуте. Долго он стоял..
Вдруг стон тяжелый вырвался из груди,
Как будто сердца лучшая струна
Оборвалась... он вышел мрачно, твердо,
Прыгнул в седло и поскакал стремглав,
Как будто бы гнался вслед за ним
Раскаянье... и долго он скакал,
До самого рассвета, без дороги,
Без всяких опасений – наконец
Он был терпеть не в силах... и заплакал!
Есть вредная роса, которой капли
На листьях оставляют пятна, – так
Отчаянья свинцовая слеза,
Из сердца вырвавшись насильно, может
Скатиться, но очей не освежит.
К чему мне приписать виденье это?
Ужели сон так близок может быть
К существенности хладной? Нет!
Не может он оставить след в душе,
И как ни силится воображенье,
Его орудья пытки ничего
Против того, что есть и что имеет
Влияние на сердце и судьбу..
Мой сон переменялся невзначай.
Я видел комнату: в окно светил
Весенний, теплый день; и у окна
Сидела дева, нежная лицом,

С глазами, полными огнем и жизнью.
И рядом с ней сидел в молчанье мне
Знакомый юноша, и оба, оба
Старались довольными казаться,
Однако же на их устах улыбка,
Едва родившись, томно умирала.
И юноша спокойней, мнилось, был,
Затем что лучше он умел таить
И побеждать страданье. Взоры девы
Блуждали по листам открытой книги,
Но буквы все сливались под ними...
И сердце сильно билось – без причины!
И юноша смотрел не на нее, –
Хотя она одна была царицей
Его воображенья и причиной
Всех сладких и высоких дум его, –
На голубое небо он смотрел,
Следил серебристых облаков отрывки
И, с сжатою душой, не смел вздохнуть,
Не смел пошевелиться, чтобы этим
Не прекратить молчанья: так боялся
Он услышать ответ холодный или
Не получить ответа на моления!..
Всё, что тут описано, было с Арбениным; для другого эти приключения ничего бы не
значили; но вещи делают впечатление на сердце, смотря по расположению сердца.

Снегин. Станный человек Арбенин!

(Оба уходят в другую комнату.)

Вышневский. Господа! Когда-то русские будут русскими?

Челяев. Когда они на сто лет подвинутся назад и будут просвещаться и
образовываться снова-здорова.

Вышневский. Прекрасное средство! Если б тебе твой доктор только такие рецепты
предписывал, то я бьюсь об заклад, что ты теперь не сидел бы за столом, а лежал
бы на столе!

Заруцкий. А разве мы не доказали в 12 году, что мы русские? Такого примера не
было от начала мира! Мы современники и вполне не понимаем великого пожара
Москвы; мы не можем удивляться этому поступку; эта мысль, это чувство родилось
вместе с русскими; мы должны гордиться, а оставить удивление потомкам и
чужестранцам! Ура! Господа! Здоровье пожара московского!

(Звук стаканов.)

Сцена V

10-го января. Утром.

(В доме у Белинского; его кабинет, по моде отделанный.) (Окна замерзли; на столе
табачный пепел и пустая чайная чашка.)

Белинский (один; прохаживается по комнате). Судьба хочет непременно, чтоб я
женился! Что же? Женильба – лекарство очень полезное от многих болезней, и от
карманной чахотки особенно. Теперь я занял денег, чтоб купить деревню; но тысячи
рублей недостает; а где их взять? Женись! Женись! Кричит рассудок. Так и быть!
Но на ком? Вчера я познакомился с Загорскиными. Наташа мила, очень мила; у ней
кое-что есть! Но Владимир влюблен в нее. Что ж? Чья взяла, тот и прав. Я
нахожусь в таких опасных обстоятельствах, что он должен будет мне простить.
Впрочем, я не верю, чтоб он уж так сильно ее любил! Он странный, непонятный
человек: один день то, другой – другое! Сам себе противуречит, а всё как
заговорит и захочет тебя уверить в чем-нибудь – кончено! Редкий устоит! Иногда,
напротив – слова не добьешься; сидит и молчит, не слышит и не видит, глаза
остановятся, как будто в этот миг всё его существование остановилось на одной
мысли. (Молчание.) Однако я ему ничего не скажу про свое намерение, прежде чем
не кончу дело. Буду покамест ездить в дом, а там – увидим!..

Владимир. Белинский! Что так задумчив?

Белинский. А! Здравствуй, Арбенин! Это планы... планы...

Владимир. И тебя судьба не отучила делать планы?

Белинский. Нет! Если я твердо намерен сделать что-нибудь, то редко мне не удастся. Поверь: человек, который непременно хочет чего-нибудь, принуждает судьбу сдаться: судьба – женщина!

Владимир. А я так часто был обманут желаньями и столько раз раскаивался, достигнув цели, что теперь не желаю ничего; живу как живется; никого не трогаю, и от этого все стараются чем-нибудь возбудить меня, как-нибудь вымучить из меня обидное себе слово. И знаешь ли: это иногда меня веселит. Я вижу людей, которые из жил тянутся, чтоб чем-нибудь сделать еще несноснее мое существование! Неужели я такое важное лицо в мире, или милость их простирается даже до самых ничтожных!

Белинский. Друг мой! Ты строишь химеры в своем воображенье и даешь им черный цвет для большего романтизма.

Владимир. Нет! Нет, говорю я тебе: я не создан для людей: я для них слишком горд, они для меня – слишком подлы.

Белинский. Как, ты не создан для людей? Напротив! Ты любезен в обществе; дамы ищут твоего разговора, ты любим молодежью; и хотя иногда слишком резкие истины говоришь в глаза, тебе все-таки прощают, потому что ты их умно говоришь и это как-то к тебе идет!

Владимир (с горькой улыбкой). Я вижу: ты хочешь меня утешить!

Белинский. Когда ты был у Загорскиных? Могут ли там тебя утешить?

Владимир. Вчера я их видел. Странно: она меня любит – и не любит! Она со мною иногда так добра, так мила, так много говорят глаза ее, так много этот румянец стыдливости выражает любви... а иногда, особливо на бале где-нибудь, она совсем другая, – и я больше не верю ни ее любви, ни своему счастью!

Белинский. Она кокетка!

Владимир. Не верю: тут есть тайна...

Белинский. Поди ты к черту с тайнами! Просто: когда ей весело, тогда твоя Наташа об тебе и не думает, а когда скучно, то она тобой забавляется. Вот и вся тайна.

Владимир. Ты это сказал таким нежным голосом, как будто этим сделал мне великое благодеяние!

Белинский (покачав головой). Ты не в духе сегодня!

Владимир (вынимает изорванное письмо). Видишь?

Белинский. Что такое?

Владимир. Это письмо я писал к ней... прочти его! Вчера я приезжаю к ее кузине, княжне Софье; улучив минуту, когда на нас не обращали внимания, я умолял ее передать письмо Загорскиной... она согласилась, но с тем, чтобы прежде самой прочитать письмо. Я ей отдал. Она ушла в свою комнату. Я провел ужасный час. Вдруг княжна является, говоря, что мое письмо развеселит очень ее кузину и заставит ее смеяться! Смеяться! Друг мой! Я разорвал письмо, схватил шляпу и уехал...

Белинский. Я подозреваю хитрость княжны. Загорскина не стала бы смеяться такому письму, потому что я очень отгадываю его содержание... зависть, может быть и более, или просто шутка...

Владимир. Хитрость! Хитрость! Я ее видел, провел с нею почти наедине целый

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru
вечер... я видел ее в театре: слезы блистали в глазах ее, когда играли «Коварство и любовь» Шиллера!.. Неужели она равнодушно стала бы слушать рассказ моих страданий?[97] (Схватывает за руку Белинского.) Что если б я мог прижать Наталью к этой груди и сказать ей: ты моя, моя навеки!.. Боже! Боже! Я не переживу этого! (Смотрит пристально в глаза Белинскому.) Не говори ни слова, не разрушай моих детских надежд... только теперь не разрушай!.. А после...

Белинский. После! (В сторону) Как? Ужели он предугадывает судьбу свою?

Владимир. О, как сердце умеет обманывать! (Беспокойно ходит взад и вперед.)

Белинский (в сторону). И я должен буду разрушить этот обман? Ба! Да я, кажется, начинаю подражать ему! Нет! Это вздор! Он не так сильно любит, как показывает: жизнь не роман!

(Входит слуга Белинского.)

Слуга. Дмитрий Василич! Какой-то мужик просит позволения вас видеть. Он говорит, что слышал, будто вы покупаете их деревню, так он пришел...

Белинский. Вели ему взойти. (Слуга уходит.) (Входит мужик, седой, и бросается в ноги Белинскому.) Встань! Встань! Что тебе надобно, друг мой?

Мужик (на коленях). Мы слышали, что ты, кормилец, хочешь купить нас, так я пришел... (кланяется) мы слышали, что ты барин доброй...

Белинский. Да встань, братец, а потом говори!.. Встань прежде!

Мужик (встав). Не прогневайся, отец родной, коли я...

Белинский. Да говори же...

Мужик (кланяясь). Меня, старика, прислали к тебе от всего села, кормилец, кланяться тебе в ноги, чтобы ты стал нашим защитником... все бы стали богу молить о тебе! Будь нашим спасителем!

Белинский. Что же? Вам не хочется с госпожой своей расставаться, что ли?

Мужик (кланяясь в ноги). Нет! Купи, купи нас, родимой!

Белинский (в сторону). Странное приключение! (Мужику) А! Так вы, верно, недовольны своей помещицей?

Мужик. Ох! Тяжко! За грехи наши!.. (Арбенин начинает вслушиваться.)

Белинский. Ну! Говори, брат, смелее! Жестоко, что ли, госпожа поступает с вами?

Мужик. Да так, барин... что ведь, ей-богу, терпенья уж нет. Долго мы переносили, однако пришел конец... хоть в воду!.. [98]

Владимир. Что же она делает? (Лицо Владимира мрачно.)

Мужик. Да что вздумается ее милости.

Белинский. Например... сечет часто?

Мужик. Сечет, батюшка, да как еще... за всякую малость, а чаще без вины. У нее управитель, вишь, в милости. Он и творит что ему любо. Не сними-ко перед ним шапки, так и нивесь что сделает. За версту увидишь, так тотчас шапку долой, да так и работай на жару, в полдень, пока не прикажет надеть, а коли сердит или позабудет, так иногда целый день промает.

Белинский. Какие злоупотребления!

Мужик. Раз как-то барыне донесли, что, дискоть, «Федька дурно про тея говорит и хочет в городе жаловаться!» А Федька мужик был славной; вот она и приказала руки ему вывертывать на станке... а управитель был на него сердит. Как повели его на барской двор, дети кричали, жена плакала... вот стали руки вывертывать. «Господин

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru
управитель! – сказал Федька. – Что я тебе сделал? Ведь ты меня губишь!» –
«Вздор!» – сказал управитель. Да вывертывали, да ломали... Федька и стал безрукой.
На печке так и лежит да клянет свое рождение.

Белинский. Да что, в самом деле, кто-нибудь из соседей, или исправник, или
городничий не подадут на нее просьбу? На это есть у нас суд. Вашей госпоже плохо
может быть.

Мужик. Где защитники у бедных людей? У барыни же все судьи подкуплены нашим же
оброком. Тяжко, барин! Тяжко стало нам! Посмотришь в другое село... сердце кровью
обливается! Живут покойно да весело. А у нас так и песен не слышно стало на
посиделках. Рассказывают горнишные: раз барыня рассердилась, так, вишь,
ножницами так и кольнула одну из девушек... ох! Больно... а как бороду велит щипать
волосок по волоску... батюшка!.. Ну! Так тут и святых забудешь... батюшка!.. (падает
на колени перед Белинским). О! Кабы ты нам помог!.. купи нас! купи, отец родной!
(Рыдает.)

Владимир (в бешенстве). Люди! Люди! и до такой степени злодейства доходит
женщина, творение иногда столь близкое к ангелу... О! Проклинаю ваши улыбки, ваше
счастье, ваше богатство – всё куплено кровавыми слезами. Ломать руки, колоть,
сечь, резать, выщипывать бороду волосок по волоску!.. О боже!.. При одной мысли
об этом я чувствую боль во всех моих жилах... я бы раздавил ногами каждый сустав
этого крокодила, этой женщины!.. Один рассказ меня приводит в бешенство!..

Белинский. В самом деле ужасно!

Мужик. Купи нас, родимой!

Владимир. Дмитрий! Есть ли у тебя деньги? Вот всё, что я имею... вексель на 1000
рублей... ты мне отдашь когда-нибудь. (Кладет на стол бумажник.)

Белинский (сосчитав). Если так, то я постараюсь купить эту деревню... поди, добрый
мужичок, и скажи своим, что они в безопасности. (Владимиру) Какова госпожа?

Мужик. Дай боже вам счастья обоим, отцы мои, дай бог вам долгую жизнь, дай бог
вам всё, что душе ни пожелается... Прощай, родимой! Благослови тебя царь небесный!
(Уходит.)

Владимир. О, мое отечество! Мое отечество! (Ходит быстро взад и вперед по
комнате.)

Белинский. Ах, как я рад, что могу теперь купить эту деревню! Как я рад! Впервые
мне удастся облегчать страждущее человечество! Так: это доброе дело. Несчастные
мужики! Что за жизнь, когда я каждую минуту в опасности потерять всё, что имею,
и попасть в руки палачей!

Владимир. Есть люди, более достойные сожаленья, чем этот мужик. Несчастья
внешние проходят, но тот, кто носит всю причину своих страданий глубоко в
сердце, в ком живет червь, пожирающий малейшие искры удовольствия... тот, кто
желает и не надеется... тот, кто в тягость всем, даже любящим его... тот! Но для
чего говорить об таких людях? Им не могут сострадать: их никто, никто не
понимает.

Белинский. Опять за свое! О, эгоист! Как можно сравнивать химеры с истинными
несчастиями? Можно ли сравнить свободного с рабом?

Владимир. Один раб человека, другой раб судьбы. Первый может ожидать хорошего
господина или имеет выбор – второй никогда. Им играет слепой случай, и страсти
его и бесчувственность других – всё соединено к его гибели.

Белинский. Разве ты не веришь в провидение? Разве отвергаешь существование бога,
который всё знает и всем управляет?

Владимир (смотрит на небо). Верю ли я? Верю ли я?

Белинский. Твоя голова, я вижу, набита ложными мыслями.

Владимир (помолчав). Послушай! Не правда ли, теперь прекрасная погода? Пойдем на
Страница 123

Белинский. Чудак! (Входит слуга Марьи Дмитревны.) Что тебе надобно? Кто ты?

Владимир. Слуга моей матери!

Слуга. Я прислан к вам, сударь, от Марьи Дмитревны. Искал я вас с полчаса в трех домах, где, как мне у вас сказали, вы часто бываете.

Владимир. Что случилось?

Слуга. Да барыня-с...

Владимир. Что?

Слуга. Сделалась очень нездорова и просит вас поскорее к себе.

Владимир. Нездорова, говоришь ты? Больна?

Слуга. Очень нездорова-с.

Владимир (задумчиво). Очень! Да, я пойду! (Подавая руку Белинскому) Не правда ли, я тверд в своих несчастиях? (Уходит.) (В продолжение этой речи он менялся в лице, и голос его дрожал.)

Белинский (глядя вслед ему). Тебя погубит эта излишняя чувствительность! Ты желаешь спокойствия, но не способен им наслаждаться; и оно сделалось бы величайшею для тебя мукой, если бы поселилось в груди твоей.

Я веселого характера обыкновенно; однако примечаю, что печаль Арбенина прилипчива. После него часа два я не могу справиться. Ха! Ха! Ха! Испытаю верность женщины! Посмотрим, устоит ли Загорскина против моих нападений. Если она изменит Арбенину, то это лучший способ излечить его от самой глупейшей болезни.

(Слуга Белинского входит.)

Чего тебе?

Слуга. Да я ходил в театр за билетом-с, как вы приказывали. Вот билет-с.

Белинский. Хорошо! В первом ряду? Хорошо. (Про себя) Скучно будет сегодня во французском театре: играют скверно, тесно, душно. А нечего делать! *Ves le beau monde!* [99]

(Закуривает трубку и уходит.)

Сцена VI

10-го января. День.

(В доме у Загорскиных. Комната барышень.)

(Княжна Софья сидит на постели; Наташа поправляет волосы перед зеркалом.)

К<няжна> Софья. *Ma chère cousine!* [100] Я тебе советую остерегаться!

Наташа. Пожалуста, без наставлений! Я сама знаю, как мне поступать. Я никогда не покажу Арбенину большой благосклонности, а пускай он будет доволен малым.

К<няжна> Софья. Ведь ты его не заставишь на себе жениться... он вовсе не такой человек!..

Наташа. Разумеется, я сама за него свататься не стану; а если он меня любит, так женится.

Кн<яжна> Софья (насмешливо). Не правда ли, как он интересен, как милы его глаза, полные слез!

К<няжна> Софья. Поверь, он только дурачится и шалит; а именно потому, что уверен, что ты в него влюблена.

Наташа. Ему не отчего быть уверену.

К<няжна> Софья. А попробуй показать холодность... тотчас отстанет!

Наташа. Я пробовала, и он не отстал и только больше с тех пор меня любит...

К<няжна> Софья. Но ты не умеешь притворяться, ты...

Наташа. Поверь, не хуже тебя!

К<няжна> Софья. Арбенин точно так же куртизанил прошлого года Лидиной Полине; а тут и бросил ее, и смеется сам над нею... Ты помнишь? То же будет и с тобой.

Наташа. Я не Полина.

К<няжна> Софья. Посмотрим.

Наташа. Да что ты так на одно наладила?

К<няжна> Софья. Уж что я знаю, то знаю... вчера...

Наташа. Что такое? Впрочем, я и знать не желаю.

К<няжна> Софья. Вчера Арбенин был у нас.

Наташа. Ну что ж?

К<няжна> Софья. Любезничал с Лизой Шумовой, рассказывал ей бог знает что и между тем просил меня отдать тебе письмо: вот мужчины! В одну влюблены, а другой пишут письма! Верь им после этого. Я его прочла и отдала назад, сказав, что ты будешь очень этому смеяться. Он разорвал и уехал. Какова комедия! (Молчание.) А еще, знаешь: мне сказывали наверное, что он хвалится, будто ты показывала особенные признаки любви. Но я не верю!

Наташа (в сторону). Он делает глупости! Я теперь на него так сердита, так сердита! Хвалится! Кто б подумал! Это слишком! (Громко) Ты знаешь, кузина, у нас был вчера Белинский! Un jeune homme charmant![101] Прелесть как хорош, умен и любезен. Вот уж не надует губы! Как воспитан, точно будто всю жизнь провел при дворе!

К<няжна> Софья. Поздравляю. И ты, я надеюсь, ему очень понравилась! (В сторону) Я в восхищении: мои слова действуют! (Громко) Вчера же Арбенин чуть-чуть не поссорился у нас с Нелидовым. Последний, ты знаешь, такой тихий, степенный, осторожный; а Волдемар этого не слишком придерживается. Нелидов разговорился с ним про свет и общественное мнение и несколько раз повторял, что дорожит своею доброй славой, таким тоном, который давал чувствовать Арбенину, что он ее потерял; этот понял и побледнел; после и говорит мне: «Нелидов хотел кольнуть мое самолюбие, он достиг своей цели; это правда: я потерян для света... но довольно горд, чтоб слушать равнодушно напоминания об этом!» Ха! Ха! Ха! Не правда ли, Наташа, это показывает твердость характера!

Наташа. Конечно! Арбенин не совсем заслуживает дурное мнение света; но он об нем мало заботится; и этот Нелидов очень глупо сделал, если старался его обидеть! (Наташа подходит к окну.)

К<няжна> Софья. Поверь мне: Арбенина так же огорчает злословие, как и другого; он только не хочет этого показать. (Молчание.)

Наташа (с живостью). Ах! Сейчас проехал Белинский!

Сцена VII

3-го февраля. Утро.

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru
(Кабинет Павла Григорича Арбенина. Он сидит в креслах, против него стоит человек средних лет в синем сюртуке с седыми бакенбардами.)

Павел Григ<орич>. Нет! Братец, нет! Скажи своему господину, что я не намерен ждать. Должен? – плати. Нечем? – на что задолжал. В России на это есть суд. Ну если б я был бедняк? Разве два месяца пождать ничего не значит?

Поверенный. Хоть две недели, сударь. На днях мы денег ждем с завода. Неужели уж мы обманем вас?

Павел Григ<орич>. Ни дня ждать не хочу.

Поверенный. Да где же денег взять прикажете? Ведь 8 тысяч на улице не найдешь.

Павел Григ<орич>. Пускай твой господин продаст хоть тебя самого; а мне он заплотит в назначенное время. И с процентами – слышишь?

Поверенный. Да помилуйте-с!..

Павел Гри<горич>. Ни слова больше. Ступай! (Повер<енный> уходит.) Видишь, какой ловкий! Всё бы ему ждали! Нет, брат! Нынче деньги дороги, хлебы дешевы да еще плохо родятся! Пускай графские сынки да вельможи проматывают именье; мы, дворяне простые, от этого выигрываем. Пускай они будут при дворе, пускай шаркают в гостиных с камергерскими ключами, а мы будем тише, да выше. И наконец они оглянутся и увидят, хоть поздно, что мы их обогнали. (Встает с кресел.) Ух! Замотали меня эти дела. А все-таки как-то весело: видеть перед собою бумажку, которая содержит в себе цену многих людей, и думать: своими трудами ты достигнул способа менять людей на бумажки. Почему же нет? И человек тлеет, как бумажка, и человек, как бумажка, носит на себе условленные знаки, которые ставят его выше других и без которых он... (Зевает.) Уф! Спать хочется! Где-то сын мой? Он, верно, опять задолжал, потому что третий день дома обедает. Вот! Прошу покорно иметь детей!

(Владимир, бледный, быстро входит.)

Владимир (громко и скоро). Батюшка.

Павел Григ<орич>. Что тебе надобно?

Владимир. Я пришел, чтобы... у меня есть одна единственная просьба до вас... не откажите мне... поедemте со мною! Поедemте! Заклинаю вас; одна минута замедленья, и вы сами будете раскаиваться.

Павел Гри<горич>. Куда мне ехать с тобою? Ты с ума сошел!..

Владимир. Не мудрено. Если б даже вы увидали, что я видел, и остались при своем уме, то я бы удивился!

Павел Григ<орич>. Это уж ни на что не похоже! Ты, Владимир, выводишь меня из терпения.

Владимир. Так вы не хотите со мною ехать! Так вы мне не верите! А я думал... но теперь вынужден всё сказать. Слушайте: одна умирающая женщина хочет вас видеть; эта женщина...

Павел Григ<орич>. Что мне за дело до нее?

Владимир. Она ваша супруга!

Павел Гри<горич> (с досадой). Владимир!

Владимир. Вы, верно, думаете меня испугать этим строгим взглядом и удушить голос природы в груди моей? Но я не таков, как вы; этот самый голос, приказывающий мне повиноваться вам, заставляет... да! Ненавидеть вас! Да! Если вы будете далее противиться мольбам моей матери! О! Нынешний день уничтожил во мне все спасенья: я говорю прямо! Я ваш сын и ее сын; вы счастливы, она страдает на постели смерти; кто прав, кто виноват, не мое дело. Я слышал, слышал ее мольбы и рыданья, и последний нищий назвал бы меня подлецом, если б я мог еще любить

Павел Григ<орич>. Дерзкий! Я давно уж не жду от тебя любви; но где видано, чтобы сын упрекал отца такими словами? Прочь с глаз моих!

Владимир. Я уж просил вас не уничтожать во мне последнюю искру покорности сыновней, чтоб я не повторил эти обвиненья перед целым светом!

Павел Григ<орич>. Боже мой! До чего я дожил? (Ему) Знаешь ли...

Владимир. Я знаю: вы сами терзаемы совестью, вы сами не имеете спокойных минут – вы виновны во многом...

Павел Григ<орич>. Замолчи!..

Владимир. Не замолчу! Не просить пришел я, но требовать! Требовать! Я имею на это право! Нет! Эти слезы врезались у меня в память! Батюшка! (Бросается на колени) батюшка! Пойдемте со мною!

Павел Григ<орич>. Встань! (Он встревожен.)

Владимир. Вы пойдете?

Павел Григ<орич> (в сторону). Что если в самом деле? Может быть...

Владимир. Так вы не хотите? (Встает.)

Павел Григ<орич> (в сторону). Она умирает, говорит Владимир! Желает получить мое прощенье... правда! Я бы... но ехать туда? Если узнают, что скажут?

Владимир. Вам нечего бояться: моя мать нынче же умрет. Она желает с вами примириться не для того, чтобы жить вашим именем; она не хочет сойти в могилу, пока имеет врага на земле. Вот вся ее просьба, вся ее молитва к богу. Вы не хотели. Есть на небе судия. Ваш подвиг прекрасен; он показывает твердость характера; поверьте, люди будут вас за это хвалить; и что за важность, если посреди тысячи похвал раздастся один обвинительный голос. (Горько улыбается.)

Павел Григ<орич> (принужденно). Оставь меня!

Владимир. Хорошо! Я пойду... и скажу, что вы не можете, заняты. (Горько) Она еще раз в жизни поверит надежде! (Тихо идет к дверям.) О, если б гром убил меня на этом пороге; как? Я приду – один! Я сделаюсь убийцею моей матери. (Останавливается и смотрит на отца.) Боже! Вот человек!

Павел Григ<орич> (про себя). Однако для чего мне не ехать? Что за беда? Пред смертью помириться ничего; смеяться никто над этим не станет... а всё бы лучше! Да, так и быть, отправлюсь. Она, верно, без памяти и меня не узнает... скажу ей, что прощаю, и делу конец! (Громко) Владимир! Послушай... погоди! (Владимир недоверчиво приближается.) Я пойду с тобою... я решился! Нас никто не увидит? Но я верю! Пойдем... только смотри, в другой раз думай об том, что говоришь...

Владимир. Так вы точно хотите идти к моей матери? Точно? Это невероятно! Нет, скажите: точно?

Павел Григ<орич>. Точно!

Владимир (кидается ему на шею). У меня есть отец! У меня снова есть отец! (Плачет.) Боже! Боже! Я опять счастлив! Как легко стало сердцу! У меня есть отец! Вижу, вижу, что трудно бороться с природными чувствами... о! Как я счастлив! Видите ли, батюшка! Как приятно сделать, решиться сделать добро... ваши глаза прояснили, ваше лицо сделалось ангельским лицом! (Обнимает его.) О мой отец, вы будете вознаграждены богом! Пойдемте, пойдемте скорей – ее надобно застать при жизни!

Павел Григ<орич> (хочет идти). (В сторону) Итак, я должен увидеться... хорошо! Да нет ли тут какой-нибудь сети? Однако отчаяние Владимира!.. Но разве она не может притвориться и уверить его, что умирает? Разве женщине, а особливо моей жене, трудно обмануть... кого бы ни было? О, я предчувствовал, я проникнул этот замысел,

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru и теперь всё ясно. Заманить меня опять... упросить... и если я не соглашусь, то сын мой всему городу станет рассказывать про такую жестокость! Она, пожалуй, его подобьет! Признаюсь! Прехитрый план! Прехитрейший!.. Однако не на того напали! Хорошо, что я вовремя догадался! Не пойду же я! Пускай умирает одна, если могла жить без меня!

Владимир. Вы медлите!

Павел Григ<орич> (холодно). Да! я медлю!

Владимир. Вы... эта перемена! Вы...

Павел Григ<орич> (гордо). Я остаюсь! Скажи своей матери и бывшей моей жене, что я не попался вторично в расставленную сеть... скажи, что я благодарю за приглашение и желаю ей веселой дороги!

(Владимир вздрагивает и отступает назад.)

Владимир. Как! (С отчаяньем) Это превзошло мои ожидания! И с такой открытой холодностью! С такой адской улыбкой? И я – ваш сын? Так, я ваш сын и потому должен быть врагом всего священного, врагом вашим... из благодарности! О, если б я мог мои чувства, сердце, душу, мое дыхание превратить в одно слово, в один звук, то этот звук был бы проклятие первому мгновению моей жизни, громовой удар, который потряс бы твою внутренность, мой отец... и отучил бы тебя называть меня сыном!

Павел Григ<орич>. Замолчи, сумасшедший! Страшись моего гнева... погоди: придут дни более спокойные; тогда ты узнаешь, как опасно оскорблять родителя... я тебя примерно накажу!..

Владимир (закрыв лицо руками). А я мечтал найти жалость!..

Павел Григ<орич>. Неблагодарный! Неблагодарный! Чудовище! Мне ли ты не обязан?.. И с такими упреками...

Владимир. Неблагодарный? Вы мне дали жизнь: возьмите, возьмите ее назад, если можете... о! Это горький дар!

Павел Григ<орич>. Вон скорей из моего дома! И не смей воротиться, пока не умрет моя бедная супруга. (Со смехом) Посмотрим, скоро ли ты придешь? Посмотрим, настоящая ли болезнь, ведущая к могиле, или неловкая хитрость наделала столько шуму и заставила тебя забыть почтение и обязанность! Теперь ступай! Рассуди хорошенько о своем поступке, припомни, что ты говорил, – и тогда, тогда, если осмелишься, покажись опять мне на глаза! (Злобно взглянув на сына, уходит и запирает двери за собою.)

Владимир (который стоял как вкопанный, смотрит вслед, после краткого молчанья). Всё кончилось!..

(Уходит в другую дверь. Решительная безнадежность приметна во всех его движениях. Он оставляет за собою дверь растворенную; и долго видно, как он то пойдет скорыми шагами, то остановится; наконец, махнув рукой, он удаляется.)

Сцена VIII
3-го февраля. День.

(Спальня Марьи Дмитриевны. Стол с лекарствами. Она лежит на постели. Аннушка стоит возле нее.)

Аннушка. У вас, сударыня, сильная лихорадка! Не угодно ли чаю горяченького или бузины? Тотчас будет готово. Ах ты, моя родная! Какие руки-то холодные: точно ледяные. Не прикажете ли, матушка, послать за лекарем?

Марья Дми<тревна>. Послушай! Что давит мне грудь?

Аннушка. Ничего, сударыня; одеяло прелегкое! Отчего бы, кажется, давить?

Марья Дм<итревна>. Аннушка! Я сегодня умру!

Аннушка. И! Марья Дмитриевна! Выздоровеете! Бог милостив – зачем умирать?

Марья Дм<итревна>. Зачем?

Аннушка. Не всё больные умирают, иногда и здоровые прежде больных попадают на тот свет. Не пора ли лекарство принять?

Марья Дм<итревна>. Я не хочу лекарства... где мой сын? Да, я и позабыла, что сама его послала!.. Посмотри в окно, нейдет ли он? Поди к окну... что? Нейдет? Как долго!

Аннушка. На улице пусто!

Марья Дм<итревна> (про себя). Он уговорит отца! Я уверена... о! Как сладко примириться перед концом: теперь я не стыжусь встретить его взор. (Погромче) Аннушка! Что ты так смотришь в окно?

Аннушка. Я?.. Нет... это так-с...

Марья Дм<итревна>. Нет, верно... говори всю правду, что такое?

Аннушка. Похороны, сударыня... да какие препышные! Сколько карет сзади: верно, богач! Какие лошади! Покров так и горит! Два архиерея!.. Певчие! Ну ж нечего сказать!

Марья Дм<итревна>. Аннушка! И мне пора... я чувствую близость последней минуты! О, поскорее! поскорее, царь небесный!

Аннушка. Полныте, сударыня, что вам за охота? Как если, не дай бог, вы скончаеетесь, что тогда со мною будет? Кто позаботится обо мне? Неужто Павел Григорич к себе возьмет? Не бывать этому. Да я лучше по миру пойду: добрые люди из окошек накормят!

Марья Дм<итревна>. Мой сын, Владимир, тебя не оставит!

Аннушка. Да еще перенесет ли он вашу смерть? Вы знаете, какой он горячий; из малости уж вне себя, а тогда... боже упаси!

Марья Дм<итревна>. Ты права... я должна тебя наградить: у меня в шкатулке есть 80 рублей... дай несколько и старику, Павлу! Он всегда верно мне служил; и тобой я всегда, всегда была довольна... (Смутная радость изображается на лице Аннушки.) О, как сердце бьется! Что хуже: ожиданье или безнадежность?

(Дверь отворяется. Тихо входит Владимир. Он мрачен. Молча подходит к постеле и останавливается в ногах.)

Аннушка. Владимир Павлович пришел!

Марья Дм<итревна> (быстро). Пришел! (Приподымается и опять опускает голову.) Владимир... ты один! А я думала... ты один!

Владимир. Да.

Марья Дм<итревна>. Друг мой! Ты звал его сюда? Сказал, что я умираю? Он скоро придет?

Владимир (мрачно). Как вы себя чувствуете? Довольно ли вы крепки, чтоб говорить и... слушать?

Аннушка. Барыня без вас всё плакала, Владимир Павлович!

Владимир. Боже! Боже! Ты всесилен! Зачем непременно я должен убить мать мою?

Марья Дм<итревна>. Говори скорее, не терзай меня понемногу: придет ли твой отец. (Молчание.) Где он!.. Как предстать пред бога... Владимир! Без него я не умру спокойно!

Марья Дми<тревна> (не слыхав). Что сказал ты?.. Дай мне руку, Владимир!

Владимир. (Слезы начинают падать из глаз его. Он бросается на колена возле постели и покрывает поцелуями ее руку.) Я возле вас! Зачем вам другого? Разве вам не довольно меня? Кто-нибудь любит вас сильней, чем я?

Марья Дм<итревна>. Встань... ты плачешь?..

Владимир (встав, отходит в сторону). Ужасная пытка! Если я всё это вынесу, то буду себя почитать за истукана, который не стоит имени человека!.. Если я вынесу... то уверюсь, что сын всегда похож на отца, что его кровь течет в моих жилах и что я, как он, хотел ее погубить. Так! Я должен был силою притащить его сюда, угрозами, страхом исторгнуть у него прощенье... (С бешеной радостью) Послушайте, послушайте, что я вам скажу! Мой отец весел, здоров и не хотел вас видеть! (Вдруг, как бы испугавшись, останавливается.)

Марья Дм<итревна> (вздрагивает. После молчания). Молись... молись за нас... не хотел... о!

Аннушка. Ей дурно, дурно!..

Марья Дми<тревна>. Нет! Нет! Я соберу последние силы... Владимир! Ты должен узнать всё и судить твоих родителей! Подойди. Я умираю. Отдаю душу правосудному богу и хочу, чтоб ты, ты, мой единственный друг, не обвинял меня по чужим словам... Я сама произнесу свой приговор. (Останавливается.) Я виновна: молодость была моей виною. Я имела пылкую душу, твой отец холодно со мной обращался. Я прежде любила другого: если б мой муж хотел, я забыла бы прежнее. Несколько лет старалась я побеждать эту любовь, и одна минута решила мою участь... Не смотри на меня так. О! Упрекай лучше самыми жестокими словами: я твоя злодейка! Мой поступок заставляет тебя презирать меня, и не одну меня... Долгим раскаяньем я загладила свой проступок. Слушай: он был тайною. Но я не хотела, не могла заглушить совесть – и сама открыла всё твоему отцу. С горькими слезами, с унижением я упала к ногам его... я надеялась, что он великодушно простит мне... Но он выгнал меня из дому; и я должна была оставить тебя, ребенка, и молча, подавленная тягостью собственной вины, переносить насмешки света... он жестоко со мною поступил!.. Я умираю... Если он мне не простил еще, то бог его накажет... Владимир! Ты осуждаешь мать свою? Ты не смотришь на меня? (Голос ее под конец становился всё слабее и слабее.)

Владимир (в сильном движении). (Про себя) Вижу! Вижу! Природа вооружается против меня; я ношу в себе семя зла; я создан, чтоб разрушать естественный порядок. Боже! Боже! Здесь умирающая мать – и на языке моем нет ни одного утешительного слова, – ни одного! Неужели мое сердце так сухо, что нет даже ни одной слезы? Горе! Горе тому, кто иссушил это сердце. Он мне заплотит: я сделался через него преступником; с этой минуты прочь сожаленье! День и ночь буду я напевать отцу моему страшную песню, до тех пор, пока у него не встанут дыбом волосы и раскаяние начнет грызть его душу! (Обращаясь к матери) Ангел! Ангел! Не умирай так скоро: еще несколько часов...

Аннушка (с приметным беспокойством посматривая на госпожу). Владимир Павлович! (Он услышал и глядит на нее пристально. Она трогает за руку Марью Дмитриевну и вдруг останавливается.) Прости господи ее душу! (Крестится.) (Владимир вздрагивает, шатается и едва не упадает. Удерживается рукой за спинку стула и так остается недвижим несколько минут.) Как тихо скончалась-то, родимая моя! Что буду я теперь? (Плачет.)

Владимир (подходит к телу и, взглянув, быстро отворачивается). Для такой души, для такой смерти слезы ничего не значат... у меня их нет! Нет! Но я отомщу, жестоко, ужасно отомщу. Пойду, принесу отцу моему весть о ее кончине и заставлю, принужу его плакать, и когда он будет плакать... буду смеяться! (Убегает.)

(Долгое молчание.)

Аннушка. И сын родной ее оставляет! Теперь всё, что я могу захватить, мое! Что же? Тут по мне нету греха; лучше, чтобы мне досталось, чем кому другому, а Владимиру Павловичу не нужно! (Подносит зеркало к губам усопшей.) Зеркало гладко! Последнее дыханье улетело! как бледна! (Уходит из комнаты и призывает

Сцена IX

3-го февраля. Пополудни.

(Комната у Загорскиных. Наташа и княжна. Анна Николавна, входя, вводит двух старух.)

Анна Ник<олавна>. А я вас сегодня совсем не ожидала! Милости просим! Прошу садиться! Как ваше здоровье, Марфа Ивановна? (Садятся.)

1 <-я> старуха. Эх! Мать моя! Что у меня за здоровье? Всё рифматизмы да флюс. Только нынче развязала щеку. (К другой старухе) Как мы съехались, Катерина Дмитриевна! Я только что на двор, и вы за мной, как будто сговорились навестить Анну Николаевну.

2 <-я> старуха (к хозяйке). Я слышала, что вы были больны?

Анна Ник<олавна>. Да... благодарю, что навестили... теперь получше. А что нового не слышать ли чего-нибудь?

2 <-я> стар<уха>. У меня, вы знаете, Егорушка в Петербурге; так он пишет, что турок в пух разбили наши; взяли пашу!

1 <-я> стар<уха>. Дай-то бог! А я слышала, что Горинкин женился. Да на ком! Знали вы Болотину? Так на ее дочери. Славная партия... ведь сколько женихов за нею гонялось! Так нет... кому счастье.

Анна Ник<олавна>. А я слышала: граф Свитский умер. Ведь жена, дети.

1 <-я> стар<уха>. Да! Какая жалость... а что рассказывают! Слышали вы?

Анна Ник<олавна>. Что такое?

2 <-я> старуха. Что такое? Странно! Я не слыхала!

1 <-я> старуха. Говорят, что покойник – прости его господи – почти всё свое имение продал и побочным детям отдал деньги. Есть же люди! И говорят также, будто бы в духовной он написал, чтоб его похороны не стоили больше 100 рублей.

2 <-я> старуха. Нечего сказать, как в колыбельке, так и в могилку! Всегда был чудак покойник! Царство ему небесное! Что ж? Исполнили его завещание?

1 <-я> старуха. Как можно? Пожалуй, он бы написал, чтоб его в овраг кинули! Нет, матушка, 5000 стоили похороны; в Донском монастыре, да два архиерея было.

Анна Ник<олавна>. Стало быть, очень пышно было!

Наташа. Будто не всё равно.

1 <-я> старуха. Как так? Разве можно графа похоронить как нищего?

2 <-я> старуха (после общего молчания). Анна Николавна! Вы меня извините! Я ведь только на минуточку к вам заехала! Спешу к золовке на крестины. (Встает.). Прощайте!

Анна Ник<олавна>. Если так, то не смею вас удерживать! Прощайте! (Целуются.) До свиданья, матушка. (Провожает ее.)

1 <-я> старуха. Какова? Как разрядилась наша Мавра Петровна! Пунцовые ленты на чепце! Ну кстати ли? Ведь сама насилу ноги таскает! А который ей год, Анна Николавна, как вы думаете?

Анна Ник<олавна>. Да лет 50 есть! Она так говорит.

1 <-я> старуха. Крадет с десятков! Я замуж выходила, а у нее уж дети бегали.

Наташа (тихо Софье). Я думаю: потому что она замуж вышла 30<-ти> лет.

К<няжна> Софья. Охота тебе их слушать, Наташа?

Наташа. Помилуй! Это очень весело!

(Слуга входит.)

Слуга. Дмитрий Василич Белинский приехал.

Анна Ник<олавна>. Что это значит? (Слуге) Проси в гостиную. (Слуга уходит.)
(Тихо старухе) Пойдем со мной, матушка; я угадываю, зачем он приехал! Мне уж говорили. Он сам не так богат; но дядя при смерти, а у дяди 1500 душ.

1 <-я> старуха. Понимаю. (В сторону) Посмотрим, что за Белинский! (Наташе) О! Плутовка.

(Обе уходят.)

Княжна С<офья>. Отчего ты так покраснела?

Наташа. Я?

Кн<яжна> Софья (махнув рукой). Ну ж! Ничего не слышит и не видит! Наташа! Твои щеки пылают, ты дрожишь, ты вне себя. Что такое значит?

Наташа (схватив княжну за руку). Так! Это ничего! Кто сказал, что я дрожу? Ах, знаешь ли! Я отгадываю, зачем он приехал. Теперь всё решится! Не правда ли?

Кн<яжна> Софья. Что решится?

Наташа. Какие глупые вопросы, кузина! Вчера была у нас княгиня, и...

Кн<яжна> Софья. Я тебя понимаю! Ты влюблена в Белинского. Ну что ж. (Наташа отворачивается.) Это очень натурально.

Наташа (с живостью). Послушай! Как он мил! Как он любезен!

Кн<яжна> Софья. Бедный Арбенин!

Наташа. Чем же бедный?

Кн<яжна> Софья. Он тебя так любит! Белинский свататься приехал: ты наверное ему не откажешь; так ли? А я знаю, что Арбенин тебя очень, очень любит. (Насмешливо улыбается.)

Наташа. Разлюбит поневоле. Впрочем, он очень умел притворяться прежде с другими, почему же не притворялся он со мной? Кто может поручиться? Правда, он мне сначала немного нравился. В нем что-то необыкновенное... а зато какой несносный характер, какой злой ум и какое печальное всегда воображение. Боже мой! Да такой человек в одну неделю тоску нагонит. Есть многие, которые не меньше его чувствуют, а веселы.

Кн<яжна> Софья. Ты хотела бы всё смеяться! (Смотрит на нее пристально.) Однажды в сумерки приехал к нам Арбенин. Сел за фортепьяно и с полчаса фантазировал. Я заслушалась. Вдруг он вскочил и подошел ко мне. Слезы были у него на глазах. «Что с вами?» – спросила я. «Припадок! – отвечал он с горькой улыбкой. – Музыка приводит мне на мысли Италию! Во всей ледяной России нет сердца, которое отвечало бы моему! Всё, что я люблю, убегает меня. Прошу сожаленья? Нет! Я похож на чумного! Всё, что меня любит, то заражается этой болезнью несчастья, которую я принужден называть жизнью!» Тут Арбенин посмотрел на меня пристально, как будто ожидая ответа... я догадалась... но ты не слышишь?

Наташа. Оставь меня. Какая мне нужда до твоего Арбенина; делай с ним что хочешь; клянусь тебе, не стану ревновать! Слышишь... вот... кажется, кто-то сюда идет... кажется, маменька!

Кн<яжна> Софья (в сторону). Небо прекрасно исполняет мои желанья! Судьба мстит за меня. Хорошо! Он почувствует всю тягость любви безнадежной, обманутой. Я

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru
недаром старалась охладить к нему Наташу: это меня радует. Однако что мне пользы? Я отомстила. За что? Он не знает, что я его так люблю! Но узнает! Я ему докажу, что есть женщины...

(Входит Анна Николавна.)

Анна Ник<олавна>. Наташа! Подойди ко мне! Я хочу говорить с тобой о важном деле, которое решит судьбу твоей жизни. Выйти замуж не порог перешагнуть. Всё будущее твое зависит от одной минуты. Твое сердце должно бросить жребий, но рассудок также не должен молчать. Подумай: Белинский предлагает тебе свою руку. Согласна ты или нет? Нравится ли он тебе?

Наташа (в смущении). Я... не знаю...

Анна Ник<олавна>. Как не знаю! Помилуй! Он ждет в той комнате. Кому же знать? Решись поскорее: по крайней мере дать ли ему надежду. Что ты молчишь? Он молодой человек, превосходный, честный, состояние есть, а ты знаешь, как наше расстроено. Белинский ожидает богатое наследство, подумай, 1500 душ! Рассуди! Ты уж в летах, скоро стукнет 19. Теперь не пойдешь замуж, так, может быть, никогда не удастся. Сиди в девках! Плохо теперь: женихов в Москве нет! Молодые, богатые не хотят жениться, мотают себе вволю, а старые? Что в них? Глупы или бедны! Решись, Наташа. Ведь он там ждет. Ну скажи по совести: ведь он тебе нравится?

Наташа. Нравится...

Анна Ник<олавна>. Так ты согласна... я пойду...

Наташа (останавливает мать). Маман! Подождите... так скоро!.. Ей-богу! Я всё это вижу как во сне... как можно в одну минуту. (Слезы показываются на глазах; она закрывает их руками.) Я не могу! Разве непременно сейчас?

Анна Ник<олавна> (ласкает ее). Успокойся, друг мой. О чем ты плачешь? Разве не сама сказала, что он тебе нравится. Посмотри, как сердце бьется. Это нездорово! Ты слишком встревожилась; я опрометчиво поступила; однако сама посуди: ведь он ждет! Не надо упускать жениха!.. Ведь я тебя не выдаю насильно, а только спрашиваю. Ты согласна? И я тотчас ему скажу! Нет? Так нет! Беда не велика...

Наташа (утирая слезы). Он мне нравится! Только... дайте ему надежду, пускай он ездит в дом, пускай будет как жених... только! Я сама не знаю... вы так скоро мне сказали... я не знаю... мне стыдно плакать о глупостях. Маман! Вы сами сумеете как ему сказать... я наперед на всё согласна.

Анна Ник<олавна>. Ну, и давно бы так... об чем же плакать, мой ангел? (Крестит ее.) Христос с тобой! В добрый час! (Уходит.)

Наташа. Ах!

Кн<яжна> Софья. Ты побледнела, кузина! Поздравляю тебя! Невеста!

Наташа. Как скоро всё это сделалось! (Уходит.)

Кн<яжна> Софья. Правда. Когда мы чего-нибудь желаем и желание наше исполнится, то нам всегда кажется, что оно исполнилось слишком скоро. Мы лучше любим видеть радость в будущем, нежели в минувшем. Она счастлива... а я? Зачем раскисать? Люди не виновны, если судьба нечаянно исполняет их дурные желанья: стало быть, они справедливы; стало быть, мое сердце должно быть покойно, должно бы было быть покойно!

Сцена X
Февраля 4-го. Вечер.

(Зала в доме Павла Григорича; слуги зажигают лампы.)

1<-й>. Он, чай, был не в своем уме: от вчерашнего еще не опомнился.

2<-й>. Как сказал ему барин?

3<-й>. Проклинаю тебя, сказал он ему.

2<-й>. Владимир Павлович не заслужил этого.

1<-й>. А где старый барин?

3<-й>. Уехал в гости.

2<-й>. Был ли он встревожен, когда ты ему подавал одеваться?

3<-й>. Нимало. Ни разу меня не ударил. Проклясть сына, ехать в гости, эти две вещи для него так близки между собою, как выпить стакан вина и стакан воды.

1<-й>. А крепко поговорил молодой барин своему батюшке; тот сначала и не опомнился.

2<-й>. Оно всё так; а только жалко, ей-богу, жалко. Отцовское проклятие не шутка. Лучше жернов положить себе на сердце.

3<-й>. Ивану не велено от него отходить; вот отец! Ведь проклял, а всё боится, чтоб сын на себя рук не наложил.

2<-й>. Кровь говорит.

3<-й>. А по-моему, так лучше убить, чем проклясть.

Сцена XI
Февраля 4<-го>. Вечер.

(Комната Владимира. Луна светит в окно. Владимир возле стола, опершись на него рукою. Иван у двери.)

Иван. Здоровы ли вы, сударь?

Владимир. На что тебе?

Иван. Вы бледны.

Владимир. Я бледен? Когда-нибудь буду еще бледнее.

Иван. Ваш батюшка только погорячился: он скоро вас простит.

Владимир. Поди, добрый человек, это до тебя не касается.

Иван. Мне не велено от вас отходить.

Владимир. Ты лжешь! Здесь нет никого, кто бы занимался мною. Оставь меня: я здоров.

Иван. Напрасно, сударь, хотите меня уверить в том. Ваш расстроенный вид, бродящие глаза, дрожащий голос показывают совсем противное.

Владимир (вынимает кошелек. Про себя). Я слышал, что деньги делают из людей – всё! (Громко) Возьми – и ступай отсюда: здесь тридцать червонцев.

Иван. За тридцать серебряников продал Иуда нашего Спасителя; а это еще золото. Нет, барин, я не такой человек; хотя я раб, а не решусь от вас взять денег за такую услугу.

Владимир (бросает кошелек в окно, которое разбивается. Стекла звенят, и кошелек падает на улицу). Так пусть кто-нибудь подымет.

Иван. Что это, сударь, с вами делается! Утешьтесь – не всё горе...

Владимир. Однако ж...

Иван. Бог пошлет вам счастье, хотя б за то только, что меня облагодетельствовали. Никогда я, видит бог, от вас сердитого слова не слышал.

Иван. Я всегда велю жене и детям за вас богу молиться.

Владимир (рассеянно). Так у тебя есть жена и дети?

Иван. Да еще какие. Будто с неба... добрая жена... а малытки! Сердце радуется, глядя на них.

Владимир. Если я тебе сделал добро, исполни мою единственную просьбу.

Иван. И телом и душой готов, батюшка, на вашу службу...

Владимир (берет его за руку). У тебя есть дети... не проклинай их никогда! (Отходит в сторону к окну; Иван глядит на него с сожалением.) А он, он, мой отец, меня проклял, и в такой миг, когда я бы мог умереть от слов его! Но я сделал должное: она меня оправдывает перед лицом всевышнего! Теперь испытаю последнее на земле: женскую любовь! Боже, как мало ты мне оставил! Последняя нить, привязывающая меня к жизни, оборвется, и я буду с тобой; ты сотворил мое сердце для себя, проклятие человека не имеет влияния на гнев твой. Ты милосерд – иначе я бы не мог родиться! (Смотрит в окно.) Как эта луна, эти звезды стараются меня уверить, что жизнь ничего не значит! Где мои исполинские замыслы? К чему служила эта жажда к великому? Всё прошло! Я это вижу. Так точно вечернее облако, куда солнце не коснулось до небосклона, принимает вид небесного города, блестит золотыми краями и обещает чудеса воображению, но солнце закатилось, дунул ветер – и облако растянулось, померкло – и наконец упадет росой на землю!

Сцена XII
Февраля... Вечер.

(Комната у Загорскиных. Дверь отворена в другую, где много гостей. Анна Николаевна и к<няжна> Софья входят.)

Кн<яжна> Софья. Тетушка! Мы с Наташей сейчас приехали из рядов и купили всё, что надобно: не знаю, понравится ли вам; по мне хорошо! Только блонды дорого.

Анна Ник<олаевна>. Теперь некогда, Сонюшка: после посмотрю! (Входит гость.) Ах! Здравствуйте, Сергей Сергеевич! Как ваше здоровье! Я вас совсем не ожидала: вы такие стали спесивые и знать нас не хотите...

Гость 1. Помилуйте! Я узнал, что Наталья Федоровна ваша помолвлена, и приехал поздравить и пожелать ей всякого счастья!

Анна Ник<олаевна>. Покорно вас благодарю! Дай-то бог! Человек, кажется, хороший!

Гость 1. И, я слышал, с прекрасным состоянием.

Анна Ник<олаевна>. Как же-с! Да вы, я думаю, знаете г-на Белинского?

Гость 1. Видал-с. Прелестнейший молодой человек!

Анна Ник<олаевна>. Милости просим в гостиную, Сергей Сергеевич!

(Уходят оба в гостиную.)

Кн<яжна> Софья. Всё идет по-моему. Отчего же я беспокоюсь? Разве у меня два сердца, что одна и та же вещь меня радует и огорчает? Как согласить внутреннее самодовольствие с исполнением желаний? Нет, главная моя цель еще далеко. Я желала бы знать, как всё это подействует на Владимира, Боже! Как мне душно в этой толпе людей, которые с таким жаром рассуждают о пустяках и не замечают, что каждая минута отнимает у меня по надежде и приносит мне какое-нибудь новое мученье! Где несчастливцы? На всех лицах я встречаю только улыбки! Одна я страдаю, одна я плачу, одна утираю слезы... если б он их увидал, то стал бы меня любить. Он бы не устоял! Невозможно, невозможно ему быть совершенно равнодушно!..

Наташа (вбегает; весело). Ха! Ха! Ха! Ха! Ха! Ma cousine, [102] послушай: если б ты была там, то насмеялась бы досыта. Ха! Ха! Ха! Боже мой! Ах! Я удерживалась

Кн<няжна> Софья. Кому?

Наташа. Насилу я вырвалась. Сергей Сергеич подошел меня поздравлять, смешался, заикнулся, забормотал... я ничего не поняла, он сам, я думаю, не знал, что говорил, умора! Так мы остались друг против друга... ха! Ха! Ха!

К<няжна> Софья. Как ты весела! Где Белинский?

Белинский (входит). Слава богу! Я опять с вами! Меня осадил весь очаковский век. Добрые люди, только нестерпимо скучны. Они всё толкуют о прошедшем, а я в настоящем так счастлив!

К<няжна> Софья. Это видно по вашему лицу.

Наташа. Моп чер ami![103] Оставим ее: она не в духе. Сядем, поговорим.

(Садятся.)

Белинский (целует у нее руку). Теперь я имею право вызывать завистников.

К<няжна> Софья (про себя). Этот человек думает, говорит о счастье, отняв последнее у своего друга... отчего же я, хотя менее виновна, должна чувствовать раскаянье? О, как бы я заменила Владимиру эту потерю, если б... если б только...

(Гость, молодой человек, выходит из гостиной, кланяется Софье и приближается к ней.)

Гость. Здорова ли княгиня, ваша матушка?

К<няжна> Софья. Нет. Она очень больна.

Гость. Вы, верно, знаете Владимира Арбенина.

К<няжна> Софья. Он к нам ездит.

Гость. Вы не заметили: сумасшедший он?

К<няжна> Софья. Я всегда замечала, что он очень умен. Не могу догадаться, к чему такие вопросы?

Гость. Нет, я в самом деле не шучу. Несколько дней тому назад я был у его отца; вдруг дверь с шумом отворяется, и вбегает Владимир. Я испугался. Лицо его было бледно, глаза мутны, волосы в беспорядке; я не знаю, на кого он был похож. Отец его остолбенел и ни слова не мог выговорить. «Убийца! – воскликнул Владимир. – Ты мне не верил, поди же, поцелуй ее мертвую руку!» – и с вынужденным хохотом упал без чувств на землю. Слуги вбежали, его подняли. Отец не говорил ни слова, но дрожал, хотя показывал или старался показывать, что не был встревожен... я поскорее взял шляпу и ушел; потом я узнал, что Павел Григорич его ужасно бранил и даже проклял, говорят, но я не верю...

К<няжна> Софья (в сильном волнении). Проклял, говорите вы... он упал... но ему ничего не сделалось? Вы не знаете, что значили слова его? Нет! Это не сумасшествие... что-нибудь ужасное с ним случилось...

Гость (с улыбкой). Я не ожидал, чтобы вы приняли такое большое участие...

К<няжна> Софья. В самом деле? (С досадой в сторону) Боже! Нельзя показать сожаленья!

Гость. Наконец я узнал, что в этот самый день умерла у Владимира мать, которая с отцом была в разводе, но такое бешенство, такие угрозы показывают совершенное сумасшествие!.. Это в самом деле очень жалко: он имел способности, ум, познания...

К<няжна> Софья. По словам, которые вы мне повторили, отец его был виноват в чем-нибудь... он не заметил вас, и если только в этом состоит сумасшествие...

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru
Гость. О нет, совсем нет! Я не хотел этого сказать. Но вы сами судите... мне стало жалко его; вот для чего я спросил...

К<няжна> Софья. Вы видите, что я не могу вам дать положительного ответа.

Гость (помолчав). Вы поедете завтра в концерт, княжна? Славная музыканьша будет на арфе играть... вы не слышали еще?[104] Она из Парижа... это очень любопытно! Если угодно, я билет...

К<няжна> Софья. Я не любопытна, я не имею этого порока!

Гость. Извините. Я желал вам услужить...

К<няжна> Софья. Вы очень милостивы!

Гость (раскланиваясь). Прошу вас поверить, что если я что-нибудь неприятное сказал вам, то мое намерение было совсем не таково... (Уходит.)

К<няжна> Софья (одна). Чуть-чуть он не сказал, что хотел меня обрадовать этими новостями! Прийти нарочно, простоять четверть часа здесь для того только, чтобы сказать зло про одного человека и опечалить другого! (Молчание.) Что ждет меня? Ужасно темнеет предо мной будущность, как бездна, которая хочет поглотить всё, что во мне радуется жизни! Владимир потерял мать, любовь отца и должен лишиться Наташи... Но первые два несчастья помогут ему перенести последнее с твердостью; несколько печалей не так опасны, как одна глубокая, к которой прикованы все думы, которая отравляет все чувства одинаковым ядом. Да, он мужчина, он крепок духом! А там... там... я могу еще надеяться; я примечала несколько раз, что глаза его пылали, когда он со мной говорил: может быть...

Наташа. Что он тебе рассказывал?

К<няжна> Софья. Про Арбенина.

Белинский. Что такое про Арбенина?

К<няжна> Софья. Не бойтесь!

Белинский. Чего же мне бояться?

К<няжна> Софья. Вы лучше знать должны.

Наташа (тихо). Разве он проведал, что я выхожу замуж?

К<няжна> Софья. За его друга? Нет! Арбенин потерял мать, и от этого он в отчаянье; его приняли за сумасшедшего... не знаю, вынесет ли он второй удар...

Белинский. О, поверьте, что он кажется гораздо чувствительнее, чем в самом деле есть.

К<няжна> Софья. Разумеется: вы это должны знать лучше нас; вы были его другом.

Белинский. Я дружбу принес в жертву любви.

К<няжна> Софья. Это очень хорошо – для вас.

Белинский. Впрочем, не думайте, что я с Арбениным очень дружен был. Приятели в наш век – две струны, которые по воле музыканта издают согласные звуки, но содержат в себе столько же противных.

К<няжна> Софья (Наташе). Прошу не прогневаться, кузина; а я скажу, что ты его любила; для жениха ты не должна иметь тайны; и, верно, господин Белинский со мной согласен! (Наташа при этих словах покраснела.)

Наташа. Да, это правда: Арбенин мне сначала нравился и очень занимал воображение, но этот сон, как все печальные сны, прошел. Я тебя прошу, Софья, не напоминай мне более об нем.

К<няжна> Софья. Я не совсем что-то верю твоему пробуждению.

Наташа. Кузина, к чему это?

Белинский. Может быть, один сон сменился другим.

К<няжна> Софья. Однако послушайте, господин жених, не слишком ей верьте; она с давнишних пор носит на кресте стихи, которые дал ей Арбенин. Пожалуйста, скажите–ка ей, чтобы она их показала! А! А! Попалась, душа моя?

Белинский. Я могу просить, и то, если она позволит. Впрочем, я в ней слишком уверен...

К<няжна> Софья. Излишества всегда опасны!

Наташа. Чтоб доказать моей кузине, что я нимало не дорожу этими глупостями... (Снимает с шеи ожерелье, на котором крест, и отвязывает бумажку.) Возьмите. Эта старинная бумажка была мною совсем позабыта. Прочти, мой друг... Эти стихи довольно порядочно написаны.

Белинский. Это его рука!

К<няжна> Софья (в сторону). Бесстыдный! Он так же спокоен, как будто читает театральную афишу! Ни одной искры раскаянья в ледяных глазах! Ужели искусство? Нет! Я женщина, но никогда не могла бы дойти до такой степени лицемерия. Ах! Для чего одно пятно очернило мою чистую душу?

Наташа. Прочти, мой друг!

Белинский (читает).

Когда одни воспоминанья[105]
О днях безумства и страстей
На место славного названья
Твой друг оставит меж людей,
Когда с насмешкой ядовитой
Осудят жизнь его порой,
Ты будешь ли его защитой
Перед бесчувственной толпой?
* * *

Он жил с людьми как бы с чужими,
И справедлива их вражда,
Но хоть виновен перед ними,
Тебе он верен был всегда;
Одной слезой, одним ответом
Ты можешь смыть их приговор;
Верь! Не постыден перед светом
Тобой оплаканный позор!
Прекрасно, очень мило! (Отдает.)

Наташа (разрывает бумагу). Теперь спокойны ли вы, кузина?

К<няжна> Софья. О! я на твой счет никогда не беспокоилась!

Белинский (в сторону). Эта княжна вовсе не по мне! К чему ее упреки? Что ей за дело?

(Дверь отворяется, входит Владимир; кланяется. Все смущены; он хочет подойти, но, взглянув на Белинского и Наташу, останавливается и быстро входит в гостиную.)

Наташа (только что Владимир взошел). Ах! Арбенин!

Белинский (про себя). Вот некстати! черт его просил? Он взбесится; он, верно, еще не знает, что я женюсь и на ком! Надо убраться, чтоб не сделаться жертвою первого пыла. (Громко) Мне не хочется теперь встретиться с Арбениным. Вы его знаете...

К<няжна> Софья (кинув на него косвенный взгляд). Это правда!..

Белинск<ий>. Итак, прощайте! (Уходит в кабинет.)

Наташа. Невольный трепет пробегает по мне, сердце бьется... отчего? Отчего этот человек, которого я уже не люблю, всё еще имеет на меня такое влияние?... Но, может быть, любовь к нему не совсем погасла в моем сердце? Может быть, одно воображение отвлекло меня от него на время? Однако, что бы ни было, я должна, я хочу показать ему холодность; я дала Белинскому слово, он будет моим мужем, и Арбенина должно удалить! Это будет мне легко! (Задумывается.)

К<няжна> Софья. Слава богу! (Про себя) Я думала, что этот Белинский не мучим совестью... теперь я вижу совсем противное. Он боялся встретить взор обманутого им человека! Так он виновнее меня!.. Я заметила смущение в его чертах! Пускай бежит... ему ли убежать от неизбежного наказания небес? (Удаляется в глубину театра.)

(Владимир, бледный, выходит из гостиной; он и Наташа долго стоят неподвижны.)

Наташа. Что скажете нового?

Владимир. Говорят: вы выходите замуж.

Наташа. Это для меня не ново.

Владимир. Я вам желаю счастья.

Наташа. Покорно вас благодарю.

Владимир. Так это точно, точно правда?

Наташа. Что ж удивительного?

Владимир (помолчав). Вы не будете счастливы.

Наташа. Почему же?

Владимир. Я слышал, что свадьбы, которые бывают в один день с похоронами, несчастливы.

Наташа. Ваши пророчества очень печальны; впрочем, всякий день кто-нибудь да умирает в мире; итак...

Владимир. Послушайте: скажите мне по чести: это шутка или нет.

Наташа. Нет.

Владимир. Подумайте хорошенько. Клянусь богом, я теперь не в состоянии принимать такие шутки. В вас есть жалость! Послушайте: я потерял мать, ангела, отвергнут отцом, – я потерял всё, кроме одной искры надежды! Одно слово, и она погаснет! Вот какая у вас власть... Я пришел сюда, чтобы провести одну спокойную, счастливую минуту... Что пользы вам лишить меня из шутки такой минуты?

Наташа. Я не думала шутить. Я очень понимаю, как ваше несчастье велико; я бы достойна была презрения, если б могла с вами шутить теперь. Нет, вы имеете право на уважение и сострадание всякого!

Владимир (смотрит на нее несколько времени). Помните ли, давно, давно тому назад я привез вам стихи, в которых просил защитить против злословий света... и вы обещали мне! С тех пор я вам верю как богу! С тех пор я вас люблю больше бога! О! Каким голосом было сказано это: обещаю! И я тогда же в душе произнес клятву вечно любить вас... вечно! На языке другого это слово мало значит... но я поклялся любить вас вечно, поклялся самому себе; а клятва благородного человека неизменна, как воля творца... Отвечайте мне, скажите мне одно не слишком холодное слово, солгите... и я буду... доволен. Что стоит одно слово?... Оно спасет человека от отчаяния.

Наташа (в сторону). Что мне делать? Мысли мои рассеяны. О, зачем, зачем нельзя изгладить несколько дней из моей жизни, возвратиться к прежнему... Я могла бы

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драмы. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru
отвечать ему!.. Он так жалок!.. Я его не люблю, но мне как-то страшно его
огорчить!..

Владимир. Женщина!.. Ты колеблешься? Послушай: если б иссохшая от голода собака приползла к твоим ногам с жалобным визгом и движениями, изъявляющими жестокие муки, и у тебя бы был хлеб, ужели ты не отдала бы ей, прочитав голодную смерть во впалом взоре, хотя бы этот кусок хлеба назначен был совсем для другого употребления? Так я прошу у тебя одного слова любви!..

Наташа (помолчав; значительно). Я выхожу замуж за Белинского!..

(Софья, которая издали смотрела, уходит поспешно.)

Владимир. Он? Он? Как? Стало быть, мои подозренья...

Наташа. Чего вы испугались?

Владимир. И я его называл другом? Ад и проклятье! Он мне заплотит! За каждую слезу, которую пролил я на предательскую грудь... он мне заплотит своей кровью!.. (Хочет идти.)

Наташа. Остановитесь! Остановитесь! (Он неподвижен.) Какое безумство! Так вот ваша привязанность ко мне? Я люблю Белинского, и вы хотите убить его? Опомнитесь! Его смерть заставит меня ненавидеть вас!..

Владимир. Тебе его жаль? Ты его любишь? Не верю! Нет, я не верю! Тот, кто обманул друга, недостоин уваженья!.. Презренье и любовь несовместны! Моя рука тебя избавит от этой эхидны...

Наташа. Владимир! Останьтесь... я умоляю...

Владимир (посмотрев на нее; со вздохом). Хорошо! Что еще я должен сделать?

Наташа. Нам не надобно больше видеться; я прошу: забудьте меня! Это нас обоих избавит от многих неприятностей. Мало ли есть рассеяний для молодого человека!.. Вам понравится другая, вы женитесь... тогда мы снова увидимся, будем друзьями, будем проводить вместе целые дни радости... до тех пор я прошу вас забыть девушку, которая не должна слушать ваших жалоб!..

Владимир. Прекрасные советы! (Ходит взад и вперед. С сухим смехом) В каком романе... у какой героини вы переняли такие мудрые увещания... вы желали бы во мне найти Вертера!.. Прелестная мысль...[106] кто б мог ожидать?..

Наташа. Рассудок ваш то же говорит, что я; только вы его не хотите слушать!

Владимир. Нет, я не стану мстить Белинскому! Я ошибался! Я помню: он мне часто говорил о рассудке: они годятся друг для друга... и что мне за дело? Пускай себе живут да детей наживают, пускай закладывают деревни и покупают другие... вот их занятия! Ах! А я за один ее веселый миг заплатил бы годами блаженства... а на что ей? Какая детская глупость!..

Наташа. Мои слова неприятны вам; но правда, говорят, никому не нравится. Я сама вам теперь признаюсь, что вы, ваш характер, ваш ум сделали на меня сначала довольно сильное впечатление; но теперь обстоятельства переменились, и мы должны расстаться; я люблю другого! Так я подам вам пример: я вас забуду!..

Владимир. Ты меня забудешь? Ты? О, не думай: совесть вернее памяти; не любовь, раскаяние будет тебе напоминать обо мне!.. Разве я поверю, чтоб ты могла забыть того, кто бросил бы вселенную к ногам твоим, если б должен был выбирать: вселенную или тебя!.. Белинский тебя не стоит, он не будет в состоянии ценить твою любовь, твой ум; он пожертвовал другом для... о! Не для тебя!.. Деньги, деньги – вот его божество!.. И тебя принесет он им в жертву! Тогда ты проклянешь свою легковёрность... и тот час, тот час... в который подала мне пагубные надежды... и создала земной рай для моего сердца, чтоб лишить меня небесного!..

Наташа. Еще раз говорю вам: перестаньте; вы слишком вольно говорите. (Помолчав) Мы не должны больше видеться. Какая вам охота смущать семейственную тишину? Этот мгновенный пыл пройдет, а после, после мы будем друзьями!..

Владимир. Не слишком ли вы полагаетесь на свою добродетель! Нет! Я не способен жить остатками сокровища, принадлежащего другому!.. Что осмелились вы предложить мне? Создатель! Теперь я верю, что демоны были прежде ангелами!

Наташа. Господин Арбенин, ваше упрямство, ваши дерзости нестерпимы! Вы несносны!

Владимир. Отчего вы прежде со мною так не говорили?

Наташа. Вы правы: я смешна, глупа... как хотеть, чтоб сумасшедший поступал, как рассудительный человек!.. Оставляю вас и, признаюсь, раскаиваюсь, в первый и последний раз, в том, что хотела кого-нибудь утешить! Вы пренебрегли все приличия, и я не намерена терпеть долее! (Уходит; но останавливается в глубине театра и смотрит на него.)

Владимир. Бог! Бог! Во мне отныне к тебе нет ни любви, ни веры! Но не наказывай меня за мятежное роптанье... ты... ты сам нестерпимую пыткой вымучил эти хулы. Зачем ты дал мне огненное сердце, которое любит до крайности и не умеет так же ненавидеть! Ты виновен! Пускай твой гром упадет на мою непокорную голову: я не думаю, чтоб последний вопль погибающего червя мог тебя порадовать!

(В это время взошел Белинский, Наташа говорит ему что-то на ухо, с видом просьбы, и уходит; он смотрит издали; Владимир ломает себе руки.)

Эти нежные губы, этот очаровательный голос, улыбка, глаза – всё, всё это для меня стало яд!.. Как можно подавать надежды только для того, чтоб иметь удовольствие лишний раз обмануть их! (Обтирает глаза и лоб.) Женщина! Стоишь ли ты этих кровавых слез?

(Белинский подходит.)

Белинский. Владимир! (В сторону) Мне должно его умаслить, уговорить; а то он черт знает чего наделать рад! Наташа правду говорит: он только в первые минуты бешенства опасен! (Громко) Владимир!

Владимир (не оборачиваясь). Что?

Белинский. Ты на меня сердит?

Владимир. Нет.

Белинский. О! Я вижу, что ты сердит; но разве не она сама выбирала?

Владимир (всё не оборачиваясь). Разумеется.

Белинский. Время тебя вылечит.

Владимир. Не знаю. (Голос его дрожит.)

Белинский. Арбенин! Я вижу по всему: ты ужасно на меня сердит. Поверь, я тебя знаю очень хорошо; я проник все движенья твоего сердца и даже иногда скорее объясняю твои поступки, чем свои собственные.

Владимир. Ты знаешь меня? Ты говоришь это? (Со смехом) Если так, то Дмитрий Василыч Белинский первейший глупец или первейший злодей в свете!

Белинский. Скорей первое, чем последнее!

Владимир. Поздравляю.

Белинский. Ну посуди сам: разве я не имел одинакого права с тобой на ее руку? Ты, братец, эгоист! Верь мне: твоя печаль одно оскорбленное самолюбие!..

Владимир. Мне верить? Тебе?

Белинский. Разве я употребил во зло твою доверенность? Разве я открыл какую-нибудь из твоих тайн? Загорскина прежде любила тебя, – положим; а теперь моя очередь. Зачем ты тогда на ней не женился!..

Владимир. Я советую оставить меня: не надейся на мое хладнокровие!.. Я хотел, готов был тебе отомстить, упиться твоей кровью, кровью.. слышишь ли? – и я тебе прощаю, и ни в чем не виню, только оставь меня. Я не могу отвечать на твои искренние ласки!.. (Смеется дико.) Теперь я свободен!.. Никто.. никто.. ровно, положительно никто не дорожит мною на земле.. Слышишь? Это ты сделал! Не пугайся, не раскаивайся, что за важность? Я лишний! Ты искусный, осторожный, умный человек! Заметил, что дружба меня изнежила, что надежда избаловала, – и одним ударом отнял всё! Белинский! Кажется, у меня теперь ничего уж нет завидного!

Белинский. Ты не прощаешь мне: эта холодность, эта язвительная улыбка..

Владимир. О! Ты слишком хорошо обо мне думал: с некоторых пор я тебе ничем не обязан.. мои долги тебе заплочены, денежные и другие..

Белинский. Итак, ты у меня совершенно отнял свое сердце? Ужели мы снова не можем сойтись; если я докажу..

Владимир. На что?

Белинский. Я заклинаю тебя.

Владимир (в сторону). Какая низость! И она может, и я мог его любить!..

Белинский. Именем ее прошу тебя.

Владимир. Полно, полно! Разве можно что-нибудь еще у меня отнять?

Белинский (сквозь зубы). Непреклонный! (Ему) Послушай: прости мне; теперь переменить нельзя.. но вперед, даю тебе честное слово..

Владимир. Довольно и одного раза!

Белинский. Одумайся! Со временем..

Владимир (в сторону). Со временем, со временем! Всемогущий! Как ты позволил ей пожертвовать моей любовью для такого подлеца!

Белинский. И ты даже не хочешь выслушать опытного друга, который тебе желает добра!

Владимир (вне себя). Боже!

Белинский. Так! Я не должен тебя оставлять; это моя обязанность, и ты сам будешь после благодарен.. преступление было бы не удержать безумца на краю пропасти. (Берет его за руку.) Пойдем к ней! Наташа смягчит твою горечь; ты мне сказывал, что взор ее может усмирить твою душевную бурю.. Пойдем к ней! (Хочет его увлечь; Владимир неподвижен с минуту, потом вырывает буйно руку и бежит вон.) Остановись, остановись!.. (Молчание.) Он ушел! Я исполнил желание моей невесты, а судьба исполнила мое! Но почему я не мог дышать свободно в его присутствии? Ведь я прав, и все в этом согласны. Арбенин – ребенок, который, испугавшись розги, бросается в реку? Что за глупая ревность! Он ненавидит меня – и за то, что я больше его нравлюсь. Жалко, что столько способностей ума подавлено бессмысленной страстью! И как не уметь себе приказать?

(Княжна Софья входит.)

Кн<яжна> Софья. Где Арбенин?

Белинский. Ушел.. не слышит и не видит; как бешеный бросился в дверь..

Кн<яжна> Софья. И вы его не удержали? И он всё любит Наташу?

Белинский. Больше, чем когда-нибудь.

Кн<яжна> Софья (побледнев, упадает в кресла). Итак, всё напрасно!..

Белинский. Что с вами? Человек! Эй, спирту, воды!

Кн<яжна> Софья. Оставьте меня!

Сцена XIII
12-го мая

(Эпилог)

(В доме графа Н. Много гостей; вечер; подают чай.)

1 <-й> гость. Слышали ли вы, граф, новость? Завтра свадьба в вашем приходе. Любопытны ли посмотреть?

Граф. Свадьба? А чья, например?

1 <-й> гость. Загорскина выходит замуж за Белинского.

1 <-я> дама. Вы знаете жениха?

2 <-й> гость. Знаю-с.

1 <-я> дама. Он богат?

2 <-й> гость. Имеет состояние, следовательно, и долги!

1 <-я> дама. Хорош собой?

2 <-й> гость. Молодец. Только слишком занимается своим лицом.

1 <-я> дама. Стало быть, занимается хорошим.

2 <-я> дама. А невеста?

2 <-й> гость. Недурна. *Une figure piquante!*[107]

1 <-я> дама (к другой). *Ma chère!*[108] Я слышала, она кокетка до невозможности.

2 <-й> гость. Она не одному Адамову внуку вскружила голову.

3 <-й> гость. Да! Бедный Арбенин! Вы знаете: он сошел с ума!

Многие. Как сошел с ума? Молодой Арбенин? Мы не слыхали!

3 <-й> гость. Как же, от любви к Загорскиной! Мне рассказывали про жалкое состояние Арбенина. Ему всё кажется, что его куда-то тащат. Он прицепляется ко всему, как будто противится неизвестной силе; плачет и смеется в одно время; зарыдает – и вдруг захохочет. Иногда он узнает окружающих, всех, кроме отца; и всё его ищет. Иногда начинает укорять его в каком-то убийстве.

2 <-й> гость. Я б желал знать, откуда у помешанных берутся подобные мысли?

1 <-й> гость. Я слыхал, что он был величайший негодяй. Удивительно, что почти всегда честные отцы имеют дурных сыновей.

1 <-й> гость. Да, Павел Григорич человек почтенный во всех отношениях.

3 <-й> гость (полунасмешливо). Он хотел сына своего отдать в сумасшедший дом; но ему отсоветовали; и в самом деле, пожалуй, приписали бы это к скудости!

2 <-я> дама. И Загорскину не мучит совесть?

3 <-й> гость. Про то знает ее духовник.

1 <-й> гость. Неужели нельзя вылечить Арбенина? Может быть, тут есть какие-нибудь физические причины. Странно! С ума сойти от любви?

3 <-й> гость. Если это странно вам, то я желал бы, чтоб одна из этих дам взяла на себя труд доказать вам противное!

1 <-й> гость. Но я говорю про Арбенина; он, который часто в обществе казался так весел, так беззаботен, как будто сердце его было – мыльный пузырь!

3 <-й> гость. Вы, конечно, не ученик Лафатера?[109] Впрочем, если он и показывался иногда веселым, то это была только личина. Как видно из его бумаг и поступков, он имел характер пылкий, душу беспокойную и какая-то глубокая печаль от самого детства его терзала. Бог знает, отчего она произошла! Его сердце созрело прежде ума; он узнал дурную сторону света, когда еще не мог остеречься от его нападений, ни равнодушно переносить их. Его насмешки не дышали веселостью; в них видна была горькая досада против всего человечества! Правда, были минуты, когда он предавался всей доброте своей. Обида, малейшая, приводила его в бешенство, особенно когда трогала самолюбие. У него нашли множество тетрадей, где отпечаталось всё его сердце; там стихи и проза, есть глубокие мысли и огненные чувства! Я уверен, что если б страсти не разрушили его так скоро, то он мог бы сделаться одним из лучших наших писателей. В его опытах виден гений!

2 <-я> дама. По мне, так сумасшедшие очень счастливы: ни об чем не заботятся, не думают, не грустят, ничего не желают, не боятся.

3 <-й> гость. А почему вы это знаете? Они только не могут помнить и пересказывать своих чувств: от этого их муки еще ужаснее. У них душа не лишается природных способностей, но органы, которые выражали ощущения души, ослабевают, приходят в расстройство от слишком сильного напряжения. В их голове всегдашний хаос; одна только полусветлая мысль неподвижна, вокруг нее вертятся все другие в совершенном беспорядке. Это происходит от мгновенного потрясения всех нерв, всего физического состава, которое, верно, нелегко для человека. Разве бледные щеки, впалые, мутные глаза – признаки счастья? Посмотрите очень близко на картину, и вы ничего не различите, краски сольются перед глазами вашими: так точно люди, которые слишком близко взглянули на жизнь, ничего более не могут в ней разобрать, а если они еще сохраняют в себе что-нибудь от сей жизни, то это одна смутная память о прошедшем. Чувство настоящего и надежда для них не существуют. Такое состояние люди называют сумасшествием – и смеются над его жертвами!

(Между тем многие разошлись.)

2 <-й> гость (другому). А я зеваю!

4 <-й> гость (тихо). К чему это ораторство? Познания свои, что ли, он хочет показать?

5 <-й> гость. (Он молодой человек лет 19<-ти>.) (Подходит к 3 <-му> гостю.) Сделайте милость, нельзя ли вам достать мне что-нибудь из сочинений Арбенина?

3 <-й> гость. С удовольствием, если можно будет. (Входит слуга и подает билет графу, который кончил играть.)

Слуга. От Павла Григорича Арбенина! (Уходит.)

(Все в изумлении.)

Многие (меж собой). Что это значит?..

3<-й> гость. С черною каймой... приглашение на похороны.

Граф. А вот увидим! (Надевает очки и читает вслух.) «Павел Григорьевич Арбенин с душевным прискорбием извещает о кончине сына своего Владимира Павловича Арбенина, последовавшей сего мая 11-го дня пополудни, покорнейше просит пожаловать на вынос тела в собственный дом, мая 13-го дня, пополудни в 10<-м> часу, отпевание в приходской церкви... etc.».

3 <-й> гость (про себя). Каково! Похороны в один день с свадьбой Загорскиной.

Некоторые. Боже мой! Какая жалость!

2 <-я> дама. Бедный отец!

З <-й> гость. Бедный молодой человек! Он мог бы еще вылечиться!

З <-я> дама (к З-му гостю). Не правда ли, какая жалость?

З <-й> гость (в сторону). Теперь жалеют! К погибшим люди справедливы! Но что в этом сожаленье? Одна слеза дружбы стоит всех восклицаний толпы! Но такая слеза едва ли упадет на могилу Арбенина: он оставил угрызения совести в сердцах, где поселить желал любовь!

Одна старуха. Вот, чай, пышные будут похороны: ведь единственный сын!

З <-й> гость (одному из гостей). Мне кажется, что старухи любят говорить о погребениях для того только, чтобы приучиться к мысли: «Скоро и нас потащат в тесную могилу!»

1 <-й> гость. Забудем мертвых: бог с ними!

З <-й> гость. Если все так станут думать, то горе великим людям!

1 <-й> гость. Я надеюсь, ваш Арбенин не великий человек... он был странный человек! Вот всё!

З <-й> гость (пожимает плечами и отходит прочь).

Конец

Маскарад
Драма в 4-х действиях, в стихах

действующие лица
Арбенин, Евгений Александрович.

Нина, жена его.[110]

Князь Звездич.

Баронесса Штраль.

Казарин, Афанасий Павлович.

Шприх, Адам Петрович.

Маска.

Чиновник.

Игроки.

Гости.

Слуги и служанки.

действие первое
Сцена первая
Выход первый
Игроки, князь Звездич, Казарин и Шприх

(За столом мечут банк и понтируют...[111] кругом стоят.)

1-й понтер[112]

Иван Ильич, позвольте мне поставить.

Банкомет[113]

Извольте.

Сто рублей.
Банкомет

Идет.
2-й понтер

Ну, добрый путь.
3-й понтер

Вам надо счастье поправить,
А семпелями плохо...[114]
4-й понтер

Надо гнуть.[115]
3-й понтер

Пусти.
2-й понтер

На все?.. Нет, жжется!
4-й понтер

Послушай, милый друг, кто нынече не гнется,
Ни до чего тот не добьется.
3-й понтер (тихо первому)

Смотри во все глаза.
Князь Звездич

Ва-банк.[116]
2-й понтер

Эй, князь,
Гнев только портит кровь, – играйте не сердясь.
Князь

На этот раз оставьте хоть советы.
Банкомет

Убита.[117]
Князь

Черт возьми.
Банкомет

Позвольте получить.
2-й понтер (насмешливо)

Я вижу, вы в пылу, готовы всё спустить.
Что стоят ваши эполеты?
Князь

Я с честью их достал, – и вам их не купить.
2-й понтер (сквозь зубы, уходя)

Скромней бы надо быть
С таким несчастьем и в ваши леты.
(Князь, выпив стакан лимонаду, садится к стороне и задумывается.)

Шприх (подходит с участием)

Не нужно ль денег, князь.. я тотчас помогу,
Проценты вздорные.. а ждать сто лет могу.
(Князь холодно кланяется и отворачивается, Шприх с неудовольствием уходит.)

Выход второй

(Арбенин входит, кланяется, подходя к столу; потом делает некоторые знаки и отходит с Казариным.)

Арбенин

Ну что, уж ты не мечешь?.. А, Казарин?
Казарин

Смотрю, брат, на других.
А ты, любезнейший, женат, богат, – стал барин,
И позабыл товарищей своих!
Арбенин

Да, я давно уж не был с вами.
Казарин

Делами занят всё?
Арбенин

Любовью... не делами.
Казарин

С женой, по балам.
Арбенин

Нет.
Казарин

Играешь?
Арбенин

Нет... утих!
Но здесь есть новые, кто этот франтик?
Казарин

Шприх!
Адам Петрович!.. Я вас познакомлю разом.
(Шприх подходит и кланяется.)

Вот здесь приятель мой, рекомендую вам,
Арбенин.
Шприх

Я вас знаю.
Арбенин

Помнится, что нам
Встречаться не случилось.
Шприх

По рассказам.
И столько я о вас слышал того, сего,
Что познакомиться давным-давно желаю.
Арбенин

Про вас я не слышал, к несчастью, ничего,
Но многое от вас, конечно, я узнаю.
(Раскланиваются опять. Шприх, скорчив кислую мину, уходит.)

Он мне не нравится... видал я много рож,
А этакой не выдумать нарочно:
Улыбка злобная, глаза.. стеклярус точно,
Взглянуть – не человек, – а с чертом не похож.
Казарин

Эх, братец мой, что вид наружный?

Пусть будет хоть сам черт!.. Да человек он нужный,
Лишь адресуйся – одолжит.
Какой он нации, сказать не знаю смело:
На всех языках говорит,
Верней всего, что жид.
Со всеми он знаком, везде ему есть дело,
Всё помнит, знает всё, в заботе целый век,
Был бит не раз, с безбожником – безбожник,
С святошей – езуит, меж нами – злой картежник,
А с честными людьми – пречестный человек.
Короче, ты его полюбишь, я уверен.

Арбенин

Портрет хорош, – оригинал-то скверен!
Ну, а вон тот высокий и в усах,
И нарумяненный вдобавок?
Конечно, житель модных лавок.
Любезник отставной и был в чужих краях?
Конечно, он герой не в деле
И мастерски стреляет в цель?
Казарин

Почти... он из полка был выгнан за дуэль
Или за то, что не был на дуэли.
Боялся быть убийцей – да и мать
К тому ж строга – потом, лет через пять,
Был вызван он опять
И тут дрался уж в самом деле.
Арбенин

А этот маленький каков?
Растрепанный, с улыбкой откровенной,
С крестом и табакеркою?..
Казарин

Трущов...
О, малый он неоцененный:
Семь лет он в Грузии служил,
Иль послан был с каким-то генералом,
Из-за угла кого-то там хватил,
Пять лет сидел он под началом
И крест на шею получил.
Арбенин

Да вы разборчивы на новые знакомства!
Игроки (кричат)

Казарин, Афанасий Павлович, сюда.
Казарин

Иду.
(С притворным участием)

Пример ужасный вероломства!
Ха, ха, ха, ха!
1-й понтер

Скорей.
Казарин

Какая там беда?
(Живой разговор между игроками, потом успокаиваются. Арбенин замечает князя Звездича и подходит.)

Арбенин

Князь, как вы здесь? Ужель не в первый раз?
Князь (недовольно)

Я то же самое хотел спросить у вас.
Арбенин

Я ваш ответ предупреждаю, пожалуй:
Я здесь давно знаком; и часто здесь, бывало,
Смотрел с волнением немой,
Как колесо вертелось счастья.
Один был вознесен, другой раздавлен им,
Я не завидовал, но и не знал участия:
Видал я много юношей, надежд
И чувства полных, счастливых невежд
В науке жизни... пламенных душой,
Которых прежде цель была одна любовь...
Они погибли быстро предо мною,
И вот мне суждено увидеть это вновь.
Князь (с чувством берет его за руку)

Я проигрался.
Арбенин

Вижу. Что ж? Топиться!..
Князь

О! Я в отчаянье.
Арбенин

Два средства только есть:
Дать клятву за игру вовеки не садиться
Или опять сейчас же сесть.
Но чтобы здесь выигрывать решиться,
Вам надо кинуть всё: родных, друзей и честь,
Вам надо испытать, ощупать беспристрастно
Свои способности и душу: по частям
Их разобрать; привыкнуть ясно
Читать на лицах, чуть знакомых вам,
Все побужденья, мысли; годы
Употребить на упражненье рук,
Всё презирать: закон людей, закон природы,
День думать, ночь играть, от мук не знать свободы,
И чтоб никто не понял ваших мук.
Не трепетать, когда близ вас искусством равный,
Удачи каждый миг постыдный ждать конец
И не краснеть, когда вам скажут явно:
«Подлец!»
(Молчание. Князь едва его слушал и был в волнении.)

Князь

Не знаю, как мне быть, что делать?
Арбенин

Что хотите.
Князь

Быть может, счастье...
Арбенин

О, счастья здесь нет!
Князь

Я всё ведь проиграл!.. Ах, дайте мне совет.
Арбенин

Советов не даю.
Князь

Ну, сяду...

Погодите.
Я сяду вместо вас. Вы молоды, – я был
Неопытен когда-то и моложе,
Как вы заносчив, опрометчив тоже,
И если б...
(останав<ливается>)

кто-нибудь меня остановил...
То...
(Смотрит на него пристально.)

(Переменив тон)

дайте мне на счастье руку смело,
А остальное уж не ваше дело!
(Подходит к столу, ему дают место.)

Не откажите инвалиду,
Хочу я испытать, что скажет мне судьба
И даст ли нынешним поклонникам в обиду
Она старинного раба!
Казарин

Не вытерпел... зажглось ретивое.
(Тихо)

Ну, не ударься в грязь лицом
И докажи им, что такое
Возиться с прежним игроком.
Игроки

Извольте, вам и книги в руки, – вы хозяин,
Мы гости.
1-й понтер (на ухо второму)

Берегись – имей теперь глаза!..
Не по нутру мне этот Ванька-каин, [118]
И притузит он моего туза.
(Игра начинается, все толпятся вокруг стола, иногда разные возгласы, в
продолжение следующего разговора многие мрачно отходят от стола.)

(Шприх отводит на авансцену Казарина.)

Шприх (лукаво)

Столпились в кучку все, кажись, нашла гроза.
Казарин

Задаст он им на месяц страху!
Шприх

Видно,
что мастер.
Казарин

Был.
Шприх

Был, а теперь...
Казарин

Теперь?
Женился и богат, стал человек солидный;
Глядит ягненокком, – а, право, тот же зверь...
Мне скажут: можно отучиться,
Натуру победить. Дурак, кто говорит;

Пусть ангелом и притворится,
Да черт-то всё в душе сидит.
И ты, мой друг, (ударив по плечу) хоть перед ним ребенок,
А и в тебе сидит чертенок.
(Два игрока в живом разговоре подходят.)

1-й игрок

я говорил тебе.

2-й игрок

что делать, брат,
Нашла коса на камень, видно,
Я ль не хитрил, – нет, всех как на подряд.
Подумать стыдно...
Казарин (подходит)

что, господа, иль не под силу? А?

1-й игрок

Арбенин ваш мастак.
Казарин

И, что вы, господа!
(Волнение у стола между игроками.)

3-й понтер

Да этак он загнет, пожалуй, тысяч на сто.

4-й понтер (в сторону)

Обрежется...[119]

5-й понтер

Посмотрим.
Арбенин (встает)

Баста!

(Берет золото и отходит, другие остаются у стола; Казарин и Шприх также у стола.
Арбенин молча берет за руку князя и отдает ему деньги; Арбенин бледен.)

Князь

Ах, никогда мне это не забыть...
Вы жизнь мою спасли...
Арбенин

И деньги ваши тоже.
(Горько)

А право, трудно разрешить,
Которое из этих двух дороже.
Князь

Большую жертву вы мне сделали.
Арбенин

Ничуть.
Я рад был случаю, чтоб кровь привести в волнение,
Тревогою опять наполнить ум и грудь;
Я сел играть – как вы пошли бы на сражение.
Князь

Но проиграться вы могли.
Арбенин

я... нет!.. Те дни блаженные прошли.
Я вижу всё насквозь... все тонкости их знаю,

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru
И вот зачем я нынче не играю.
Князь

Вы избегаете признательность мою.
Арбенин

По чести вам сказать, ее я не терплю.
Ни в чем и никому я не был в жизнь обязан,
И если я кому платил добром,
То всё не потому, чтоб был к нему привязан;
А – просто – видел пользу в том.
Князь

Я вам не верю.
Арбенин

Кто велит вам верить.
Я к этому привык с давнишних пор.
И если бы не лень, то стал бы лицемерить...
Но кончим этот разговор...
(Помолчав)

Рассеяться б и вам и мне не худо.
Ведь нынче праздники и, верно, маскарад
У Энгельгардта...[120]
Князь

Да.
Арбенин

Поедемте?
Князь

Я рад.
Арбенин (в сторону)

В толпе я отдохну.
Князь

Там женщины есть... чудо...
И даже там бывают, говорят...
Арбенин

Пусть говорят, а нам какое дело?
Под маской все чины равны,
У маски ни души, ни званья нет, – есть тело.
И если маскою черты утаены,
То маску с чувств снимают смело.
(Уходят.)

Выход третий
Те же, кроме Арбенина и к<князя> Звездича

1-й игрок

Забастовал он кстати... с ним беда...
2-й игрок

Хотя б опомниться он дал по крайней мере.
Слуга (входит)

Готово ужинать...
Хозяин

Пойдемте, господа,
Шампанское утешит вас в потере.
(Уходят.)

С Арбениным сойтись я хочу...
И даром ужинать желаю.
(Приставив палец ко лбу)

Отужинаю здесь... кой-что еще узнаю
И в маскарад за ними полечу.
(Уходит и рассуждает сам с собою).

Сцена вторая
Маскерад
Выход первый
Маски, Арбенин, потом князь Звездич

(Толпа проходит взад и вперед по сцене; налево канапе.)

Арбенин (входит)

Напрасно я ищу повсюду развлеченья,
Пестреет и жужжит толпа передо мной...
Но сердце холодно и спит воображенье:
Они все чужды мне, и я им всем чужой!
(Князь подходит зевая.)

Вот нынешнее поколение.
И то ль я был в его лета, как погляжу?
Что, князь?.. Не набрели еще на приключенье?
Князь

Как быть, а целый час хожу!
Арбенин

А! Вы желаете, чтоб счастье вас ловило.
Затея новая... пустить бы надо в свет.
Князь

Все маски глупые...
Арбенин

Да маски глупой нет:
Молчит... таинственна, заговорит... так мило.
Вы можете придать ее словам
Улыбку, взор, какие вам угодно...
Вот, например, взгляните там,
Как выступает благородно
Высокая турчанка... как полна,
Как дышит грудь ее и страстно и свободно.
Вы знаете ли, кто она?
Быть может, гордая графиня иль княжна,
Диана в обществе... Венера в маскараде,
И также может быть, что эта же краса
К вам завтра вечером придет на полчаса.
В обоих случаях вы, право, не в накладе.
(Уходит.)

Выход второй
Князь и женская маска

(Одно домино подходит и останавливается; князь стоит в задумчивости.)

Князь

Всё так, – рассказывать легко...
Однако же я всё еще зеваю...
Но вот идет одна... дай господи!
(Одна маска отделяется и ударив его по плечу)

Маска

Я знаю...
Тебя!
Князь

И, видно, очень коротко.
Маска

О чем ты размышлял, – и это мне известно.
Князь

А в этом случае ты счастливей меня.
(Заглядывает под маску.)

Но если не ошибся я,
То ротик у нее прелестный.
Маска

Я нравлюсь тебе, тем хуже.
Князь

Для кого?
Маска

Для одного из нас.
Князь

Не вижу отчего?
Ты предсказанием меня не испугаешь,
И я хоть очень не хитер,
Но узнаю, кто ты...
Маска

Так, стало быть, ты знаешь,
Чем кончится наш разговор?..
Князь

Поговорим и разойдемся.
Маска

Право?
Князь

Налево ты, а я направо...
Маска

Но ежели я здесь нарочно с целью той,
Чтоб видеться и говорить с тобой;
Но если я скажу, что через час ты будешь
Мне клясться, что вовек меня не позабудешь,
Что будешь рад отдать мне жизнь свою в тот миг,
Когда я улечу, как призрак, без названья,
Чтоб услышать из уст моих
Одно лишь слово: до свиданья!..
Князь

Ты маска умная, а тратишь много слов!
Коль знаешь ты меня, скажи, кто я таков?
Маска

Ты! Бесхарактерный, безнравственный, безбожный,
Самолюбивый, злой, но слабый человек;
В тебе одном весь отразился век, [121]
Век нынешний, блестящий, но ничтожный.
Наполнить хочешь жизнь, а бегаешь страстей.
Всё хочешь ты иметь, а жертвовать не знаешь;
Людей без гордости и сердца презираешь,

А сам игрушка тех людей.

О! Знаю я тебя...

Князь

Мне это очень лестно.

Маска

Ты сделал много зла.

Князь

Невольно, может быть.

Маска

Кто знает! Только мне известно,
что женщине тебя не надобно любить.

Князь

Я не ищу любви.

Маска

Искать ты не умеешь.

Князь

Скорей устал искать.

Маска

Но если пред тобой
она появится и скажет вдруг: ты мой!
ужель бесчувственным остаться ты посмеешь?

Князь

Но кто ж она?.. Конечно, идеал.

Маска

Нет, женщина... а дальше что за дело.

Князь

Но покажи ее, пусть явится мне смело.

Маска

Ты хочешь многого – обдумай, что сказал!
(Некоторое молчание.)

Она не требует ни вздохов, ни признанья,
ни слез, ни просьб, ни пламенных речей...

.....

Но клятву дай оставить все старанья
Разведать – кто она... и обо всем

Молчать...

Князь

Клянусь землей и небесами

И честию моей.

Маска

Смотри ж, теперь пойдем!
И помни, шуток нет меж нами.
(Уходят под руки.)

Выход третий

Арбенин и 2 маски

(Арбенин тащит за руку мужскую маску.)

Арбенин

Вы мне вещей наговорили
Таких, сударь, которых честь

Не позволяет перенести...
Вы знаете ль, кто я?..
Маска

Я знаю, кто вы были.
Арбенин

Снимите маску – и сейчас!
Вы поступаете бесчестно.
Маска

К чему! Мое лицо вам так же неизвестно,
Как маска, – и я сам вас вижу в первый раз.
Арбенин

Не верю! Что-то слишком вы меня боитесь,
Сердиться стыдно мне. Вы трус; подите прочь.
Маска

Прощайте же, но берегитесь.
Несчастье с вами будет в эту ночь.
(Исчезает в толпе.)

Арбенин

Постой... пропал... кто ж он? Вот дал мне бог заботу.
Трусливый враг какой-нибудь,
А им ведь у меня нет счету,
Ха, ха, ха, ха! Прощай, приятель, добрый путь...
Выход четвертый
Шприх и Арбенин

(Шприх является.)

(На канаве сидят две женские маски, кто-то подходит и интригует, берет за руку...
одна вырывается и уходит, браслет падает с руки.)

Шприх

Кого вы так безжалостно тащили,
Евгений Александрович?..
Арбенин

Так, шутил
С приятелем.
Шприх

Конечно, подшутили
Вы не на шутку с ним. Он шел и вас бранил.
Арбенин

Кому?
Шприх

Какой-то маске.
Арбенин

Слух завидный
У вас.
Шприх

Я слышу всё и обо всем молчу
И не в свои дела не суюсь...
Арбенин

Это видно.
Так, стало быть, не знаете... ну как не стыдно!
Об этом...

Об чем это-с?..
Арбенин

Да нет, я так, шучу..
Шприх

Скажите..
Арбенин

Говорят, у вас жена красотка..
Шприх

Ну-с, что ж?
Арбенин (переменив тон)

А ездит к вам тот смуглый и в усах!
(Насвистывает песню и уходит.)

Шприх (один)

Чтоб у тебя засохла глотка..
Смеешься надо мной... так будешь сам в рогах.
(Теряется в толпе.)

Выход пятый
1-я маска, одна

(1-я маска входит быстро в волнении и падает на канapé.)

1-я маска

Ах!.. Я едва дышу... он всё бежал за мною,
что если бы он сорвал маску... нет,
Он не узнал меня... да и какой судьбою
Подозревать, что женщина, которой свет
Дивится с завистью, в пылу самозабвенья
К нему на шею кинется, моля
Дать ей два сладкие мгновенья,
Не требуя любви, – но только сожаленья,
И дерзко скажет – я твоя!..
Он этой тайны вечно не узнает..
Пускай... я не хочу... но он желает
На память у меня какой-нибудь предмет,
Кольцо... что делать... риск ужасный!
(Видит на земле браслет и поднимает.)

Вот счастье. Боже мой, потерянный браслет
С эмалью, золотой... отдам ему, прекрасно..
Пусть ищет с ним меня.

Выход шестой

1-я маска и кн<язь> Звездич

(Князь с лорнетом торопливо продирается.)

Князь

Так точно... вот она.
Меж тысячи других теперь ее узнаю.
(Садится на канapé и берет ее за руку.)

О! Ты не убежишь..
Маска

Я вас не убегаю,
Чего хотите вы?
Князь

Вас видеть.
Маска

Мысль смешна!
Я перед вами...
Князь

Это шутка злая!..
Но цель твоя шутить, а цель моя другая...
И если мне небесные черты
Сейчас же не откроешь ты –
То я сорву коварную личину;
Я силюю...
Маска

Поймите же мужчину!..
Вы недовольны... мало вам того,
Что я люблю вас... нет! Вам хочется всего;
Вам надо честь мою на поруганье,
Чтоб, встретившись со мной на бале, на гулянье,
Могли бы вы со смехом рассказать
Друзьям смешное приключение
И, разрешая их сомненье,
Примолвить: вот она... и пальцем указать.
Князь

Я вспомню голос твой.
Маска

Пожалуй – вот уж чудо!
Сто женщин говорят все голосом таким;
Вас пристыдят – лишь адресуйтесь к ним,
И это было бы не худо!
Князь

Но счастье мое неполно.
Маска

А как знать...
Вы, может быть, должны судьбу благословлять
За то, что маску не хочу я снять.
Быть может, я стара, дурна... какую мину
Вы сделали бы мне.
Князь

Ты хочешь испугать,
Но, зная прелестей твоих лишь половину,
Как остальных не отгадать.
Маска (хочет идти)

Прощай навеки!..
Князь

О, еще мгновенье!
Ты ничего на память не оставишь? Нет
В тебе к безумцу сожаленья?
Маска (отойдя два шага)

Вы правы, жаль мне вас – возьмите мой браслет.
(Бросает браслет на пол, пока он его поднимает, она скрывается в толпе.)

Выход седьмой
Князь, потом Арбенин

Князь (Он ищет ее глазами напрасно.)

Я в дураках... есть от чего рассудка

Лишиться...
(Увидев Арбенина)

А!
Арбенин (идет задумчив)

Кто этот злой пророк...
Он должен знать меня... и вряд ли это шутка.
Князь (подходя)

Мне в пользу послужил ваш давишний урок.
Арбенин

Душевно радуюсь.
Князь

Но счастье налетело
Само собой.
Арбенин

Да счастье – вечно так.
Князь

Лишь только я схватил и думал: кончил дело,
Как вдруг
(дует на ладонь)...

Теперь себя могу уверить смело,
Что если всё не сон, так я большой дурак.
Арбенин

Не знаю ничего и потому не спорю.
Князь

Да вы всё шутите, помочь нельзя ли горю?
Я всё вам расскажу
(несколько слов на ухо).

Как я был удивлен!
Плутовка вырвалась – и вот
(показывает браслет)...

как будто сон.
Конец прежалобный.
Арбенин (улыбаясь)

А начали не худо!..
Но покажите-ка... браслет довольно мил,
И где-то я видал такой же... погодите.
Да нет, не может быть... забыл.
Князь

Где отыскать ее...
Арбенин

Любую подцепите;
Здесь много их – искать недалеко!
Князь

Но если не она?
Арбенин

А может быть, легко,
Но что же за беда?.. Вообразите...
Князь

Нет, я ее сыщу на дне морском, браслет
Поможет мне.

Ну, сделаем два тура –
Но ежели она не вовсе дура,
То здесь ее давно простыл и след.
Сцена третья
Выход первый
Евгений Арбенин (входит); слуга

Арбенин

Ну, вот и вечер кончен – как я рад.
Пора хотя на миг забыться,
Весь этот пестрый сброд – весь этот маскарад
Еще в уме моем кружится.
И что же я там делал, не смешно ль!..
Давал любовнику советы,
Догадки поверял, сличал браслеты..
И за других мечтал, как делают поэты..
Ей-богу, мне такая роль
Уж не под леты!
(Слуге)

Что, барыня приехала домой?
Слуга

Нет-с.
Арбенин

А когда же будет?
Слуга

Обещалась
В двенадцатом часу.
Арбенин

Теперь уж час второй, –
Не ночевать же там она осталась!
Слуга

Не знаю-с.
Арбенин

Будто бы? Иди – свечу
Поставь на стол, как будет нужно, я вскричу.
(Слуга уходит; он садится в кресла.)

Выход второй
Арбенин (один)

Бог справедлив! И я теперь едва ли
Не осужден нести печали
За все грехи минувших дней.
Бывало, так меня чужие жены ждали,
Теперь я жду жены своей..
В кругу обманщиц милых я напрасно
И глупо юность погубил;
Любим был часто пламенно и страстно,
И ни одну из них я не любил.
Романа не начав, я знал уже развязку
И для других сердец твердил
Слова любви, как няня сказку.
И тяжело стало мне, и скучно жить!
И кто-то подал мне тогда совет лукавый
Жениться... чтоб иметь святое право
Уж ровно никого на свете не любить;
И я нашел жену, покорное созданье,
Она была прекрасна и нежна,

Как агнец божий на закланье,
Мной к алтарю она приведена...
И вдруг во мне забытый звук проснулся,
Я в душу мертвую свою
Взглянул... и увидал, что я ее люблю;
И, стыдно молвить... ужаснулся!..
Опять мечты, опять любовь
В пустой груди бушуют на просторе;
Изломанный челнок, я снова брошен в море:
Вернусь ли к пристани я вновь?
(Задумывается.)

Выход третий
Арбенин и Нина

(Нина входит на цыпочках и целует <его> в лоб сзади.)

Ах, здравствуй, Нина... наконец!
Давно пора.
Нина

Неужели так поздно?
Арбенин

Я жду тебя уж целый час.
Нина

Серьезно?
Ах, как ты мил!
Арбенин

А думаешь... глупец?
Он ждет себе... а я...
Нина

Ах, мой творец!..
Да ты всегда не в духе, смотришь грозно,
И на тебя ничем не угодишь.
Скучаешь ты со мною розно,
А встретимся, ворчишь!..
Скажи мне просто: Нина,
Кинь свет, я буду жить с тобой
И для тебя; зачем другой мужчина,
Какой-нибудь бездушный и пустой,
Бульварный франт, затянутый в корсете,
С утра до вечера тебя встречает в свете,
А я лишь час какой-нибудь на дню
Могу сказать тебе два слова?
Скажи мне это... я готова,
В деревне молодость свою я схороню,
Оставлю балы, пышность, моду
И эту скучную свободу.
Скажи лишь просто мне, как другу... Но к чему
Меня воображение умчало...
Положим, ты меня и любишь, но так мало,
Что даже не ревнуешь ни к кому!
Арбенин (улыбаясь)

Как быть? я жить привык беспечно,
И ревновать смешно...
Нина

Конечно.
Арбенин

Ты сердисься?
Нина

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru
Нет, я благодарю.
Арбенин

Ты опечалилась.
Нина

Я только говорю,
что ты меня не любишь.
Арбенин

Нина!
Нина

Что вы?
Арбенин

Послушай... нас одной судьбы оковы
Связали навсегда... ошибкой, может быть;
Не мне и не тебе судить.
(Привлекает к себе на колена и целует.)

Ты молода летами и душою,
В огромной книге жизни ты прочла
Один заглавный лист, и пред тобою
Открыто море счастья и зла.
Иди любой дорогой,
Надейся и мечтай – вдали надежды много,
А в прошлом жизнь твоя бела!
Ни сердца своего, ни моего не зная,
Ты отдалась мне – и любишь, верю я,
Но безотчетно, чувствами играя
И резвясь, как дитя.
Но я люблю иначе, я всё видел,
Всё перечувствовал, всё понял, всё узнал,
Любил я часто, чаще ненавидел
И более всего страдал!
Сначала всё хотел, потом всё презирал я,
То сам себя не понимал я,
То мир меня не понимал.
На жизни я своей узнал печать проклятья
И холодно закрыл объятья
Для чувств и счастья земли...
Так годы многие прошли.
О днях, отравленных волненьем
Порочной юности моей,
С каким глубоким отвращеньем
Я мыслю на груди твоей.
Так, прежде я тебе цены не знал, несчастный!
Но скоро черствая кора
С моей души слетела, мир прекрасный
Моим глазам открылся не напрасно,
И я воскрес для жизни и добра.
Но иногда опять какой-то дух враждебный
Меня уносит в бурю прежних дней,
Стирает с памяти моей
Твой светлый взор и голос твой волшебный.
В борьбе с собой, под грузом тяжких дум,
Я молчалив, суров, угрюм.
Боюсь осквернить тебя прикосновеньем,
Боюсь, чтобы тебя не испугал ни стон,
Ни звук, исторгнутый мученьем.
Тогда ты говоришь: меня не любит он!
(Она ласково смотрит на него и проводит рукой по волосам.)

Нина

Ты странный человек!.. Когда красноречиво
Ты про любовь свою рассказываешь мне,

И голова твоя в огне,
И мысль твоя в глазах сияет живо,
Тогда всему я верю без труда,
Но часто...
Арбенин

Часто?..
Нина

Нет, но иногда!..
Арбенин

Я сердцем слишком стар, ты слишком молода,
Но чувствовать могли б мы ровно.
И, помнится, в твои года
Всему я верил безусловно.
Нина

Опять ты недоволен... Боже мой!
Арбенин

О нет... я счастлив, счастлив... я жестокой,
Безумный клеветник; далеко,
Далеко от толпы завистливой и злой
Я счастлив... я с тобой!
Оставим прежнее! Забвенье
Тяжелой, черной старине!
Я вижу, что творец тебя в вознагражденье
С своих небес послал ко мне.
(Целует ее руки и вдруг на одной не видит браслета, останавливается и бледнеет.)

Нина

Ты побледнел, дрожишь... О боже!
Арбенин (вскакивает)

я? ничего! Где твой другой браслет?
Нина

Потерян.
Арбенин

А! Потерян.
Нина

Что же!
Беды великой в этом нет.
Он двадцати пяти рублей, конечно, не дороже.
Арбенин (про себя)

Потерян... Отчего я этим так смущен,
Какое странное мне шепчет подозренья!
Ужель то было только сон,
А это пробужденье!..
Нина

Тебя понять я, право, не могу.
Арбенин (пронзительно на нее смотрит, сложив руки)

Браслет потерян?..
Нина (обида)

Нет, я лгу!
Арбенин (про себя)

Но сходство, сходство!
Нина

Верно, уронила
В карете я его, – велите обыскать;
Конечно б я его не смела взять,
Когда б вообразила...
Выход четвертый
Прежние и слуга

Арбенин (звонит, слуга входит)

(Слуге)

Карету обыщи ты вдоль и поперек,
Потерян там браслет... Избави бог
Тебя вернуться без него.
(Ей)

О чести,
О счастья моем тут речь идет.
(Слуга уходит.) (После паузы, ей)

Но если он и там браслета не найдет?
Нина

Так, стало быть, в другом он месте.
Арбенин

В другом? И где – ты знаешь?
Нина

В первый раз
Так скупы вы и так суровы;
И чтоб скорей утешить вас,
Я завтра ж закажу такой же точно, новый.
(Слуга входит.)

Арбенин

Ну что?... Скорее отвечай...
Слуга

Я перешарил всю карету-с.
Арбенин

И не нашел там!
Слуга

Нету-с.
Арбенин

Я это знал... ступай.
(Значительный взгляд на нее.)

Слуга

Конечно, в маскараде он потерян.
Арбенин

А!.. В маскараде!.. Так вы были там?
Выход пятый
Прежние, кроме слуги

Арбенин (слуге)

Иди.
(Ей)

Что стоило бы вам
Сказать об этом прежде. Я уверен,

Что мне тогда иметь позволили бы честь
Вас проводить туда и вас домой отвезть.
Я б вам не помешал ни строгим наблюденьем,
Ни пошлой нежностью своей...
С кем были вы?

Нина

Спросите у людей;
Они вам скажут всё, и даже с прибавленьем.
Они по пунктам объяснят:
Кто был там, с кем я говорила,
Кому браслет на память подарила.
И вы узнаете всё лучше во сто крат,
Чем если б съездили вы сами в маскарад.
(Смеется.)

Смешно, смешно, ей-богу!
Не стыдно ли, не грех
Из пустяков поднять тревогу.
Арбенин

дай бог, чтоб это был не твой последний смех!
Нина

О, если ваши продолжатся бредни,
То это, верно, не последний.
Арбенин

Кто знает, может быть...
Послушай, Нина!.. Я смешон, конечно,
Тем, что люблю тебя так сильно, бесконечно,
Как только может человек любить.
И что за диво? У других на свете
Надежд и целей миллион,
У одного богатство есть в предмете,
Другой в науки погружен,
Тот добивается чинов, крестов – иль славы,
Тот любит общество, забавы,
Тот странствует, тому игра волнует кровь...
Я странствовал, играл, был ветрен и трудился,
Постиг друзей, коварную любовь,
Чинов я не хотел, а славы не добился,
Богат и без гроша был скукою томим,
Везде я видел зло и, гордый, перед ним
Нигде не преклонился.
Всё, что осталось мне от жизни, это ты:
Созданье слабое, но ангел красоты:
Твоя любовь, улыбка, взор, дыханье...
Я человек: пока они мои,
Без них нет у меня ни счастья, ни души,
Ни чувства, ни существованья!
Но если я обманут... если я
Обманут... если на груди моей змея
Так много дней была согрета – если точно
Я правду отгадал... и, лаской усыплен,
С другим осмеян был заочно!
Послушай, Нина... я рожден
С душой кипучею, как лава:
Покуда не растопится, тверда
Она, как камень... но плоха забава
С ее потоком встретиться! Тогда,
Тогда не ожидай прощенья –
Закона я на месть свою не призову,
Но сам без слез и сожаленья
Две наши жизни разорву!
(Хочет взять ее за руку; она отскакивает в сторону.)

Нина

Не подходи... о, как ты страшен!
Арбенин

Неужели?..
Я страшен? Нет, ты шутишь, я смешон!
Да смейтесь, смейтесь же... Зачем, достигнув цели,
Бледнеть и трепетать? Скорее, где же он,
Любовник пламенный, игрушка маскарада?
Пускай потешится, придет.
Вы дали мне вкусить почти все муки ада,
И этой лишь недостает.
Нина

Так вот какое подозренье!
И этому всему виной один браслет;
Поверьте, ваше поведенье
Не я одна, но осмеет весь свет!
Арбенин

Да! Смейтесь надо мной, вы, все глупцы земные,
Беспечные, но жалкие мужья,
Которых некогда обманывал и я,
Которые меж тем живете, как святые
В раю... увы!.. Но ты, мой рай,
Небесный и земной... прощай!..
Прощай, я знаю всё.
(Ей)

Прочь от меня, гиена!
И думал я, глупец, что, тронута, с тоской,
С раскаяньем во всем передо мной
Она откроется... упавши на колена?
Да, я б смягчился, если б увидал
Одну слезу... одну... нет! Смех был мне ответом.
Нина

Не знаю, кто меня оклеветал,
Но я прощаю вам: я не виновна в этом;
Жалею, хоть помочь вам не могу,
И чтоб утешить вас, конечно, не солгу.
Арбенин

О, замолчи... прошу тебя... довольно..
Нина

Но слушай... я невинна... пусть
Меня накажет бог, послушай..
Арбенин

Наизусть
Я знаю всё, что скажешь ты.
Нина

Мне больно
Твои упреки слушать... я люблю
Тебя, Евгений.
Арбенин

Ну, по чести,
Признание в пору..
Нина

Выслушай, молю;
О боже, но чего ж ты хочешь?
Арбенин

Мести!

Кому ж ты хочешь мстить?
Арбенин

О, час придет,
И, право, мне вы надивитесь.
Нина

Не мне ль... что ж медлишь ты?
Арбенин

Геройство к вам нейдет.
Нина (с презрением)

Кому ж?
Арбенин

Вы за кого боитесь?
Нина

Ужели много ждет меня таких минут?
О, перестань... ты ревностью своею
Меня убьешь... Я не умею
Просить, и ты неумолим... но я и тут
Тебе прощаю.
Арбенин

Лишний труд.
Нина

Однако есть и бог... он не простит.
Арбенин

Жалею!
(Она в слезах уходит.)

(Один.)

Вот женщина!.. О, знаю я давно
Вас всех, все ваши ласки и упреки,
Но жалкое познание мне дано,
И дорого плачу я за уроки!..
И то сказать, за что меня любить?
За то ль, что у меня и вид и голос грозной!
(Подходит к двери жены и слушает.)

Что делает она: смеется, может быть!..
Нет, плачет. (Уходя) Жаль, что поздно!..
Конец первого действия

Действие второе
Сцена первая
Выход первый
(Баронесса сидит на креслах в усталости. Бросает книгу.)

Баронесса

Подумаешь: зачем живем мы? Для того ли,
чтоб вечно угождать на чуждый нрав
И рабствовать всегда! Жорж Занд почти что прав! [122]
Что ныне женщина? Создание без воли,
Игрушка для страстей иль прихотей других!
Имея свет судьей и без защиты в свете,
Она должна таить весь пламень чувств своих
Иль удушить их в полном цвете:
Что женщина? Ее от юности самой
В продажу выгодам, как жертву, убирают,

Винят в любви к себе одной,
Любить других не позволяют.
В груди ее порой бушует страсть,
Боязнь, рассудок, мысли гонит;
И если как-нибудь, забывши света власть,
Она покров с нее уронит,
Предастся чувствам всей душой –
Тогда прости и счастье, и покой!
Свет тут... он тайны знать не хочет! Он по виду,
По платью встретит честность и порок, –
Но не снесет приличиям обиду
И в наказаниях жесток!..
(Хочет читать.)

Нет, не могу читать... меня смутило
Всё это размышление, я боюсь
Его как недруга... и, вспомнив то, что было,
Сама себе еще дивлюсь.
(Входит Нина.)

Выход второй
Нина

Катаюсь я в санях, и мне пришла идея
К тебе заехать, mon amour.[123]
Баронесса

C'est une idée charmante, vous en avez toujours.[124]
(Садятся.)

Ты что-то прежнего бледнее
Сегодня, несмотря на ветер и мороз,
И красные глаза, – конечно, не от слез?
Нина

Я дурно ночь спала и нынче нездорова.
Баронесса

Твой доктор не хорош – возьми другого.
Выход третий
(Входит князь Звездич.)

Баронесса (холодно)

Ах, князь!
Князь

Я был вчера у вас
С известием, что наш пикник расстроен.
Баронесса

Прошу садиться, князь.
Князь

Я спорил лишь сейчас,
Что огорчитесь вы, – но вид ваш так спокоен.
Баронесса

Мне, право, жаль.
Князь

А я так очень рад,
Пикников двадцать я отдам за маскарад.
Нина

Вчера вы были в маскараде?
Князь

Был.

Баронесса

А в каком наряде?

Нина

Там было много...

Князь

Да; и там

Под маской я узнал иных из наших дам.

Конечно, вы охотницы рядиться.

(Смеется.)

Баронесса (горячо)

Я объявить вам, князь, должна,
что эта клевета нимало не смешна.
Как женщине порядочной решиться
Отправиться туда, где всякий сброд,
где всякий ветреник обидит, осмеет;
рискнуть быть узнанной, – вам надобно стыдиться;
Отречься от подобных слов.
Князь

Отречься не могу; стыдиться же – готов.
(Входит чиновник.)

Выход четвертый

Прежние и чиновник

Баронесса

Откуда вы?

Чиновник

Сейчас лишь из правленья,
о деле вашем я пришел поговорить.
Баронесса

Его решили?

Чиновник

Нет, но скоро!.. Может быть,
я помешал...
Баронесса

Ничуть.

(Отходит к окну и говорит.)

Князь (в сторону)

Вот время объясненья!
(Нине)

Я в магазине нынче видел вас.
Нина

В каком же?

Князь

В английском.

Нина

Давно ль?

Князь

Сейчас.

Мне удивительно, что вас я не узнала.
Князь

Вы были заняты...
Нина (скоро)

Браслет я прибирала
(вынимает из ридикюля)

Вот к этому.
Князь

Премиленький браслет.
Но где ж другой?
Нина

Потерян!
Князь

В самом деле?..
Нина

Что ж странного?
Князь

И не секрет,
когда?
Нина

Третьего дни, вчера, на той неделе.
Зачем вам знать, когда.
Князь

Я мысль свою имел,
довольно странную, быть может.
(в сторону)

Смущается она – вопрос ее тревожит!
Ох эти скромницы!
(ей)

Я предложить хотел
свои услуги вам... он может отыскаться.
Нина

Пожалуйста... но где?
Князь

А где ж потерян он?
Нина

Не помню.
Князь

Как-нибудь на бале?
Нина

Может статься.
Князь

Или кому-нибудь на память подарен?
Нина

Откуда вывели такое заключение?
И подарю его кому ж?
Не мужу ль?

Будто в свете только муж –
Приятельниц у вас толпа, в том нет сомненья.
Но пусть потерян он, – а тот,
Который вам его найдет, –
Получит ли от вас какое награждение?
Нина (улыбаясь)

Смотря.
Князь

Но если он
Вас любит, если в вас потерянный свой сон
Он отыскал, – и за улыбку вашу, слово
Не пожалеет ничего земного!
Но если сами вы когда-нибудь
Ему решились намекнуть
О будущем блаженстве – если сами,
Не узнаны, под маскою, его
Ласкали вы любви словами...
О! Но поймите же.
Нина

Из этого всего
Я то лишь поняла, что слишком вы забылись...
И нынче в первый и последний раз
Не говорить со мной прошу покорно вас.
Князь

О боже! я мечтал... ужель вы рассердились?
(Про себя)

Ты отвертелася! Добро... но будет час,
И я своей достигну цели.
(Нина отходит к баронессе.)

(Чиновник раскланивается и уходит.)

Нина

Adieu, ma chère, [125] – до завтра, мне пора.
Баронесса

Да подожди, mon ange, [126] с тобой мы не успели
Сказать двух слов.
(Целуются.)

Нина (уходя)

Я завтра жду тебя с утра.
(Уходит.)

Баронесса

Мне день покажется длинней недели.
Выход пятый
Прежние, кроме Нины и чиновника

Князь (в сторону)

Я отомщу тебе! Вот скромница нашлась,
Пожалуй, я дурак – пожалуй, отречется,
Но я узнал браслет.
Баронесса

Задумалися, князь?
Князь

Да, многое раздумать мне придется.
Баронесса

Как кажется, ваш разговор
Был оживлен – о чем был спор?
Князь

Я утверждал, что встретил в маскараде.
Баронесса

Кого?
Князь

Ее.
Баронесса

Как, Нину?
Князь

Да!..
Я доказал ей.
Баронесса

Без стыда,
Я вижу, вы в глаза людей злословить ради.
Князь

Из странности решаюсь иногда.
Баронесса

Так пощадите хоть заочно!
К тому же доказательств нет.
Князь

Нет... только мне вчера был дан браслет,
И у нее такой же точно.
Баронесса

Вот доказательство... логический ответ!
Такие же есть в каждом магазине!
Князь

Я ныне все изъездил их
И тут уверился, что только два таких.
(После молчания)

Баронесса

Я завтра ж дам совет полезный Нине:
Не доверяться болтунам.
Князь

А мне совет какой?
Баронесса

А вам?
Смелее продолжать с успехом начатое
И дорожить побольше честью дам.
Князь

За два совета вам я благодарен вдвое.
(Уходит.)

Выход шестой
Баронесса

Как честью женщины так ветрено шутить?

Откройся я ему, со мной бы было то же!
Итак, прощайте, князь, не мне вас выводить
Из заблуждения: о нет, избави боже.
Одно лишь странно мне, как я найти могла
Ее браслет, – так! Нина там была –
И вот разгадка всей шарады..
Не знаю отчего, но я его люблю,
Быть может, так, от скуки, от досады,
От ревности... томлюся и горю,
И нету мне ни в чем отрады!
Мне будто слышится и смех толпы пустой,
И шепот злобных сожалений!
Нет, я себя спасу... хотя б на счет другой,
От этого стыда, – хотя б ценой мучений
Пришлось выкупить проступок новый мой!..
(Задумывается.)

Какая цепь ужасных предприятий.
Выход седьмой
Баронесса и Шприх

Шприх (входит, раскланивается)

Баронесса

Ах, Шприх, ты вечно кстати.
Шприх

Помилуйте – я был бы очень рад,
Когда бы мог вам быть полезен.
Покойный ваш супруг..
Баронесса

Всегда ль ты так любезен!
Шприх

Блаженной памяти барон..
Баронесса

Тому назад
Лет пять, я помню.
Шприх

Занял тысяч..
Баронесса

Знаю,
Но я тебе проценты за пять лет
Отдам сегодня же.
Шприх

Мне-с нужды в деньгах нет,
Помилуйте-с, я так, случайно вспоминаю.
Баронесса

Скажи, что нового?
Шприх

У графа одного
Наслушался – сейчас лишь вышел,
Историй в свете тьма.
Баронесса

А ничего
Про князя Звездича с Арбениной не слышал?
Шприх (в недоумении)

Нет... слышал... как же... нет –

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru
Об этом говорил и замолчал уж свет...
(В сторону)

А что, бишь, я не помню, вот ужасно!..
Баронесса

О, если это так уж гласно,
То нечего и говорить.
Шприх

Но я б желал узнать, как вы об этом
Изволите судить.
Баронесса

Они осуждены уж светом;
А впрочем, я б могла их подарить советом –
Сказала бы ему: что женщины ценят
Настойчивость в мужчине,
Хотят, чтоб он сквозь тысячу преград
К своей стремился героине.
А ей бы пожелала я
Поменьше строгости и скромности поболее!
Прощайте, мосье Шприх, обедать ждет меня
Сестра – а то б осталась с вами доле.
(Уходя. В сторону)

Теперь я спасена – полезный мне урок.
Выход осьмой
Шприх (один)

Не беспокойтесь: я понял ваш намек
И не дожуся повторенья!
Какая быстрота ума, соображенья!
Тут есть интрига... да, вмещаюсь в эту связь –
Мне благодарен будет князь.
Я попаду к нему в агенты...
Потом сюда с рапортом прилечу,
И уж авось тогда хоть получу
Я пятилетние проценты.
Сцена вторая
Выход первый
(Кабинет Арбенина.)

Арбенин один, потом слуга

Арбенин

Всё ясно ревности – а доказательств нет!
Боюсь ошибки – а терпеть нет силы.
Оставить так, забыть минутный бред?
Такая жизнь страшней могилы!
Есть люди, я видал, – с душой остылой,
Они блаженствуют и мирно спят в грозу –
То жизнь завидная!
Слуга (входит)

Ждет человек внизу.
Принес он барыне записку от княгини.
Арбенин

Да от какой?
Слуга

Не разобрал-с.
Арбенин

Записка? К Нине!..
(Идет; слуга остается.)

Выход второй
Афанасий Павлович Казарин и слуга

Слуга

Сейчас лишь барин вышел-с, подождите
Немного-с.
Казарин

Хорошо.
Слуга

Я тотчас доложу-с.
(Уходит.)

Казарин

Ждать я готов хоть год, когда хотите,
Мосье Арбенин, и дождусь.
Дела мои преплохи, так, что грустно!
Товарищ нужен мне искусный,
Недурно, если он к тому ж
Великодушен часто, к стати
Имеет тысячи три душ
И покровительство у знати.
Арбенина втянуть опять бы надо мне
В игру; он будет верен старине,
Приятеля он поддержать сумеет
И пред детьми не оробеет.
А эта молодежь
Мне просто – нож!
Толкуй им как угодно,
Не знают ни завесь, ни в пору перестать,
Ни к стати честность показать,
Ни передернуть благородно!
Взгляните-ка, из стариков
Как многие игрой достигли до чинов,
Из грязи
Вошли со знатью в связи,
А всё ведь отчего? – умели сохранять
Приличие во всем, блюсти свои законы,
Держались правил... глядь!..
При них и честь и миллионы!..

Выход третий
Казарин и Шприх

(Входит Шприх.)

Шприх

Ах! Афанасий Павлович, вот чудо.
Ах, как я рад, не думал встретить вас.
Казарин

Я также. Ты с визитом?
Шприх

Да-с.
А вы?
Казарин

Я также!
Шприх

Право? А не худо,
Что мы сошлись, – о деле об одном
Поговорить мне нужно б с вами.

Бывало, ты всё занят был делами,
А делом в первый раз.
Шприх

Воп тот[127] вам ни по чем,
А право, нужное.
Казарин

Мне также очень нужно
С тобой поговорить.
Шприх

Итак, мы сладим дружно.
Казарин

Не знаю... говори!
Шприх

Позвольте лишь спросить;
Вы слышали ль, что ваш приятель
Арбенин...
(Делает пальцами изображение рогов.)

Казарин

что?.. Не может быть.
Ты точно знаешь...
Шприх

Мой создатель!
Я сам улаживал – тому лишь пять минут;
Кому же знать?
Казарин

Бес вечно тут как тут.
Шприх

Вот видите: жена его намедни,
Не помню я, на бале, у обедни
Иль в маскараде встретилась с одним
Князьком – ему она довольно показалась,
И очень скоро князь стал счастлив и любим.
Но вдруг красotka перед ним
От прежнего чуть-чуть не отклепалась.
Взбесился князь – и полетел везде
Рассказывать – того смотри что быть беде!
Меня просили сладить это дело...
Я принялся – и разом всё поспело;
Князь обещал молчать... записку навалял,
Покорный ваш слуга слегка ее поправил
И к месту тотчас же доставил.
Казарин

Смотри, чтоб муж тебе ушей не оборвал.
Шприх

В таких ли я делах бывал,
А обходилось без дуэли...
Казарин

И даже не был бит?
Шприх

У вас всё шутка, смех...
А я всегда скажу, что жизнь без цели
Не должно рисковать.

И в самом деле!
Такую жизнь, бесценную для всех,
Без пользы подвергать великий грех.
Шприх

Но это в сторону – ведь я об важном с вами
Хотел поговорить.
Казарин

Что ж это?
Шприх

Анекдот!
А дело вот в чем.
Казарин

Пропадай с делами,
Арбенин, кажется, идет.
Шприх

Нет никого, – мне привезли недавно
От графа Врути пять борзых собак.
Казарин

Твой анекдот, ей-богу, презабавный.
Шприх

Ваш брат охотник, вот купить бы славно.
Казарин

Итак, Арбенин – как дурак...
Шприх

Послушайте.
Казарин

Попал впросак,
Обманут и осмеян явно!
Женитесь после этого.
Шприх

Ваш брат
Находке этой был бы рад.
Казарин

В женитьбе верность, счастье – всё враки.
Эй, не женися, Шприх.
Шприх

Да я давно женат.
Послушайте, одна особенно вот клад.
Казарин

Жена?
Шприх

Собрака.

Казарин

Вот дались собаки.
Послушай, мой любезный друг,
Не знаю, как жену, – что бог даст, неизвестно,
А ты собак не скоро сбудешь с рук.
(Арбенин входит с письмом, они стояли налево у бюро, и он их не видал.)

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драмы. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru
Задумчив и с письмом; узнать бы интересно.
Выход четвертый
Прежние и Арбенин

Арбенин (не замечая их)

О, благодарность!.. И давно ли я
Спас честь его и будущность, не зная
Почти, кто он таков, – и что же – о! Змея!
Неслыханная низость!.. Он, играя,
Как вор вторгается в мой дом,
Покрыл меня позором и стыдом!..
И я глазам не верил, забывая
Весь горький опыт многих дней.
Я, как дитя, не знающий людей,
Не смел подозревать такого преступленья;
Я думал: вся вина ее... не знает он,
Кто эта женщина... как странный сон,
Забудет он свое ночное приключенье!
Он не забыл, он стал искать и отыскал,
И тут – не мог остановиться..
Вот благодарность!.. Много я видал
На свете, а пришлось еще дивиться.
(Перечитывает письмо.)

«Я вас нашел, но не хотели вы
Признаться». Скромность кстати чрезвычайно.
«Вы правы... что страшней молвы?
Подслушать нас могли б случайно.
Так, не презрение, но страх
Прочел я в ваших пламенных глазах.
Вы тайны любите – и это будет тайной!
Но я скорей умру, чем откажусь от вас».
Шприх

Письмо! Так, так, оно – пропало всё как раз.
Арбенин

Ого! Искусный соблазнитель, – право,
Мне хочется послать ему ответ кровавый.
(Казарину)

А, ты был здесь?
Казарин

Я жду уж целый час.
Шприх (в сторону)

Отправлюсь к баронессе, пусть хлопочет
И рассыпается, как хочет.
(Приближается к двери.)

Выход пятый
Прежние, кроме Шприха

(Шприх уходит незамечен.)

Казарин

Мы с Шприхом... где же Шприх?
Пропал.
(В сторону)

Письмо! Так вот что, понимаю!
(Ему)

Ты в размышленье..
Арбенин

Да, я размышляю.
Казарин

О брэнности надежд и благ земных?
Арбенин

Почти! О благодарности.
Казарин

Есть мненья
Различные на этот счет,
Но что б ни думал этот или тот,
А всё предмет достоин размышленья.
Арбенин

Твое же мнение?
Казарин

Я думаю, мой друг,
Что благодарность – вещь, которая тем боле
Зависит от цены услуг,
Что не всегда добро бывает в нашей воле!
Вот, например, вчера опять
Мне Слукин проиграл почти что тысяч пять,
И я, ей-богу, очень благодарен,
Да вот как: пью ли, ем, иль сплю,
Всё думаю об нем.
Арбенин

Ты шутишь всё, Казарин.
Казарин

Послушай, я тебя люблю
И буду говорить серьезно;
Но сделай милость, брат, оставь ты вид свой
грозный,
И я открою пред тобой
Все таинства премудрости земной.
Мое ты хочешь слышать мненье
О благодарности... изволь: возьми терпенье.
Что ни толкуй Волтер или Декарт –
Мир для меня – колода карт,
Жизнь – банк: рок мечет, я играю,
И правила игры я к людям применяю.
И вот теперь пример
Для поясненья этих правил;
Пусть разом тысячу я на туза поставил:
Так, по предчувствию, – я в картах суевер!
Положим, что случайно, без обману
Он выиграл, – я очень рад;
Но всё никак туза благодарить не стану
И молча загребу свой клад,
И буду гнуть да гнуть, покуда не устану;
А там итоги свел
И карту смятую – под стол!
Теперь – но ты не слушаешь, мой милый?
Арбенин (в размышлении)

Повсюду зло – везде обман,
И я намедни, я, как истукан,
Безмолвно слушал, как всё это было!
Казарин (в сторону)

Задумался.
(Ему)

Теперь мы перейдем

К другому казусу и дело разберем;
Но постепенно, чтоб не сбиться.
Положим, например, в игру или разврат
Ты б захотел опять пуститься,
И тут приятель твой случится
И скажет: «Эй, остерегися, брат»,
И прочие премудрые советы,
Которые не стоят ничего.
И ты случайно, так, слушаешь его;
Ему поклон и многи леты;
И если он тебя от пьянства удержал,
То напои его сейчас без замедленья
И в карты обыграй в обмен за наставленье.
А от игры он спас... так ты ступай на бал,
Влюбись в его жену... иль можешь не влюбиться,
Но оболести ее, чтоб с мужем расплатиться.
В обоих случаях ты будешь прав, дружок,
И только что отдашь уроком за урок.
Арбенин

Ты славный моралист!
(В сторону)

Так, это всем известно..
А, князь... За ваш урок я заплачу вам честно.
Казарин (не обращая внимания)

Последний пункт осталось объяснить:
Ты любишь женщину... ты жертвуешь ей честью,
Богатством, дружбою и жизнью, может быть;
Ты окружил ее забавами и лестью,
Но ей за что тебя благодарить?
Ты это сделал всё из страсти
И самолюбия, отчасти, –
Чтоб ею обладать, пожертвовал ты всё,
А не для счастья ее.
Да, – пораздумай-ка об этом хладнокровно
И скажешь сам, что в мире всё условно.
Арбенин (расстроено)

Да, да, ты прав: что женщине в любви?
Победы новые ей нужны ежедневно.
Пожалуй, плачь, терзайся и моли –
Смешон ей вид и голос твой плачевный,
Ты прав – глупец, кто в женщине одной
Мечтал найти свой рай земной.
Казарин

Ты рассуждаешь очень здраво,
Хотя женат и счастлив.
Арбенин

Право?
Казарин

А разве нет?
Арбенин

О! Счастлив... да..
Казарин

Я очень рад,
Однако ж всё мне жаль, что ты женат!
Арбенин

А что же?
Казарин

Так... я вспоминаю
Про прежде... когда с тобой
Кутили мы, в чью голову – не знаю,
Хоть оба мы ребята с головой!..
Вот было время... Утром отдых, нега, [128]
Воспоминания приятного ночлега...
Потом обед, вино – Рауля честь...
В граненых кубках пенится и блещет,
Беседа шумная, острот не перечесать;
Потом в театр – душа трепещет
При мысли, как с тобой вдвоем из-за кулис
Выманивали мы танцовщиц и актрис...
Не правда ли, что древле
Всё было лучше и дешевле?
Вот пьеса кончилась... и мы летим стрелой
К приятелю... взошли... игра уж в самой силе:
На картах золото насыпано горой;
Тот весь горит... другой
Бледнее, чем мертвец в могиле.
Садимся мы... и загорелся бой!..
Тут, тут сквозь душу переходит
Страстей и ощущений тьма!
И часто мысль гигантская заводит
Пружину пылкого ума...
И если победишь противника уменьем,
Судьбу заставишь пасть к ногам твоим
с смиреньем –
Тогда и сам Наполеон
Тебе покажется и жалок и смешон.
(Арбенин отворачивается.)

Арбенин

О! кто мне возвратит... вас, буйные надежды,
Вас, нестерпимые, но пламенные дни!
За вас отдам я счастье невежды,
Беспечность и покой – не для меня они!..
Мне ль быть супругом и отцом семейства, [129]
Мне ль, мне ль, который испытал
Все сладости порока и злодейства
И перед их лицом ни разу не дрожал?
Прочь, добродетель: я тебя не знаю,
Я был обманут и тобой,
И краткий наш союз отныне разрываю –
Прощай, прощай!..
(Падает на стул и закрывает лицо.)

Казарин

Теперь он мой!..
Сцена третья
Комната у князя

(Дверь в другую растворена.) (Он в другой спит на диване.)

Выход первый
Иван, потом Арбенин

(Слуга смотрит на часы.)

Иван

Седьмой уж час почти в исходе,
А в восемь приказал себя он разбудить.
Он спит по-русски, не по моде,
И я успею в лавочку сходить.
Дверь на замок запрю... оно вернее.
Да... чу... по лестнице идут.

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru
Скажу, что дома нет... и с рук долой скорее.
(Арбенин входит.)

Арбенин

Князь дома?
Слуга

Дома нет-с.
Арбенин

Неправда.
Слуга

Пять минут
Тому назад уехал.
Арбенин (прислушивается)

Лжешь! Он тут
(показывает на кабинет)

И, верно, сладко спит: прислушайся, как дышит.
(В сторону)

Но скоро перестанет.
Слуга (в сторону)

Он всё слышит...
(Ему)

Себя будить мне князь не приказал.
Арбенин

Он любит спать... тем лучше: приведется
И вечно спать.
(Слуге)

Я, кажется, сказал,
что буду ждать, покуда он проснется!..
(Слуга уходит.)

Выход второй
Арбенин (один)

Удобный миг настал!.. Теперь иль никогда.
Теперь я всё свершу, без страха и труда.
Я докажу, что в нашем поколеньи
Есть хоть одна душа, в которой оскорбленьи,
Запав, приносит плод... О! Я не их слуга,
Мне поздно перед ними гнутья...
Когда б, крича, пред них я вызвал бы врага,
Они б смеялись... теперь не засмеются!
О нет, я не таков... позора целый час
На голове своей не потерплю я даром.
(Растворяет дверь.)

Он спит!.. Что видит он во сне в последний раз?
(Страшно улыбаясь)

Я думаю, что он умрет ударом –
Он свесил голову... я крови помогу...
И всё на счет благой природы!
(Входит в комнату.)

(Минуты две, и выходит бледен.)

Не могу!
(Молчание.)

Да! Это свыше сил и воли!..
Я изменил себе, я задрожал,
Впервые во всю жизнь... давно ли
я трус?.. Трус... кто это сказал...
Я сам, и это правда... стыдно, стыдно,
Беги, красней, презренный человек.
Тебя, как и других, к земле прижал наш век,
Ты пред собой лишь хвастался, как видно;
О! Жалко... право, жалко... изнемог
И ты под гнетом просвещения!
Любить... ты не умел... а мщенья
Хотел... пришел и – и не мог!
(Молчание.)

(Садится.)

Я слишком залетел высоко,
Верней избрать я должен путь...
И замысел иной глубоко
Запал в мою измученную грудь.
Так, так, он будет жить... убийство уж не в моде:
Убийц на площадях казнят.
Так!.. В образованном я родился народе;
Язык и золото... вот наш кинжал и яд!
(Берет чернил и записку пишет – берет шляпу.)

Выход третий
Арбенин и баронесса

(Идет в двери, сталкивается с дамой в вуале.)

Дама в вуале

Ах! всё погибло...
Арбенин

Это что?
Дама (вырываясь)

Пустите.
Арбенин

Нет, это не притворный крик
Продажной добродетели.
(Ей строго)

Молчите!
Ни слова, или сей же миг...
Какое подозренье! – отверните
Ваш вуаль, пока мы здесь одне.
Дама

Я не туда зашла, ошиблась.
Арбенин

Да, немного
Ошиблись, кажется и мне,
Но временем, не местом.
Дама

Ради бога,
Пустите, я не знаю вас.
Арбенин

Смущенье странно... вы должны открыться.
Он спит теперь... и может встать сейчас!
Всё знаю я... но убедиться

Хочу...

Дама

Всё знаете!..

(Он откидывает вуаль и отступает в удивлении, потом приходит в себя.)

Арбенин

Благодарю, творец,
что ты позволил мне хоть нынче ошибиться!
Баронесса

О! что я сделала? Теперь всему конец.

Арбенин

Отчаянье теперь некстати –
Невесело, согласен, в час такой,
Наместо пламенных объятий
С холодной встретиться рукой..
И то минутный страх... а нет беды большой.
Я скромненький, рад молчать – благодарите бога,
что это я, а не другой..
Не то была бы в городе тревога.
Баронесса

Ах! Он проснулся, говорит.

Арбенин

В бреду...

Но успокойтесь, я сейчас пойду.
Лишь объясните мне, какую властью
Вот этот купидон – вас вдруг околдовал?
Зачем, когда он сам бесчувствен, как металл,
Все женщины к нему пылают страстью?
Зачем не он у ваших ног с тоской,
С молением, клятвами, слезами?
А... вы... вы здесь одни... вы женщина с душой,
Забывши стыд, пришли ему предаться сами..
Зачем другая женщина, ничем
Не хуже вас, ему отдать готова
Всё: счастье, жизнь, любовь... за взгляд один, за слово?
Зачем... о, я глупец!
(В бешенстве)

Зачем, зачем?

Баронесса (решительно)

Я поняла, об чем вы говорите... Знаю,

что вы пришли...

Арбенин

Как! Кто ж вам рассказал!..

(Опомнившись)

А что вы знаете?..

Баронесса

О, я вас умоляю,

простите мне...

Арбенин

я вас не обвинял,
Напротив, радуюсь приятельскому счастью,
Баронесса

Ослеплена была я страстью;

Во всем виновна я, но слушайте...

Арбенин

К чему?

Мне, право, всё равно... я враг морали строгой,
Баронесса

Но если бы не я, то не бывать письму,
Ни...
Арбенин

А! Уж это слишком много!..
Письмо!.. Какое?.. А! Так это вы тогда!
Вы их свели... учили их... давно ли
Взялись вы за такие роли?
Что вас понудило?.. Сюда
Приводите вы ваших жертв невинных,
Иль молодежь приходит к вам?
Да, – признаюсь!.. Вы клад в гостиных,
И я уж не дивлюсь разврату наших дам!..
Баронесса

О! Боже мой...
Арбенин

я говорю без лести...
А сколько платят вам все эти господа?
Баронесса (упадает в кресла)

Но вы бесчеловечны.
Арбенин

Да,
Ошибся, виноват, вы служите из чести!
(Хочет идти.)

Баронесса

О, я лишусь ума... стойте! Он идет,
Не слушает... о, я умру...
Арбенин

Что ж! Продолжайте.
Вас это к славе поведет...
Теперь меня не бойтесь, и прощайте...
Но боже сохрани нам встретиться вперед...
Вы взяли у меня всё, всё на свете.
Я стану вас преследовать всегда,
Везде... на улице, в уединенье, в свете;
И если мы столкнемся... то беда!
Я б вас убил... но смерть была б награда,
Которую сберечь я должен для другой.
Вы видите, я добр... взамен терзаний ада
Вам оставляю рай земной.
(Уходит.)

Выход четвертый
Баронесса, одна

Баронесса (вслед ему)

Послушайте – клянусь... то был обман... она
Невинна... и браслет!.. Всё я... всё я одна...
Ушел, не слышит, что мне делать! Всюду
Отчаянье... нет нужды... я хочу
Его спасти во что бы то ни стало, – буду,
Просить и унижаться; обличу
Себя в обмане, преступенье!
Он встал... идет... решусь, о, мученье!..
Выход пятый

Князь (в другой комнате)

Иван! Кто там... я слышал голоса!
Какой народ! Нельзя уснуть и полчаса!
(Входит.)

Ба, это что за посещение!
Красавица! Я очень рад!
(Узнает и отскакивает.)

Ах, баронесса! Нет... невероятно.
Баронесса

Что отскочили вы назад?
(Слабым голосом)

Вы удивляетесь?
Князь (смущенно)

Конечно, мне приятно...
Но счастья такого я не ждал.
Баронесса

И было б странно, если б ожидали.
Князь

О чем я думал? О, когда б я знал...
Баронесса

Вы всё бы знать могли и ничего не знали.
Князь

Свою вину загладить я готов;
С покорностью приму какое наказание
Хотите... я был слеп и нем; мое незнание
Проступок... и теперь не нахожу я слов...
(Берет ее за руку.)

Но ваши руки... лед! В лице у вас страдание!
Ужель сомнительны для вас слова мои?
Баронесса

Вы ошибаетесь!.. Не требовать любви
И не выпрашивать признания
Решилась я приехать к вам.
Забуть и стыд и страх, всё свойственное нам.
Нет, то обязанность святая:
Былая жизнь моя прошла,
И жизнь уж ждет меня иная;
Но я была причиной зла,
И, свет навеки покидая,
Теперь всё прежнее загладить я пришла!
Я перенести свой стыд готова,
Я не спасла себя... спасу другого.
Князь

Что это значит?
Баронесса

Не мешайте мне!
Мне много стоило усилий,
Чтоб говорить решиться... вы одне,
Не ведая того, причиной были
Моих страданий... несмотря на то,
Я вас должна спасти... зачем? За что?
Не знаю... вы не заслужили

Всех этих жертв... вы не могли любить,
Понять меня... и даже, может быть,
Я б этого и не желала...
Но слушайте!.. Сегодня я узнала,
Как? Это всё равно... что вы
К жене Арбенина вчера неосторожно
Писали... по словам молвы,
Она вас любит – это ложно, ложно!
Не верьте – ради неба... эта мысль одна...
Нас всех погубит – всех! Она
Не знает ничего... но муж... читал... ужасен
В любви и ненависти он –
Он был уж здесь... он вас убьет... он приучен
К злодейству... вы так молоды.
Князь

Ваш страх напрасен!..
Арбенин в свете жил, – и слишком он умен,
Чтобы решиться на огласку;
И сделать, наконец, без цели и нужды,
В пустой комедии – кровавую развязку.
А рассердился он, – и в этом нет беды:
Возьмут Лепажу пистолеты, [130]
Отмерят тридцать два шага,
И право, эти эполеты
Я заслужил не бегством от врага.
Баронесса

Но если ваша жизнь кому-нибудь дороже,
Чем вам... и связь у ней есть с жизнью другой,
Но если вас убьют – убьют!.. О боже!
И я всему виной.
Князь

Вы?
Баронесса

Пощадите.
Князь (подумав)

Я обязан драться;
Я виноват пред ним – его я тронул честь,
Хотя не знал того; но оправдаться
Нет средства.
Баронесса

Средство есть.
Князь

Солгать? Не это ли? Другое мне найдите,
Я лгать не стану, жизнь свою храня,
И тотчас же пойду.
Баронесса

Минуту!.. Не ходите.
И слушайте меня.
(Берет его за руку.)

Вы все обмануты!.. Та маска
(облокачивается на стол, упавая)

это я!..
Князь

Как вы? О провиденье!
(Молчание.)

Но Шприх!.. Он говорил... он виноват во всем...

Минутное то было заблужденье,
Безумство страшное – теперь я каюсь в нем!
Оно прошло – забудьте обо всем,
Отдайте ей браслет – он был найден случайно
Какой-то чудною судьбой;
И обещайте мне, что это тайной
Останется... мне будет бог судьей.
Вас он простит... меня простить не в вашей воле!
Я удаляюсь... думаю, что боле
Мы не увидимся.
(Подойдя к двери, видит, что он хочет броситься за ней.)

Не следуйте за мной.
(Уходит.)

Выход шестой
Князь, один

Князь (после долгого размышления)

Я, право, думать что, не знаю,
И только мог понять из этого всего,
Что случай счастливый, как школьник, пропускаю,
Не сделав ничего.
(Подходит к столу.)

Ну вот еще: записка... от кого?
Арбенин... читаю!..
«Любезный князь!.. Приезжай сегодня к N. вечером; там будет много... и мы весело
проведем время... я не хотел разбудить тебя, а то ты бы дремал целый вечер –
прощай. Жду непременно; твой искренний

Евгений Арбенин».
Ну, право, глаз особый нужен,
Чтоб в этом увидеть картель. [131]
Где слыхано, чтоб звать на ужин
Пред тем, чтоб вызвать на дуэль?
Сцена четвертая
(Комната у N.)

Выход первый
(Казарин, хозяин и Арбенин, садятся играть.)

Казарин

Так в самом деле, ты причуды все оставил,
Которыми гордится свет,
И в прежний путь шаги свои направил!..
Мысль превосходная... ты должен быть поэт,
И, сверх того, по всем приметам гений,
Теснит тебя домашний круг,
Дай руку, милый друг,
Ты наш.
Арбенин

Я ваш! Былого нет и тени.
Казарин

Приятно видеть, ей-же-ей,
Как люди умные на вещи смотрят ныне;
Приличия для них ужаснее цепей...
Не правда ль, что со мной ты будешь в половине?
Хозяин

А князя надо пощипать слегка.
Казарин

Да... да.
(В сторону)

Забавна будет стычка.
Хозяин

Посмотрим. Транспорт!..
(Слышен шум.)

Арбенин

Это он.
Казарин

Рука
Твоя дрожит?..
Арбенин

О ничего! – отвычка!
(Князь входит.)

Выход второй
Прежние и князь

Хозяин

Ах, князь! Я очень рад – прошу-ка без чинов;
Снимите саблю и садитесь,
У нас ужасный бой.
Князь

О! Я смотреть готов.
Арбенин

А всё играть с тех пор еще боитесь?
Князь

Нет, с вами, право, не боюсь.
(В сторону)

По светским правилам, я мужу угождаю,
А за женою волочусь..
Лишь выиграть бы там, – а здесь пусть проиграю!..
(Садится.)

Арбенин

Я нынче был у вас.
Князь

Записку я читал
И, видите, послушен.
Арбенин

На пороге
Мне кто-то встретился в смущенье и тревоге.
Князь

И вы узнали?
Арбенин (смеясь)

Кажется, узнал!
Князь, оболъститель вы опасный,
Всё понял я, всё отгадал..
Князь (в сторону)

Он ничего не понял – это ясно.

Арбенин

я не хотел бы, чтоб жена моя
Вам приглянулась.
Князь (рассеянно)

Почему же?
Арбенин

Так, – добродетелью, которой ищут в муже
Любовники, – не обладаю я.
(В сторону)

Он не смущается ничем... о, я разрушу
Твой сладкий мир, глупец, и яду подолью.
И если бы ты мог на карту бросить душу,
То я против твоей – поставил бы свою.
(Играют, Арбенин мечет.)

Казарин

я ставлю пятьдесят рублей.
Князь

я тоже.
Арбенин

я расскажу вам анекдот,
который слышал я, как был моложе;
Он нынче у меня из головы нейдет.
Вот видите: один какой-то барин,
Женатый человек, – твоя взяла, Казарин, –
Женатый человек, на верность положась
Своей жене, дремал в забвенье сладком, –
Внимательны вы что-то слишком, князь,
И проиграетесь порядком.
Муж добрый был любим, шел мирно день за днем,
И к довершенью благ, беспечному супругу
Был дан приятель... важную услугу
Ему он оказал когда-то – и притом
Нашел, казалось, честь и совесть в нем.
И что ж? Мне неизвестно,
Какой судьбой, – но муж узнал,
что благодарный друг, должник уж слишком честный,
Жене его свои услуги предлагал.
Князь

что ж сделал муж?
Арбенин (будто не слышал вопроса)

Князь, вы игру забыли.
Вы гнете не глядя.
(Взглянув на него пристально)

А любопытно вам
Узнать, что сделал муж?.. Придрался к пустякам
И дал пощечину... вы как бы поступили,
Князь?
Князь

я бы сделал то же. Ну, а там
Стрелялись?
Арбенин

Нет.
Казарин

Рубились?
Арбенин

Нет, нет.
Казарин

Так помирились?
Арбенин (горько улыбаясь)

О нет.
Князь

Так что же сделал он?
Арбенин

Остался отомщен
И обольстителя с пощечиной оставил.
Князь (смеется)

Да это вовсе против правил.
Арбенин

В каком указе есть
Закон иль правило на ненависть и месть.
(Играют. Молчание.)

<Князь>

Взяла... взяла.
Арбенин (вставая)

Постойте, карту эту
Вы подменили.
Князь

я! Послушайте...
Арбенин

Конец
Игре... приличий тут уж нету.
Вы
(задыхаясь)

шулер и подлец.
Князь

я? я?
Арбенин

Подлец, и я вас здесь отмечу,
Чтоб каждый почитал обидой с вами встречу.
(Бросает ему карты в лицо. Князь так поражен, что не знает, что делать.)

(Понизив голос)

Теперь мы квиты.
Казарин

Что с тобой?
(Хозяину)

Он помешался в самом лучшем месте.
Тот горячился уж, спустил бы тысяч двести.
Князь (опомнясь, вскакивает)

Сейчас, за мной, за мной –
Кровь! Ваша кровь лишь смоем оскорбленье!

Стреляться? С вами? Мне? Вы в заблуждение.
Князь

Вы трус.
(Хочет броситься на него.)

Арбенин (грозно)

Пускай! Но подступать
Вам не советую – ни даже здесь остаться!
Я трус – да вам не испугать
И труса.
Князь

О, я вас заставлю драться!
Я расскажу везде, поступок ваш каков,
Что вы, – не я подлец...
Арбенин

На это я готов.
Князь (подходя ближе)

Я расскажу, что с вашею женою –
О, берегитесь!.. Вспомните браслет...
Арбенин

За это вы наказаны уж мною...
Князь

О, бешенство... да где я? Целый свет
Против меня – я вас убью!..
Арбенин

И в этом
Вы властны – даже я вас подарю советом
Скорей меня убить... а то, пожалуй, в вас
Остынет храбрость через час.
Князь

О, где ты, честь моя!.. Отдайте это слово,
Отдайте мне его – и я у ваших ног,
Да в вас нет ничего святого,
Вы человек иль демон?
Арбенин

Я? – игрок!
Князь (упадая и закрывая лицо)

Честь, честь моя!..
Арбенин

Да, честь не возвратится.
Преграда рушена между добром и злом.
И от тебя весь свет с презреньем отвертится.
Отныне ты пойдешь отверженца путем,
Кровавых слез познаешь сладость,
И счастье ближних будет в тягость
Твоей душе, и мыслить об одном
Ты будешь день и ночь, и постепенно чувства
Любви, прекрасного погаснут и умрут,
И счастья не отдаст тебе ничье искусство!
Все шумные друзья как листья отпадут
От сгнившей ветви; и краснея,
Закрыв лицо, в толпе ты будешь проходить,
И будет больше стыд тебя томить,
Чем преступление – злодея!

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru
Теперь прощай...
(уходя)

желаю долго жить.
(Уходит.)

Конец второго действия

Действие третье
Сцена первая
(Бал.)

Выход первый
Хозяйка

Я баронессу жду, не знаю:
Приедет ли, – мне, право, было б жаль
За вас.
1-й гость

Я вас не понимаю.
2-й гость

Вы ждете баронессу Штраль?
Она уехала!..
Многие

Куда? Зачем – давно ли?
2-й гость

В деревню, нынче утром.
Дама

Боже мой!..
Каким же случаем? ужель из доброй воли?
2-й гость

Фантазия! – романы!.. Хоть рукой
Махни!
(Расходятся, другая группа мужчин.)

3-й гость

Вы знаете, князь Звездич проигрался.
4-й гость

Напротив, выиграл – да, видно, не путем,
И получил пощечину.
5-й гость

Стрелялся?
4-й гость

Нет, не хотел.
3-й гость

Каким же подлецом
Он показал себя!..
5-й гость

Отныне незнаком
Я больше с ним.
6-й гость

И я! – какой поступок скверный.
4-й гость

Он будет здесь?

Нет, не решится, верно.
4-й гость

Вот он!
(Князь подходит, ему едва кланяются.)

(Все отходят, кроме 5-го и 6-го гостя.)

(Потом и они отходят. Нина садится на диване.)

Князь

Теперь мы с ней от всех удалены,
Не будет случая другого.
(Ей)

Я должен вам сказать два слова,
И выслушать вы их должны.
Нина

Должна?
Князь

Для вашего же счастья.
Нина

Какое странное участие.
Князь

Да, странно, потому, что вы виной
Моей гибели... но мне вас жаль, я вижу,
Что поражен я тою же рукой,
Которая убьет вас; не унижу
Себя ничтожной мстью никогда –
Но слушайте и будьте осторожны:
Ваш муж злодей, бездушный и безбожный,
И я предчувствую, что вам грозит беда.
Прощайте же навек, злодей не обнаружен,
И наказать его теперь я не могу, –
Но день придет, – я подожду...
Возьмите ваш браслет, он больше мне не нужен.
(Арбенин смотрит на них издали.)

Нина

Князь, вы сошли с ума, – на вас
Теперь сердиться было б стыдно.
Князь

Прощайте навсегда – прошу в последний раз...
Нина

Куда ж вы едете, далеко очень, видно;
Конечно, не в луну?
Князь

Нет, ближе, на Кавказ
(уходя).

Хозяйка (иным)

Почти все съехались, и здесь нам будет тесно,
Прошу вас в залу, господа,
Mesdames, пожалуйста туда.
(Уходят.)

Выход второй

Арбенин (один, про себя)

Я сомневался? Я? А это всем известно;
Намеки колкие со всех сторон
Преследуют меня... я жалок им, смешон!
И где плоды моих усилий?
И где та власть, с которою порой
Казнил толпу я словом, остротой?..
Две женщины ее убили!
Одна из них... О, я ее люблю,
Люблю – и так неистово обманут..
Нет, людям я ее не уступлю..
И нас судить они не станут..
Я сам свершу свой страшный суд..
Я казнь ей отыщу – моя ж пусть будет тут.
(Показывает на сердце.)

Она умрет, жить вместе с нею доле
Я не могу... Жить розно?
(Как бы испугавшись себя)

Решено:

Она умрет – я прежней твердой воле
Не изменю! Ей, видно, суждено
Во цвете лет погибнуть, быть любимой
Таким, как я, злодеем и любить
Другого... это ясно!.. Как же можно жить
Ей после этого... ты, бог незримый,
Но бог всевидящий, возьми ее, возьми;
Как свой залог тебе ее вручаю –
Прости ее, благослови –
Но я не бог и не прощаю!..
(Слышны звуки музыки.)

(Ходит по комнате, вдруг останавливается.)

Тому назад лет десять я вступал
Еще на поприще разврата;
Раз, в ночь одну, я всё до капли проиграл,
Тогда я знал уж цену злата,
Но цену жизни я не знал;
Я был в отчаянье – ушел и яду
Купил – и возвратился вновь
К игорному столу – в груди кипела кровь.
В одной руке держал я лимонаду
Стакан – в другой – четверку пик.
Последний рубль в кармане дождался
С заветным порошком – риск, право, был велик;
Но счастье вынесло – и в час я отыгрался!
С тех пор хранил я этот порошок,
Среди волнений жизни трудной,
Как талисман таинственный и чудный,
Хранил на черный день, и день тот недалек.
(Уходит быстро.)

Выход третий

Хозяйка, Нина, несколько дам и кавалеров

(Во время последних строк входят.)

Хозяйка

Не худо бы немного отдохнуть.
Дама (другой)

Так жарко здесь, что я растаю.
Петков

Настасья Павловна споеет нам что-нибудь.
Нина

Романсов новых, право, я не знаю,
А старые наскучили самой.
Дама

Ах, в самом деле, спой же, Нина, спой.
Хозяйка

Ты так мила, что, верно, не заставишь
Себя просить напрасно целый час.
Нина (садясь за пиано)

Но слушать со вниманьем мой приказ,
Хоть этим наказаньем вас
Авось исправишь!
(Поет.)

«Когда печаль слезой невольной
Промчится по глазам твоим,
Мне видеть и понять не больно,
Что ты несчастлива с другим.

*

Незримый червь незримо гложет
Жизнь беззащитную твою,
И что ж? Я рад, что он не может
Тебя любить, как я люблю.

*

Но если счастье случайно
Блеснет в лучах твоих очей,
Тогда я мучусь горько, тайно
И целый ад в груди моей».
Выход четвертый
Прежние и Арбенин

(В конце 3-го куплета муж входит и облакачивается на фортепиано. Она, увидев, останавливается.)

Арбенин

Что ж, продолжайте.
Нина

Я конец совсем
Забыла.
Арбенин

Если вам угодно,
То я напомню.
Нина (в смущении)

Нет, зачем?
(В сторону, хозяйке)

Мне нездоровится.
(Встает.)

Гости (другому)

Во всякой песне модной
Всегда слова такие есть,
Которых женщина не может произнести.
2-й гость

К тому же слишком прям и наш язык природный
И к женским прихотям доселе не привык. [132]

Вы правы; как дикарь, свободе лишь послушный,
Не гнется гордый наш язык,
Зато уж мы как гнемся добродушно.

(Подают мороженое. Гости расходятся к другому концу залы и по одному уходят в другие комнаты, так что наконец Арбенин и Нина остаются вдвоем. Незнакомый показывается в глубине театра.)

Нина (хозяйке)

Там жарко, отдохнуть я сяду в стороне! (Мужу)
Мой ангел, принеси мороженого мне.

(Арбенин вздрагивает и идет за мороженым; возвращается и всыпает яд.)

Арбенин (в сторону)

Смерть, помоги.
Нина (ему)

Мне что-то грустно, скучно;
Конечно, ждет меня беда.
Арбенин (в сторону)

Предчувствиям я верю иногда.
(Подавая)

Возьми, от скуки вот лекарство.
Нина

Да, это прохладит.
(Ест.)

Арбенин

О, как не прохладить?
Нина

Здесь ныне скучно.
Арбенин

Как же быть?
Чтоб не скучать с людьми – то надо приучить
Себя смотреть на глупость и коварство!
Вот всё, на чем вертится свет! [133]
Нина

Ты прав! Ужасно!..
Арбенин

Да, ужасно!
Нина

Душ непорочных нету..
Арбенин

Нет.
Я думал, что нашел одну, и то напрасно.
Нина

Что говоришь ты?
Арбенин

Я сказал,
Что в свете лишь одну такую отыскал я.
Тебя.
Нина

Ты бледен.

Арбенин

Много танцевал.

Нина

Опомнись, mon ami! [134] Ты с места не вставал.

Арбенин

Так, верно, потому, что мало танцевал я!

Нина (отдает пустое блюдечко)

Возьми, поставь на стол.

Арбенин (берет)

Всё, всё!

Ни капли не оставить мне! Жестоко!

(В размышлении)

Шаг сделан роковой, назад идти далеко,

Но пусть никто не гибнет за нее.

(Бросает блюдечко об землю и разбивает.)

Нина

Как ты неловок.

Арбенин

Ничего, я болен;

Поедем поскорей домой.

Нина

Поедем, но скажи мне, милый мой:

Ты нынче пасмурен! Ты мною недоволен?

Арбенин

Нет, нынче я доволен был тобой.

(Уходят.)

Неизвестный (оставшись один)

Я чуть не сжалился, – и было тут мгновенье,

Когда хотел я броситься вперед...

(Задумывается.)

Нет, пусть свершается судьбы определенье,

А действовать потом настанет мой черед.

(Уходит.)

Сцена вторая

Выход первый

Спальня Арбенина

(Входит Нина, за ней служанка.)

Служанка

Сударыня, вы что-то бледны стали.

Нина (снимая серьги)

Я нездорова.

Служанка

Вы устали.

Нина (в сторону)

Мой муж меня пугает, отчего,

Не знаю! Он молчит, и странен взгляд его.

Мне что-то дурно; верно, от корсета, –
Скажи, к лицу была сегодня я одета?
(Идет к зеркалу.)

Ты права, я бледна, как смерть бледна;
Но в Петербурге кто не бледен, право!
Одна лишь старая княжна,
И то – румяны! Свет лукавый!
(Снимает букли и завертывает косу.)

Брось где-нибудь и дай мне шаль.
(Садится в креслы.)

Как новый вальс хорош! В каком-то упоенье
Кружилась я быстрее – и чудное стремленье
Меня и мысль мою невольно мчало вдаль,
И сердце сжалось; не то чтобы печаль,
Не то чтоб радость, – Саша, дай мне книжку:
Как этот князь мне надоел опять –
А, право, жаль безумного мальчишку!
Что говорил он тут... злодей, и наказать...
Кавказ... беда... вот бред.
Служанка

Прикажете убрать?
(показывая на наряды.)

Нина

Оставь.
(Погружается в задумчивость.)

(Арбенин показывается в дверях.)

Служанка

Прикажете идти?
Арбенин (служанке тихо)

Ступай.
(Служанка не уходит.)

Иди же.
(Уходит. Он запирает дверь.)

Выход второй
Арбенин и Нина

Арбенин

она тебе уж больше не нужна.
Нина

Ты здесь?
Арбенин

я здесь!
Нина

я, кажется, больна
и голова в огне, – поди сюда поближе,
дай руку – чувствуешь, как вся горит она?
зачем я там мороженое ела,
я, верно, простудилась тогда –
не правда ли?
Арбенин (рассеянно)

Мороженое? Да...
Нина

Мой милый! Я с тобой поговорить хотела!
Ты изменился с некоторых пор,
Уж прежних ласк я от тебя не вижу,
Отрывист голос твой, и холоден твой взор.
И всё за маскарад – о, я их ненавижу;
Я заклалася в них не ездить никогда.
Арбенин (в сторону)

Не мудрено! Теперь без них уж можно!
Нина

Что значит поступить хоть раз неосторожно.
Арбенин

Неосторожно! О!
Нина

И в этом вся беда.
Арбенин

Обдумать всё заране надо было,
Нина

О, если бы я нрав заране знала твой,
То верно б не была твоей женой;
Терзать тебя, страдать самой –
Как это весело и мило!
Арбенин

И то: к чему тебе моя любовь!
Нина

Какая тут любовь? На что мне жизнь такая?
Арбенин (садится возле нее)

Ты права! Что такое жизнь? – жизнь вещь пустая.
Покуда в сердце быстро льется кровь,
Всё в мире нам и радость и отрада.
Пройдут года желаний и страстей,
И всё вокруг темней, темней!
Что жизнь? Давно известная шарада
Для упражнения детей;
Где первое – рожденье! Где второе –
Ужасный ряд забот и муки тайных ран,
Где смерть – последнее, а целое – обман!
Нина (показывая на грудь)

Здесь что-то жжет.
Арбенин (продолжая)

Пройдет! Пустое!
Молчи и слушай: я сказал,
Что жизнь лишь дорога, пока она прекрасна,
А долго ль!.. Жизнь, как бал, –
Кружишься – весело, кругом всё светло, ясно...
Вернулся лишь домой, наряд измятый снял –
И всё забыл, и только что устал.
Но в юных летах лучше с ней проститься,
Пока душа привычкой не сроднится
С ее бездушной пустотой;
Мгновенно в мир перелететь другой,
Покуда ум былым еще не тяготится,
Покуда с смертью легка еще борьба –
Но это счастье не всем дает судьба.

Нина

О нет, я жить хочу.
Арбенин

К чему?
Нина

Евгений,
я мучусь, я больна.
Арбенин

А мало ли мучений,
которые сильнее, ужаснее твоих.
Нина

Пошли за доктором.
Арбенин

Жизнь – вечность, смерть – лишь миг!
Нина

Но я – я жить хочу.
Арбенин

И сколько утешений
Там мучеников ждет.
Нина (в испуге)

Но я молю:
Пошли за доктором скорее.
Арбенин (встает, холодно)

Не пошлю.
Нина (после молчания)

Конечно шутишь ты – но так шутить безбожно:
я умереть могу – пошли скорей.
Арбенин

Что ж? Разве умереть вам невозможно
Без доктора?
Нина

Но ты злодей,
Евгений, – я жена твоя.
Арбенин

Да! Знаю, знаю!
Нина

О, сжался! Пламень разлился
В моей груди, я умираю.
Арбенин

Так скоро? Нет еще.
(Смотрит на часы.)

Осталось полчаса.
Нина

О, ты меня не любишь.
Арбенин

А за что же
Тебя любить – за то ль, что целый ад
Мне в грудь ты бросила? О нет, я рад, я рад
Твоим страданиям; боже, боже!

И ты, ты смеешь требовать любви!
А мало я любил тебя, скажи?
А этой нежности ты знала ль цену?
А много ли хотел я от любви твоей?
Улыбку нежную, приветный взгляд очей –
И что ж нашел: коварство и измену.
Возможно ли! Меня продать! –
Меня за поцелуй глупца... меня, который
По слову первому был душу рад отдать,
Мне изменить? Мне? И так скоро!..
Нина

О, если бы вину свою сама
Я знала, – то..
Арбенин

Молчи, иль я сойду с ума!
Когда же эти муки перестанут!
Нина

Браслет мой – князь нашел, – потом
Каким-нибудь клеветником
Ты был обманут.
Арбенин

Так, я был обманут!
Довольно, я ошибся!.. Возмечтал,
Что я могу быть счастлив... думал снова
Любить и веровать... но час судьбы настал,
И всё прошло, как бред больного!
Быть может, я б успел небесные мечты
Осуществить, предавшись надежде,
И в сердце б оживил всё, что цвело в нем прежде, –
Ты не хотела, ты!
Плачь! Плачь – но что такое, Нина,
Что слезы женские? Вода!
Я ж плакал! Я, мужчина!
От злобы, ревности, мученья и стыда
Я плакал – да!
А ты не знаешь, что такое значит,
Когда мужчина – плачет!
О! В этот миг к нему не подходи:
Смерть у него в руках – и ад в его груди.
Нина (в слезах упадает на колени и поднимает руки к небу)

Творец небесный, пощади!
Не слышит он, но ты всё слышишь – ты всё знаешь,
И ты меня, всемогущий, оправдаешь!
Арбенин

Остановись – хоть перед ним не лги!
Нина

Нет, я не лгу – я не нарушу
Его святыни ложною мольбой,
Ему я предаю страдальческую душу;
Он, твой судья, защитник будет мой.
Арбенин (который в это время ходит по комнате, сложив руки)

Теперь молиться время, Нина:
Ты умереть должна чрез несколько минут –
И тайной для людей останется кончина
Твоя, и нас рассудит только божий суд.
Нина

Как? Умереть! Теперь, сейчас – нет, быть не может.
Арбенин (смеясь)

Нина

Смерть, смерть! Он прав – в груди огонь – весь ад...
Арбенин

Да, я тебе на бале подал яд.
(Молчание.)

Нина

Не верю, невозможно – нет, ты надо мною
(бросается к нему)

Смеешься... ты не изверг... нет! В душе твоей
Есть искра доброты... с холодностью такую
Меня ты не погубишь в цвете дней –
Не отворачивайся так, Евгении,
Не продолжай моих мучений,
Спаси меня, рассея мой страх...
Взгляни сюда...
(Смотрит ему прямо в глаза и отскакивает.)

О! Смерть в твоих глазах!
(Упадает на стул и закрывает глаза.)

(Он подходит и целует ее.)

Арбенин

Да, ты умрешь – и я останусь тут
Один, один... года пройдут,
Умру – и буду все один! Ужасно!
Но ты! Не бойся: мир прекрасный
Тебе откроется, и ангелы возьмут
Тебя в небесный свой приют.
(Плачет.)

Да, я тебя люблю, люблю... я всё забвению,
Что было, предал, есть граница мщенью,
И вот она: смотри, убийца твой
Здесь, как дитя, рыдает над тобой...
(Молчание.)

Нина (вырывается и вскакивает)

Сюда, сюда... на помощь!.. Умираю –
Яд, яд – не слышат... понимаю,
Ты осторожен... никого... нейдут...
Но помни! Есть небесный суд,
И я тебя, убийца, проклинаяю.
(Не добрав до двери, падает без чувств.)

Арбенин (горько смеясь)

Проклятие! Что пользы проклинать?
Я проклят богом.
(Подходит.)

Бедное созданье!
Ей не по силам наказанье...
(Стоит сложа руки.)

Бледна!
(Содрогается.)

Но все черты спокойны, не видать
В них ни раскаянья, ни угрызений...

Ужель?
Нина (слабо)

Прощай, Евгений!
Я умираю, но невинна... ты злодей...
Арбенин

Нет, нет – не говори, тебе уж не поможет
Ни ложь, ни хитрость... говори скорей:
Я был обманут... так шутить не может
Сам ад любовью моей.
Молчишь? О! Месть тебя достойна...
Но это не поможет, ты умрешь...
И будет для людей всё тайно – будь спокойна!..
Нина

Теперь мне всё равно... я всё ж
Невинна перед богом.
(Умирает.)

Арбенин (подходит к ней и быстро отворачивается)

Ложь.
(Упадает в кресла.)

Конец третьего действия

Действие четвертое
Сцена первая
Выход первый
Арбенин (сидит у стола на диване)

Я ослабел в борьбе с собой
Среди мучительных усилий...
И чувства наконец вкусили
Какой-то тягостный, обманчивый покой!..
Лишь иногда невольною заботой
Душа тревожится в холодном этом сне,
И сердце ноет, будто ждет чего-то.
Не всё ли кончено – ужели на земле
Страданье новое вкусить осталось мне!..
Вздор!.. Дни пройдут – придет забвенье,
Под тягостью годов умрет воображенье;
И должен же покой когда-нибудь
Вновь поселиться в эту грудь!..
(Задумывается, вдруг поднимает голову.)

Я ошибался!.. Нет, неумолимо
Воспоминание!.. Как живо вижу я
Ее мольбы, тоску. О! Мимо, мимо
Ты, пробужденная змея.
(Упадает головою на руки.)

Выход второй
Казарин (тихо)

Арбенин здесь? Печален и вздыхает.
Посмотрим, как-то он комедию сыграет.
(Ему)

Я, милый друг, спешил к тебе,
Узнавши о твоём несчастье.
Как быть – угодно так судьбе,
У всякого свои напасти.
(Молчание.)

Да полно, брат, личину ты сними,
Не опускай так важно взоры.

Ведь это хорошо с людьми,
Для публики, – а мы с тобой актеры.
Скажи-ка, брат... Да как ты бледен стал,
Подумаешь, что ночь всю в карты проиграл.
О, старый плут – да мы разговориться
Успеем после... Вот твоя родня:
Покойнице идут, конечно, поклониться.
Прощай же, до другого дня.
(Уходит.)

Выход третий
Родственники приходят

Дама (племяннице)

Уж видно, есть над ним господнее проклятье;
Дурной был муж, дурной был сын.
Напомни мне заехать в магазин
Купить материи на траурное платье.
Хоть нынче нет доходов никаких,
А разоряюсь для родных.
Племянница

Ma tante! [135] какая же причина
Тому, что умерла кузина?
Дама

А та, сударыня, что глуп ваш модный свет.
Уж доживете вы до бед.
(Уходят.)

Выход четвертый
Выходят из комнаты покойницы доктор и старик

Старик

При вас она скончалась?
Доктор

Не успели
Меня найти... Я говорил всегда:
С мороженым и балами беда.
Старик

Покров богат – парчу вы рассмотрели?
У брата моего прошедшею весной
На гробе был точь-в-точь такой.
(Уходит.)

Выход пятый
Доктор (подходит к Арбенину и берет его за руку)

Вам надо отдохнуть.
Арбенин (вздрагивает)

А! ..
(В сторону)

Сердце сжалось!
Доктор

Вы слишком предались печали эту ночь.
Усните.
Арбенин

Постараюсь.
Доктор

Уж помочь
Нельзя ничем; но вам осталось
Беречь себя.
Арбенин

Ого! Я невредим.
Каким страданиям земным
На жертву грудь моя ни предавалась...
А я всё жив... я счастья желал
И в виде ангела мне бог его послал;
Мое преступное дыханье
В нем осквернило божество,
И вот оно, прекрасное созданье,
Смотрите – холодно, мертво.
Раз в жизни человека мне чужого,
Рискуя честью, от гибели я спас,
А он – смеясь, шутя, не говоря ни слова,
Он отнял у меня всё, всё – и через час.
(Уходит.)

Доктор

Он болен не шутя – и я не сомневаюсь,
Что в этой голове мучений было тьма, –
Но если он сойдет с ума,
То я за жизнь его ручаюсь.
(Уходя сталкивается с двумя.)

Выход шестой

Входят: Неизвестный и князь

Неизвестный

Позвольте вас спросить – Арбенина нельзя ль
Нам видеть.
Доктор

Право, утверждать не смею,
Жена его вчерась скончалась.
Неизвестный

Очень жаль.
Доктор

И он так огорчен.
Неизвестный

Я и об нем жалею.
Однако ж дома он?
Доктор

Он? Дома! – да.
Неизвестный

Я дело до него преважное имею.
Доктор

Вы из друзей его, конечно, господа?
Неизвестный

Покамест нет – но мы пришли сюда,
Чтоб подружиться понемногу.
Доктор

Он болен не шутя.
Князь (испугавшись)

Лежит

Без памяти?

Доктор

Нет, ходит, говорит,
И есть еще надежда.
Князь

Слава богу!
(Доктор уходит.)

Выход седьмой
Князь

О, наконец!
Неизвестный

Лицо у вас в огне.
Вы тверды ли в своем решенье?
Князь

А вы ручаетесь ли мне,
Что справедливо ваше подозренье?
Неизвестный

Послушайте – у нас обоих цель одна.
Его мы ненавидим оба;
Но вы его души не знаете – мрачна
И глубока, как двери гроба;
Чему хоть раз отворится она,
То в ней погребено навеки. Подозренья
Ей стоят доказательств – ни прощенья,
Ни жалости не знает он, –
Когда обижен – мщенье! Мщенье,
Вот цель его тогда и вот его закон.
Да, эта смерть скоро не без причины.
Я знал: вы с ним враги – и услужить вам рад.
Вы драться станете – я два шага назад,
И буду зрителем картины.
Князь

Но как узнали вы, что день тому назад
я был обижен им?
Неизвестный

Я рассказать бы рад,
Да это вам наскучит,
К тому ж – весь город говорит.
Князь

Мысль нестерпимая!
Неизвестный

Она вас слишком мучит.
Князь

О, вы не знали, что такое стыд.
Неизвестный

Стыд? – нет – и опыт вас забыть о нем научит.
Князь

Но кто вы?
Неизвестный

Имя нужно вам?
Я ваш сообщник, ревностно и дружно
За вашу честь вступился сам,
А знать вам более не нужно.

Но, чу! Идут... походка тяжела
И медленна. Он! Точно – удалитесь
На миг – есть с ним у нас дела.
И вы в свидетели теперь нам не годитесь.
(Князь отходит в сторону.)

Выход осьмой
Арбенин со свечой

Арбенин

Смерть! Смерть! О, это слово здесь,
Везде, – я им проникнут весь,
Оно меня преследует; безмолвно
Смотрел я целый час на труп ее немой,
И сердце было полно, полно
Невыразимую тоской.
В чертах спокойствие и детская беспечность.
Улыбка вечная тихонько расцвела,
Когда пред ней открылась вечность,
И там свою судьбу душа ее прочла.
Ужель я ошибался? – невозможно
Мне ошибиться – кто докажет мне
Ее невинность – ложно! Ложно!
Где доказательства – есть у меня оне!
Я не поверил ей – кому же стану верить.
Да, я был страстный муж – но был судья
Холодный – кто же разуверит
Меня осмелится?
Неизвестный

Осмелюсь – я!
Арбенин (сначала пугается и, отойдя, подносит к лицу свечу)

А кто же вы?
Неизвестный

Не мудрено, Евгений,
Ты не узнал меня – а были мы друзья.
Арбенин

Но кто вы?
Неизвестный

Я твой добрый гений.
Да, непримеченный, везде я был с тобой;
Всегда с другим лицом, всегда в другом наряде –
Знал все твои дела и мысль твою порой –
Остерегал тебя недавно в маскараде.
Арбенин (вздрагнув)

Пророков не люблю – и выйти вас
Прошу немедленно. Я говорю серьезно.
Неизвестный

Всё так – но, несмотря на голос грозный
И на решительный приказ,
Я не уйду. Да, вижу, вижу ясно,
Ты не узнал меня. Я не из тех людей,
Которых может миг опасный
Отвлечь от цели многих дней.
Я цель свою достиг – и здесь на месте лягу,
Умру – но уж назад не сделаю ни шагу.
Арбенин

Я сам таков – и этим, сверх того,
Не хвастаюсь.
(Садится.)

Я слушаю.
Неизвестный (в сторону)

Доселе
Мои слова не тронули его!
Иль я ошибся в самом деле!..
Посмотрим далее.
(Ему)

Семь лет тому назад
Ты узнавал меня, Арбенин. Я был молод,
Неопытен, и пылок, и богат.
Но ты – в твоей груди уж крылся этот холод,
То адское презренье ко всему,
Которым ты гордился всюду!
Не знаю, приписать его к уму
Иль к обстоятельствам, – я разбирать не буду
Твоей души, – ее поймет лишь бог,
Который сотворить один такую мог.
Арбенин

Дебют хорош.
Неизвестный

Конец не будет хуже.
Раз ты меня уговорил, – увлек
К себе... Мой кошелек
Был полон – и к тому же
Я верил счастью. Сел играть с тобой
И проиграл; отец мой был скупой
И строгий человек. И чтоб не подвергаться
Упрекам – я решился отыгратья.
Но ты, хоть молод, ты меня держал
В когтях, – и я всё снова проиграл.
Я предался отчаянью – тут были,
Ты помнишь, может быть,
И слезы и мольбы... В тебе же возбудили
Они лишь смех. О! Лучше бы пронзить
Меня кинжалом. Но в то время
Ты не смотрел еще пророчески вперед.
И только нынче злое семя
Произвело достойный плод.
(Арбенин хочет вскочить, но задумывается.)

И я покинул все, с того мгновенья,
Всё, женщин и любовь, блаженство юных лет,
Мечтанья нежные и сладкие волненья,
И в свете мне открылся новый свет,
Мир новых, странных ощущений,
Мир обществом отверженных людей,
Самолюбивых дум и ледяных страстей
И увлекательных мучений.
Я увидал, что деньги – царь земли,
И поклонился им. Года прошли,
Всё скоро унеслось: богатство и здоровье;
Навеки предо мной закрылась счастья дверь!
Я заключил с судьбой последнее условие
И вот стал тем, что я теперь.
А! Ты дрожишь, – ты понимаешь
И цель мою – и то, что я сказал.
Ну, – повтори еще, что ты меня не знаешь.
Арбенин

Прочь – я узнал тебя – узнал!..
Неизвестный

Прочь! Разве это всё – ты надо мной смеялся,

И я повеселиться рад.
Недавно до меня случайно слух домчался,
Что счастлив ты, женился и богат.
И горько стало мне – и сердце зароптало,
И долго думал я: за что ж
Он счастлив – и шептало
Мне чувство внятное: иди, иди, встревожь,
И стал я следовать, мешаясь с толпой
Без устали, всегда повсюду за тобой,
Всё узнавал – и наконец
Пришел трудам моим конец.
Послушай – я узнал – и – и открою
Тебе я истину одну...
(Протяжно)

Послушай: ты... убил свою жену!..
(Арбенин отскакивает. Князь подходит.)

Арбенин

Убил? – я? Князь! О! Что такое...
Неизвестный (отступая)

Я всё сказал, он скажет остальное.
Арбенин (приходя в бешенство)

А! Заговор... прекрасно... я у вас
В руках... вам помешать кто смеет?
Никто... вы здесь цари... я смирен: я сейчас
У ваших ног... душа моя робеет
От взглядов ваших... я глупец, дитя
И против ваших слов ответа не имею,
Я мигом побежден, обманут я шутя
И под топор нагну спокойно шею;
А вы не разочли, что есть еще во мне
Присутствие ума, и опытность, и сила?
Вы думали, что всё взяла ее могила?
Что я не заплачу вам всем по старине?
Так вот как я унижен в вашем мненье
Коварным лепетом молвы!
Да, сцена хорошо придумана – но вы
Не отгадали заключение.
А этот мальчик – так и он со мной
Бороться вздумал. Мало было
Одной пощечины – нет, хочется другой,
Вы всё получите, мой милый.
Вам жизнь наскучила! Не странно – жизнь глупца,
Жизнь площадного волокиты.
Утештесь же теперь – вы будете убиты,
Умрете – с именем и смертью подлеца.
Князь

Увидим – но скорей.
Арбенин

Идем, идем.
Князь

Теперь я счастлив.
Неизвестный (останавливая)

Да, а главное забыли.
Князь (останавливая Арбенина)

Постойте – вы должны узнать – что обвинили
Меня напрасно... что ни в чем
Не виновата ваша жертва – оскорбили
Меня вы вовремя... я только обо всем

Хотел сказать вам – но пойдем.

Арбенин

что? что?

Неизвестный

Твоя жена невинна – слишком строго

Ты обошелся.

Арбенин (хохочет)

Да у вас в запасе шуток много!

Князь

Нет, нет, – я не шучу, клянусь творцом.

Браслет случайною судьбою

Попался баронессе и потом

Был отдан мне ее рукою.

Я ошибался сам – но вашу женою

Любовь моя отвергнута была.

Когда б я знал, что от одной ошибки

Произойдет так много зла,

То верно б не искал ни взора, ни улыбки,

И баронесса – этим вот письмом

Вам открывается во всем.

Читайте же скорей – мне дороги мгновенья...

(Арбенин взглядывает на письмо и читает.)

Неизвестный (подняв глаза к небу, лицемерно)

Казнит злодея провиденье!

Невинная погибла – жаль!

Но здесь ждала ее печаль,

А в небесах спасенье!

Ах, я ее видал – ее глаза

Всю чистоту души изображали ясно.

Кто б думать мог, что этот цвет прекрасный

Сомнет минутная гроза. [136]

Что ты замолк, несчастный?

Рви волосы – терзайся – и кричи –

ужасно! – о, ужасно!

Арбенин (бросается на них)

я задушу вас, палачи!

(Вдруг слабеет и падает на кресла.)

князь (толкая грубо)

Раскаянье вам не поможет.

Ждут пистолеты – спор наш не решен.

Молчит, не слушает, ужели он

Рассудок потерял...

Неизвестный

Быть может...

Князь

Вы помешали мне.

Неизвестный

Мы целим розно,

Я отомстил, для вас, я думаю, уж поздно!

Арбенин (встает с диким взглядом)

О, что сказали вы?.. Нет сил, нет сил.

Я так был оскорблен, я так уверен был.

Прости, прости меня, о боже, – мне прощенье.

(Хохочет.)

А слезы, жалобы, моления?
А ты простил?
(Становится на колена.)

Ну, вот и я упал пред вами на колена:
Скажите же – не правда ли – измена,
Коварство очевидны... я хочу, велю,
чтоб вы ее сейчас же обвинили.
Она невинна? Разве вы тут были?
Смотрели в душу вы мою?
Как я теперь прошу, так и она молила.
Ошибка – я ошибся – что ж!
Она мне то же говорила,
Но я сказал, что это ложь.
(Встает.)

я это ей сказал.
(Молчанье.)

Вот что я вам открою:
Не я ее убийца.
(Взглядывает пристально на неизвестного.)

Ты, скорей
Признайся, говори смелей,
Будь откровенен хоть со мною.
О милый друг, зачем ты был жесток.
Ведь я ее любил, я б небесам и раю
Одной слезы ее, – когда бы мог,
Не уступил – но я тебе прощаю!
(Упадает на грудь ему и плачет.)

Неизвестный (отталкивая его грубо)

Приди в себя – опомнись...
(Князю)

Уведем
Его отсюда... он опомнится, конечно,
На воздухе...
(Берет его за руку.)

Арбенин!
Арбенин

Вечно
Мы не увидимся... прощай... идем... идем...
Сюда – сюда.
(Вырываясь, бросается в дверь, где гроб ее.)

Князь

Остановите!..
Неизвестный

И этот гордый ум сегодня изнемог!
Арбенин (возвращаясь с диким стоном)

Здесь, посмотрите! Посмотрите!..
(Прибегая на середину сцены)

я говорил тебе, что ты жесток!
(Падает на землю и сидит полулежа с неподвижными глазами. Князь и Неизвестный
стоят над ним.)

Неизвестный

Давно хотел я полной мести,

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru
И вот вполне я отомщен!
Князь

Он без ума... счастлив... а я? Навек лишен
Спокойствия и чести!
Конец

Два брата
Действие первое
Сцена первая

(Дмитрий Петрович в креслах; Юрий возле него на стуле, Александр в стороне стоит у стола и перебирает бумаги.)

Дмитрий Петрович. Я думал, Юрий, что тебя совсем ко мне не отпустят. Признаюсь, умереть, не выдавши тебя, было бы грустно – я стар, слаб, – много жил, иногда слишком весело, иногда слишком печально... и теперь чувствую, что скоро бог призовет меня к себе – даже нынче, когда мне объявили о твоём приезде, то старость напомнила о себе... Не знаю, как перенес я эту последнюю радость.

Юрий. Я нахожу, батюшка, что вы вовсе не так слабы, как говорите.

Дмитрий Петрович. А что мудреного?.. Александр, скажи-ка, уж не в самом ли деле я помолодел с тех пор, как он приехал.

Александр. Точно – вы никогда со мною не были так веселы, как теперь с братом.

Дмитрий Петрович. Не пеняй, брат, не пеняй – ведь я с тобой всегда, а его сколько лет не видал (целует его). Ты, Юрий, точно портрет твоей покойной матери.

Александр. Да вот уж четыре года, как брат не был дома... И сам он много переменялся, и здесь в Москве всё, кроме нас, переменялось... Я думаю, он не узнает княгиню Веру.

Юрий. Какая княгиня?..

Дмитрий Петрович. Разве не знаешь!.. Веринька Загорскина вышла за князя Лиговского! Твоя прежняя московская страсть.

Юрий. А! Так она вышла замуж, и за князя?

Дмитрий Петрович. Как же, 3000 душ и человек пречестный, предобрый, они у нас нанимают бельэтаж, и сегодня я их звал обедать.

Юрий. Князь! И 3000 душ! А есть ли у него своя в придачу?

Дмитрий Петрович. Он человек пречестный и жену обожает, старается ей угодить во всем, только пожелай она чего, на другой же день явится у ней на столе... Все ее родные говорят, что она счастлива как нельзя более.

Александр. Батюшка, что прикажете делать с этими бумагами?

Дмитрий Петрович. После – до бумаг ли мне теперь.

Юрий. Признаюсь... я думал прежде, что сердце ее не продажно... теперь вижу, что оно стоило несколько сот тысяч дохода.

Дмитрий Петрович. Ох вы, молодые люди! А ведь сам чувствуешь, что она поступила бы безрассудно, если б надеялась на ребяческую твою склонность.

Юрий. А! Она сделалась рассудительна.

Александр (в некотором волнении). Батюшка! Поверенный ждет... нужно.

Дмитрий Петрович. А теперь, когда она вышла замуж... твое самолюбие тронута – тебе досадно, что она счастлива, – это дурно.

Юрий. Она не может быть счастлива.

Алекс<андр> (прерывая). Батюшка... позвольте... очень нужное дело; (в сторону) неужели этот разговор никогда не кончится!

Дм<итрий> Петр<ович>. Я сказал тебе, что после... ты вечно с делами, ведь видишь, что я говорю серьезно. Нет, Юрий, это нехорошо... впрочем, ты сам увидишь, как она любит мужа.

Юрий. Не может быть.

Дм<итрий> Петр<ович>. Все ее родные говорят, и она сама.

Юрий. А я говорю вам, батюшка, что я понаслышке уж имею понятие о том, что такое князь... Она любить его не может.

Александр. Она его любит – страстно.

Дм<итрий> Петр<ович>. Ну, братец, ты об этом судить не можешь. (Юрию) Он так холоден, так рассудителен, что, право, я часто желал бы лучше, чтоб он был вспыльчив и ветрен... Вот уж можно держать пари, что никогда не влюбится... и не наделает глупостей.

Алекс<андр>. Я осторожен, батюшка, берегу других и себя.

Дм<итрий> Петр<ович>. У него всегда готово оправдание – а тебе, Юрий, я должен дать совет и прошу тебя иметь на этот раз хоть ко мне полную уверенность. Я стар, опытен и понимаю молодость. Я с целью завел этот разговор, послушай: она теперь счастлива, я в этом уверен, но она молода, она тебя любила прежде, и во всяком случае ваша встреча произведет в ней некоторое волнение; если ты не покажешь никакого желания возвратиться к прежнему, если ты будешь обращаться с нею, как с женщиной, которую бы ты встретил 2 раза на бале... то поверь, в скором времени вы оба привыкнете к мысли, что между вами не должно уже быть ничего общего; но слушай, Юрий, я прошу тебя, не покушайся ни когда разрушить их супружеское счастье: это удовольствие низкое, оно отзывается чем-то похожим на зависть... Большая слава обольстить бедную слабую женщину – обещай мне вести себя благоразумно.

Юрий. Я обещаю не делать первого шага.

Дм<итрий> Петр<ович>. Юрий!

Юрий. Я не обещаю никогда больше, нежели могу исполнить.

Дм<итрий> Петр<ович>. Я прошу тебя!.. Ты знаешь, как я дружен с ее семейством.

Слуга (входит). Князь Лиговский с княгиней.

Алекс<андр> (в сторону). Решительная минута.

Юрий. Батюшка, вы будете мною довольны.

(Входят княгиня и князь.) (Княгиня и Юрий медленно раскланялись, наблюдая друг друга.)

Князь. Дмитрий Петрович! Честь имею вас поздравить с приездом Юрия Дмитрича – я думаю, вы очень рады.

Дм<итрий> Петр<ович>. Благодарю вас, князь, от всей души... когда вы будете отцом, тогда и сами вполне меня поймете.

Князь (с улыбкою). Я надеюсь, что это будет скоро.

(Вера отворачивается, потом)

Вера. Monsieur Радин! Рекомендую вам моего мужа – прошу его полюбить.

Юрий. Я буду стараться, княгиня.

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драмы. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru
Князь. А я надеюсь, что мы сойдемся: я, как говорят военные, в полном смысле добрый малый.

Юрий. Увидав вас, князь, я это тотчас угадал. (В сторону) Ее хладнокровие меня бесит.

Дм<итрий> Петр<ович>. Княгиня, милости просим, князь.

(Садятся.)

Вера. Как вы находите, monsieur Радин, я постарела?

Юрий. В счастье не стареются, княгиня, – вы не постарели нисколько, хотя переменялись.

Дм<итрий> Петр<ович>. Довольны ль вы, князь, вашей квартирой?

Князь. Очень – прекрасные комнаты, только довольно странное расположение, столько дверей, закоулков и лестниц в задней половине, что я в первый день чуть не заплутался... Я, вы знаете, только вчера переехал и теперь всё занимаюсь уборкой комнат.

Вера. Ах, вообразите, как мой Пьер мил!.. Сегодня я просыпаюсь и вдруг вижу у себя на туалете целую модную лавку... что ж вышло: это всё он мне подарил на новоселье.

Юрий. Княгиня! Это показывает, как дорого князь ценит вашу любовь.

Князь. О, помилуйте! Мне так приятно ее тешить... за каждую ее ласку я готов дать десять тысяч.

Алекс<андр> (в сторону). За такую ласку я уж отдал спокойствие – теперь отдам жизнь.

Князь. Что вы так задумчивы, Александр Дмитриевич, – вчера у нас вы были гораздо веселее.

Вера. Он всегда печален, когда другие веселы.

Алекс<андр>. Если вам угодно, я буду весел...

Вера. Пожалуста, это любопытно посмотреть.

Алекс<андр>. Что ж, извольте: не рассказать ли, как толстая жена откупщика потеряла башмак в собрании, это очень смешно, но вы так добры, что вам будет жалко. Рассказать, как князь Иван битых три часа толковал мне об устройстве новой водяной мельницы и сам махал руками наподобие ветряной; вы сами видели эту картину и не смеялись; повторить, что рассказывает он про своего дядю, как тот на 20<-м> году от роду получил пощечину, 72 года всё искал своего неприятеля, на 92<-м> нашел, замахнулся... и от натуги умер, – это смешно, только когда он сам рассказывает; наконец, говорить мне свои глупости – вы к ним уж слишком привыкли, и они мне самому надоели больше, чем кому-нибудь.

Вера. Вы сегодня расположены к злости.

Алекс<андр>. Право! – ну так оправдаю вашу догадку и расскажу, как наша соседка плакала, когда дочь отказала жениху с миллионом, потому что он только раз в неделю бреет бороду.

Юрий. Вот уж это было бы вовсе не смешно – и я бы на ее месте слег в постель... миллион, да тут не нужно ни лица, ни ума, ни души, ни имени – господин миллион – тут всё.

Дм<итрий> Петр<ович>. Полно, Юрий, это слишком по-петербургски.

Юрий. Батюшка! Везде так думают – и в Петербурге так говорят, но поверьте мне, женщина, отказавшая миллиону, поздно или рано раскается, и горько раскается. Сколько прелестей в миллионе! Наряды, подарки, вся утонченность роскоши,

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru
извинение всех слабостей, недостатков, уважение, любовь, дружба... вы скажете, это
будет всё один обман; но и без того мы вечно обмануты, так лучше быть обманутой с
миллионом.

Дмитрий> Петр<ович>. Я не полагаю, чтоб многие так думали.

Юрий. Я знаю людей, которые поступают по этим правилам.

Вера (в сторону). Он меня мучит. (Громко) Пьер, ты хотел показать Дмитрию
Петровичу, как убраны наши комнаты, – и об чем-то с ним переговорить.

Князь. Ах точно – я имею до вас маленькую просьбу – насчет условия.

Дмитрий> Петр<ович>. К вашим услугам, князь.

(Уходят. Александр приближается к Вере и Юрий, с минуту молчание.)

Юрий (насмешливо). Да, княгиня, миллион вещь ужасная.

(Уходит. Она погружена в задумчивость.)

Алекс<андр> (берет ее за руку). Вера, твой муж... все ушли, мы одни, вот уж сутки,
как я жду этой минуты, я видел по твоему лицу, что ты хочешь мне что-то сказать,
– о, я читаю в глазах твоих, Вера, (она отворачивается) ты оборачиваешься;
конечно у тебя на душе какая-нибудь новая, мучительная тайна, – скорей, скорей,
влей ее в мою душу... там много ей подобных, и она с ними уживется. Какое-нибудь
сомнение? Что ж? Ты знаешь, как искусно я умею разрешать все сомнения.

Вера. О! Я помню.

Алекс<андр>. Ты помнишь, сколько мне стоило труда уничтожить твой единственный
предрассудок и как потом ты мне была благодарна, – потому что я люблю тебя,
Вера, люблю больше, <чем> ты можешь вообразить, люблю как человек, который в
первый раз любим и счастлив.

Вера. Да, я слишком всё это хорошо помню.

Алекс<андр>. Что это? Упрек! Раскаянье?.. И отчего же именно теперь, после двух
лет!.. О! Я не хочу угадывать, нет, это минута неудовольствия, ты чем-нибудь
огорчена... и зная, как я тебя люблю, ты изливаешь на меня свою досаду... хорошо,
Вера, хорошо, продолжай – это тебя успокоит – я с радостью перенесу твои упреки,
лишь бы они были доказательством твоей любви.

Вера (оборачивается). Я имею до вас одну просьбу!..

Алекс<андр> (отступает шаг назад). Просьбу! Вы?.. А! Это уж еще что-то новое...
это холодное вы, после стольких клятв и уверений, после стольких доказательств
искренней нежности... похоже на проклятие. Посмотрим, сударыня... прикажите... вы
знаете, что моя жизнь принадлежит вам, зачем же тут слово: просьба? Нет жертвы,
которой бы я не принес вашей минутной прихоти.

Вера. О, я не требую никакой жертвы!..

Алекс<андр>. Тем хуже, Вера, – большою жертвой я бы мог доказать тебе свою
любовь...

Вера (в сторону). Любовь – это несносно.

Алекс<андр>. Вижу, я начинаю докучать тебе, – не мудрено: я глупец! Зачем не
употреблял я хитрости, чтоб удержать твое сердце, когда хитростью приобрел
его!.. Но что делать? Я желал хоть один раз попробовать любви искренней,
открытой...

(Молчание.)

Говорите, что вам угодно.

Вера. Я хотела вас просить – чтоб вы – сказали вашему брату!

Александр. Брату?

Вера (скоро). Да, скажите ему, что он меня чрезвычайно обидел, намекая на богатство мужа моего, – вы сами знаете, оттого ли я за него вышла... это было безумие, ошибка... скажите ему, просите его, чтоб он, ради прежней нашей дружбы, не огорчал меня более... если это для вас не жертва, то прошу вас сказать ему...

(Молчание.)

Алекс<андр>. Хорошо, Вера, я скажу... но это, вопреки тебе, будет служить доказательством моей нежности более всего на свете.

Вера (протягивая руку). О, мой друг, как я тебе благодарна.

Алекс<андр>. Нет, ради бога, лучше не благодари. (Уходит, в сторону) Конечно, я ничего ему не скажу!..

Вера (одна). С нынешнего дня я чувствую, что я погибла!.. Я не владею собою, какой-то злой дух располагает моими поступками, моими словами.

Князь (высунувшись из двери). Веринька, Веринька! Venez ici [137] – посмотри, какой чудесный трельяж у Дмитрия Петровича, [138] – завтра же куплю тебе такой же точно.

Вера (как бы проснувшись, встает). О боже! И всю жизнь слышать этот голос!..

Конец 1<-го> акта

Действие второе

Сцена первая

(В комнатах князя Лиговского. Князь и Вера.)

Князь. Вера! Посмотри, как переделали твой бриллиантовый фермуар. [139]

Вера. Очень мило – но тут есть новые камни.

Князь. Это любезность бриллианщика.

Вера. А! Понимаю... ты не хочешь моей благодарности... ты с каждым днем делаешься милее...

Князь. Я рад, что угодил тебе.

Вера (в сторону). Угодил! – право, другой подумает, что он мой управитель.

Князь. Мне очень понравился второй сын Дмитрия Петровича, – не знаю, как тебе.

Вера. Я его давно знаю.

Князь. Он веселого нрава.

Вера. Слишком веселого.

Князь. Признаюсь, я сам таков и люблю посмеяться, и, право, ты наконец надоешь мне своей задумчивостью – а ведь Юрий Дмитрич недурен. Мне выражение лица его очень нравится.

Вера. Какая-то насмешливая улыбка – я боюсь говорить с ним.

Князь. Какое предубеждение, – напротив, у него в улыбке-то именно есть что-то доброе, простое... я его раз видел, а уж полюбил... а ты?

Слуга (вход<ит>). Юрий Дмитрич Радин.

Юрий (входит). Князь, я почел обязанностию засвидетельствовать вам мое почтение...

Князь. Мы с женой постараемся превратить эту обязанность в удовольствие! – прошу

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драмы. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru
садиться – а вы легки на помине – мы с женой сейчас лишь об вас говорили – и я ее выведу на свежую воду. Вообразите, она утверждает, что у вас в лице есть что-то ядовитое, злое...

Юрий. Может быть, княгиня права. Несчастье делает злым.

Князь. Ха-ха-ха. Каким у вас быть несчастьям – вы так молоды.

Юрий. Князь! Вы удивляетесь, потому что слишком счастливы сами.

Князь. Слишком! – о, да это в самом деле колкость – я начинаю верить жене.

Юрий. Верьте, прошу вас, верьте – княгиня никогда еще никого не обманывала.

Вера (быстро прерывает его). Скажите – вы прямо к нам – или были уж где-нибудь?

Юрий. Я сегодня сделал несколько визитов... и один очень интересный... я был так взволнован, что сердце и теперь у меня еще бьется, как молоток...

Вера. Взволнованы?..

Князь. Верно, встреча с персоной, которую в старину обожали, – это вечная история военной молодежи, приезжающей в отпуск.

Юрий. Вы правы – я видел девушку, в которую был прежде влюблен до безумия.

Вера (рассеянно). А теперь?

Юрий. Извините, это моя тайна, остальное, если угодно, расскажу...

Князь. Пожалуста – писаных романов я не терплю – а до настоящих страстный охотник.

Юрий. Я очень рад. Мне хочется также при ком-нибудь облегчить душу. Вот видите, княгиня. Года три с половиною тому назад я был очень коротко знаком с одним семейством, жившим в Москве; лучше сказать, я был принят в нем как родной. Девушка, о которой хочу говорить, принадлежит к этому семейству; она была умна, мила до чрезвычайности; красоты ее не описываю, потому что в этом случае описание сделалось бы портретом; имя же ее для меня трудно произнести.

Князь. Верно, очень романтическое?

Юрий. Не знаю – но от нее осталось мне одно только имя, которое в минуты тоски привык я произносить как молитву; оно моя собственность. Я его храню как образ благословения матери, как татарин хранит талисман с могилы пророка.

Вера. Вы очень красноречивы.

Юрий. Тем лучше. Но слушайте: с самого начала нашего знакомства я не чувствовал к ней ничего особенного, кроме дружбы... говорить с ней, сделать ей удовольствие было мне приятно – и только. Ее характер мне нравился: в нем видел я какую-то пылкость, твердость и благородство, редко заметные в наших женщинах, одним словом, что-то первобытное, допотопное, что-то увлекающее – частые встречи, частые прогулки, невольный яркий взгляд, случайное пожатие руки – много ли надо, чтоб разбудить таившуюся искру?.. Во мне она вспыхнула; я был увлечен этой девушкой, я был околдован ею; вокруг нее был какой-то волшебный очерк; вступив за его границу, я уже не принадлежал себе; она вырвала у меня признание, она разогрела во мне любовь, я предался ей, как судьбе, она не требовала ни обещаний, ни клятв, когда я держал ее в своих объятиях и сыпал поцелуи на ее огненное плечо; но сама клялась любить меня вечно – мы расстались – она была без чувств, все приписывали то припадку болезни – я один знал причину – я уехал с твердым намерением возвратиться скоро. Она была моя – я был в ней уверен, как в самом себе. Прошло три года разлуки, мучительные, пустые три года, я далеко подвинулся дорогой жизни, но драгоценное чувство следовало за мною. Случалось мне возле других женщин забыться на мгновение. Но после первой вспышки я тотчас замечал разницу, убивственную для них, – ни одна меня не привязала – и вот наконец я вернулся на родину.

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru
Князь. Завязка романа очень обыкновенна.

Юрий. Для вас, князь, и развязка покажется обыкновенна... я ее нашел замужем, – я проглотил свое бешенство из гордости... но один бог видел, что происходило здесь.

Князь. Что ж? Нельзя было ей ждать вас вечно.

Юрий. Я ничего не требовал – обещания ее были произвольны.

Князь. Ветренность, молодость, неопытность – ее надо простить.

Юрий. Князь, я не думал обвинять ее... но мне больно.

Княгиня (дрожащим голосом). Извините – но, может быть, она нашла человека еще достойнее вас.

Юрий. Он стар и глуп.

Князь. Ну так очень богат и знатен.

Юрий. Да.

Князь. Помилуйте – да это нынче главное! Ее поступок совершенно в духе века.

Юрий (подумав). С этим не спорю.

Князь. На вашем месте я бы теперь за ней поволочился, – если ее муж таков, как вы говорите, то, вероятно, она вас еще любит.

Вера (быстро). Не может быть.

Юрий (пристально взглянув на нее). Извините, княгиня, – теперь я уверен, что она меня еще любит. (Хочет идти.)

Князь. Куда вы?

Юрий. Куда-нибудь.

Князь. Поедемте вместе на Кузнецкий[140] (два слова на ухо).

Юрий. Извольте, куда хотите (выходят).

Князь. Прощай, Веринька. (Идет и в дверях встречает Александра.) Извините, Александр Дмитрич, – а вот жена целое утро дома. (Уходит.)

(Александр входит медленно, смотрит то на них, то на Веру. Вера, опрокинув голову на спинку стула, закрыла лицо руками.)

Алекс<андр> (про себя.) Он был здесь, она в отчаянье – (глухо) я погиб.

Вера (открыв глаза). А! Опять передо мною.

Алекс<андр>. Опять и всегда, как жертва, на которую ты можешь излить свою досаду, как друг, которому ты можешь вверить печаль, как раб, которому ты можешь приказывать умереть за тебя.

Вера. О, поди, оставь меня... ты живой упрек, живое раскаяние – я хотела молиться – теперь не могу молиться.

Алекс<андр>. Если б я умел молиться, Вера, то призвал бы на твою голову благодать бога вечного – но ты знаешь! Я умею только любить.

Вера. Я ничего не знаю... уйди, ради неба, уйди.

Алекс<андр>. Ты меня не любишь.

Вера. Я тебя ненавижу.

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru
Алекс<андр>. Хорошо! Это немножко легче равнодушия – за что же меня ненавидеть... за что?.. Говори, за что!..

Вера. О, ты нынче недогадлив... ты не понимаешь, что после проступка может оставаться в сердце женщины искра добродетели; ты не понимаешь, как ужасно чувствовать возможность быть непорочной... и не сметь об этом думать, не сметь дать себе этого имени...

Александр. Да, понимаю! Несносно для самолюбия.

Вера. Если б не ты, не твое адское искусство, если б не твои ядовитые речи... я бы могла еще требовать уважения мужа и по крайней мере смело смотреть ему в глаза...

Александр<р>. И смело любить другого...

Вера (испугавшись.) Нет, неправда, неправда, такая мысль не приходила мне в голову.

Александр. К чему заперяться? – я не муж твой, Вера; не имею никаких прав с тех пор, как потерял любовь твою... и что ж мне удивляться!.. Я третий, которому ты изменяешь, – со временем будет и двадцатый!.. Если ты считаешь себя преступной, то преступления твои не любовь ко мне – а замужество; союз неровный, противный законам природы и нравственности... Признайся же мне, Вера: ты снова любишь моего брата?..

Вера. Нет, нет.

Алекс<андр>. Если хочешь, то я уступлю тебя брату, стану издали, украдкой смотреть на ваши свежие ласки... и стану думать про себя: так точно и я был счастлив... очень недавно...

Вера. Да ты мучитель... палач... и я должна терпеть!..

Алекс<андр>. Я палач? – я, самый снисходительный из любовников?.. Я, готовый быть твоим безмолвным поверенным, – плати только мне по одной ласковой улыбке в день?.. Многие плотят дороже, Вера!

Вера. О, лучше убей меня. [141]

Алекс<андр>. Дитя, разве я похож на убийцу!

Вера. Ты хуже!

Алекс<андр>. Да!.. Такова была моя участь со дня рождения... все читали на моем лице какие-то признаки дурных свойств, которых не было... но их предполагали – и они родились. Я был скромн, меня бранили за лукавство – я стал скрытен. Я глубоко чувствовал добро и зло – никто меня не ласкал – все оскорбляли – я стал злопамятен. Я был угрюм – брат весел и открыт – я чувствовал себя выше его – меня ставили ниже – я сделался завистлив. Я был готов любить весь мир – меня никто не любил – и я выучился ненавидеть... Моя бесцветная молодость протекла в борьбе с судьбой и светом. Лучшие мои чувства, боясь насмешки, я хоронил в глубину сердца... они там и умерли; я стал честолюбив, служил долго... меня обходили; я пустился в большой свет, сделался искусен в науке жизни – а видел, как другие без искусства счастливы: в груди моей возникло отчаянье, – не то, которое лечат дулом пистолета, но то отчаянье, которому нет лекарства ни в здешней, ни в будущей жизни; наконец я сделал последнее усилие, – я решился узнать хоть раз, что значит быть любимым... и для этого избрал тебя!..

Вера (смотря на него пристально). О боже!.. И ты надо мной не сжалился.

Александр. Бог меня послал к тебе как необходимое в жизни несчастье. Но для меня ты была ангелом-спасителем. Когда я увидел возможность обладать твоей любовью – то для меня не стало препятствий; всей силой неутомимой воли, всей силою отчаянья я уцепился за эту райскую мысль... Все средства были хороши, я, кажется, сделал бы самую неслыханную низость, чтоб достигнуть моей цели... но вспомни, вспомни, Вера, что я погибал... нет, я не обманул, не обольстил тебя... нет, было написано в книге судьбы, что я не совсем еще погибну!.. Да, ты меня любила, Вера! Никто на свете меня не разуверит – никто не вырвет у меня из души

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru
воспоминаний о моем единственном блаженстве! О, как оно было полно, восхитительно, необъятно... видишь, видишь слезы... не изобретено еще муки, которая бы вырвала такую каплю из глаз моих... а теперь плачу, как ребенок, плачу... когда вспомнил, что был один раз в жизни счастлив. (Упадает на колени и хватается ее руки.) О, позволь, позволь мне по крайней мере плакать.

Вера. Послушай, Александр, послушай... что же мне делать?.. Мне жаль, но я не люблю тебя, не могу, не могу больше любить, – я всегда ошибалась – мы не созданы друг для друга... что же мне делать!..

(Александр встает.)

Послушай, забудь, оставь меня... или нет, я уеду, далеко, далеко... не обращай на меня внимания, – я не ангел – я слабая, безумная женщина... я тебя не понимаю... я тебя боюсь!.. Презирай меня, если тебе от этого будет легче, но оставь, не мучь...

Александр. Хорошо, хорошо, Вера... я тебя оставляю – ты меня не увидишь... но я, моя мысль, мой взор, мой слух будут вечно с тобой, – когда ты будешь весела и довольна, то я об себе не напому, но в минуты печали я буду тебе являться – и ты утетишься, видя, что есть на свете человек, который несчастнее тебя!..

Вера. Но зачем же, зачем... попробуй полюбить другую – я знаю много женщин, которым ты нравишься... а меня оставь жить как судьбе угодно!.. Что может быть между нами общего – без любви... я тебя прощаю!.. Прощаю от всего сердца.

Алекс<андр>. Какое великодушие!..

Вера. Обещаюсь забыть все мучения, которым ты был причиной.

Алекс<андр>. И ты думаешь обмануть меня! И ты думаешь, что я не лучше тебя самой читаю в глубине души твоей? Меня обмануть? Да знаешь ли, что это почти невозможно... ты выбрала минуту слабости – ты думала, что слезы помешают мне видеть всю тонкость твоего намерения! Я знаю, что ты хочешь избавиться от моего надзора, как от любви моей, – чтоб на свободе отдать мое место другому, – эта мысль еще не развилась в уме твоём, ты говоришь по какому-то невольному побуждению... по я вижу эту мысль во всей ее ужасной наготе... и этого не будет... нет, что хоть раз мне принадлежало, то не должно радовать другого... а этот другой – мой брат Юрий. Слышишь ли, я и это знаю.

Вера (с гордостью). Такое подозрение слишком обидно... с сей минуты мы чужды друг другу... прощайте, я вас не знаю – позволяю вам мстить всеми возможными, даже низкими средствами.

Алекс<андр>. Как, неужели и ты, и ты не нашла в душе моей ничего благородного...

Вера. Не знаю.

Алекс<андр>. О!..

Вера. Оставьте, оставьте меня... еще одна минута, и я умру.

(Упадает на кресла.)

Алекс<андр>. Я иду... только он никогда не будет твоим – никогда... (Подойдя к двери, оборачивается) слышишь ли, никогда.

Конец 2<-го>акта

Действие третье

Сцена первая

(Дмитрий Петрович входит. Александр его ведет под руку и сажает.)

Александр. Вы нынче что-то необыкновенно слабы, батюшка.

Дмит<рий> Петр<ович>. Старость, брат, старость – пора убираться... да, ты что-то мне хотел сказать.

Алекс<андр>. Да, точно... есть одно дело, об котором я непременно должен с вами

Дм<итрий> Петр<ович>. Это, верно, насчет процентов в Опекунский совет... да не знаю, есть ли у меня деньги...

Алекс<андр>. В этом случае деньги не помогут, батюшка.

Дм<итрий> Петр<ович>. Что же такое...

Алекс<андр>. Это касается брата...

Дм<итрий> Петр<ович>. Что?.. Что такое с Юринькой случилось?

Алекс<андр>. Не пугайтесь, он здоров и весел.

Дм<итрий> Петр<ович>. Не проигрался ли он?

Алекс<андр>. О нет!

Дм<итрий> Петр<ович>. Послушай... если ты мне скажешь про него что-нибудь дурное, так объявляю заранее... я не поверю... я знаю, ты его не любишь!

Алекс<андр>. Итак, я ничего не могу сказать... о вы одни могли бы удержать его.

Дм<итрий> Петр<ович>. Ты во всех предполагаешь дурное.

Алекс<андр>. Я молчу, батюшка.

Дм<итрий> Петр<ович>. Видно, я правду говорю – коли ты не смеешь и защищаться!..

Алекс<андр>. Я чувствую, что человеку не дано силы противиться судьбе своей!

Дм<итрий> Петр<ович>. Ты меня выведешь из терпения... ну скажи, что ли, скорее, что ты еще открыл, – в чем предостерегать!..

Алекс<андр>. Юрий влюблен в княгиню Веру.

Дм<итрий> Петр<ович>. Да, я сам подозреваю, что он не совсем ее забыл... а она?

Алекс<андр>. Она – его любит страстно – о, я это знаю... я имею доказательства... я вам клянусь честью... спасите хоть ее. Еще два, три дни... и она не будет в силах ни в чем противиться... вы до этого не допустите брата.

Дм<итрий> Петр<ович>. Да, да, это нехорошо... но Юрий не захочет, не решится.

Алекс<андр>. А минута страсти, самозабвения?.. Одна минута?

Дм<итрий> Петр<ович>. Это нехорошо... ты прав... благодарю, что сказал... да что же делать? Поговорить разве Юрию...

Алекс<андр>. О, это хуже всего... он уж слишком далеко зашел... надо, чтоб князь уехал... потом брату кончится отпуск... и они никогда, по крайней мере долго, не увидятся...

Дм<итрий> Петр<ович>. Бедная женщина!..

Алекс<андр>. О, если б вы видели, как она страдает в борьбе с собою... но я ее знаю... еще несколько дней... и она погибнет!..

Дм<итрий> Петр<ович>. Я хвалю тебя, Александр!.. Ты всегда был строгих правил, хотя не очень чувствителен... но как же быть?

Алекс<андр>. Предупредить князя! – сказать ему просто!..

Дм<итрий> Петр<ович>. Рассорить его с женой?..

Алекс<андр>. Он благоразумный и добрый человек... скажите ему только, что Юрий влюблен в княгиню... это ваш долг, долг отца и честного человека... объясните ему,

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru
что вы нимало не подозреваете его жены... но что, живя в одном доме, ее репутация может пострадать, – брат может проболтаться, похвастаться двусмысленным образом – из самолюбия... мало ли!.. Одним словом, князь должен уехать...

Слуга (входит). Князь Лиговский.

Дмитрий> Петр<ович>. Надо подумать... как же так опрометчиво поступать – надо бы подумать.

Александр>. Минуты дороги... вы видите, сама судьба его вам посылает.

(Входит князь.)

Князь. А я сейчас с Кузнецкого моста, покупал всё жене наряды к празднику... столько хлопот, что ужас... вот эти молодые люди не знают, что такое жениться.

Дмитрий> Петр<ович>. Приятно со стороны смотреть, как вы любите вашу супругу, князь.

Князь. Я жену очень люблю – однако видите, я со всем тем муж благообразный, – хочу, чтоб меня слушались, и в случае нужды имею твердость – о, я очень тверд! Как вы нынче в своем здоровье?

Дмитрий> Петр<ович>. Благодарю... я нынче что-то слаб... и к тому же расстроен... ох, дети, дети!

Князь. Расстроены... помилуйте, вы, кажется, так счастливы детьми.

Дмитрий> Петр<ович>. Это правда... но иногда и самые лучшие дети делают глупости.

Князь. Да помилуйте!.. Вы несправедливы. Какие же глупости... но извините, это слишком нескромно...

Дмитрий> Петр<ович>. Ничего, князь, – напротив... это дело даже больше касается до вас, нежели до меня.

(Александр делает знак отцу и уходит.)

Князь. До меня?..

Дмитрий> Петр<ович>. Мой долг повелевает мне сказать... но я не знаю, как решиться.

Князь. Разве это что-нибудь...

Дмитрий> Петр<ович>. Вот видите, я не знаю, как вы примете.

Князь. Да разве?..

Дмитрий> Петр<ович>. Успокойтесь – это еще не опасно.

Князь. Слава богу... так еще не опасно – уф!..

Дмитрий> Петр<ович>. Мой сын Юрий...

Князь. Юрий Дмитрич? Он со мной никаких не имел сношений!..

Дмитрий> Петр<ович>. Я не говорю, чтоб он имел сношение с вами – или с кем-нибудь из вашего дома, – но ваша жена... еще до замужества... ее красота, любезность!..

Князь. Вот видите, Дмитрий> Петрович... я этих достоинств еще сам в ней хорошенько не рассмотрел... не потому говорю так, что она моя жена, – но ведь я не поэт! О, вовсе не поэт!.. Я женился потому, что надо было жениться, – женился на ней потому, что она показалась мне доброго и тихого нрава, – люблю ее потому, что надобно любить жену, чтоб быть счастливу!.. Я вас прервал, пожалуйста, продолжайте!

Князь. Прошу вас, для меня себя не принуждайте.

Дм<итрий> Петр<ович>. Одним словом, мой сын Юрий был влюблен в вашу супругу до ее замужества – и, кажется, был несколько ей приятен.

Князь. О, я уверен, что теперь эта страсть прошла.

Дм<итрий> Петр<ович>. К сожалению, не прошла! Со стороны моего сына.

Князь. Тем хуже для него.

Дм<итрий> Петр<ович>. Я боялся, чтоб это и вам было неприятно! – по долгу честного человека решил вас предупредить, на всякий случай...

Князь. Лишь бы жена была мне верна – больше я и знать не хочу!

Дм<итрий> Петр<ович>. Я не сомневаюсь в добродетели княгини.

Князь. И я также.

Дм<итрий> Петр<ович> (со вздохом). Вы очень счастливы...

Князь. Не спорю-с. (Вдруг, как бы вспомнив что-то, хватая себя за голову и вскакивает.) О, я дурак – о, я пошлая дурачина... о, глупая ослиная голова... вы правы – а я дубина!.. Теперь вспомнил... о, пошлая недогадливость!.. Теперь понимаю... понимаю... этот анекдот!.. Всё было на мой счет сказано... а я, сумасшедший, – ему же советую волочиться за моей женой – а ее смущение... ведь надо было мне жениться – в 42 года! С моим добрым, простосердечным нравом – жениться!..

Дм<итрий> Петр<ович>. Успокойтесь, прошу вас, всё еще поправить можно.

Князь. Нет, никогда не успокоюсь (садится).

Дм<итрий> Петр<ович>. Я вам это сказал по долгу честного человека... и потому, что знаю сына: он легко может наделать глупостей – и невинным образом в свете компрометировать княгиню, – притом она молода – может завлечься невольно... скажут, что, живя в одном доме...

Князь. Вы правы – посудите теперь! Ну не несчастнейший ли я человек в мире.

Дм<итрий> Петр<ович>. Утешьтесь... я очень понимаю ваше положение – но что же делать.

Князь. Что делать? – вот видите, я человек решительный – завтра же уеду из Москвы в деревню – нынче же велю всё готовить.

Дм<итрий> Петр<ович>. Это самое лучшее средство – самое верное – тихо, без шуму...

Князь. Да, тихо, без шуму!.. Уехать из Москвы, зимой, накануне праздников, – вот женщины! О, женщины!.. Прощайте, Дм<итрий> Петрович, прощайте – о, вы увидите, что я человек решительный!

Дм<итрий> Петр<ович>. Не взыщите, я говорил от сердца, князь, – по-стариковски – притом я всегда был строгих правил...

(Хочет встать.)

Князь. Не беспокойтесь – вы истинный мой друг – прощайте... о, я человек решительный!.. (Уходит.)

Дм<итрий> Петр<ович>. Ну, слава богу, с плеч долой – всё уладил – ох, дети, дети...

(Юрий входит и хохочет во всё горло.)

Юрий. Вообразите, ха-ха-ха-ха... нет, я век этого не забуду... Князь, ха-ха-ха! Я подаю ему руку и говорю, здравствуйте, князь... что нового... а он – ха-ха-ха! Скорчил кошачью мину и руку положил в карман: ничего-с – к несчастью, всё старое... потом шаг назад и стал в позицию... я скорей бежать, чтоб не фыркнуть ему в глаза... не знаете ли, батюшка, отчего такая немилость?

Дмитрий> Петр<ович>. А ты хочешь волочиться за женой и чтоб муж тебе в ноги кланялся! Кабы в наше время, так ему бы надо тебя не так еще проучить.

Юрий (серьезно). Я волочусь за его женой? Кто ему это сказал?

Дмитрий> Петр<ович>. Ну ведь признайся: ты в нее влюблен?..

Юрий. Он о прежнем ничего не знает и слишком глуп, чтоб теперь догадаться.

Дмитрий> Петр<ович>. Долг всякого честного человека был ему сказать!

Юрий. А позвольте: кто ж этот чересчур честный человек?

Дмитрий> Петр<ович>. А если б даже я.

Юрий. Вы, батюшка?

Дмитрий> Петр<ович>. Да, я не терплю безнравственности, беспутства... в мои лета трудно смотреть на такие вещи и молчать... хороший отец должен удерживать сына от бесчестных поступков – а если сын его не слушает, то мешать ему всеми средствами...

Юрий. А, так вы ему сказали.

Дмитрий> Петр<ович>. Да, не прогневайся – и князь завтра же увозит жену в деревню.

Юрий. О! Это нестерпимо!

Дмитрий> Петр<ович>. Вздор, вздор!.. Что такое за упрямство, будто нет других женщин.

Юрий. Для меня нет других женщин... я хочу, хочу... да знаете ли, батюшка, что это ужасно... кто вам внушил эту адскую мысль!

Дмитрий> Петр<ович>. Кто внушил!.. И ты смеешь это говорить отцу, и какому отцу! Который тебя любит больше жизни, тобою только и дышит, – вот благодарность! Разве я так уж стар, так глуп, что не вижу сам, что дурно, что хорошо!.. Нет, никогда не допущу тебя сделать дурное дело, – опомнишься, сам будешь благодарен и попросишь прощения.

Юрий. Никогда!.. Прощения! Мне еще вас благодарить – за что? Вы мне дали жизнь – и теперь ее отняли – на что мне жизнь?.. Я не могу жить без нее – нет, я вам никогда не извиню этого поступка.

Дмитрий> Петр<ович>. Юрий, Юрий, подумай, что ты говоришь.

Юрий. Я не уступлю – борьба начинается – я рад, очень рад! Посмотрим – все против меня – и я против всех!..

Дмитрий> Петр<ович>. Сжался, Юрий, над стариком – ты меня убиваешь.

Юрий. А вы надо мною сжалились – вы пошутили – милая шутка.

Дмитрий> Петр<ович>. О, ради бога, перестань!

Юрий. Князь завтра едет, а нынче вера будет моя. (Идет к столу.)

Дмитрий> Петр<ович>. Александр! Александр! Он убил меня – мне дурно!

(Александр вбегает, подымает и ведет его под руку.)

Юрий (один). Нынче она будет моя – нынче или никогда... они хотят у меня ее вырвать – разве я даром три года думал об ней день и ночь – три года сожалений, надежд, недоспанных ночей, три года мучительных часов тоски глубокой, неизлечимой – и после этого я ее отдам без спору, и в ту самую минуту, когда я на краю блаженства, – да как же это возможно! (Пишет записку и складывает.) Кажется, так оно удастся. (Отворяет дверь и кличет) Ванюшка!

(Входит молодой лакей в военной ливрее.)

Послушай! От твоего искусства теперь зависит жизнь моя...

Ванюшка. Вы знаете, сударь, что я вам всеми силами рад служить.

Юрий. Когда ты сделаешь, что я прикажу, то проси чего хочешь.

Ванюшка. Слушаю-с.

Юрий. Если же нет – ты погиб!

Ванюшка. Слушаю-с.

Юрий. Видишь эту записку – через час, никак не позже она должна быть в руках у княгини Лиговской.

(Александр показывается в другой двери.)

Ванюшка. Помилуйте, сударь, да это самое пустое дело – я познакомился уж с ее горничною, – а у нас в пустой половине такие закоулки, что можно везде пройти днем так же безопасно, как ночью...

Юрий. Я на тебя надеюсь – только смотри, не позже как через час (уходит).

Ванюшка. Через пять минут, сударь... (Про себя). Мы с барином, видно, не промахи – четыре дни как здесь, а уж дела много сделали (хочет идти).

Александр (подкрался сзади и схватывает его за руку.) Постой!

Ванюшка (испуганный). Что это вы, барин!

Александр. У тебя вот в этой руке записка...

Ванюшка. Никак нет-с.

Александр (хочет взять). А вот увидим.

Ванюшка. Я закричу-с, ваш братец услышит!

Александр (в сторону.) Попробую другой способ! (Ему) Видишь вот этот кошелек, в нем 20 червонцев – они твои – если ты дашь мне ее прочесть – так, из любопытства.

Ванюшка. Только никому сами не извольте сказывать.

Александр. Я буду молчалив, как могила (высыпает деньги в руки).

Ванюшка. А если изорвете, сударь, – так я скажу своему барину.

Александр (про себя). Я умру, а не уступлю ему эту женщину!.. (Читает) «Ваш муж всё знает... Я вас люблю больше всего на свете, вы меня любите, в этом я также уверен... Сегодня вечером в 12 часов я должен с вами говорить, будьте в этот час в большой зале пустой части дома; вы спуститесь по круглой лестнице и пройдете через коридор, – если через 2 часа я не получу желаемого ответа, то иду к вашему мужу, заставляю его драться и, надеюсь, убью. В этом клянусь вам честью... ничто его не спасет в случае вашего отказа. Выбирайте». А! Искусно написано!..

Ванюшка. Пожалуйста, сударь, записку, мне пора.

Алекс<андр>. А если я ее изорву – говори, что ты хочешь за это, – всё, что попросишь... тысячу – две?..

Ван<юшка>. И миллиона не надобно-с.

Алекс<андр>. Я тебя умоляю!..

Ван<юшка>. Вот видите, сударь, – мне велено ее отнести, и я отнесу; об том, чтоб ее не показывать, ничего не сказано, и я ее вам показал.

Алек<сандр> (подумав). Хорошо, отнеси ее.

(Слуга уходит.)

(Про себя). Я все-таки найду средство им помешать.

Конец 3<-го>акта

Действие четвертое

Сцена первая

(Большая заброшенная комната; развалившийся камин. С левой стороны виден коридор, освещенный в окна луной, в коридоре спускается лестница. Направо две ступени и дверь, а в середине стеклянная дверь на балкон. Лунное освещение.)

Александр (входит с правой стороны из двери и запирает их ключом. Он в широком плаще). Хоть стар замок – а не скоро его сломаешь... и покуда я здесь царь!.. Жалкая власть! Жалкое удовольствие, украденное из рук судьбы... и горькое, как хлеб нищего, – зато я по крайней мере, хотя против ее воли, но еще раз прижму ее к груди своей; мой огненный поцелуй, как печать, останется на устах ее – и она будет мучиться этой мыслью; оно так и следует: вместе были счастливы, вместе и страдать! В темноте под этим плащом она не скоро меня узнает! Может быть, даже вероятно, что мне удастся под чужим именем выманить два-три ласковые слова... О! Какой ангел внушил мне эту мысль – бог, видимо, хочет вознаградить меня за 30-тилетние муки, за 30 лет жизни пустой и напрасной. (Задумывается.) Да, мне 30 лет... а что я сделал; зачем жил?.. Говорят, что я эгоист; итак, я жил для себя?.. Нет... я во всем себе отказывал, вечно был молчаливой жертвой чужих прихотей, вечно боролся с своими страстями, не искал никаких наслаждений, был сам себе в тягость – даже зла никому умышленно не сделал... итак, я жил для других? – также нет... я никому не делал добра, боясь встретить неблагодарность, презирал глупцов, боялся умных, был далек от всех, не заботился ни о ком – один, всегда один, отверженный, как Каин, [142] бог знает за чье преступление – и потом один раз встретить что-то похожее на любовь – один только раз – и тут видеть, знать, что я обязан этим искусству, случаю, даже, может быть, лишней чашке шоколаду, – наконец, против воли предавшись чудному, сладкому чувству, потерять всё – и остаться опять одному с ядовитым сомнением в груди, с сомнением вечным, которому нет границы (ходит взад и вперед). Отчего я никогда не могу забыть? Отчего я читаю в душе своей, как в открытой книге? Отчего самые обыкновенные чувства у меня так мертвы? Отчего теперь, в самую решительную минуту моей жизни, сердце мое неподвижно, ум свеж, голова холодна... я, право, кажется, мог бы теперь с любым глупцом говорить битый час о погоде, – видно, я так создан, видно, недостает какой-нибудь звучной струны в моем сердце... о! Лучше бы уж я родился слеп, глух и нем... обо мне бы по крайней мере сожалели.

(Вера показывается на лестнице.)

Это она... так точно – теперь я должен призвать на помощь всю свою твердость.

Вера. Его еще нет... темно, страшно... боже! Как я могла решиться... но что ж делать, я его знаю – он сдержал бы свое обещание – у меня сердце бьется, как молоток, – шорох, о, кто это... Юрий!..

Алекс<андр> (берет ее за руку). Это я!..

Вера. Довольны ли вы... что может сделать женщина больше... но это дурно, дурно принудить меня таким средством.

Алекс<андр>. Я также выбрал между жизнью и смертью.

Вера. Решившись вам повиноваться, я решилась также вас забыть...

Алекс<андр> (хочет ее обнять). О, это женская хитрость.

Вера. Нет... нет – я вам скажу также, что я люблю вас.

Алекс<андр>. Меня одного?

Вера. Одного, клянусь небом! Я могла заблуждаться – но теперь чувствую, что сердце мое никогда не изменялось.

(Алекс<андр> вздыхает.)

Однако несмотря на это мы должны расстаться навсегда... мне трудно так же, как и вам, об этом думать – но теперь мы будем благоразумнее, чем в минуту первой разлуки нашей, – я уж не могу быть счастлива – но спокойствие для меня еще возможно – оставьте мне хоть это!..

Алекс<андр>. У меня и этого не останется.

Вера. Верьте мне, женщина благородная может на минуту забыть свой долг, но всегда приходит время, когда она чувствует, что должна возвратиться к нему, – время это для меня настало – никакое искусство, никакие угрозы не поколеблют моей твердости. Юрий! Дайте мне руку, обещайте как другу, как женщине, которой постоянною мыслью были вы; обещайте никогда не покушаться оторвать какую бы то ни было женщину от ее обязанностей – это ужасно, Юрий!.. Это иногда хуже убийства.

Алекс<андр>. О, молю, один прощальный поцелуй.

Вера. Нет, расстанемся друзьями – зачем такое испытание!

Алекс<андр>. Я буду покорен во всем – только один поцелуй – ты непременно должна – непременно – один – только один – и потом пусть между нами обрушится вечность.

(Увлекает и целует ее – луч месячный упадает на его лицо, и она узнает... вскрикивает громко.)

Вера. О! Опять он – опять!

Алекс<андр>. Я уж сказал тебе, опять и всегда – никто не займет моего места.

Вера. Это обман неслышанный, – пусти, пусти мне руку... я к тебе чувствую отвращение!..

Алекс<андр>. Знаю, знаю всё – но ты не уйдешь отсюда – и ты подумала, что я не останусь верен своей клятве... да, я здесь – а твой страстный любовник теперь сидит крепко за двумя замками... видишь эту дверь, за нею еще дверь... они обе заперты... он должен сломать замки... может быть, это ему и удастся... но тогда он увидит тебя в моих объятиях...

Вера. Боже мой, боже мой! Я должна была знать, что он на всё способен!

Алекс<андр>. Ха, ха, ха – разве ты этого прежде не знала! Разве год тому назад, когда ты в упоении страсти лежала в моих объятиях, когда твои поцелуи горели на губах моих, разве тогда еще я не предварял тебя? Разве я не говорил: Вера, ты любишь человека ужасного, который не имеет ничего святого, кроме тебя, и то пока он любим, человека с душой испорченной, который не боится ничего, потому что ничем не дорожит, – разве я не говорил: берегись, ты будешь раскаиваться... но ты не верила, ты улыбалась, ты думала, что я шучу, – мне шутить в такие минуты! – ты думала, что я всё это говорил, чтоб показаться интересным, удивить тебя, что я, следуя моде, фанфарон порока и эгоизма, ты даже хотела меня уверить, что я почти ангел доброты... потому что тогда кровь волновалась в твоих жилах, тебе нужны были ласки, чьи-нибудь ласки, чья-нибудь нежность, покуда, на время, до появления другого, достойнейшего... не дрожи, не поднимай глаза к небу... наказание упало тебе оттуда... ты не мученица добродетели, не жертва страсти и обмана... ты просто слабая, ветреная, непостоянная женщина... ты вздумала по прихоти своей

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драмы. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru
располагать судьбою трех человек, одному назначила покорность, другому вздохи и признания, третьему, самому послушному, ты назначила мучения ревности, пытки презрения, муки любви отверженной, обманутой – и этот последний теперь мстит за себя...

Вера (упадая на колени). Не подходи, не подходи...

Алекс<андр> (подымая ее за руку). Встаньте, не унижайтесь, княгиня, – до такой степени... после вашей надменности, это уж слишком смешно... На коленях, и перед кем? Одумайтесь – что это! Страх! Чего же вы боитесь? Времена кинжалов прошли – разве я вам угрожаю?

Вера (почти без чувств). Я не переживу этого.

Алекс<андр>. Через два года, Вера, назначаю тебе свидание где-нибудь на бале, на лице твоём будет играть улыбка, в волосах будут блистать жемчуг и бриллианты, а в сердце твоём будет пусто и светло...

(Слышен стук отломанного замка.)

Вера. Это Юрий – он идет сюда.

Алекс<андр>. Наконец!

(Вера хочет убежать.)

Постой!.. Мне пришла мысль – зачем оставлять дело неконченным, – я хочу, чтоб он нашел тебя в моих объятиях, чтоб он насладился приятной картиной, – это было бы божественно, как ты думаешь!.. (Обнимает ее.)

Вера. Мне всё равно – делай что хочешь – у меня нет сил противиться.

Александр. Слышишь – вот его шаги... последний замок сейчас разлетится... бешенство удваивает его силы...

(Молчание.)

Нет, я вижу – это уж слишком много для тебя – обморок? – пустое. Я хочу, чтоб ты с ним говорила, – останься здесь – скажи ему, что ты его не любишь – не любишь нисколько... я отойду в сторону... слышишь ли, отвергни его ласки так же холодно, как мои, – иначе я стану между вами, и тогда горе вам обоим.

(Отходит и прячется – дверь с треском отворилась, и входит Юрий.)

Юрий. А! Меня заперли – это недаром – это с умыслом сделано – но кто же? Брат? – зачем ему... о, если я опоздал... Вера!.. Ничего не слышно... чу! Шорох платья... она здесь – здесь, Вера! (подходит и видит). О, как я счастлив (берет ее за руку). Вера, княгиня, простите меня.

Вера (слабо). Вас... я прощаю...

Юрий. Это был миг сумасшествия... но я хотел вас видеть перед тем, чтоб расстаться снова – и, может быть, навсегда, – я хотел... о, я сам не знаю чего... да, только вас видеть, только... я надеялся, я полагал – что вы не можете любить вашего мужа, потому что он не стоит вас... я хотел найти вам в уме своем извинение... я даже... мечтал, что вы меня еще любите.

Вера. Вы совершенно ошиблись.

Юрий. Однако вы здесь – вы не хотели огорчить меня – вы здесь – ваша рука горит в руке моей – женщина не любя не сделает этой жертвы...

Вера. Вы правы, я пожертвовала собой из любви – но не к вам.

Юрий. Вы хотели спасти мужа.

Вера. Да...

Вера (после молчания). Забудьте меня.

Юрий. Я не ожидал такого приветствия.

Вера. Чего ж вы ожидали?

Юрий. В вас нет и тени той женщины, которая некогда любила меня так нежно, которой обязан я лучшими минутами в жизни... отчего ж бы, кажется, им не воскреснуть – зачем дарить сокровище тому, кто ему не знает цены, – а я, я, так долго живший одной надеждой обладать им, – я брошен в сторону – со мной поступают как с игрушкой, то кидают огненный взор, то ледяное слово...

Вера. Лучше бы вы старались не понять ни того, ни другого.

Юрий. Боже! Как вы переменились – бывало, вам стоило подумать, и я уж знал эту мысль – пожелать – и я невольно желал того же – бывало, нам почти не нужно было слов для разговора... Теперь, признаюсь, теперь я вас не понимаю.

Вера. О! Слава богу.

Юрий. Слава богу... ужель вы хитростью хотели избавиться от моей любви – обманом испугать меня – этому не бывать... вы теперь в моей власти... я не упущу этого случая... теперь или никогда – вы моя, вы будете моею... судьба этого хочет...

Вера. Юрий, Юрий! Одна минута восторга – и веки раскаяния.

Юрий. Я не буду раскаиваться.

Вера. А я?

Юрий. Вы меня любите.

Вера. Я слабая женщина... я имею обязанности... я знаю, что такое раскаянье.

Юрий. Ты об нем забудешь в моих объятиях.

Вера. Пощадите...

Юрий. Не доводи меня до крайности... я за себя не ручаюсь.

Вера. Шорох... нас подслушивают... здесь кто-то есть...

Юрий. Шорох... кто же смеет... (Осматривается).

Вера (убегает.) Прощай, Юрий... прощай.

Юрий (бежит за нею). Нет, я вас не пущу... невозможно... я не хочу так расстаться.

(В двери хватает ее за руку и падает на колени; Александр является.)

Вера (указывая пальцем на Александра.) Уйдите – уйдите! Это он... опять он!.. (Убегает.)

Юрий (оборачивается). А! Что такое!..

Алекс<андр>. Свидетель твоих глупостей!..

Юрий. Этого свидетеля можно достойно наградить за труды.

Алекс<андр>. Его награждение... здесь. (Указывает на сердце.)

Юрий. Брат... с этой минуты – я разрываю узы родства и дружбы – ты мне сделал зло – невозвратимое зло – и я отомщу!..

Алекс<андр> (холодно). Каким образом?

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru
Юрий. Ты мне заплотишь.

Алекс<андр> (улыбаясь). С удовольствием – только чем!

Юрий (в бешенстве). Ценою крови...

Алек<сандр>. В наших жилах течет одна кровь.

Юрий. Подслушивать – так коварно отравлять чужое счастье... знаешь ли, что это дело подлецов...

Алекс<андр>. А обольщать жену другого...

Юрий. Она меня любит.

Алекс<андр>. Неправда... разве это видно из ее поступков...

Юрий. Я знаю, что она меня любит... любила меня одного...

Алекс<андр>. А я знаю кое-что другое.

Юрий. Что ты знаешь? Говори, сейчас говори!..

Алекс<андр>. Я знаю, что в твоём отсутствии она имела любовника.

Юрий. клевета, низкая клевета.

Алекс<андр>. Я тебе покажу письма...

Юрий. Кто же он... назови его мне...

Алекс<андр> (подумав). Изволь, я тебе его назову.

Юрий. Сейчас – сию минуту.

Алекс<андр>. Завтра... когда она уедет. (Уходит.)

Юрий (задумчиво). Что если он говорит правду!..

Конец 4<-го> акта

Действие пятое

Сцена первая

(Комната князя. Он сидит. Перед ним управитель с бумагами.)

Управитель. Ваше сиятельство, честь имею рабски донести, что всё в подмосковной готово для принятия вашего сиятельства – и дом отоплен – и обоз должен сегодня туда приехать.

Князь. Хорошо... ты останешься здесь и сдашь квартиру... нынче, часа через два мы едем – вели укладывать карету...

Управ<итель>. Слушаю-с – да что ваше сиятельство изволили так на Москву прогневаться...

Князь. Не твое дело рассуждать, дурачина.

Управ<итель>. Слушаю-с, ваше сиятельство.

(Вера входит.)

Княгиня изволила пожаловать.

Князь. Пошел вон.

(Управ<итель> уходит.) (Жене)

Я очень рад, сударыня, что вы пришли – сделали мне эту честь, – очень рад, в

Вера. Что вам угодно?

Князь. Если б вы всегда мне делали этот вопрос, то было б лучше.

Вера. Вы этого не требовали...

Князь. Тогда было другое – тогда я был ваш покорный слуга, ваш прислужник, ваша постельная собачка, – только вы не умели ценить этого, сударыня... чего я не делал?.. Надобны бриллианты – и бриллианты являются, – бал? – и бал готов, – коляски, кареты, шали, шляпы – я для вас разорялся, сударыня.

Вера. Я всегда была благодарна.

Князь. И из благодарности сами хотели мне подарить головной убор, в новом вкусе.

(Вера хочет встать.)

Сидите – останьтесь... я ваш муж и теперь попробую приказывать, – одним словом, мы нынче едем в подмосковную – а как только будет можно, то оттуда в симбирскую деревню...

Вера. Я пришла вас просить не откладывать отъезда.

Князь. Сами просите!.. Вот новость!.. Знаете ли, что это очень хитро, – тут что-нибудь кроется... и я, право, из любопытства в состоянии остаться.

Вера. Нет – вы этого не сделаете – это невозможно... мы должны ехать – сегодня же – сейчас... Я вас умоляю.

Князь (про себя). Хоть убей не понимаю! (Ей) Я хочу знать, сударыня, отчего вы желаете ехать так скоро...

Вера. Я не могу вам этого объяснить...

Князь. Не можете – и не надо – я сам догадываюсь... вы желаете доказать мне, что вы добродетельная супруга, которая избегает своего любовника, – а мне, сударыня, известно, что вы любите сами Юрия Дмитрича – мне известно...

Вера. Нет, нет – я его не люблю... но боюсь...

Князь. Полюбить его?

Вера. Женское сердце так слабо...

Князь. И так обманчиво. Вы моя жена, сударыня, и не должны любить никого, кроме меня...

Вера. Я всегда старалась не подать вам повода думать...

Князь. Теперь я буду стараться... запроу вас в степной деревне, [143] и там извольте себе вздыхать, глядя на пруд, сад, поле и прочие сельские красоты, а подобных франтиков за версту от дому буду встречать плетями и собаками... ваша любовь мне не нужна, сударыня, – я, слава богу, не так глуп, но ваша честь – моя честь! О, я отныне буду ее стеречь неусыпно.

Вера. Я решилась искупить вину свою – беспредельной покорностью.

Князь. Образумиться надо было немного раньше.

Вера. Конечно, это было не в моей власти.

Князь. Что же! – судьба, во всем виновата судьба! – вот модные романы – вот свободные женщины – философия – черт ее возьми, сударыня. Вы слишком учены для меня, от этого всё зло!.. Отныне не дам вам ни одной книги в руки – извольте заниматься хозяйством.

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru
Вера. Я сказала, что буду покорна во всем, – только прошу одного ради бога – никогда не напоминайте мне о прошедшем... я буду вашей рабой, каждая минута моей жизни будет принадлежать вам... только не упрекайте меня...

Князь. Вот мило – вот хорошо!.. Нет, сударыня, отныне делаю всё вам напротив, вы хотите обедать – я велю подавать завтрак, хотите ехать – я сажу дома, хотите сидеть дома – везу вас на бал... я вам отплачу, вы узнаете, что значит кокетничать, может быть, верно больше... с петербургскими франтиками, имея такого мужа, как я! (Уходит.)

Вера. И вот мне раскрылась целая жизнь страданий – но я решилась терпеть и буду терпеть до конца!

(Входит слуга.)

Слуга. Князь приказал вам доложить, ваше сиятельство, что извольте, дескать, одеваться, – возок закладывают.

Вера. Скажи, что я иду. (Уходит.)

Сцена вторая

(Комнаты у Дмитрия Петровича, Дмитрия Петровича несут на креслах. Александр входит.)

Дм<итрий> Петр<ович>. Так, так, – остановитесь здесь – я хочу, чтоб светлый луч солнца озарил мои последние минуты, – в той комнате темно, страшно, как во гробе, – здесь тепло – здесь, может быть, снова жизнь проснется во мне... Дети... Юрий, где вы... ушли – никого.

Александр. Я возле вас, батюшка!

Дм<итрий> Петр<ович>. Друг мой, я умираю – я заметил, как доктор нынче покачал головой и уехал, не сказав ни слова. Ты говорил с доктором?

Алекс<андр>. Нет, батюшка.

Дм<итрий> Петр<ович>. Ты боялся спросить... ты был всегда добрый сын – не правда ли, ты любил меня... где Юрий?..

Алекс<андр>. Его здесь нет. (Уходят за Юрием по знаку Александра.)

Дм<итрий> Петр<ович>. Ради неба – позовите его – моего милого Юрия... я умираю... хочу его благословить... он, верно, не знает, что я так дурен, верно, ты не сказал ему.

Алекс<андр>. Я боялся его огорчить.

Дм<итрий> Петр<ович>. Так, стало быть, я в самом деле так близок к смерти.

Алекс<андр> (отвернясь). Не знаю, батюшка...

Дм<итрий> Петр<ович>. О! Ты камень – когда ты будешь умирать, то узнаешь, как тяжело не встречать утешения.

Алекс<андр>. О, конечно, я тогда это узнаю!

Дм<итрий> Петр<ович>. Тебе не жаль меня – ты даже не просишь моего благословения.

Алекс<андр> (Юрий входит в волнении). Батюшка, вот пришел брат...

Юрий (подходит). (Про себя) Боже мой! Как он переменялся со вчерашнего дня...

Александр (Юрию). Он умирает... и ты убил его...

Юрий (закрыв лицо). О! Говорить это... и в такую минуту!..

Дм<итрий> Петр<ович>. Юрий!

Юрий. Я у ваших ног (стоя на коленях подле него).

Дмитрий> Петр<ович> я тебя прощаю – и благословляю отцовским благословением,

Алекс<андр> (отходя к окну). А мне простить нечего, надо мной нельзя показать великодушия... и потому нет благословения!.. (Стоит у окна.)

Юрий (встает). Батюшка, я перед вами злодей – я недостоин.

Дмитрий> Петр<ович>. Полно, полно – пылкость, ребячество – я это понимаю – но мне было больно...

Федосей (за столом Юрию). Уговорите его, барин, лечь в постель, ему так сидеть трудно – посмотрите, лишается чувств, ослабевает.

Юрий. Погоди – надо дать успокоиться.

Дмитрий> Петр<ович> (слабо). Я ничего не вижу – здесь ли ты, Юрий, – свет бежит от глаз моих... пошлите за священником.

Юрий. Он без чувств, руки холодны.

Федосей (Юрию). Вот уж дней с пять, сударь, как с ними это часто бывает.

Юрий. Боже, сколько мучений!.. Здесь умирающий отец... там...

Александр (хватает брата за руку и тащит к окошку). Посмотри... посмотри – вот она выходит на крыльцо. Даже сюда не смотрит – бледна!.. Но что за диво – ночь, проведенная без сна! – садится – улыбается мужу, а тот и не замечает... посмотри... еще раз выглянула в окно и опустила в карету!.. Вера! Вера! Чего ищут глаза твои.

(Слышен стук кареты.)

Юрий. Всё кончено.

Алекс<андр>. Вздыхай – терзайся – воображай ее слезы и мысли, что вы никогда не увидите, – воображай, какая ужасная борьба происходила в душе ее, когда она решилась противиться твоей страсти!.. О, великий, святой пример добродетели... чистая душа... ха-ха-ха!.. Это был страх, страх – она знала, что я тут за дверью.

Юрий. Замолчи, замолчи – видишь, здесь умирающий отец.

Алекс<андр>. Что мне теперь отец, целый мир – я потерял всё, последнее средство погибло, последнее чувство умерло – на что мне жизнь... хочешь взять ее? – возьми и хорошо сделаешь – вознаградишь себя за то, чего ты лишился. О, я тебе наскажу таких вещей, от которых и у тебя засохнет сердце, и у тебя в душе родится сомнение и ненависть... глупец, глупец! Ты думал, что когда раз понравился 17-летней девушке, то она твоя навеки, – что она не может любить другого, видевши раз такое совершенство, как ты... А я тебе скажу теперь, подтверждаю клятвою, что знаю человека, для которого она забыла мужа, долг, закон, честь, даже самолюбие, человека, для которого она была готова отдать жизнь, служить ему рабой, человека, который тысячу раз должен бы бил задушить ее в своих объятиях – если б отгадал будущее.

Юрий. Наконец ты должен мне сказать, кто он? Я вырву у тебя из горла это проклятое имя.

Дмитрий> Петр<ович> (слабо). Федосей, что они делают – позови их, я хочу проститься.

Федосей. Отвернитесь, батюшка, не смотрите.

Юрий. А, ты молчишь! – так я тебя принужу (хватает на столе саблю).

Дмитрий> Петр<ович>. Дети, дети... убийство – остановите их – брат на брата – господа, возьми меня скорей... (упадает).

Федосей. Помогите – холоден... (Упадает на колена и целует руку старика.)

Алекс<андр> (вырывает саблю и бросает на пол). Дитя, и ты думаешь, что силой, страхом из меня можно что-нибудь выпытать, – ты грозишь смертью, кому? Брату... что если б я позволил тебе убить себя... но я не так жесток – я сам скажу всё... твой соперник, счастливый соперник – я!..

Юрий. Ты?

Алекс<андр>. Теперь продолжай верить женщинам, верь любви, верь добродетели – твой ангел лежал здесь, на этой груди, – следы твоих поцелуев выжжены моими – я выжал из сердца Веры всё, что в нем было похожего на добродетель, и на твою долю не осталось ничего.

Юрий (закрыв лицо руками).

Дм<итрий> Петр<ович> (умирая). Дети... Юрий, Юрий.

Юрий. Мое имя... отец... он умирает. (Бросается к нему.)

Федосей. Скончался!..

Юрий. Не может быть... (хватает руку). О!

(Юрий упадает без чувств на пол. Александр стоит над ним и качает головой.)

Александр. Слабая душа... и этого не мог перенести.

Конец

Приложения
Маскарад
<Ранняя редакция>
<Действие второе> [144]
<1-я сцена>
<Выход третий>
Арбенин

А думаешь: глупец?..
Он ждет себе, а я...
Нина

Ах, мой творец!
Да ты всегда не в духе, смотришь грозно,
И на тебя ничем не угодишь.
Скучаешь ты со мною розно,
А встретимся, ворчишь!..
Скажи мне просто: Нина,
Кинь свет... я буду жить с тобой
И для тебя... зачем другой мужчина,
Какой-нибудь бездушный и пустой,
Бульварный фронт, затянутый в корсете,
С утра до вечера тебя встречает в свете,
А я лишь час какой-нибудь на дню
Могу сказать тебе два слова?
Скажи мне это... я готова,
В деревне молодость свою я схороню,
Оставлю балы, пышность, моду
И эту скучную свободу...
Скажи лишь просто мне, как другу... но к чему
Меня воображение умчало...
Положим, ты меня и любишь... но так мало,
Что даже не ревнуешь ни к кому!..
Арбенин (улыбаясь)

Как быть? Я жить привык беспечно,
И ревновать смешно.

Конечно.
Арбенин

Ты сердишься?
Нина

Нет, я благодарю.
Арбенин

Ты опечалилась.
Нина

Я только говорю,
что ты меня не любишь.
Арбенин

Нина!
Нина

Что вы?
Арбенин

Послушай... нас одной судьбы оковы
Связали навсегда... ошибкой, может быть;
Не мне и не тебе судить.
(Привлекает к себе на колена и целует.)

Ты молода летами и душою,
В огромной книге жизни ты прочла
Один заглавный лист, и пред тобою
Открыто море счастья и зла.
Иди любой дорогой,
Надейся и мечтай – вдали надежды много,
А в прошлом жизнь твоя бела.
Ни сердца своего, ни моего не зная,
Ты отдалася мне – и любишь, верю я,
Но безотчетно, чувствами играя
И резвясь, как дитя.
Но я люблю иначе. Я всё видел,
Всё почувствовал, всё понял, всё узнал,
Любил я часто, чаще ненавидел
И более всего страдал!
Сначала всё хотел, потом всё презирал я,
То сам себя не понимал я,
То мир меня не понимал.
На жизни я своей узнал печать проклятья
И холодно закрыл объятья
Для чувств и счастья земли...
Так годы многие прошли.
О днях, отравленных волненьем
Порочной юности моей,
С каким глубоким отвращеньем
Я мыслю на груди твоей.
Так, прежде я тебе цены не знал, несчастный!
Но скоро черствая кора
С моей души слетела, мир прекрасный
Моим глазам открылся не напрасно,
И я воскрес для жизни и добра.
Но иногда опять какой-то дух враждебный
Меня уносит в бурю прежних дней,
Стирает с памяти моей
Твой светлый взор и голос твой волшебный.
В борьбе с собой, под грузом тяжких дум,
Я молчалив, суров, угрюм:
Боюсь осквернить тебя прикосновеньем,
Боюсь, чтобы тебя не испугал ни стон,

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru
Ни звук, исторгнутый мученьем.
Тогда ты говоришь: меня не любит он!
(Она ласково смотрит на него и проводит рукой по волосам.)

Нина

Ты странный человек! Когда красноречиво
Ты про любовь свою рассказываешь мне,
И голова твоя в огне,
И мысль твоя в глазах сияет живо,
Тогда всему я верю без труда.
Но часто...
Арбенин

Часто?
Нина

Нет! Но иногда!..
Арбенин

Я сердцем слишком стар, ты слишком молода,
Но чувствовать могли б мы ровно,
И помнится, в твои года
Всему я верил безусловно.
Нина

Опять ты недоволен... Боже мой!..
Арбенин

О нет!.. Я счастлив, счастлив... я жестокой,
Безумный клеветник; далеко,
Далеко от толпы завистливой и злой
Я целовать могу твои уста и очи,
И сладострастье первой ночи
Теперь постигнуто лишь мной.
Оставим прежнее забвенью;
Вознагражден судьбою я вполне,
И если б мог творец завидовать творенью,
То позавидовал бы мне.
(Целует ее руки и вдруг на одной не видит браслета, останавливается и бледнеет.)

Нина

Ты побледнел, дрожишь... О боже!
Арбенин (вскакивает)

я? ничего! Где твой другой браслет?
Нина

Потерян.
Арбенин

А! Потерян.
Нина

Что же!
Беды великой в этом нет.
Он двадцати рублей, конечно, не дороже.
Арбенин

Потерян... (про себя) отчего я этим так смущен;
Какое странное мне шепчет подозренье!
Ужель то было только сон,
А это пробужденье!..
Нина

Тебя понять я, право, не могу.
Арбенин

(пронзительно на нее смотрит, сложив руки)

Браслет потерян?
Нина (обидясь)

Нет! Я лгу!..
Арбенин (про себя)

Но сходство! Сходство!
Нина

Верно, уронила
В карете я его, – велите обыскать;
Конечно б я его не смела взять,
Когда б вообразила...
Выход четвертый
Прежние, слуга

Арбенин (звонит, слуга входит)

(слуге)

Карету обыщи ты вдоль и поперек.
Потерян там браслет... избави бог
Тебя вернуться без него! (Ей) Тут дело
О счастья моем идет,
О жизни и о чести.
(После паузы.) (Слуга уходит.) (Ей)

Но если ж он и там браслета не найдет?
Нина

Так, стало быть, в другом он месте!
Арбенин

В другом? И где – ты знаешь?
Нина

В первый раз
Так скупы вы и так суровы;
И чтоб скорей утешить вас,
Я завтра ж закажу такой же точно, новый.
(Слуга входит.)

Арбенин

Ну что?.. Скорее отвечай...
Слуга

Я перешарил всю карету-с.
Арбенин

И не нашел там.
Слуга

Нету-с.
Арбенин

Я это знал... ступай.
(Значит <ельно> взглядывает на нее.)

Слуга

Конечно, в маскараде он потерян.
Арбенин

А!.. В маскараде!.. Так вы были там.

Иди...

Выход пятый
Прежние, кроме слуги

Арбенин (ей)

Что стоило бы вам
Сказать об этом прежде. Я уверен,
Что мне тогда иметь позволили бы честь
Вас проводить туда и вас домой отвезть.
Я б вам не помешал ни строгим наблюденьем,
Ни пошлой нежностью своей.
С кем были вы?
Нина

Спросите у людей;
Они вам скажут всё, и даже с прибавленьем.
Они по пунктам объяснят,
Кто был там, с кем я говорила,
Кому браслет на память подарила,
И вы узнаете всё лучше во сто крат,
Чем если б съездили вы сами в маскарад...
(Смеется)

Смешно, смешно, ей-богу!
Не стыдно ли, не грех
Из пустяков поднять тревогу.
Арбенин

Дай бог, чтоб это был не твой последний смех!..
Нина

О, если ваши продолжатся бредни..
То это, верно, не последний.
Арбенин

Кто знает... может быть..
Послушай, Нина!.. Я смешон, конечно,
Тем, что люблю тебя так сильно, бесконечно,
Как только может человек любить.
И что за диво? У других на свете
Надежд и целей миллион.
У одного богатство есть в предмете,
Другой в науки погружен,
Тот добивается чинов, крестов иль славы,
Тот любит общество, забавы,
Тот странствует, тому игра волнует кровь..
Я странствовал, играл, был ветрен и трудился,
Постиг друзей, коварную любовь,
Чинов я не хотел, а славы не добился,
Богат и без гроша был скукою томим,
Везде я видел зло и, гордый, перед ним
Нигде не преклонился.
Всё, что осталось мне от жизни, это ты:
Созданье слабое, но ангел красоты:
Твоя любовь... улыбка... взор... дыханье..
Я человек: пока они мои,
Без них нет у меня ни бога, ни души,
Ни чувства, ни существованья.
Но если я обманут... если я
Обманут... если на груди моей змея
Так много дней была согрета – если точно
Я правду отгадал... и, лаской усыплен,
С другим осмеян был заочно..
Послушай, Нина!.. Я рожден
С душой кипучею, как лава:

Покуда не растопится, тверда
Она, как камень... но плоха забава
С ее потоком встретиться... тогда,
Тогда не ожидай прощенья –
Закона я на месть свою не призову,
Но сам без слез и сожаленья
Две наши жизни разорву!..
(Хочет взять ее за руку. Она отскакивает в сторону.)

Нина

Не подходи... О, как ты страшен!
Арбенин

Неужели?..
Я страшен?.. Нет, ты шутишь... я смешон!
Да смейтесь, смейтесь же... Зачем, достигнув цели,
Бледнеть и трепетать?.. Скорее, где же он,
Любовник пламенный, игрушка маскарада?
Пускай потешится, придет;
Вы дали мне вкусить почти все муки ада,
И этой лишь недостает.
Нина

Так вот какое подозренье!
И этому всему виной один браслет.
Поверьте, ваше поведенье
Не я одна, но осмеет весь свет!
Арбенин

Да! Смейтесь надо мной, вы, все глупцы земные,
Беспечные, но жалкие мужья,
Которых некогда обманывал и я;
Которые меж тем живете, как святые
В раю... увы!.. Но ты, мой рай,
Небесный и земной... прощай!..
Прощай, я знаю всё.
(Ей)

Прочь от меня, гиена!
И думал я, глупец, что, тронута, с тоской,
С раскаяньем во всем передо мной
Она откроется... и сам был на колена
Пред ней готов упасть, когда бы увидал
Одну слезу... одну... нет! Смех был мне ответом.
Нина

Не знаю, кто меня оклеветал,
Но я прощаю вам: я не виновна в этом...
Жалею, хоть помочь вам по могу,
И чтоб утешить вас, конечно, не солгу.
Арбенин

О, замолчи... прошу тебя... довольно.
Нина

Но слушай... я невинна.
Арбенин

Пусть.
Нина

Но слушай: я клянуся.
Арбенин

Наизусть
Я знаю все, что скажешь ты.
Нина

Мне больно
Твои упреки слушать... я люблю
Тебя, Евгений.
Арбенин

Ну, по чести,
Признание в пору...
Нина

Выслушай, молю;
О боже, но чего ж ты хочешь?
Арбенин

Мести.
Нина

Кому ж ты хочешь мстить?
Арбенин

О, час придет,
И, право, мне вы надивитесь.
Нина

Не мне ль... что ж медлишь ты?
Арбенин

Геройство к вам нейдет...
Нина (с презрением)

Кому ж?
Арбенин

Вы за кого боитесь?
Нина (берет руки)

В последний раз, Евгений, в эту ночь
Клянуся: я невинна.
Арбенин

Прочь, прочь, прочь!..
Нина

О, перестань... ты ревностью своею
Меня убьешь... о, сжался... ах! Я не умею
Просить... и ты неумолим... но я и тут,
И тут тебе прощаю.
Арбенин

Лишний труд.
Нина

Однако есть и бог... он не простит.
Арбенин

Жалею!
(Она в слезах уходит).

(Один)

Вот женщина! О, знаю я давно
Вас всех, все ваши ласки и упреки,
Но жалкое познание мне дано,
И дорого плачу я за уроки!..
И то сказать, за что меня любить,
За то ль, что у меня и вид и голос грозный!..
(Подходит к двери жены и слушает.)

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru
что делает она? Смеется, может быть!..
Нет, плачет.
(Уходя)

Жаль, что поздно!..
2-я сцена 2-го акта
Выход первый
Комната у баронессы.

Пехотный полковник и барон<есса>, потом князь Звездич

Баронесса (привставая)

Давно ль решились вы мне сделать эту честь.
Где пропали вы? – два месяца предлинных.
С тех пор...
Полков<ник>

я болен был дней шесть.
А после служба всё.
Баронесса

О!.. Служба враг гостиных.
(Князь Звездич входит. Очень холодно)

Ах, князь!..
Князь

я был вчера у вас
С печальной новостью, что наш пикник расстроен.
Баронесса

Прошу садиться, князь!
Князь

я спорил лишь сейчас,
что огорчитесь вы... но вид ваш так спокоен.
Баронесса

Мне, право, жаль.
Князь

А я так очень рад,
Пикников двадцать я отдам за маскарад.
Полковник

Вчера вы были в маскараде?
Князь

Был.
Баронесса (укрошая улыбку)

А в каком наряде?
Там было много?
Князь

О, толпа! И там
Под маской я узнал иных из наших дам:
Конечно, всё охотницы рядиться
(смеется).

Баронесса (горячо)

я объявить вам, князь, должна,
что эта клевета нимало не смешна.
Как женщине порядочной решиться
Отправиться туда, где всякий сброд,
Где всякий ветреник обидит, осмеет,

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru
Рискнуть быть узнанной... вам надобно стыдиться,
Отречься от таких нескромных слов.
Князь

Отречься не могу, стыдиться же готов.
Выход второй
Прежние и Нина

(Входит в шляпе.)

Нина

Каталась я в санях, и мне пришла идея
К тебе заехать, mon amour.[145]
Баронесса

C'est une idée charmante, vous en avez toujours![146]
(Садясь)

Ты что-то прежнего бледнее
Сегодня, несмотря на ветер и мороз,
И красные глаза... конечно, не от слез!..
Нина

Я дурно ночь спала.
Полковник

Позвольте, баронесса,
Не удалось слышать вам
Конец пречудный моего процесса.
Баронесса

Нет.
Полковник

Да-с, беда, кто не привык к делам
(рассказывает).

(Князь подходит к Нине.)

Князь (всматриваясь)

Ошибка или нет, а странно в самом деле.
(Ей)

Какой у вас премиленький браслет.
Но отчего другого нет?
Нина

Другой?... Потерян..
Князь

А (ей) и не секрет,
Когда?
Нина

Третьева дни, вчера... на той неделе.
Зачем вам знать, когда,
Князь

Я мысль свою имел,
Довольно странную, быть может.
(В сторону)

Смущается она- вопрос ее тревожит!..
Ох эти скромницы!
(Ей)

Я предложить хотел
Свои услуги вам... он может отыскаться.
Нина

Пожалуйста... но где?
Князь

А где ж потерян он?
Нина

Не помню.
Князь

Как-нибудь на бале?
Нина

Может статься.
Князь

Или кому-нибудь на память подарен?
Нина

Откуда вывели такое заключение?
И подарю его кому ж?
Не мужу ль?
Князь

Будто в свете только муж.
Приятельниц у вас толпа, в том нет сомненья.
Но пусть потерян он, – а тот,
Который вам его найдет, –
Получит ли от вас какое награждение?
Нина (улыбаясь)

Смотря...
Князь

Но если он
Вас любит, если в вас потерянный свой сон
Он отыскал, – и за улыбку вашу, слово
Не пожалеет ничего земного!
Но если сами вы когда-нибудь
Ему решились намекнуть
О будущем блаженстве – если сами,
Не узнаны под маскою, его
Ласкали вы любви словами.
Но поймите же.
Нина

Из этого всего
Я то лишь поняла, что слишком вы забылись...
И нынче в первый и последний раз
Не говорить со мной прошу покорно вас.
Князь

О боже, я мечтал... ужель вы рассердились?
(про себя)

Ты отвертелася! Добро... но будет час,
И я своей достигну цели.
(Нина не отвечает, подходит к баронессе.)

(Полковник раскланивается и уходит.)

Нина

Adieu, ma chère, [147] – до завтра, мне пора.
Баронесса

Помилуй, милая, с тобой мы не успели
Сказать двух слов.
(Целуются.)

Нина (уходя)

я завтра жду тебя с утра.
(Уходит.)

Баронесса

Мне день покажется длинней недели.
Выход третий
Прежние, кроме Нины и полковника

князь (в сторону)

я отомщу тебе! Вот скромница нашлась.
Пожалуй, я дурак – пожалуй, отречется,
Но я узнал браслет.
Баронесса

Задумалися, князь?
Князь

Да, многое раздумать мне придется.
Баронесса

Как кажется, ваш разговор
Был оживлен... о чем был спор?
Князь

я утверждал, что встретил в маскераде.
Баронесса

Кого?
Князь

Ее.
Баронесса

Как!.. Нину?
Князь

Да!..
Баронесса

Она созналась?..
Князь

Как же..
Баронесса

Без стыда,
Я вижу, вы в глаза людей злословить ради.
Князь

Из странности решаюсь иногда.
Баронесса

Прекрасно, только друг нас не бранит заочно.
Но я не верю: доказательств нет?
Князь

Нет... только мне вчера был дан браслет,
И у нее такой же точно.
Баронесса

Вот доказательство... Логический ответ!
Такие же есть в каждом магазине!
Князь

Я нынче все изъездил их
И тут уверился, что только два таких.
Баронесса (после молчания)

Я завтра ж дам совет полезный Нине
Не доверяться болтунам.
Князь

А мне совет какой?
Баронесса

А вам?
Смелее продолжать с успехом начатое
И дорожить побольше честью дам.
Князь

За два совета благодарен вдвое!
(Уходит.)

Выход четвертый
Баронесса (одна в задумчивости)

Ага! Madame Арбенин, вы
Всё взяли на себя по дружбе, добровольно,
Так пусть падет на вас и мщение молвы,
И мщение мое... подумать больно,
Как честью женщины так ветрено шутить?
Откройся я ему – со мной бы было то же!
Итак, прощайте, князь... не мне вас выводить
Из заблуждения, о нет, избави боже.
Одно лишь странно мне, как я найти могла
Ее браслет... а, Нина там была,
И вот разгадка всей шарады...
Не знаю отчего, а я его люблю;
Быть может, так, от скуки, от досады,
От ревности... томлюся и горю,
И нету мне ни в чем отрады!
Она меня узнает – расскажу
Везде, унижу, пристыжу
Охотницу до нежных предприятий!
Выход пятый
Баронесса и Шприх

(Шприх входит и раскланивается.)

<Баронесса>

Ах, Шприх, ты вечно кстати!
Шприх

Помилуйте – я был бы очень рад,
Когда бы мог вам быть полезен.
Покойный ваш супруг...
Баронесса

Всегда ль ты так любезен!
Шприх

Блаженной памяти барон...
Баронесса

Тому назад
Лет пять, я помню.

Занял тысяч...
Баронесса

Знаю,
Но я тебе проценты за пять лет
Отдам сегодня же.
Шприх

Мне-с нужды в деньгах нет,
Помилуйте-с, я так, случайно вспоминаю.
Баронесса

Скажи, что нового?
Шприх

У графа одного
Наслушался... сейчас лишь вышел,
Историй в свете тьма.
Баронесса

А ничего
Про князя Звездича с Арбениной не слышал?
Шприх (в недоумении)

Нет – слышал – как же – нет.
Про это знает целый свет!..
(В сторону) А что, бишь, я не помню, вот ужасно!

Баронесса

О, если это так уж гласно,
То нечего и говорить.
Шприх

Но я б желал узнать, как вы об этом
Изволите судить.
Баронесса

Они осуждены уж светом;
А впрочем, я б могла их подарить советом –
Сказала бы ему: что женщины ценят
Настойчивость в мужчине,
Когда они сквозь тысячу преград
К своей стремятся героине.
А ей бы пожелала я
Поменьше строгости и скромности поболее.
Прощайте, мосье Шприх; обедать ждет меня
Сестра, а то б осталась с вами доле.
(Уходя, в сторону)

Я ей полезный дам урок.
Выход шестой

Шприх (один)

Не беспокойтесь: я понял ваш намек
И не дождуся повторенья.
Какая быстрота ума, соображенья!
Тут есть интрига, да, устрою эту связь;
Мне благодарен будет князь;
Я попаду к нему в агенты..
Потом сюда с рапортом прилечу,
И уж авось тогда хоть получу
Я пятилетние проценты.
Действие третье
1-я сцена

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru
<Выход первый>
(в доме Арбенина, его кабинет.)

(Арбенин и Нина.)

Нина

Евгений, ты со мной не едешь?

Арбенин

Нет.

Нина

Ты виноват передо мною

И должен извиниться.

Арбенин

Всей душою

Прощенья рад просить.

Нина

Потерянный браслет

Тебя уж больше не тревожит?

Арбенин

Меня?

Нина

Ну да, тебя.

Арбенин

Быть может.

Нина

Быть может! Это не ответ,

И для меня укор обидный.

Ты должен подойти меня поцеловать

И весело сказать:

«Я виноват, мой друг, мне стыдно,

Мое ребячество смешно;

Но за любовь мою в глазах твоих оно

Найдет прощение».

(Он ее целует.)

Вот так бы уж давно.

Арбенин (подходит и целует два раза)

Я виноват, мне стыдно,

Мое ребячество смешно.

Нина

Ты это говоришь как будто поневоле.

Арбенин

Я повинуюсь, чего ж ты хочешь боле?

Нина

Нет, вижу я, намеренный твой бред

Не вовсе кончился, – тебе не жалко было

Довести меня до слез... за что же, за браслет.

И дуться целый день потом – как это мило.

Арбенин

Не правда ль мило?..

Нина

Нынче же куплю

Такой же точно непременно.

Весьма обязан.
Нина

Только б совершенно
Тебя утешить.
(Уходит.)

Выход второй
Арбенин один. Потом лакей

Арбенин

я ее люблю,
И в этом звуке все мученья.
Что делать... брошу подозренья,
забуду всё, скажу себе:
Она чиста как голубь, – как судьбе
Ей вверюся с закрытыми глазами
И буду счастлив... Пусть пред вами
Клокочут клеветы, я буду спать в грозу.
О, жизнь завидная!
Лакей (входит)

Ждет человек внизу.
Принес он барыне записку от княгини.
Арбенин

Да от какой?
Слуга

Не разобрал-с.
Арбенин

Записка? к Нине!
(Идет; слуга остается.)

Выход третий
(Афанасий Павлов <ич>. Казарин и слуга.)

Слуга

Сейчас лишь барин вышел-с, подождите
Немного-с.
Казарин

Хорошо.
Слуга

Я тотчас доложу-с.
(Уходит.)

Казарин

Ждать я готов хоть год, когда хотите,
Мосье Арбенин, и дождусь!..
Вы опытни; но ведь и мы не дети.
Не ускользнет от нашей сети
Неукротимый этот зверь.
Иль никогда – или теперь!
Один уж я не лажу с ними;
Товарищ ловкий нужен мне.
Арбенин смел, с талантами большими,
Богат приятель мой вполне
И будет верен старине!..
Выход четвертый
Казарин и Шприх

(Входит Шприх.)

Казарин

Шприх!
Шприх

Афанасий Павлович, вот чудо.
Ах, как я рад – не думал встретить вас,
Казарин

Я также – ты с визитом?
Шприх

Да-с,
А вы?
Казарин

Я также!
Шприх

Право, – а не худо,
Что мы сошлись, – о деле об одном
Поговорить мне нужно б с вами.
Казарин

Бывало, ты всё занят был делами,
А делом в первый раз.
Шприх

Воп тот[148] вам ни по чем,
А право, нужное.
Казарин

Мне также очень нужно
С тобой поговорить.
Шприх

Итак, мы сладим дружно.
Казарин

Не знаю... говори!..
Шприх

Позвольте лишь спросить:
Вы слышали ль, что ваш приятель
Арбенин...
(Делает пальцами изображение рогов.)

Казарин

Что?.. Не может быть.
Ты точно знаешь...
Шприх

Мой создатель!
Я сам улаживал – тому лишь пять минут;
Кому же знать?
Казарин

Бес вечно тут как тут.
Шприх

Вот видите: жена его намедни,
Не помню я, на бале, у обедни
Иль в маскараде встретилась с одним
Князьком. Ему она довольно показалась,

И очень скоро князь стал счастлив и любим.
Но вдруг красotka перед ним
От прежнего чуть-чуть не отклепалась.
Взбесился князь – и полетел везде
Рассказывать – того смотри что быть беде!
Меня просили сладить это дело..
Я принялся – и разом всё поспело;
Князь обещал молчать... записку навалял,
Покорный ваш слуга слегка ее поправил
И к месту тотчас же доставил.
Казарин

Смотри, чтоб муж тебе ушей не оборвал.
Шприх

В таких ли я делах бывал,
А обходилось без дуэли..
Казарин

И даже не был бит?
Шприх

У вас всё шутка, смех..
А я всегда скажу, что жизнь без цели
Не должно рисковать.
Казарин

И в самом деле
Такую жизнь, бесценную для всех,
Без пользы подвергать великий грех.
Шприх

Но это в сторону. Ведь я об важном с вами
Хотел поговорить.
Казарин

Что ж это?
Шприх

Анекдот.
А дело вот в чем.
Казарин

Пропадай с делами,
Арбенин, кажется, идет.
Шприх

Нет никого, – мне привезли недавно
От графа Врути пять борзых собак.
Казарин

Твой анекдот, ей-богу, презабавный.
Шприх

Ваш брат охотник, вам купить бы славно.
Казарин

Итак, Арбенин как дурак..
Шприх

Послушайте.
Казарин

Попал впросак,
Обманут и осмеян явно,
Женитесь после этого.
Шприх

Ваш брат
Находке этой был бы рад.
Казарин

В женитьбе верность, счастье – всё враки.
Эй, не женися, Шприх.
Шприх

Да я давно женат.
Послушайте, одна особенно – вот клад.
Казарин

жена?
Шприх

Собака.
Казарин

Вот дались собаки!
Послушай, мой любезный друг,
Не знаю, как жену, – что бог даст, неизвестно,
А ты собак не скоро сбудешь с рук.
(Арбенин входит с письмом, они стояли налево у бюро, а он их не видал.)

Задумчив и с письмом, узнать бы интересно.
Выход пятый
Прежние и Арбенин

Арбенин (не замечая их)

О, благодарность! И давно ли я
Спас честь его и будущность? Не зная
Почти, кто он таков, – и что же – о! Змея!
Неслыханная низость! Он, играя,
Как вор вторгается в мой дом,
Покрыл меня позором и стыдом!..
И я глазам не верил, забывая
Весь горький опыт многих дней.
Я, как дитя, не знающий людей,
Не смел подозревать такого преступленья;
Я думал: вся вина ее... не знает он,
Кто эта женщина... как странный сон,
Забудет он свое ночное приключение!
Он не забыл, он стал искать и отыскал,
И тут – не мог остановиться...
Вот благодарность!.. Много я видал
На свете, а пришлось еще дивиться.
(Перечитывает письмо.)

«Я вас нашел, но не хотели вы
Признаться». Скромность кстати чрезвычайно;
«Вы правы... что страшней молвы?
Подслушать нас могли б случайно.
Так, не презрение, но страх
Прочел я в ваших пламенных глазах.
Вы тайны любите... и это будет тайной!..
Но я скорей умру, чем откажусь от вас».
Шприх

Письмо! Так, так, оно... пропало всё как раз!..
Арбенин

Ого! Искусный соблазнитель, – право,
Мне хочется послать ему ответ кровавый.
(Казар<ину>)

А! Ты был здесь.
Казарин

Я жду уж целый час.
Шприх (в сторону)

Отправлюсь к баронессе, пусть хлопочет
И рассыпается, как хочет.
(Уходит незамечен.)

Выход шестой
Прежние, кроме Шприха

Казарин

Мы с Шприхом... где же Шприх?
Пропал.
(В сторону)

Письмо! Так вот что! Понимаю!
(Ему)

Ты в размышление.
Арбенин

Да, я размышляю.
Казарин

О бренности надежд и благ земных?
Арбенин

Почти! О благодарности.
Казарин

Есть мненья
Различные на этот счет.
Но что б ни думал этот или тот,
А всё предмет достоин размышленья.
Арбенин

Твое же мнение?..
Казарин

Я думаю, мой друг,
что благодарность вещь, которая тем боле
Зависит от цены услуг,
что не всегда добро бывает в нашей воле!
Вот, например, вчера опять
Мне Слукин проиграл почти что тысяч пять,
и я, ей-богу, очень благодарен,
да вот как: пью ли, ем, иль сплю,
Всё думаю об нем.
Арбенин

Ты шутишь всё, Казарин.
Казарин

Послушай, я тебя люблю
и буду говорить серьезно.
Но сделай милость, брат, оставь ты вид свой грозный!
Мое ты хочешь слышать мненье
О благодарности... изволь: возьми терпенье.
Что ни толкуй Волтер или Декарт,
Мир для меня – колода карт,
Жизнь – банк: рок мечет – я играю,
и правила игры я к людям применяю.
И вот теперь пример
Для пояснения этих правил:
Пусть разом тысячу я на туза поставил:
Так, по предчувствию, – я в картах суевер, Католик,

Вот с трепетом кладу свой туз на страшный столик,
Он выиграл – я очень рад,
Но всё никак туза благодарить не стану
И молча загребу свой клад,
И буду гнуть да гнуть, покуда не устану;
А там барыш с потерей расчел..
И карту смятую – под стол.
Теперь..но ты не слушаешь, мой милый?
Арбенин (в размышлении)

Повсюду зло – везде обман,
И я намерен, я, как истукан,
Безмолвно слушал, как всё это было!
Казарин (в сторону)

Задумался.
(Ему)

Теперь мы перейдем
К другому казусу – и дело разберем;
Положим, например, в игру или разврат
Ты б захотел опять пуститься,
И тут приятель твой случится
И скажет: «Эй, остерегися, брат»,
И прочие премудрые советы,
Которые не стоят ничего.
И ты случайно, так, послушаешь его;
Ему поклон и многи леты;
И если он тебя от пьянства удержал,
То напои его сейчас без замедленья
И в карты обыграй в обмен за наставленье.
А от игры он спас... так ты ступай на бал,
Влюбись в его жену... иль можешь не влюбиться,
Но обольсти ее, чтоб с мужем расплатиться,
В обоих случаях ты будешь прав, дружок,
И только что отдашь уроком за урок.
Арбенин

Ты славный моралист!
(В сторону)

Так, это всем известно.
А, князь... за ваш урок я заплачу вам честно!
Казарин (не обращая внимания)

Последний пункт осталось объяснить:
Ты любишь женщину... ты жертвуешь ей честью,
Богатством, дружбою и жизнью, может быть,
Ты окружил ее забавами и лестью,
Но ей за что тебя благодарить?
Ты это делал всё из страсти
И самолюбия, отчасти;
Чтоб ею обладать, ты отдал всё,
А не для счастья ее..
Да, – пораздумай-ка об этом хладнокровно
И скажешь сам, что в мире всё условно.
Арбенин (расстроено)

Да, да, ты прав, что женщине в любви?
Победы новые ей нужны ежедневно.
Пожалуй, плачь, терзайся и моли,
Смешон ей вид и голос твой плачевный,
Ты прав: глупец, кто в женщине одной
Мечтал найти свой рай земной.
Казарин

Ты рассуждаешь очень здраво,
Хотя женат и счастлив.

Право?
Казарин

А разве нет?
Арбенин

О! Счастлив... да...
Казарин

Я очень рад,
Однако ж всё мне жаль, что ты женат!
Арбенин

А что же?
Казарин

Так... я вспоминаю
Про прежде... когда с тобой...
Кутили мы, в чью голову – не знаю,
Хоть оба мы ребята с головой!..
Вот было время... утром отдых, нега,
Воспоминания приятного ночлега...
Потом обед – вино, Парижа честь...
В граненых кубках пенится и блещет,
Беседа шумная, острот не перечесть,
Потом в театр... душа трепещет
При мысли, как с тобой вдвоем из-за кулис
Выманивали мы танцовщиц и актрис...
Не правда ли, что древле
Всё было лучше и дешевле?
Вот пьеса кончилась... и мы летим стрелой
К приятелю... взошли... игра уж в самой силе:
На картах золото насыпано горой,
Тот весь горит – другой
Бледнее, чем мертвец в могиле.
Садимся мы... и загорелся бой!..
Тут, тут сквозь душу переходит
Страстей и ощущений тьма!
И часто мысль гигантская заводит
Пружину пылкого ума...
И если победишь противника уменьем,
Судьбу заставишь пасть к ногам твоим с смиреньем –
Тогда и сам Наполеон
Тебе покажется и жалок и смешон.
(Арбенин падает на стул.)

Арбенин

О! Кто мне возвратит вас... буйные надежды...
Вас, нестерпимые, но пламенные дни.
За вас отдам я счастье невежды;
Беспечность и покой – не для меня они!..
Мне ль быть супругом и отцом семейства,
Мне ль – мне ль, который испытал
Все сладости порока и злодейства
И перед их лицом ни разу не дрожал?
Прочь, добродетель, – я тебя не знаю..
Я был обманут и тобой
И краткий наш союз отныне разрываю,
Прощай, прощай.
(Падает на стул и закрывает лицо.)

Казарин

Теперь он мой!..
2-я сцена

(Дверь в другую растворена.)

(Он в другой спит на диване.)

Выход первый
Иван, потом Арбенин

(Слуга смотрит на часы.)

Иван

Седьмой уж час почти в исходе...
А в восемь приказал себя он разбудить.
Он спит по-русски, не по моде,
И я успею в лавочку сходить.
Дверь на замок запру... оно вернее...
Да... чу... по лестнице идут.
Скажу, что дома нет... и с рук долой скорее.
(Арбенин входит.)

Арбенин

Князь дома?
Слуга

Дома нет-с.
Арбенин

Неправда.
Слуга

Пять минут
Тому назад уехал.
Арбенин (прислушивается)

Лжешь, он тут
(показывает на кабинет)

И, верно, сладко спит: прислушайся, как дышит.
(В сторону)

Но скоро перестанет.
Слуга (в сторону)

Он всё слышит...
(Ему)

Себя будить мне князь не приказал.
Арбенин

Он любит спать... тем лучше: приведется
И вечно спать.
(Слуге)

Я, кажется, сказал,
что буду ждать, покуда он проснется!..
(Слуга уходит.)

Выход второй
Арбенин (один)

Удобный миг настал!.. Теперь иль никогда.
Теперь я всё свершу, без страха и труда...
Я докажу, что в нашем поколеньи
Есть хоть одна душа, в которой оскорбленьи,
Запав, приносит плод... О! Я не их слуга,

Мне поздно перед ними гнуться...
Когда б, крича, при них я вызвал бы врага,
Они б смеялись... теперь не засмеются!
О нет! Я не таков... позора целый час
На голове своей не потерплю я даром.
(Растворяет дверь.)

Он спит!.. Что видит он во сне в последний раз?..
(Страшно улыбаясь)

Я думаю, что он умрет ударом.
Он свесил голову... я крови помогу...
И всё на счет благой природы!
(Входит в комнату.)

(Минуты 2 и выходит бледен.)

Не могу.
(Молчание.)

Да! Это свыше сил и воли!..
Я изменил себе – я задрожал,
Впервые во всю жизнь... давно ли
я трус?... Трус!.. Трус!.. Я? Кто это сказал...
Я сам, и это правда... стыдно, стыдно,
Беги, красней, презренный человек.
Тебя, как и других, к земле прижал наш век,
Ты пред собой лишь хвастался, как видно,
О, жалко... право, жалко... изнемог
И ты под гнетом просвещения.
Любить... ты не умел, – а мщенья...
Хотел... пришел и – и не мог!..
(Молчание.)

(Садится.)

Я слишком залетел высоко,
Иной избрать я должен путь...
И ненависть свою глубоко
Зарыть в измученную грудь.
Улыбкой радостной и безмятежным взглядом
Встречать врага... терпеть, молчать
И медленным, но верным ядом
Не жизнь его – но счастье истреблять.
Так, так, он будет жить... убийство уж не в моде...
Убийц на площадях казнят.
Так!.. В образованном я родился народе.
Язык и золото... вот наш кинжал и яд!..
(Берет чернил и записку пишет.)

(Берет шляпу.)

Прощай, красавчик ветреный; спи сладко
И долго спи... покуда можешь спать...
Хоть тяжко мучиться любовною загадкой,
Но часто хуже отгадать.
Выход третий
Арбенин и баронесса

(Идет в двери, сталкивается с дамой в вуале.)

Дама в вуале

Ах!.. Всё погибло...
Арб<енин>

Это что?
Дама (вырываясь)

Пустите.
Арбенин

Нет, это не притворный крик
Продажной добродетели.
(Ей строго)

Молчите!
Ни слова, или сей же миг...
Какое подозрение! Отверните
Ваш вуаль, пока мы здесь одне.
Дама

Я не туда зашла, ошиблась.
Арбенин

Да, немного
Ошиблись, кажется и мне,
Но временем, не местом.
Дама

Ради бога,
Пустите, я не знаю вас.
Арбенин

Смущенье странно... вы должны открыться.
Он спит теперь... и может встать сейчас!..
Всё знаю я... но убедиться
Хочу...
Дама

Всё знаете!.. Так нечего таиться.
Да, это я!
(Откидывает вуаль. Баронесса.) (Арбенин отступает в удивлении, потом приходит в себя.)

Арбенин

Благодарю, творец,
Что ты позволил мне хоть нынче ошибиться!
Баронесса

О, что я сделала? Теперь всему конец.
Арб<енин>

Отчаянье теперь некстати.
Невесело, согласен, в час такой
Наместо пламенных объятий
С холодной встретиться рукой...
И то минутный страх... а нет беды большой.
Я скромн, рад молчать – благодарите бога,
Что это я, а не другой...
Не то была бы в городе тревога.
Баронесса

Ах... он проснулся, говорит.
Арбенин

В бреду...
Но успокойтесь, я сейчас пойду.
Лишь объясните мне, какую властью
Вот этот купидон вас вдруг околдовал?
Зачем, когда он сам бесчувствен, как металл,
Все женщины к нему пылают страстью?
Зачем не он у ваших ног с тоской,
С молением, клятвами, слезами?
А вы... вы здесь одни... вы, женщина с душой,

Забывши стыд, пришли ему предаться сами.
Зачем другая женщина, ничем
Не хуже вас, ему отдать готова
Всё: счастье, жизнь, любовь... за взгляд один, за слово.
Зачем... о, я глупец!
(В бешенстве)

Зачем? Зачем?
Баронесса (решительно)

Я поняла, об чем вы говорите... знаю,
Что вы пришли...
Арб<енин>

Как! Кто ж вам рассказал!..
(Опомнившись)

А что вы знаете?..
Баронесса

О, я вас умоляю,
Простите мне...
Арб<енин>

Я вас не обвинял,
Напротив, радуюсь приятельскому счастью.
Баронесса

Ослеплена была я страстью..
Во всем виновна я, но слушайте.
Арб<енин>

К чему?
Мне, право, всё равно. Я враг морали строгой.
Баронесса

Но если бы не я, то не бывать письму,
Ни...
Арб<енин>

А! Уж это слишком много!..
Письмо! Какое?.. А... так это вы, тогда,
Вы их свели... учили их... давно ли
Взялись вы за такие роли?
Что вас понудило?.. Неурожай! Сюда
Приводите вы ваших жертв невинных,
Иль молодежь приходит к вам?..
Да, признаюсь!.. Вы клад в гостиных;
И я уж не дивлюсь разврату наших дам!..
Баронесса

О!.. Боже мой...
Арбенин

Я говорю без лести...
А сколько платят вам все эти господа?
Баронесса (упадает на креслы)

Но вы бесчеловечны.
Арбенин

Да,
Ошибся, виноват, вы служите из чести!..
(Хочет идти.)

Баронесса

О, я лишусь ума... постойте, он идет,

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru
Не слушает... о, я умру...
Арбенин

что ж? Продолжайте.
Вас это к славе поведет...
Теперь меня не бойтесь, и прощайте...
Но боже сохрани нам встретиться вперед...
Вы взяли у меня всё, всё на свете.
Я стану вас преследовать... всегда,
Везде... на улице, в уединенье, в свете;
И если мы столкнемся, то... беда!..
я б вас убил... но смерть была б награда,
которую сберечь я должен для другой,
Вы видите, я добр... взамен терзаний ада
Вам оставляю рай земной.
(Уходит.)

Выход четвертый
Баронесса одна

Баронесса (вслед ему)

Послушайте – клянусь... то был обман... она
Невинна... и браслет!.. Всё я... всё я одна.
Ушел, не слышит, что мне делать?.. Всюду
Отчаянье... нет нужды... я хочу
Его спасти во что бы то ни стало. Буду
Просить и унижаться; обличу
Себя в обмане, преступленьи!
Он встал... идет... решаюсь... о, мученье!..
Выход пятый
Баронесса и князь

князь (в другой комнате)

Иван! Кто там... я слышал голоса!
Какой народ! Нельзя уснуть и полчаса!
(Входит.)

Ба, это что за посещение!
Красавица, я очень рад.
(Узнает и отскакивает.)

Ах, баронесса! Нет... невероятно.
Баронесса

Что отскочили вы назад?
(Слабым голосом)

Вы удивляетесь.
Князь (смущенно)

Конечно... мне приятно...
Но счастья такого я не ждал...
Баронесса

и было б странно, если б ожидали.
Князь

О чем я думал?.. О, когда б я знал.
Баронесса

Вы всё бы знать могли и ничего не знали.
Князь

Свою вину загладить я готов.
С покорностью приму какое наказание
Хотите... я был слеп и нем; мое незнание

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru
Проступок... и теперь не нахожу я слов...
(Берет ее за руку.)

Но ваши руки... лед!.. В лице у вас страданье.
Ужель сомнительны для вас слова мои?
Баронесса

Вы ошибаетесь!.. Не требовать любви
И не выпрашивать признанья
Решилась я приехать к вам.
Забыть и стыд и страх, всё свойственное нам...
Нет!.. То обязанность святая:
Былая жизнь моя прошла,
И жизнь уж ждет меня иная;
Но я была причиной зла,
И, свет навеки покидая,
Теперь всё прежнее загладить я пришла.
Я перенести свой стыд готова,
Я не спасла себя... спасу другого...
Князь

Что это значит?
Баронесса

Не мешайте мне.
Мне много стоило усилий,
Чтоб говорить решиться... вы одне,
Не ведая того, причиной были
Моих страданий... несмотря на то,
Я... вас должна спасти... зачем? За что?
Не знаю... вы не заслужили
Всех этих жертв... вы не могли любить,
Понять меня... и даже, может быть,
Я б этого и не желала...
Но слушайте!.. Сегодня я узнала,
Как?.. Это всё равно... что вы
К жене Арбенина вчера неосторожно
Писали... по словам молвы,
Она вас любит – это ложно, ложно!
Не верьте... ради неба... эта мысль одна
Нас всех погубит... всех, – она
Не знает ничего... но муж... читал... ужасен
В любви и ненависти он.
Он был уж здесь... он вас убьет... он приучен
К убийству... вы так молоды.
Князь

Ваш страх напрасен!
Арбенин в свете жил... и слишком он умен,
Чтобы решился на огласку;
И сделать, наконец... без цели и нужды,
В пустой комедии – кровавую развязку.
А рассердился он, и в этом нет беды;
Возьмут лепажа пистолеты,
Отмерят тридцать два шага,
И право, эти эполеты
Я заслужил не бегством от врага!
Баронесса

Но если ваша жизнь кому-нибудь дороже,
Чем вам... и связь у ней есть с жизнью другой,
Но если вас убьет, убьет! – о боже!..
И я всему виной!..
Князь

Вы?...
Баронесса

Пощадите.

Князь (подумав)

Я обязан драться...

Я виноват пред ним... его я тронул честь,

Хотя не знал того, но оправдаться

Нет средства.

Баронесса

Средство есть.

Князь

Солгать? Не это ли? Другое мне найдите.

Я лгать не стану, жизнь свою храня,

И тотчас же пойду.

Баронесса

Минуту!.. Не ходите,

И слушайте меня.

(Берет его за руку.)

Вы все обмануты!... Та маска

(облокачивается, почти упадая)

Это я!

Князь

Как? Вы?.. О провиденье!

(Молчание.)

Но шприх!.. Он говорил... какой содом! [149]

Баронесса (опомнясь и отходя)

Минутное то было заблужденье,

Безумство странное – теперь я каюсь в нем.

Оно прошло. Забудьте обо всем.

Отдайте ей браслет – он был найден случайно

Какой-то чудною судьбой,

И обещайте мне, что это тайной

Останется... мне будет бог судьей.

Вас он простит... меня ж простить уж в вашей воле,

Я удаляюсь... думаю, что боле

Мы не увидимся.

(Подойдя к двери, видит, что он хочет броситься за ней.)

Не следуйте за мной.

(Уходит.)

Выход шестой

Князь один

Князь (после долгого размышления)

Я, право, думать что, не знаю,

И только мог понять из этого всего,

Что случай счастливый под носом пропускаю,

Не сделав ничего.

(Подходит к столу.)

Ну вот еще... записка... от кого?

Арбенин! Прочитаю!..

«Любезный князь! Приезжай сегодня к Н. вечером: там будет вся наша компания, и мы весело проведем время... я не хотел разбудить тебя, а то ты бы спал целый вечер. Прощай, жду непременно; твой искренний

Евгений Арбенин».

Ну, право, глаз особый нужен,

Чтоб в этом увидеть картель.

Где слыхано, чтоб звать на ужин

Перед тем, чтоб вызвать на дуэль.

Сцена 3

Выход первый

(Комната игроков.) (Казарин и прочие.)

(Стол один. Собираются ужинать.)

Казарин

Ну, господа, надежда есть!

Арбенин, верно, нынче будет,

А стоит лишь ему присесть,

Так встать сам черт уж не принудит.

Да, я почуял издали,

Что скоро нам он будет нужен.

Союз наш стал не слишком дружен,

И годы тяжкие пришли.

Когда всё общество готово

Вдруг разорваться навсегда,

Нужней нам боле, чем когда,

Товарищ умный, господа,

С огнем в груди и силой слова,

Не дурно, если он к тому ж

Любитель смелых предприятий,

Имеет тысячи три душ

И покровительство у знати.

Дарами этими вполне

Снабдил Арбенина создатель,

Он будет верен старине;

И сверх того, он мой приятель.

Все

О, если так, то ради мы душой.

Казарин

О, вы увидите, как всё пойдет исправно!

(В сторону)

Глядишь, а там другой, еще другой

Появится, ушедший на покой.

И заживу, как прежде, славно.

А мне же эта молодежь

Ну просто нож!

Толкуй им как угодно,

Не знают ни завесь, ни в пору перестать,

Ни кстати честность показать,

Ни передернуть благородно!

(Является еще несколько игроков.)

Взгляните-ка, – из стариков

Как многие игрой достигли до чинов,

Из грязи

Вошли со знатью в связи,

И всё ведь от<ч>его, – умели сохранять

Приличие во всем, блюсти свои законы,

Держались правил... глядь!

При них и честь и миллионы!..

Выход второй

Арбенин и прежние

(Арбенин входит.)

<Казарин>

Арбенин, милый друг, какой судьбой!..

(Все обращаются.)

Соскучился... пришел рассеяться немного,
Хочу отстать от жизни строгой
И вспомнить ночи жизни холостой!
Казарин

Похвально... ты по всем приметам гений,
Теснит тебя домашний круг,
Дай руку, милый друг,
Ты наш...
Арбенин

Я ваш! Былого нет и тени!..
Мечту я вдребезги разбил
И снова жить хочу, как жил.
(Все подходят и жмут руки.)

Многие

Ах, как мы ради – вас недоставало
Одних...
Арбенин

Вы ради? Я – нимало.
Но так велит судьба – и это не упрек.
Я сам таков же; был всегда игрок
И буду им опять... но я прошу вниманья,
Условия мои понравятся ли вам,
Исполните одно мое желанье,
А я взамен вам всё отдам,
Что выиграю в месяц...
(Смеется.)

Казарин

Что ж такое?
Арбенин

Забава – так! – пустое!
Князь Звездич вам знаком?..
Другой

Конечно... я с ним дружен.
Арбенин

Он будет нынче – прежде надо ужин,
Вино, веселость – а потом...
Третий

Потом...
Арбенин

Он проиграет.
Третий

Много?
Арбенин

Всё на свете.
Всё... всё...
Игрок

Но кто ж в ответе
За следствия?
Арбенин

Я отвечаю, я,

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru
И в награждение вам за то вся жизнь моя;
Мое искусство... всё... о, я разрушу
Твой сладкий мир, глупец, и яду подолью..
И если бы ты мог на карту бросить душу,
То я против твоей поставил бы свою.
Многие (смеясь)

О, мы его зарежем без условий,
Пожалуй.
Арбенин

Ваши руки, господа..
Не бойтесь – на картах нет следа
Ни слез, ни крови.
(Звонок.)

Казарин

Вот, кажется, и князь! Сомнения нет!..
Арбенин

Надеюсь на вас..
Игрок

О, будьте без сомнения.
Казарин

Тебе уйти б не худо в кабинет.
Арбенин

Ты прав, он догадаться может..
(Уходит в дверь.) (Князь входит.)

Выход третий
Князь Звездич и прежние, кроме Арбенина

Князь

Извиненья
Прошу, что опоздал.
Хозяин

Князь, без чинов у нас!
Мы рады вам во всякий час!
А вот вы прямо к ужину успели,
И как старинный аматер,
Я вас попотчую, есть у меня Lausueur
И славный шамбертень. [150]
(Садятся.)

Князь

Второе ближе к цели.
Казарин

Вино несчастных друг – а вы счастливец, князь.
Князь

Напротив, эти дни мне всё не удавалось.
Казарин

Пожалуй, захотите не трудясь..
Вам, верно, не случилось
С самим собой пускаться на пари,
Чтоб наверняка узнать вражду или пристрастие
Судьбы и счастья.
Присядьте поиграть прилежно ночи три,
Смотрите только уж не доле;

По кушам маленьким сначала, а когда
Пойдет... так и смелей, – но чтоб всегда
Остановиться было в вашей воле.
(Подливают.)

Князь

Я с некоторых пор поклялся не играть!..
Казарин (в сторону)

Хороший знак.
Игрок

Мне вас легко понять!
Я нрава сам такого.
Однажды как-то банк всё у меня унес,
Я банки не метать тогда ж себе дал слово –
И вот уж десять лет играю только в штосс!..
(Хохочут.) (Приготавливают в стороне стол, некоторые встают из-за стола и мешают
карты, и начинают играть.)

Князь (в сторону)

Однако, кажется, я быть могу спокоен,
Арбенин не пришел, не храбрый, видно, воин!..
(Наливает себе.) Но, впрочем, лучше и ловчей

С его женой мне объясниться,
Отдать браслет на бале завтра ей
И тем от зла спокойно удалиться.
Казарин (игр<ает>)

На ваше счастье, князь, поставить карту нам
Позвольте..
Князь (допивая)

Очень рад.
Казарин

Взяла опять... вот диво..
Ну, счастье к вам несправедливо!..
Князь

Да, счастье подобно всем рабам,
Услужливо к чужим лишь господам,
И если б голова моя не так кружилась,
То..
(садится и ставит).

Казарин (отходя)

Сел – ну, с плеч гора свалилась!
Арбенин угостил нас славно в день вступленья.
Игрок

Но он расстроен был, пришел сюда в волненье.
Казарин

Конечно с радости, что бросил модный свет
И снова поступил в ученый Комитет!
Князь

Ага, ну что?
Игрок (в притворной досаде)

Беда!
Князь

Ведь прав Казарин,
Иль гость незванный хуже, чем татарин?
Но, впрочем, господа, меня Арбенин звал.
Арбенин! – друг мой и приятель,
я всюду с ним – на бал
И в маскарад... я страстный обожатель
Всех черных домино.
Выход четвертый
Прежние и Арбенин

(В это время Арбенин отворил половину двери и смотрит на него.) (И остается так.)

1<-й> игрок

Вы бьете наповал,
Нельзя играть...
2<-й> игрок

Что ж дальше?
Князь

О! Конечно,
Я нынче счастлив... счастье не вечно!..
Арбенин (сквозь зубы)

Да, счастлив потому, что в пору замолчал!
Князь (играет)

(Играют. Казарин подошел, посмотрел и воротился к Арбенину.)

Казарин

Мой милый, поздравляю,
Теперь уж он не вырвется от нас.
Игрок

Что ж, вы играете?
Князь

Играю..
Рискую, мешкать скучно.
Игрок

В добрый час.
Вы проиграли.
Князь

Что ж, я не печалюсь.
Сегодня счастье пощадило вас,
А завтра надо мной на первый раз
Уж верно сжалится.
Арбенин

Да я не сжалюсь.
Отныне ты пойдешь моим путем,
Кровавых слез познаешь сладость,
Былое счастье будет в тягость
Твоей душе... И мыслить об одном
Ты будешь день и ночь: и постепенно чувства
Любви, высокого погаснут и умрут,
И совесть замолчит при голосе искусства,
И жизнь твоя пройдет вся тут,
За карточным столом, без мысли, одноцветна,
Как ассигнация, – и если неприметно
Надежды прежние в тебе и оживут, –
То успокойся, друг, – я буду тут..
Теперь мы квиты.

(Арбенин сзади подходит.)

князь (игроку)

Как? я откажусь! Пустое!
Я тверд и уж свое возьму назад.
Арбенин (на ухо ему громко)

Князь, я советую вам съездить в маскарад
Рассеяться...
(Уходит быстро, игроки смеются.)

Выход пятый
Прежние, кроме Арбенина

Князь

А!
(вскакивает)

Что такое?
Кто говорил? Кто говорил?
1<-й> игрок

Не я!
2<-й> игрок

Не я!
Князь

Да что такое? Шутка?
(Многие смеются сзади.)

Арбенин здесь иль я лишен рассудка.
Казарин

Арбенин? Что вы?
Князь

Он мне говорил,
Я слышал.
Казарин

Полноте тревожиться мечтою.
Князь (почти про себя)

Нет, слишком я испуган был,
И этот голос мне не даст покою.
Казарин

Эх, полно, князь, – садитесь-ка сюда,
И разом думы все сбегут с вас, как вода!..
(Князь, махнув рукой, садится.)

<IV-й> акт
Сцена первая
Выход первый
Хозяйка, Нина, Арбенин. Князь Звездич. Гости

(Бал. Сидят – рояль налево.)

Хозяйка

Я баронессу жду... не знаю,
Приедет ли. Мне, право, было б жаль
За вас, мосье Петров.

Я вас не понимаю..
(Принужденно улыбаются.)

1-й гость (чиновник)

Вы ждете баронессу Траль?..
Так вы не знаете? Какими же судьбами?
Она уехала.
Многие

Неужели! – как жаль!
Вы, верно, шутите над нами?
2-й

Давно ли? Как?
Третий

Когда?
Хозяйка

Вы сами видели?
1-й гость

Увы, к несчастью, да.
Сегодня поутру в двенадцатом в начале,
Нет, в первом, я заехал к ней;
Вхожу. Столы, диваны в зале,
Комоды, сундуки. В передней нет людей,
Ни тени жизни светской!
Смущен иду назад. Навстречу мне дворецкой
В тулупе, в теплых сапогах.
Лицо в аршин, печаль в глазах.
Что это значит, братец? – Мы-с съезжаем.
– На дачу? – Нет-с. – Куда ж?
– То знает барыня – мы-с ничего не знаем;
В раздумье выхожу. Дорожный экипаж
Уж подвезен к крыльцу шестеркою разгонной,
Вздыхнув, я пожелал счастливых много лет
Прекрасной страннице и к графу на обед
Помчался по Мильонной!.. [151]
Хозяйка

Загадка несколько темна!
В деревню ль, в монастырь сокроется она?
2-й гость

Она жила довольно пышно
И многим здесь была должна.
3-й гость

Нет, я не думаю, ведь это было б слышно.
Нина

Но, может быть, любовь, измены весть,
Отчаянье.
Пожилой человек

Отчаянье? Да, есть
И это слово в дамском лексиконе,
Благодаря романам и творцу
Оно довольно звучно даже в тоне
И многим женщинам к лицу:
Ведь носят же супиры, сувениры
И репантиры? [152]
Дивлюся, как давно не превратят
Отчаянье в какой-нибудь наряд.

Но успокойтесь, в числе других товаров
На днях Париж сюда пришет
Несметное число премилых дезесепоаров. [153]
Нина (улыбаясь)

Вы вечно против женщин или мод.
(Гость садится за фортепьяно и играет вальс.)

Хозяйка

Прошу вас, начинайте.
Один гость

Мы дамам не дадим присесть,
Но вы собой пример подайте.
(Идет с ней.)

Нина (одной даме)

Вальс – божество мое.
Князь (ей)

Угодно сделать честь?
(Делает с ней тур и останавливается в стороне.)

(В сторону)

Не будет случая другого,
Теперь от всех мы с ней удалены.
(Ей)

Я должен вам сказать два слова,
И вы их выслушать должны.
Нина

Должна?
Князь

Должны для вашего же счастья.
Нина

Какое странное участие!
Князь

Я вас молю!
Нина

И просьба как приказ.
Вы нынче дерзки, как в тот раз.
Князь

Тогда я мог таким казаться,
Но нынче должен оправдаться!
Нина

Такой же дерзостью, от лишнего труда
Я, князь, охотно вас избавлю.
Князь

Но вы не знаете! – но вам грозит беда.
Я сделал глупость и ее поправлю,
Я не шучу... Послушайте – назад
Тому дней шесть я ездил в маскарад.
Там в знак любви браслет мне дали.
Конечно, где-нибудь его вы потеряли,
Но я вообразил, что это были вы.
Обманутый безумным подозреньем,
Я вас преследовал и принят был с презреньем,

И вздумал отомстить орудием молвы!..
Теперь я всё узнал – теперь я перед вами,
Готовый казнь принять, – и посудите сами,
Как мог я вдруг расстаться сам собой
С моей божественной мечтой?

Нина

я всё простила б вам, когда бы вы молчали.
Князь

я знаю сам, мне извиненья нет,
(она хочет идти)

Еще минута, вот браслет.
О, если б вы его судьбы вовек не знали,
(она берет)

О, если б прошлое я уничтожить мог!
Ваш муж.
Нина (вздрагивает)

Мой муж.
Князь

Ему всё рассказали.
Нина (гордо)

Мой муж не знает ничего.
Князь

дай бог.
(Она уходит.)

(Один)

Холодный едкий взгляд – то был упрек в боязни.
Арбенин (в сторону)

дай бог, чтоб ничего вовеки он не знал!
Князь

Но я достоин этой казни.
Арбенин

Всё кончено – я слишком много ждал.
Хозяйка (иным)

Как много съехалось – здесь, право, будет тесно.
Прошу вас в залу, господа,
Mesdames, пожалуйста туда.
Выход второй
(Все уходят.)

Арбенин (один) (про себя)

я сомневался? Я? – а это всем известно!
Намеки колкие со всех сторон
Преследуют меня... Я жалок им, смешон!..
И где плоды моих усилий?
И где та власть, с которою порой
Казнил толпу я словом, остротой?
Две женщины ее убили!
Одна из них... О, я ее люблю,
Люблю – и так неистово обманут..
Нет, людям я ее не уступлю..
И нас судить они не станут..
Я сам свершу свой страшный суд..
я казнь ей отыщу – моя ж пусть будет тут!

Она умрет, жить вместе с нею доле
я не могу... жить розно?
(Как бы испугавшись себя)

Решено.
Она умрет. Я прежней твердой воле
Не изменю! Ей, видно, суждено
Во цвете лет погибнуть, быть любимой
Таким, как я, злодеем и любить
Другого... это ясно! Как же можно жить
Ей после этого!.. Ты, бог незримый,
Но бог всевидящий... возьми ее, возьми.
Как свой залог тебе ее вручаю.
Прости ее, благослови,
Но я не бог и не прощаю!
(Слышны звуки музыки.)

(Ходит по комнате, вдруг останавливается.)

Тому назад лет десять я вступал
Еще на поприще разврата.
Раз, в ночь одну, я всё до капли проиграл, –
Тогда я знал уж цену злата,
Но цену жизни я не знал!
Я был в отчаянье – ушел и яду
Купил – и возвратился вновь
К игорному столу – в груди кипела кровь.
В одной руке держал я лимонаду
Стакан – в другой четверку пик.
Последний рубль в кармане дожидался
С заветным порошком... риск, право, был велик
Но счастье вынесло – и в час я отыгрался.
С тех пор хранил я этот порошок,
Среди волнений жизни трудной,
Как талисман таинственный и чудный,
Хранил на черный день, и день тот недалек.
(Уходит быстро.)

Выход третий
Хозяйка, Нина и несколько дам и кавалеров

(Во время последних строк входит хозяйка и несколько гостей.)

Хозяйка

Не худо бы немного отдохнуть.
Дама (другой)

Так жарко здесь, что я растаю.
Петров

Настасья Павловна споет вам что-нибудь.
Нина

Романсов новых, право, я не знаю,
А старые наскучили самой.
Дама

Ах, в самом деле, спой же, Нина, спой.
Хозяйка

Ты так мила, что, верно, не заставишь
Себя просить напрасно целый час.
Нина (садясь за пиано)

Но слушать со вниманьем – мой приказ, –

Хоть этим наказаньем вас
Авось исправишь!
(Поет)

«Когда печаль слезой невольной
Промчится по глазам твоим,
Мне видеть и понять не больно,
Что ты несчастлива с другим.

*

Незримый червь незримо гложет
Жизнь беззащитную твою,
И что ж? Я рад, что он не может
Тебя любить, как я люблю.

*

Но если счастье случайно
Блеснет в лучах твоих очей,
Тогда я мучусь горько, тайно
И целый ад в груди моей».
Выход четвертый
Прежние, Арбенин

(В конце 3<-го> куплета муж входит и облакач<ивается> на фортепьяно.)

(Она, увидев, останавливается.)

Арбенин

Что ж, продолжайте.
Нина

Я конец совсем
Забыла.
Арбенин

Если вам угодно,
То я напомню.
Нина (в смущении)

Нет, зачем.
(В сторону, хозяйке)

Мне нездоровится.
Петров (другому)

Во всякой песне модной
Всегда слова такие есть,
Которых женщина не может произнести.
Гость 1

К тому же слишком прям и наш язык природный
И к женским прихотям доселе не привык.
Гость 2

Вы правы, как дикарь, свободе лишь послушный,
Не гнется гордый наш язык,
Зато уж мы как гнемся добродушно.
(Подают мороженое.) (Гости расходятся к другому концу залы и по одному уходят в
другие комнаты, так что наконец Арбенин и Нина остаются вдвоем.)

Нина (хозяйке)

Там жарко, отдохнуть я сяду в стороне!
(Мужу)

Мой ангел, принеси мороженого мне.
(Арбенин вздраг<ивает> и идет за мороженым. Возвращается и всыпает яд.)

Арбенин (в сторону)

Смерть, помоги!
Нина (ему)

Мне что-то грустно, скучно.
Конечно, ждет меня беда.
Арбенин (в сторону)

Предчувствиям я верю иногда.
(Подавая)

Возьми, от скуки вот лекарство.
Нина

Да, это прохладит.
(Ест.)

Арбенин

О, как не прохладить.
Нина

Послушай, надо мне с тобой поговорить.
Арбенин

Успеем и потом.
Нина

Обманы, ложь, коварство,
Вот всё, на чем вертится свет.
Ужасно.
Арбенин

Да, ужасно!
Нина

Душ непорочных нету.
Арбенин

Нет!
Я думал, что нашел одну, – и то напрасно.
Нина

Что говоришь ты?
Арбенин

Я сказал,
что в свете лишь одну такую отыскал.
Тебя.
Нина

Ты бледен.
Арб<енин>

Много танцевал.
Нина

Опомнись, топ апі, [154] ты с места не вставал.
Арб<енин>

Так, верно, потому, что мало танцевал!
Нина (отдает пустое блюдечко)

Возьми, поставь на стол.
Арбенин (берет)

Всё, всё!
Ни капли не оставить мне! Жестоко!

Шаг сделан роковой, назад идти далеко,
Но пусть никто не гибнет за нее.
(Бросает блюдечко об землю и разбивает.)

Нина

Как ты неловок.
Арбенин

Ничего, я болен.
Поедем поскорей домой.
Нина

Поедем, но скажи мне, милый мой:
Ты нынче пасмурен! Ты мною недоволен?
Арбенин

Кто? Я? Нет, нынче я доволен был тобой.
(Уходят.)

Сцена вторая
Выход первый
Спальня Арбенина

(Входит Нина, за ней служанка.)

Служанка

Сударыня, вы что-то бледны стали.
Нина (снимая серьги)

Я нездорова.
Служанка

Вы устали.
Нина (в сторону)

Мой муж меня пугает, – отчего
Не знаю! – он молчит, и странен взгляд его.
(Служанке)

Мне что-то душно – верно, от корсета.
Скажи, к лицу была сегодня я одета?
(Идет к зеркалу.)

Ты права, я бледна, как смерть бледна,
Но в Петербурге кто не бледен, право!
Одна лишь старая княжна,
И то – румяны! Свет лукавый!
(Снимает пукли и завертывает косу.)

Брось где-нибудь и дай мне шаль.
(Садится в креслы.)

Как новый вальс хорош! В каком-то упоенье
Кружилась я быстрее – и чудное стремленье
Меня и мысль мою невольно мчало вдаль,
И сердце сжалось – не то чтобы печаль,
Не то чтоб радость. Саша, дай мне книжку!
Как этот князь мне надоел опять.
Я проучу надменного мальчишку!..
И что он думает?
Служанка

Прикажете убрать?
(показывая на наряды.)

Нина

Оставь.
(Погружается в задумчивость.)

(Арбенин показывается в дверях.)

Служанка

Прикажете идти?
Арбенин (служанке глухо)

Ступай.
(Служанка не уходит.)

Иди же.
(Уходит, он запирает дверь.)

Выход второй
Арбенин и Нина

Арбенин

Она тебе уж больше не нужна.
Нина

Ты здесь?
Арб<енин>

Я здесь!
Нина

Я, кажется, больна!
И голова в огне, – поди сюда поближе.
Дай руку... чувствуешь, как вся горит она?
Зачем я там мороженое ела,
Я, верно, простудилась тогда;
Не правда ли?
Арбенин (в рассеянности)

Мороженое? Да!
Нина

Мой милый, я с тобой поговорить хотела!
Ты изменился с некоторых пор,
Уж прежних ласк я от тебя не вижу,
Отрывист голос твой, и холоден твой взор,
И всё за маскарад – о, я их ненавижу;
Я заклалась в них не ездить никогда.
Арб<енин> (в сторону)

Не мудрено, теперь без них уж можно!
Нина

Что значит поступить хоть раз неосторожно.
Арб<енин>

Неосторожно! О!
Нина

И в этом вся беда.
Арб<енин>

Обдумать всё заранее надо было.
Нина

О, если бы я нрав заранее знала твой,

То верно не была б твоей женой.
Терзать тебя, страдать самой,
Как это весело и мило!
Арб<енин>

И то: к чему тебе моя любовь!
Нина

Какая тут любовь? На что мне жизнь такая!
Арбенин (садится возле нее)

Ты права! Что такое жизнь? – жизнь вещь пустая.
Покуда в сердце быстро льется кровь,
Всё в мире нам и радость и отрада.
Пройдут года желаний и страстей,
И всё вокруг темней! Темней!
Что жизнь? Давно известная шарада
Для упражненья детей;
Где первое – рожденье, где второе –
Ужасный ряд забот и муки тайной ран,
Где смерть – последнее, а целое – обман!
Нина (показывая на грудь)

Здесь что-то жжет.
Арбенин (продолжая)

Пройдет! Пустое!
Молчи и слушай: я сказал,
Что жизнь лишь дорога, пока она прекрасна,
А долго ль! Жизнь, как бал:
Кружиться весело, – кругом всё светло, ясно...
Вернулся лишь домой, наряд измятый снял...
И всё забыл, и только что устал.
Но в юных летах лучше с ней проститься,
Пока душа привычкой не сроднится
С ее бездушной пустотой;
Мгновенно в мир перелететь другой,
Покуда ум былым еще не тяготится,
Покуда с смертию легка еще борьба;
Но это счастье не всем дает судьба.
Нина

О нет, я жить хочу.
Арбенин

К чему?
Нина

Евгений,
Я мучусь, я больна.
Арб<енин>

А мало ли мучений,
Которые сильнее, ужаснее твоих.
Нина

Пошли за доктором.
Арб<енин>

Жизнь – вечность! – смерть – лишь миг.
Нина

Но я – я жить хочу.
Арб<енин>

И сколько утешений
Там мучеников ждет.
Нина (в отчаянии)

Но я молю:
Пошли за доктором скорее.
Арб<енин> (встает, холодно)

Не пошлю.
Нина (после молчания)

Конечно шутишь ты – но так шутить безбожно.
Я умереть могу – пошли скорей.
Арб<енин>

Что ж, разве умереть вам невозможно
Без доктора?
Нина

Но ты злодей,
Ты изверг... это слишком... ты погубишь
Меня... Евгений. Я жена
Твоя.
Арб<енин>

Да! Знаю, знаю!
Нина

О, сжался! Пламень разлился
В моей груди, я умираю.
Арбенин

Так скоро? Нет, еще
(смотрит на часы)

Осталось полчаса.
Нина

О, ты меня не любишь.
Арбенин

А за что же
Тебя любить – за то ль, что целый ад
Мне в грудь ты бросила... о нет, я рад, я рад
Твоим страданиям. Боже, боже!
И ты, ты смеешь требовать любви!
А мало я любил тебя, скажи?
А этой нежности ты знала ль цену?
А много ли хотел я от любви твоей?
Улыбку нежную, приветный взгляд очей.
И что ж нашел? Коварство и измену.
Возможно ли? Меня продать!
Меня за поцелуй глупца... меня, который
По слову первому был душу рад отдать,
Мне изменить, – мне? И так скоро!..
Нина

Но ты не выслушал... Я нынче лишь сама
Узнала всё.
Арб<енин>

Прочь, прочь! О, я сойду с ума,
Не верю – прочь! Когда же перестанут
Меня терзать.
Нина

Всё это клевета молвы,
Ошибка, оба были вы
Обмануты.
Арбенин

Так, так, я был обманут.
Довольно... я ошибся! Возмечтал,
Что я могу быть счастлив... Думал снова
Любить и веровать... Но час судьбы настал,
И всё прошло, как бред больного!
Быть может, я б успел небесные мечты
Осуществить, предавшись надежде,
И в сердце б оживил всё, что цвело в нем прежде,
Ты не хотела – ты!
Плачь!.. Плачь. Но что такое, Нина,
Что слезы женские? Вода!..
Я ж плакал – я, мужчина!..
От злобы, ревности, мученья и стыда
Я плакал – да!
А ты не знаешь, что такое значит,
Когда мужчина – плачет!
О! В этот миг к нему не подходи,
Смерть у него в руках – и ад в его груди!
Нина

(в слезах упада<ет> на колени и поднимает руки к небу)

Творец небесный, пощади!
Не слышит он – но ты всё слышишь – ты всё знаешь,
Невинность пред тобой, не очерняя врага,
И ты меня, всесильный, оправдаешь!
Арб<енин>

Остановись – хоть перед ним не лги!
Нина

Нет, я не лгу – я не нарушу
Его святыни ложною мольбой,
Ему я предаю страдальческую душу;
Он твой судья, защитник будет мой.
Арбенин

(который во время этого ходил по комнате, сложив руки)

Теперь молиться время, Нина,
Ты умереть должна чрез несколько минут,
И тайной для людей останется кончина
Твоя, и нас рассудит только божий суд.
Нина

Как, умереть – теперь, сейчас – нет, быть не может!
Арбенин

Я знал заранее, что это вас встревожит.
Нина

Смерть, смерть! Он прав. В груди огонь – весь ад.
Арбенин

Да, я тебе на бале подал яд.
(Молчание.)

Нина

Не верю, невозможно – нет, ты надо мною
(бросается к нему)

Смеешься... ты не изверг... нет! В душе твоей
Есть искра доброты... с холодностью такую
Меня ты не погубишь в цвете дней.
Не отворачивайся так, Евгений,
Не продолжай моих мучений,
Спаси меня, рассея мой страх.

Взгляни сюда...

(Смотрит ему прямо в глаза и отскакивает.)

О! Смерть в твоих глазах.

(Упадает на стул и закрывает глаза.)

(Он подходит и целует ее.)

Арбенин

Да, ты умрешь, и я останусь тут
Один, один, один... Года пройдут,
Умру – и буду всё один! Ужасно!
Но ты не бойся! Мир прекрасный
Тебе откроется – и ангелы возьмут
Тебя в небесный свой приют. (Плачет.)
Да, я тебя люблю, люблю... я всё забвению,
Что было, предал, есть граница мщенью,
И вот она – смотри, убийца твой
Здесь, как дитя, рыдает над тобой.
Нина (вырывается и вскакивает)

Сюда... сюда... на помощь! Умираю.
Яд, яд – не слышат – понимаю,
Ты осторожен... никого! – нейдут.
Но помни! Есть небесный суд,
И я тебя, убийца, проклинаяю.
(Не добежав до двери, падает без чувств.)

Арбенин (горько смеясь)

Проклятие! Что пользы проклинать?
Я проклят богом.
(Подходит.)

Бедное созданье!
Ей не по силам наказанье...
(Стоит сложа руки.)

Бледна (содрогается), но все черты спокойны.
Не видать
В них ни раскаянья, ни угрызений.
Ужель?
Нина (слабо)

Прощай, Евгений!
Я умираю, но невинна... ты злодей...
Арбенин

Ложь!
Нет, нет – не говори, тебе уж не поможет
Ни ложь, ни хитрость – говори скорей:
Я был обманут... так шутить не может
Сам ад любовью моей.
Молчишь? А, месть тебя достойна...
Но я не верю... будь спокойна!
Нина

Теперь мне всё равно... я всё ж
Невинна.
Арбенин

Ложь! Ложь! Ложь!
(С хитрой лаской)

Послушай, средство есть тебя спасти...
Нина

Скорей,
Скорей – на все готова.
Арб<енин>

Скажи, что ты виновна. Лишь два слова...
Есть время.
Нина

Жизнь! Спасение.
Арбенин

Страшна
Открытая могила.
Нина (умирающим голосом)

Всё правда, я преступна, изменила.
Арбенин (грозно)

Прощай, мой друг, – ты умереть должна.
Нина

Ах! Обманул...
(<Арбенин> садится в креслы.)

(Молчание. Слышен тяжелый стон Нины. Арб<енин> встает и подходит – вздрагивает.)

Арб<енин>

Теперь пора!
(Бросается в дверь.)

Выход третий
Прежние и несколько служанок и слуг

<Арбенин>

Сюда...
Сюда... ей дурно... умирает...
Что ж – не проснетесь никогда...
За доктором, за доктором.
Голоса (Люди прибегают.)

Беда.
Что с барыней?
Арб<енин>

Иль здесь никто из вас не знает
Меня!.. Вы видите, она
Без чувств и как мертвец бледна.
(Суета – он стоит в дверях, сложа руки, не решается подойти.)

1 <-я> служанка

За доктором скорей.
2 <-я>

Да где найдешь?
3 <-я>

Над нами
Живет какой-то, побегу за ним.
4 <-я> (возле Нины)

Подайте капель.
5 <-я>

С ней удар.
4 <-я>

Сpirтами
Ей потеряеть виски... где барин?
3 <-я>

С ним
Теперь не говори.
4 <-я>

Голубушка! Чуть дышит.
И губы синие... сударыня.
2 <-я>

Не слышит.
Выход четвертый
Прежние и доктор

(Входит доктор.)

Доктор

Давно ли госпожа Арбенина больна?
Служанка

Сейчас схватило.
Доктор

Как, во время сна!
Служанка

Нет-с, только что вернулись с бала.
(Подходит муж.)

Доктор

А!..
Служанка

Верно, простудилась.
Доктор

А!
Она, конечно, много танцевала.
Арбенин (взяв его за руку)

И тотчас, не простыв, как помню, три куска
Мороженого.
Доктор

А! И воспаленье..
Такой болезни два скачка.
Арбенин (мрачно и с горькой улыбкой)

Вы поняли болезнь, я жду от вас спасенья.
Доктор (пощупав пульс)

Готов употребить я всё свое уменье,
Но..
Арбенин

Но..
Доктор

Власть бога велика.
Она скончалась.
Арбенин (как будто отдохнув)

О!

Я вижу, вас тревожит
Ужасно эта горестная весть,
Но успокойтесь, быть может,
Я поспешил, и средство есть!
Рецептик написать, послать в аптеку
В одну минуту я б успел.
Арб<енин>

Вы думаете? Нет, не сделать человеку
Того, что сделать бог не захотел.
Доктор

Итак, я больше здесь не нужен... вам осталось
Беречь себя.
(Уходит.)

Выход пятый
Арбенин один

Арб<енин>

Ого! Я невредим...
Каким страданиям земным
На жертву грудь моя ни предавалась...
А я всё жив! Я счастья искал,
И в виде ангела мне бог его послал.
Мое преступное дыханье
В нем осквернило божество...
И вот оно, прекрасное созданье,
Смотрите... холодно... мертво!..
Раз в жизни человека мне чужого,
Рискуя честью, от гибели я спас,
А он, смеясь, шутя, не говоря ни слова,
Он отнял у меня всё, всё – и через час.
Конец

Арбенин
Драма в 5-ти действиях, в стихах

Действующие лица
Евгений Александрович Арбенин.

Нина, жена его.

Оленька, компаньонка.

Афанасий Павлович Казарин.

Князь Звездич.

Адам Петрович Шприх.

Игроки.

Гости.

Служанки.

Действие первое
Явление 1
Игроки, князь Звездич, Казарин и Шприх

(За столом мечут банк и понтируют... кругом стоят.)

1 <-й> понтер

Банкомет

Извольте.

1 <-й> понтер

Сто рублей.

Банкомет

Идет.

2 <-й> понтер

Ну, добрый путь.

3 <-й> понтер

Вам надо счастье поправить...

И не мешало бы загнуть.

2 <-й> понтер

На все?.. Нет, жжется!

4 <-й> понтер

Послушай, милый друг, кто нынече не гнется,

Ни до чего тот не добьется.

3 <-й> понтер (тихо первому)

Смотри во все глаза.

Князь Звездич

Ва-банк.

2 <-й> понтер

Эй, князь.

Гнев только портит кровь, – играйте не сердясь.

Князь

На этот раз оставьте хоть советы.

Банкомет

Убита.

Князь

Черт возьми.

Банкомет

Позвольте получить...

2 <-й> понтер (насмешливо)

Я вижу, вы в пылу, готовы всё спустить.

Что стоят ваши эполеты?

Князь

Я с честью их достал, – и вам их не купить.

Явление 2

(Те же и Арбенин.)

(Арбенин входит, кланяется, подходит к столу, потом делает некоторые знаки и отходит с Казариным.)

Арбенин

Ну что, уж ты не мечешь?.. А, Казарин?

Казарин

Смотрю, брат, на других.

А ты, любезнейший, женат, богат, – стал барин,

И позабыл товарищей своих!

Арбенин

Да, я давно уж не был с вами.
Казарин

Делами занят всё?
Арбенин

Любовью... не делами.
Казарин

С женой, по балам.
Арбенин

Нет.
Казарин

Играешь?
Арбенин

Нет... Утих!
Но здесь есть новые, кто этот франтик?
Казарин

Шприх!
Адам Петрович!... я вас познакомлю разом.
(Шприх подходит и кланяется.)

Вот здесь приятель мой, рекомендую вам,
Арбенин.
Шприх

Я вас знаю.
Арбенин

Помнится, что нам
Встречаться не случилось.
Шприх

По рассказам.
И столько я о вас слышал того, сего,
Что познакомиться давным-давно желаю.
Арбенин

Про вас я не слышал, к несчастью, ничего,
Но многое от вас, конечно, я узнаю.
(Раскланиваются опять. Шприх, скорчив кислую мину, уходит.)

Он мне не нравится... видал я много рож,
А этакой не выдумать нарочно:
Улыбка злобная, глаза... стеклярус точно,
Взглянуть – не человек, – а с чертом не похож.
Казарин

Эх, братец мой, что вид наружный?
Пусть будет хоть сам черт!.. Да человек он нужный,
Лишь адресуйся – одолжит.
Какой он нации, сказать не знаю смело:
На всех языках говорит,
Верней всего, что жид.
Со всеми он знаком, везде ему есть дело,
Всё помнит, знает всё, в заботе целый век,
Был бит не раз – с безбожником безбожник,
С святошей – иезуит, меж нами – злой картежник,
А с честными людьми – пречестный человек,
Короче, ты его полюбишь, я уверен.
Арбенин

Портрет хорош, – оригинал-то скверен!

Ну, а вон тот, высокий и в усах,
И нарумяненный вдобавок?
Конечно, житель модных лавок,
Любезник отставной и был в чужих краях,
Конечно, он герой не в деле
И мастерски стреляет в цель?
Казарин

Почти... он из полка был выгнан за дуэль
Или за то, что не был на дуэли.
Арбенин

А этот маленький каков?
С крестом, растрепанный...
Казарин

Трущов?
О, малый необыкновенный!
Не знаю, в штатской иль военной,
Но в Грузии когда-то он служил,
Иль послан был туда с каким-то генералом,
Кого-то там из-за угла хватил;
Пять лет за то был под началом
И крест на шею получил.
Игроки (кричат Казарину)

Пожалуйте сюда.
Казарин

Иду.
1 <-й> понтер

Скорей.
Казарин

Какая там беда?
(Живой разговор между игроками, потом успокоиваются, Арбенин замечает князя Звездича и подходит.)

Арбенин

Князь, как вы здесь? Ужель не в первый раз?
Князь (недовольно)

Я то же самое хотел спросить у вас.
Арбенин

Я ваш ответ предупреду, пожалуй:
Я здесь давно знаком; и часто здесь, бывало,
Смотрел с волнением немым,
Как колесо вертелось счастья.
Один был вознесен, другой раздавлен им,
Я не завидовал, но и не знал участия:
Видал я много юношей, надежд
И чувства полных, счастливых невежд
В науке жизни... пламенных душою,
Которых прежде цель была одна любовь...
Они погибли быстро предо мною,
И вот мне суждено увидеть это вновь!
Князь (с чувством берет его за руку)

Я проигрался.
Арбенин

Что ж? Топиться!..
Князь

О! Я в отчаянье.

Два средства только есть,
Дать клятву за игру вовеки не садиться
Или опять сейчас же сесть.
Но чтоб у них выигрывать решиться,
Вам надо кинуть всё: родных, друзей и честь,
Вам надо испытать, ощупать беспристрастно
Свои способности и душу: по частям
Их разобрать; привыкнуть ясно
Читать на лицах, чуть знакомых вам,
Все побужденья, мысли; годы
Употребить на упражненье рук,
Всё презирать: закон людей, закон природы,
День думать, ночь играть, от мук не знать свободы,
И чтоб никто не понял ваших мук.
Не трепетать, когда близ вас искусством равный,
Удачи каждый миг постыдный ждёт конец
И не краснеть, когда вам скажут явно:
«Подлец!»
(Молчание. Князь едва его слушал и был в волнении.)

Князь

Не знаю, как мне быть, что делать?
Арбенин

Что хотите.
Князь

Быть может, счастье...
Арбенин

О, счастья здесь нет!
Князь

Я всё ведь проиграл!.. Ах, дайте мне совет.
Арбенин

Советов не даю.
Князь

Ну, сяду...
Арбенин (вдруг берет его за руку)

Погодите,
Я сяду вместо вас. Вы молоды, – я был
Неопытен когда-то и моложе,
Как вы заносчив, опрометчив тоже,
И если б...
(останав <ливается>)

Кто-нибудь меня остановил,
То...
(Смотрит на него пристально.)

(Переменив тон)

Дайте мне на счастье руку смело,
А остальное уж не ваше дело!
(Подходит к столу, ему дают место.)

Не откажите инвалиду,
Хочу я испытать, что скажет мне судьба
И даст ли нынешним поклонникам в обиду
Она старинного раба.
Казарин

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru
Не вытерпел... зажглось ретивое.
(Тихо)

Ну, не ударься в грязь лицом
И докажи им, что такое
Возиться с прежним игроком.
Игроки

Извольте, вам и книги в руки, – вы хозяин,
Мы гости.
1 <-й> понтер (на ухо второму)

Берегись, имей теперь глаза!..
Не по нутру мне этот Ванька-Каин,
И притузит он моего туза.
(Игра начинается, все толпятся вокруг стола, иногда разные возгласы, в продолжение следующего разговора многие мрачно отходят от стола.)

(Шприх отводит на авансцену Казарина.)

Шприх (лукаво)

Столпились в кучку все, кажись, нашла гроза.
Казарин

Задаст он им на месяц страху!
Шприх

Видно,
что мастер.
Казарин

Был.
Шприх

Был, а теперь...
Казарин

Теперь?
Женился и богат, стал человек солидный,
Глядит ягнечком, – а, право, тот же зверь.
Мне скажут, можно отучиться,
Натуру победить. Дурак, кто говорит;
Пусть ангелом и притворится,
Да черт-то всё в душе сидит.
И ты, мой друг,
(ударив по плечу)

Хоть перед ним ребенок,
А и в тебе сидит чертенок.
(Подходят игроки.)

Что, господа, иль не под силу? А?..
1 <-й> игрок

Арбенин ваш мастак.
Казарин

И, что вы, господа!
(Волнение у стола между игроками.)

1 <-й> понтер

Да этак он загнет, пожалуй, тысяч на сто.
4 <-й> понтер (в сторону)

Обрежется.
5 <-й> понтер

Посмотрим.
Арбенин (встает)

Баста!
(Берет золото и отходит, другие остаются у стола. Казарин и Шприх также у стола.
Арбенин молча берет за руки князя и отдает ему деньги. Арбенин бледен.)

Князь

Ах, никогда мне это не забыть...
Вы жизнь мою спасли...
Арбенин

И деньги ваши тоже.
(Горько)

А право, трудно разрешить,
Которое из этих двух дороже.
Князь

Большую жертву вы мне сделали.
Арбенин

Ничуть.
Я рад был случаю, чтоб кровь привести в волнение,
Тревогою опять наполнить ум и грудь;
Я сел играть – как вы пошли бы на сражение.
Князь

Но проиграться вы могли.
Арбенин

Я... нет!.. Те дни блаженные прошли –
Я вижу всё насквозь... все тонкости их знаю,
И вот зачем я нынче не играю.
Князь

Вы избегаете признательность мою.
Арбенин

По чести вам сказать, ее я не терплю.
Ни в чем и никому я не был в жизнь обязан,
И если я кому платил добром,
То всё не потому, что был к нему привязан,
А просто видел пользу в том.
(Арбенин уходит.)

явление 3
(Те же, кроме Арбенина.)

Князь

Мне кажется, он говорил с презреньем.
Досадно! – деньги я не должен был принять,
Казар<ин>

Задумались, – об чем, нельзя ль узнать.
Князь

Смущен я странным приключеньем.
Великодушием...
Казар<ин>

Арбенин не таков –
Он никого без видов не обяжет!
Зато вы можете сегодня ж без чинов
В пух обыграть его – он ничего не скажет.

Но согласитесь вы со мной,
Что одолжаться неприятно
Тому, кто по сердцу для нас совсем чужой.
Казар<ин>

Особенно когда он знатный
И требует покорности немой!
Или когда хотим мы волочиться
За дочерью его иль за его женой.
Всё это может же случиться?
Жена Арбенина собою недурна
И, кажется, в него не очень влюблена,
И я заметил вот недавно,
Как у Печориных движеньем томных глаз
Она кругом искала вас... да, вас,
Э! князь! да вы себя ведете славно,
По нашим вы ступаете следам!
Мое благословенье вам!
Что нынче молодежь! Трудятся, изнуряют
Себя для службы и наград,
О добродетели кричат
И возле женщины порядочной зевают!
Жить не умеют, мой отец,
Стыдятся неудач, боятся приключений;
И чем кончают наконец...
Лет в 25 все женятся – от лени!
Князь

Да кто же вам сказал? Как догадаться вам?
Казар<ин>

Когда Арбенин был в деревне,
Вы ездили к Настасье Алексевне
По вечерам и по утрам.
Князь

Вот мило! – что же тут дурного.
Казар<ин>

Напротив...
Князь

Я боюсь молвы,
И потому надеюсь, что вы
Об этом никому ни слова...
Казар<ин>

Мне изменить вам! Вас предать?
Князь

Но вы Арбенину приятель.
Казар<ин>

Ха! Ха! Ха! Ха! О мой создатель!
Да, он мой друг – вам не угодно ль знать
Начало дружбы нашей, – я был молод,
Двенадцать лет тому назад,
Неопытен, и пылок, и богат,
Но он – в его груди уж крылся этот холод,
То адское презренье ко всему,
Которым он гордится всюду!
Не знаю, приписать его к уму
Иль к обстоятельствам, – я разбирать не буду.
Раз он меня завел под вечерок
К себе – я верил счастью! Кошелек
Мой полон был... я сел играть (признаться,

Страстишка эта уж владела мной)
И проиграл. Отец мой был скупой
И строгий человек: я вздумал отыгратъся!
Но он меня в когтях своих держал,
И я всё снова проиграл.
Я предался отчаянью: тут были,
Я стану правду говорить,
И слезы и мольбы... они в нем возбудили
Один холодный смех – о! лучше бы пронзить
Меня кинжалом!
И с того мгновенья
Покинул я забавы юных лет,
Мечтанья нежные и сладкие волненья,
И в свете мне открылся новый свет,
Мир безобразных, странных ощущений,
Мир обществом отвергнутых людей,
Самолюбивых дум и ледяных страстей
И увлекательных мучений!
Я увидал, что деньги – царь земли,
И поклонился им, – года прошли,
Всё снова унеслось – богатство и здоровье;
Навек передо мной закрылась счастья дверь,
Я заключил с судьбой последнее условье
И вот стал тем, что я теперь,
Умеренный игрок и наблюдатель строгий,
Не действую нигде, зато уж вижу много.
Князь

Послушать вас: Арбенин ваш злодей.
Казар<ин>

Однако ж явно мы поныне
Не ссорились, хотя в душе, ей-ей,
Я не терплю его.
Князь (про себя)

Поеду завтра к Нине!
Действие второе
Бал у Арбенина. (Музыка в другой комнате.)

явление 1
1-й гость

Угодно ли?
Нина

Я эту не танцую,
А вас сейчас рекомендую
Премилой даме.
1-й гость

Жертвую собой
Для вашей прихоти.
Нина

Вы истинный герой!
Князь

Охота вам так много суетиться!
Нина

Всем надо угодить.
Князь

Нельзя ли, хоть на смех,
Меня в число поставить всех?..
Нина

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru
Неблагодарный! Есть за что сердиться.
Подумайте, мы не одне...
Князь

Для света всё – а мне
Ни взора кинуть не хотите,
Ни слова нежного промолвить...
Нина

Погодите.
(Уходят.)

Арбенин (Оленьке)

Где Нина? – отчего ты не танцуешь?
Оленька

С кем?..
Арбенин

А! Не охотница до пляски!..
Послушай, Оленька, когда приедут маски,
Вели отказывать не всем.
(Оленька уходит.)

(Гостю)

Вот истинная компаньонка!..
Как не скучает с ней жена!
Всегда молчит: бледна, грустна,
Зато послушнее ребенка!
Гость

Давно ль у вас она живет?
Арбенин

Уж скоро третий год;
Я взял ее, когда женился.
У матери жены моей
Она росла, сиротка с ранних дней.
Гость

Да, если так, а то я б подивился.
(Арбенин, пожав плечами, уходит.)

(Гость выходит из залы к даме.)

Дама

Вы с некоторых пор на мир, как на Содом,
Глядите, строгим мудрецом!.. [155]
2-й гость

Премудрость нынешнего света
Не смотрит за предел балета!
Балет на сцене – в обществе балет; [156]
Страдают ноги и паркет,
Куда как весело, ей-богу.
Захочется ль у нас кому
В beau monde [157] открыть себе дорогу,
Работы нет его уму,
Умей он поднимать лишь ногу
И всё, чтобы сказать: сегодня я туда,
А завтра буду там... есть из чего стараться.
Тоска!
Дама

Зачем же вы сюда

Приехали?
2-й гость

Куда же мне деваться?
Дама

Вам не понравится, боюсь, мой совет.
2-й гость

Здесь от передней до гостиной
Всё так высоко, холодно и чинно,
Так приторно и так невинно,
Что мочи нет!
Дама

Тем лучше.
3-й гость

Об заклад побиться не хотите ль,
Что он московский житель?
Но, впрочем, не дивлюсь, что здесь скучает он;
Блестящий бал, да что за тон,
La société est si mêlée
De ces figures qu'on voit passer
Au boulevard, à l'assemblée. (Музыка.)
Madame, voudrez-vous bien valser?[158]
(Все уходят.)

явление 2
Оленька (одна)

Им весело, для них судьбою
Жизнь так роскошно убрана,
А я одна, всегда одна...
Всем быть обязанной, всем жертвовать собою
И никого не смею любить,
О! Разве это значит жить?..
Счастливые царицы моды!
Им не изменит свет, их не изменят годы..
За что же? Красота моя
Их красоте поддельной не уступит,
Жемчуг, алмазы, кисея
Морщин и глупости собою не искупят!
Но счастье их! Восторга своего
Несут им дань мужчины ежечасно;
Я лучше, я умней – напрасно!
Никто не видит ничего.
(Сзади проходит несколько гостей и между ними маска.)

И он, он так же, как другие,
Бежит за ветреной толпой
И мимоходом лишь порой
Мне кинет взгляд, – мечты пустые..
И как его винить? – и как ему узнать,
Что грудь моя полна желанья неземного,
Что я ему готова жизнь отдать
За миг один, за слово?..
Всё ждать да ждать, о боже!.. Это он,
Расстроен, кажется, смущен..
явление 3
Князь (быстро подход<я>)

Ах! Извините! Я вас принял за другую.
Оленька

И потому лишь подошли..
Князь

Вы размышляли, – от земли
Мечты вас, верно, унесли
В мир лучший, жизнь другую?
Я не прощу себе! Так дерзко помешать.
Оленька

Чему?
Князь

Мечтам.
Оленька

Дай бог вам не мечтать.
Вдаваться вредно в заблужденье.
Князь

Вы правы, чувства, страсти, всё обман.
Оленька

О! Для чего ж от них такое нам мученье!
Князь

Вас взволновал какой-нибудь роман!
Оленька (в стор<ону>)

Нет! Истинное приключение!
Князь

Не верьте сердцу, ни уму,
Когда они бывают в споре.
Оленька

Чему же верить?
Князь

Ничему.
(Отходя в сторону)

Не в духе я болтать о вздоре,
А компаньонка мне нужна.
Явление 4
Нина (входит)

Измучилась...
Князь

Но к вам идет усталость.
Нина

Я думала найти в вас жалость...
Князь

Где есть любовь – там жалость уж смешна!
Нина

О! Вы не знаете, как тягостно, как скучно
Жить для толпы, всегда в ее глазах,
Не смей ни перед кем открыться простодушно,
Везде с улыбкою являться на губах,
Для выгод мужа быть с одним любезной,
Холодностью мстить другому за него
И слышать: «Нина, это – мне полезно,
Благодарю тебя!» – и больше ничего.
Князь

Восторг толпы и света удивленье
Заменяет счастье легко!
Нина

К толпе я чувствую презренье.
Князь

Чего ж вам надобно?
Нина

Любви – хоть на мгновенье!
Князь

О, вам искать недалеко!..
Любви вы ищете, глубокой, сильной, страстной,
Она пред вами здесь в груди моей,
Вы это знаете, – и сколько, сколько дней
Я мучился и думал: всё напрасно!..
Но я любим, я был любим всегда,
О, я молю: скажите да!..
Когда, вы помните, на бале
Мы увидались в первый раз,
Лежало облако печали
На светлом небе ваших глаз.
Они усталые, без цели
Бродили медленно вокруг,
И не искал их встречи ваш супруг,
И на него поднять вы их не смели,
И он стоял близ вас, бесчувственный, как сталь,
С лицом, исполненным бесстрастья,
Как неизбежная печаль
Близ неожиданного счастья.
Тогда во мне проснулся чудный звук,
Я поклялся любить, и клятву не нарушу,
Я чувствовал: вам нужен друг,
И в жертву я принес вам душу.
Нина

Нас могут слышать, умоляю вас,
Уйдите.
Князь

Нет, скажите мне хоть раз,
Что я любим, скажите, обещайте!
Нина

Да... я люблю вас! Боже мой! Ступайте.
Князь (хватает ее руку)

Один лишь поцелуй на счастье, в залог,
Один, не больше, видит бог.
Нина (не вырывая руки)

Неблагодарный, вот мужчины:
Похожи все на одного!
Теперь вам мало сердца Нины,
Теперь вам хочется всего!
Вам надо честь мою на поруганье!
Чтоб, встретившись на бале, на гулянье,
Могли бы вы со смехом рассказать
Друзьям смешное приключение
И, разрешая их сомненье,
Промолвить: вот она – и пальцем указать.
(Маска в дверях.)

Князь

Обидно ваше подозренье,
И я вас должен наказать,
(срывая браслет)

Вот мне залог любви, доволен я, прощайте.
Нина (в испуге)

Ах! Что вы сделали, отдайте мне, отдайте,
Мой муж заметит, он меня убьет!
Да нет, вы шутите, о, это злая шутка,
Отдайте, я лишусь рассудка...
Вы так-то любите? – все обещанья вот?
Вот на доверенность как нынче отвечают!..
Оленька (становится между ими)

Скорей, скорей, за вами примечают!
Нина (убегая)

Хоть пощадите честь мою.
Князь (задумываясь)

Мне кажется... что я ее люблю..
Оленька (в сторону)

Хотя б сказал, благодарю!
Ни взгляда, ни привета,
Он, верно, думает, что плотят мне за это!
Нет, вижу, что всегда останусь я рабой
Привычки жертвовать собой.
(Уходит.)

явл<ение> 5
Князь

Что делаешь ты здесь, таинственная маска?
Маска (в полукитайском костюме)

Смотрю на ваш роман,
Завязка дельная, да будет ли развязка?
Князь

Узнать нельзя ль, кто вы?
Маска

Из дальних стран
Приезжий – вам знакома Уналаска?[159]
Князь

Пусть так, на этот раз,
Там, верно, принято у вас
Подсматривать, подслушивать стараться
И не в свои дела мешаться!
Но это здесь, мой милый друг,
Не так свободно сходит с рук.
Маска

Угрозы?.. И еще какие?
Гостеприимства нет в России!
Князь (увидав Арбенина)

Теперь не время... но..
(уходит скоро.)

явление 6
Арбенин (подходит)

(Казарин снимает маску и хохочет.)

Арбенин

Что Звездич так взбешен?..
Уж верно зацепил его ты эпиграммой.

Нет, сердится за то, что видел я, как он
Любезничал с одною дамой!
Арбенин

С кем, с Оленькой?
Казарин

Быть может... не совсем.
Арбенин

Ты для друзей и слеп, и нем,
А помнится, глаза-то были зорки...
Бывало, тотчас различат
Хоть за версту пятерку от шестерки.
Подобный глаз для мужа клад!
Вот я так ничего не вижу и не знаю,
Жене свободу полную даю,
Мечтаю, что любим, о верности мечтаю
Лишь потому, что верен и люблю.
Казарин

Мечтай, мечтай, судьба твоя завидна,
Беспечность редкая в таких, как ты, мужьях.
Арбенин

Ты прав, я не молод.
Казарин

И опытен; обидно
С таким умом...
Арбенин

Ну что же?
Казарин

Ах!
Не спрашивай.
Арбенин

Уже верно подозренье...
Казарин

Нет, я тебя оставлю в заблужденье,
Тебя, мой старый, первый друг,
Вступил ты в новый, лучший круг,
И знанье сердца, знанье света
Ты презрел для любви – законной и святой,
И лаской женщины душа твоя согрета!
Я не дивлюся, бог с тобой,
Ведь это иногда бывает,
Кто в детстве рассуждал, тот в старости мечтает,
Но я всё тот, каков и был...
Арбенин

Чужого счастья отчаянный зоил! [160]
Ну! что же, продолжай! Ведь целый час хлопчешь,
Обманут я женой моей,
Прищурься, ха-ха-ха, поохай, пожалей.
Казарин

Так... если сам ты этого уж хочешь.
Арбен<ин>

Уж эти мне разносчики вестей!
Казарин

я рад, что ты, как прежде, хладнокровен,
и стану говорить смелей.
Союз ваш несколько неровен,
и начинаю думать я,
что ты не вовсе без расчета.
Пожалуй, есть мужья!
Им подражать кому охота:
Ревнуют, бесятся, шумят.
Провел меня ты славно, брат.
И надо б отомстить, да штука мастерская,
и я мирюсь, искусство уважая!
Великодушием прямым
Князька ты одурачил славно,
Началом пользуясь таким,
Ты оберешь его исправно.
Пускай жене в отсутствии твоём
Он плотит нежные визиты,
Тебе же плотится за карточным столом,
и дело слажено, вы квиты!
Арбенин (в негодованье)

Казарин!
Казарин

Видел я сейчас,
Как нежничал, шептался здесь он с нею;
Я издали смотрел, и, утверждать не смею
(Трельяж их закрывал от любопытных глаз), [161]
Два вздоха слышал я да звуки поцелуя
И больше ничего, поклясться в том могу я.
Арбенин

Ты видел, слышал? Помни, что сказал.
Я доберусь до истины, – терпенья
Достанет у меня, но если ты солгал,
Казарин, о! Тогда не жди спасенья,
Ты в десять лет успел меня узнать;
Я в жизни раз лишь был обманут, раз – не боле,
и отомстил – и отомщу опять,
и страшно отомстить – в моей, ты знаешь, воле.
Казарин

Мой бедный друг, всё тот же он,
Всё тот же черт, когда взбешен;
Дни, об которых я тоскую,
Невольню мне напомнил ты теперь,
жизнь беспокойную, кипучую, лихую.
Тогда ты был не человек, а зверь...
(Смеясь уходит.)

Арбенин (один)

О, кто мне возвратит вас, буйные надежды,
Вас, нестерпимые, но сладостные дни.
За вас отдам я счастье невежды,
Беспечность и покой – не для меня они!
Мне ль быть супругом и отцом семейства,
Мне ль, мне ль! Который испытал
Все ужасы и сладости злодейства
и с ним лицо к лицу ни разу не дрожал?..
(Погружается в задумчивость, музыка играет в другой комнате, и он садится.)

В кругу обманщиц милых я напрасно
и глупо юность погубил,
любим был часто нежно, страстно,
и ни одну из них я не любил;
романа не начав, я знал уже развязку
и для других сердец твердил

Слова любви, как няня сказку.
И скучно стало мне, и тяжело жить,
И кто-то подал мне тогда совет лукавый
жениться... чтоб иметь святое право
Уж ровно никого на свете не любить.
И я нашел жену – покорное созданье;
Она была прекрасна и нежна,
Как агнец божий на закланье,
Мной к алтарю она приведена.
И вдруг во мне забытый звук проснулся,
Я в душу мертвую свою
Взглянул – и увидал, что я ее люблю,
И стыдно молвить... ужаснулся –
И снова ревность, бешенство, любовь
в пустой груди бушуют на просторе,
Изломанный челнок, я снова брошен в море,
Вернусь ли к пристани я вновь?
Действие третье
Кабинет Арбенина

явление 1
Арбенин (один)

Ночь, проведенная без сна,
Страх видеть истину – и миллион сомнений!..
С утра по улицам бродил подобно тени
И не устал – и в сердце мысль одна..
Один лишь злой намек, обманчивый, быть может,
Разбил в куски спокойствие мое!
И всё воскресло вновь... и всё меня тревожит,
Былое, будущность, обман и правда... всё!..
Но я решился, буду тверд... узнаю прежде,
Уверюсь... доказательства... да! Да..
Мне доказательств надо... и тогда..
Тогда... конец любви, конец надежде!..

явление 2
(Входит Нина.)

Арбенин (холодно)

А! Здравствуй, Нина... наконец..
Нина

Недавно я проснулась..
Арбенин

Поздно,
Я жду тебя уж целый час..
Нина

Серьезно?
Ах, как ты мил!
Арбенин

А думаешь, глупец..
Нина

Вот ты опять не в духе, смотришь грозно,
И на тебя ничем не угодишь..
Арбенин

Скучаю я с тобою розно.
Нина

А встретимся, ворчишь.
(Ласкаясь)

Скажи мне просто: Нина,

Кинь свет, я буду жить с тобой
и для тебя... зачем другой мужчина,
Какой-нибудь бездушный и пустой,
Бульварный франт, затянутый в корсете,
С утра до вечера тебя встречает в свете,
А я лишь час какой-нибудь на дню
Могу сказать тебе два слова.
Скажи мне это, я готова,
В деревне молодость свою я схороню;
Но что, меня умчало
Воображение... и к чему?..
Положим, ты меня и любишь, но так мало,
что даже не ревнуешь ни к кому.
Арбенин

Как быть, я жить привык беспечно,
А ревновать смешно.
Нина

Конечно.
Ты столько видел, испытал,
и ревность и любовь тебе не новы..
Ты отдыхаешь..
Арбенин (В продолжение этого монолога он по временам останавливается и наблюдает
Нину.)

(В сторону)

О! Не долго отдыхал!
(Ей)

Послушай, нас одной судьбы оковы
Связали навсегда, ошибкой, может быть,
Не мне и не тебе судить!
Ты молода летами и душою,
В огромной книге жизни ты прочла
Один заглавный лист, и пред тобою
Открыто море счастья и зла.
Иди любой дорогой:
Надейся и мечтай – вдали надежды много,
А в прошлом жизнь твоя бела.
Ни сердца своего, ни моего не зная,
Ты отдалася мне – и любишь – верю я,
Но безотчетно, чувствами играя
И резвясь, как дитя.
Но я люблю иначе, я всё видел,
Всё перечувствовал, всё понял, всё узнал,
Любил я часто, чаще ненавидел
И более всего страдал!
Сначала всё хотел, потом всё презирал я;
То сам себя не понимал я,
То мир меня не понимал.
На жизни я своей узнал печать проклятья
И холодно закрыл объятья
Для чувств и счастья земли;
Так годы многие прошли!
О днях, отравленных волненьем
Порочной юности моей,
С каким глубоким отвращеньем
Я мыслю на груди твоей.
Так, прежде я тебе цены не знал, несчастный,
Но ныне черствая кора
С моей души слетела, мир прекрасный
Моим глазам открылся не напрасно,
И я воскрес для жизни и добра.
Но иногда опять какой-то дух враждебный
Меня уносит в бурю прежних дней,
Стирает с памяти моей

Твой светлый взор и голос твой волшебный;
В борьбе с собой, под грузом тяжких дум,
Я молчалив, суров, угрюм:
Боюсь осквернить тебя прикосновеньем,
Боюсь, чтобы тебя не испугал ни стон,
Ни звук, исторгнутый мученьем,
Тогда ты говоришь: меня не любит он!
(Она ласково смотрит па него и проводит рукой по волосам.)

Нина

Тебя понять, ей-богу, трудно,
Чего ты требуешь, могу ль я отгадать?
Арбенин

Да, требовать любви, конечно, безрассудно,
Я и не требую – мне поздно покупать
Лукавый поцелуй признаньями и лестью.
Моя душа с твоей душой
Не встретились... что делать – бог с тобой...
Позволь мне дорожить по крайней мере честью!..
Честь, имя – вот чего я требую от вас.
Вы их толпе на поруганье дали,
Я внятно говорю... вы всё не понимали,
Поймите же меня, хотя на этот раз.
Нина

Мне отвечать вам было б стыдно.
Арбенин

Стыд? Так – пора – его давно не видно...
Зачем явился он теперь!
Гоните прочь его скорей, в окно иль в дверь,
Откуда входит к вам любезный,
Чувствительный, услужливый князек.
Нина

Так вот что? Это мне урок...
Арбенин

И, верно, бесполезный.
Нина

Не знаю, кто оклеветал меня,
Я это заслужила,
Смеялась, резвилась, шутила,
Нет, с нынешнего дня
Не будет сметь ко мне приблизиться мужчина
На расстоянье в три аршина!
(С иронией)

Решусь не говорить, решусь не смотреть,
Не танцевать, за картами сидеть,
Как кукла, как статуя,
Тогда на вас, конечно, угожу я!
Тогда вы скажете – вот верная жена!
Как зло на всех глядит она.
(Смеясь)

Смешно, смешно, ей-богу,
Не стыдно ли, не грех
Из пустяков поднять тревогу.
Арбенин

Дай бог, чтоб это был не твой последний смех.
Нина

О! Если ваши продолжатся бредни,

То это, верно, не последний.

Арбенин

Увидим.

Нина

Я тебя люблю,
Мне жаль тебя, Евгений.

Арбенин

Ну, по чести,
Признание в пору...

Нина

Выслушай, молю, –
Я оправдаюсь.

Арбенин

Нет.

Нина

Чего ж ты хочешь?

Арбенин

Мести!

Нина

Кому ж ты хочешь мстить?

Арбенин

О, час придет,
И, право, мне вы надивитесь!

Нина

Не мне ль?

Арбенин

Геройство к вам нейдет.

Нина

Кому ж?

Арбенин

Вы за кого боитесь?

Нина

О это нестерпимо!.. Что ж он сам
Не явится сюда, мой тайный обвинитель,
Пусть повторит при мне – пускай покажет вам
Все доказательства... вы этого хотите.
А если он не явится? Какой
Найдете вы предлог, чтоб оправдаться?
(Плача)

Но, право, вы слезы не стоите одной,
И мне приличнее смеяться!

Арбенин

Так суждено мне, может быть,
Весельем оскорблять, страданием смешить!
И что за диво? У других на свете
Надежд и целей миллион,
У одного богатство есть в предмете,
Другой в науки погружен;
Тот добивается чинов, крестов иль славы,
Тот любит общество, забавы,
Тот странствует, тому игра волнует кровь.
Я странствовал, играл, был ветрен и трудился;

Постиг друзей, коварную любовь;
Чинов я не хотел, а славы не добился,
Богат и без гроша был скукою томим,
Везде я видел зло и, гордый, перед ним
Нигде не преклонился.
Всё, что осталось мне от жизни, это ты,
Созданье слабое, но ангел красоты:
Твоя любовь, улыбка, взор, дыханье,
Я человек – пока они мои;
Без них нет у меня ни счастья, ни души,
Ни чувства, ни существованья!
Но если я обманут... если я
Обманут... если на груди моей змея
Так много дней была согрета – если точно
Я правду отгадал... и, лаской усыплен,
С другим осмеян был заочно?
Послушай, Нина... я рожден
С душой кипучею, как лава;
Покуда не растопится, тверда
Она, как камень... но плоха забава
С ее потоком встретиться! Тогда,
Тогда не ожидай прощенья –
Закона я на месть свою не призову!
Но сам без слез и сожаленья
Две наши жизни разорву!
(Хочет взять ее за руку, она отскакивает в сторону.)

Нина

Не подходи... о, как ты страшен.
Арбенин

Неужели!
Я страшен! Нет! – ты шутишь, я смешон...
Да, ты своей достигла цели;
Зачем же не пришел полюбоваться он
Моим отчаяньем!.. Теперь бы очень кстати
Вчерашний разговор вам повторить живой;
Чай, в промежутках ласк, объятий
Смеялись вы жестоко надо мной.
Нина

Вчера?..
Арбенин

Вчера, на бале.
Нина (в сторону)

Он всё знает.
(Ему)

Так вот причина! А ты видел сам?..
Ты видел?.. Нет! Кто ж обвиняет
Меня? Никто... ты следуешь мечтам,
Тебе спокойствие и счастье надоело,
Прекрасно! Продолжай же смело!..
Ты хочешь правды? Верь или не верь,
Тебе я всё скажу теперь.
Князь любит Оленьку... давно ли, я не знаю.
И без тебя он для нее одной
Езжал сюда... он не бывал со мной,
Он избегал меня... вчера, я понимаю!..
Вчера он с ней, от бала удалясь,
Был здесь... и на меня подумать?.. Этот князь!..
Хвастун, мальчишка... да я их застала...
Вчера вдруг Оленька краснея убежала...
И я за это, я терплю
Угрозы ревности, упреки подозренья.

Я верю... и сейчас за Оленькой пошлю.
Нина

Избавьте хоть ее от пыток и мученья,
Чего еще вам надо?
Арбенин

Убежденья!
Нина

Но не теперь!.. В другой хоть раз.
Арбенин (звонит – лакей входит.)

Поди и позови мне Оленьку – сейчас...
Нина

Евгений, я прошу: не говори с ней строго,
Она так молода... вина ее скорей
Простая ветреность.
Явление 3
Те же и Оленька

Нина (подбегая к Оленьке, тихо ей говорит)

Не бойся – будь смелей!
Оленька

Что вам угодно?
Арбенин

Много! Очень много!..
Оленька

Что сделалось?..
Нина (ей тихо)

Не погуби меня,
(упадая в кресла)

Молчи, молчи!
Оленька

Готова слушать я...
Арбенин

Скажи мне, Оленька... на сердце руку смело,
Всю правду, как пред богом, – всё скажи.
Оленька

Я не охотница, вы знаете, до лжи.
Арбенин

О! Да, я знаю, ты всегда умела
Открыто правду говорить,
Собою жертвовать и искренно любить.
Ты чувствовать умела одолженья,
Не замечать, не помнить зла.
Как ангел-примиритель ты жила
В семействе нашем... Но!.. Ужасные мученья
Столпились к сердцу моему.
И я теперь не верю ничему.
Клянись... но, может быть, моленье
Отвергнешь ты мое,
И что мудреного! Кому моей судьбою
Заняться!.. Я суров! Я холоден душою..
Один лишь раз, один пожертвуй ты собою

Не для меня – нет – для нее...

Оленька

О, мне, конечно, ничего не стоит
Собой пожертвовать для вас.
Вы точно знаете: вас это успокоит?
Извольте... где? когда? Сейчас?..
Арбенин

Вот видишь, это дело важно: в свете
Смеюсь над этим сам...
А в сердце целый ад... так знай: в твоём ответе
Жизнь ил<и> смерть обоим нам.
Я был в отлучке долго... слух промчался,
Что Звездич в Нину был влюблен.
Он каждый день сюда являлся,
Но для кого? Свет часто ошибался,
Его сужденья не закон;
Вчера здесь слышали признанья, объясненья,
Вы обе были тут; с которой же из вас!
Я должен знать сейчас,
О, если не с тобой – то нет ему спасенья!..
Оленька (в сторону)

Теперь я понимаю... он убьёт,
Убьёт его.
Арбенин

Ты видишь, речь идет
О жизни, счастии и чести.
Я истины хочу: она сказала мне,
Что с князем здесь вы оставались вместе.
Оленька

Она сказала? С ним? Наедине?
Арбенин

Она! А ты молчишь?
Оленька

Что делать, боже!
Арбенин

Я вашу связь не осуждаю... что же,
Но если это так, то дом оставить мой
Должна ты завтра же, не ссорюсь я с тобой,
Но честь жены всего дороже мужу!
Ошибку света я пред светом обнаружу!..
Оленька

А я? Куда я денусь?.. Ни родных,
Ни друга на земле; чем жить... в презренья
У всех... в мои лета... за что? – о! В этот миг
(Нине)

От вас я требую, да, требую спасенья!
Защиты – вы должны, вы можете одне...
Арбенин (на ухо Нине)

Она не признается. Для терпенья
Граница есть.
Нина

Но что же делать мне?..
Арбенин

Подумай, Оленька: одно лишь средство
Окончить всё: скажи мне да иль нет;

Скорей, скорей, какой-нибудь ответ.
Но также вспомни время детства.
Заботы, ласки матери ее
Тебя не покидали ни мгновенья,
Чужая ей, ты с ней делила всё.
Есть сердце у тебя? Смущенье,
Страх, обморок!.. Ну, право, я не зверь,
Прошу лишь слово правды.. не хотите!..
Ошибся я – не надобно – идите.
Оленька (чрез силу)

Минуту – погодите.
Да, я всему виной – довольны ль вы теперь?..
Арбенин

О! Наконец!
(После молчания.) (Жене)

Здесь на колена
Я упадаю пред тобой,
Прости, прости меня... глупец я злой
И недостойный! Может ли измена
Такую душу омрачить?
Я чувствую: я недостойн жить.
Здесь, здесь клянусь не знать успокоенья,
Пока коварный клеветник,
Как я перед тобой теперь, у ног моих
Не будет умолять о жизни и прощенье,
На божий суд пойду я с ним..
Скажи мне: я прощен? Я вновь тобой любим?
Действие четвертое
Комната Казарина

явление 1
Казарин

Я утверждал всегда:
Чего судьба упрямая захочет,
Пусть целый мир хлопочет,
А сбудется наверно, – да!
Князь Звездич, например, – была ему острастка –
А нынче сам ко мне на вечер назвался.
Играть не станет он, посмотрит только... сказка!
Уж быть тому, за что я раз взялся!
Вот, кажется, он сам, какое нетерпенье!
Явился прежде всех.
(Отвор<яет> двери.)

А, князь! Мое почтение!

явление 2
Казарин и Арбенин

Казар<ин> (оправившись)

Ну, брат, не ждал я, виноват.
Я, впрочем, очень рад.
Арбенин

Не торопись заране веселиться!
Казар<ин>

Мой бедный друг! Как приуныл,
Да что ж могло с тобой случиться?
Ах, помню! Видишь ли, я правду говорил!
Из благодарности, однако, умоляю,
Старинную припомня связь,
Умерь себя, ко мне сегодня будет князь,
Хоть нонче помолчи, его я обыграю,

А завтра делай с ним, чего душа
Попросит...
Арбенин

Мысль отменно хороша,
Я князю не скажу ни слова.
Казар<ин>

Вот сердце доброе, – да в свете нет такого!
Арбенин

Тебе же я скажу всю правду, как привык,
Ты, милый мой, презренный клеветник.
Клеймом стыда я вас, сударь, отмечу,
Чтоб каждый почитал обидой с вами встречу.
Казар<ин>

Ах, боже мой... меня? За что ж меня?
Вот хлопочи, советуй другу!
Зло за добро – брань за услугу!..
Что? Этак делают друзья...
Арбенин

Да, да, я помню, время было,
Когда с тобой одним путем
Стремление страстей нас уносило;
Я нужен был тебе, искусством и умом
Я защищал тебя в опасные мгновенья,
С тобой добычу я делил,
И только – вот твое о дружбе мнение!
Иначе в жизни ты ни разу не любил.
Когда всю ночь я в шумном круге
Сидел и хохотал с истерзанной душой,
Искал ли я в тебе как в друге
Надежды, жалости?.. Бывал ли я с тобой
Таков, как иногда бываю
Один с моим творцом, когда под гнетом бед
За преступленья юных лет
Я, горько плача, умоляю?
Нет, нет!
Ты мне завидуешь, тебя ж я презираю!
Казарин

Пусть так! – возьми назад, возьми
Ты дружбу глупую – всё кончено меж нами,
Я никогда не дорожил людьми,
Тем боле гордецами!
А чем же лучше ты меня!
Тем, что беснуешься, кричишь ты без разбору.
А я, рассудок свой храня,
Немного говорю, да в пору!..
Чем виноват я, что жена
Тебе немного неверна..
С такою совестью измученной и грозной
Тебе бы в монастырь, – а уж влюбляться поздно.
А хочешь ты купить прощение грехов,
Молчи, терпи...
Арбенин

О нет! Я не таков!..
Я не стерплю стыда и оскорбленья
При первом подозренье.
Тебе я это уж сказал –
И всё ж ты на нее бесстыдно клеветал!
Но я открыл глаза... и будешь ты наказан,
Да, – совестью моей не так еще я связан,
Как ты, быть может, полагал.
Казар<ин>

Твоих угроз я не пугаюсь, право!
Арбенин

Посмотрим! Помнишь ли, советник мой лукавый,
Второе сентября 7 лет тому назад..
Казар<ин> (смущаясь)

Что ж, помню.
Арбен<ин>

Очень рад.
Я стану говорить короче.
Дольчини, ты и Штраль, товарищ твой,
Играли вы до поздней ночи,
Я рано убрался домой,
Когда я уходил, во взорах итальянца
Блистала радость; на его щеках
Безжизненных играл огонь румянца..
Колода карт тряслась в его руках,
И золото пред ним катилось, – вы же оба
Казались тенями, восставшими из гроба.
Ты это помнишь ли?..
Казар<ин>

Ну что ж.
Арбен<ин>

Сейчас
Я кончу мой рассказ.
Пред вашим домом утром рано
Дольчини был найден на мостовой
В крови, с разбитой головой;
Вы всех уверили, что пьяный
Он выскочил в окно, –
Так это и осталось! Но
Волшебной сказкою меня не обморочишь
И кем он был убит, скажу я, если хочешь!
Казар<ин>

Ты доказать не можешь ничего.
Арбен<ин>

Конечно! Вот письмо. Кто написал его?
Казар<ин> (упадая на стул)

Злодей, ведь я погиб..
Арбен<ин>

Твой друг мне проигрался
И отдал свой бумажник – в нем
Нашел я этот клад.. Кто в дураках остался?
Ты мне хотел вредить.. за зло плачу я злом.
Казар<ин>

Помилуй, сжался, я твой раб отныне,
Конечно, что уж делать, согрешил,
Но я клянусь..
Арбен<ин>

Какой святыней?
Казар<ин> (плача)

Я уж раскаялся.
Арбен<ин>

А! Плачешь, крокодил!
Казарин (вскакивая)

(в сторону)

Одно осталось средство для спасенья.
(Громко)

Постой, смотри... вот шкаф и от него ключи,
Там тысяч пятьдесят – с условием, молчи!
Тебе всё, всё мое именье!
Арбен<ин>

Ха, ха, ха, ха, смешное предложенье!..
Казар<ин>

Не хочешь?
Арбен<ин>

Я богат.
Казар<ин> (в отчаянье)

Он прав, но если так,
Я остаюсь при первом мненье.
Арбенин

Что? что?
Казар<ин>

я просто был дурак,
что испугался. Докажи сначала,
что я солгал... да, – докажи сперва,
что мне вредить имеешь ты права
и что жена тебе не изменяла,
ты муж, каких на свете мало,
всем верил! Прежде мне,
потом проказнице жене;
с тобой, я вижу, надо осторожно..
Арбен<ин>

Изволь, тебя утешить можно.
ты знаешь Оленьку – она,
Бедняжка, в князя влюблена.
Он для нее ездил ко мне, меж ними
что было, я не знаю, только всё
упало на жену, намеками своими
ты очернил ее!
но я хотел знать правду... и не много
трудился – Оленька призналась: строго
я поступил – но требует нужда,
она мой дом оставит навсегда.
Казар<ин>

Сама призналась?
Арбен<ин>

Да!
Казар<ин>

Заставили признаться!
Арб<енин>

Сама!..
Казар<ин>

Не может быть! уговорить легко!
Арбен<ин>

Мне любопытно знать, как может далеко
такая дерзость простираться.

Я милости прошу – минут чрез пять
Князь будет здесь – дай слово не мешать.
Арбенин

В чем?
Казар<ин>

Ради бога!
Арбен<ин>

Про жену ни слова.
Казар<ин>

Пусть ни гу-гу!
Арбен<ин>

Посмотрим, это ново,
Последнее то будет шельмовство,
Песнь лебедея... а там к расчету.
Казар<ин> (в сторону)

Заплатишь, милый, за охоту
Знать верх искусства моего.
(Ходит по комнате.)

Он скоро будет... кажется, идет,
Нет – если он не будет – право,
Злой дух меня толкнет
С ним заключить расчет кровавый.
Явление 3
(Те же и князь.)

Казарин (тихо)

Насилу! Кажется, еще на этот раз
Судьба меня спасти взялась.
(Князю)

Князь, поздно, поздно что? Откуда?
Князь

Я был в театре.
Казар<ин>

Что дают?
Князь

Балет.
Казар<ин>

А я про вас здесь слышал чудо
И верить не хотел.
Князь

Конечно, не секрет?
Казар<ин>

Сказать бы рад – да мудрено решиться,
Не вздумали бы рассердиться.
Князь

За правду не сержусь – а если ложь,
На вас сердиться мне за что ж?
Казар<ин>

Люблю за это нашу молодежь,

Рассудит прежде, после скажет;
Бывало, нам ничто язык не свяжет,
Врут, хоть сердись, хоть не сердись,
Зато и доврались!
Князь

Да что ж вы про меня узнали?
Казар<ин>

Да! Вот что! Бедная, ее вы наказали
За жертвы, за любовь... люби вас, шалунов,
Потом терпи, кто ж виноват, она ли?
Ан нет! Чай, сколько просьб и слов,
Угроз и ласк, и слез, и обещаний
Вы расточили перед ней,
И всё зачем? Из сущей дряни:
Повеселиться пять, шесть дней.
Прекрасно, князь, прекрасно.
Скажите-ка: она вас любит страстно?
Вы долго волочились!.. О, злодей!..
Князь

Позвольте хоть узнать, о ком вы говорите?
Казар<ин>

Не знает! О, невинность! Посмотрите,
Какой серьезный вид и недовольный взор.
Да я не знал, что вы такой актер;
А для кого, скажите-ка по чести,
Езжали вы к нему так часто в дом,
А кто с утра ждал под окном,
Как вы проедете... уж я на вашем месте
Теперь, когда открылося, когда
Она без крова, жертвою стыда,
Осуждена искать дневного пропитанья,
Уж я женился бы... хотя б из состраданья.
Князь

Да ради бога, кто ж она? И в чем
Я виноват?
Казар<ин>

Нашли же вы на ком,
На компаньонке пробовать искусство,
И трудно ль обмануть простое чувство
И погубить невинное дитя,
За это я возьмусь шутя!
Князь

Послушайте, зашли вы дальше шутки.
Казар<ин>

Да я и не шучу... я правду вам сказал –
Арбенин Оленьку прогнал...
Что ж делать, у него свои есть предрассудки.
Князь

Помилуйте, да вы сошли с ума.
Кто так наклеветал безбожно?
Казар<ин>

Она сама призналась.
Князь

Как?
Казарин

Она сама.

Не может быть.
Казар<ин>

Случилось – так возможно.
Князь

Не может быть. Ее признание ложно.
Я не хочу, чтоб за меня она
Страдала; я помочь не в силах, право...
Я не люблю ее... жениться мысль смешна.
Арбен<ин>

И то, зачем, уж вы покрылись славой.
Князь

С чего вы вздумали, что я женюсь на ней?
Арбенин

Ну, князь, я думал, вы честней...
Князь

Вы это думали?.. А, это оскорбление.
Останьтесь же при первом мненье,
И прежде чем решит свинец,
Я докажу, что я не трус и не подлец.
Хотите ль правду знать?
Арбен<ин>

Посмотрим – что же?
Князь

Вы не раскаетесь?
Арбен<ин>

У вас спрошу я то же.
Князь

Хотите?
Арбен<ин>

Да!
Князь

Скажите лучше: нет.
Арбенин

Хочу.
Князь (подавая браслет)

Смотрите, чей браслет!
Узнали ль?
Арбен<ин>

Да, узнал!
Князь

Я думаю, узнали.
Теперь раскаялись.
Арбен<ин> (помолчав, с бешенством)

Нет! Вы его украли!
А! Вы подумали, что можете со мной
Шутить, как с мальчиком... глупцы, вы оба дети...
Вы видите, как ваши сети
Я разорвал одной рукой...
А! Князь, вы сами захотели

Себя достойно наказать,
Как вы решились, как вы смели
В глаза всё это мне сказать;
Скорее на колени, на колени.
Нет! Очень рад! Тем меньше затруднений!
Вам жизнь наскучила – не странно! Жизнь глупца,
Жизнь площадного волокиты.
Утешьтесь же теперь, вы будете убиты;
Умрете с именем и смертью подлеца.
Князь

Скорее час и место!
Казар<ин> (в сторону)

Ну, насилу
Избавлюсь от него, не в крепость – так в могилу.
Арбен<ин>

Я жду вас завтра к 9-ти часам
И у себя.
(Подходит к Казар<ину>)

Казар<ин> (смеясь)

Не спорь со мною.
Арбен<ин>

Не веселись по пустякам.
Твои дела сегодня ж я устрою.
(Уходит быстро.)

явление 4
Казар<ин> (несколько времени поражен, потом вскакивает)

Князь, я ваш секундант... угодно?
Князь

Очень рад.
(В сторону)

Я глупо поступил – да уж нельзя назад.
Действие пятое
Комната Арбенина. Нина спит на канapé.[162]

явление 1
Арбенин (входя оборачивается к двери)

Князь Звездич скоро должен быть. Ко мне
Его проси – ступай; как ты сюда попала?
Служанка

Тихонько-с! Барыня сейчас започивала.
Ждала вас целу ночь и бредила во сне..
Потом чем свет оделась, встала,
Изволила прийти к вам в кабинет
Да и уснула здесь на креслах.
Арбенин

Я исправить
Хочу вину свою... ты можешь нас оставить.
(Уход служанки.)

явление 2
Арб<енин>, Нина

Арбен<ин> (подходя к Нине)

Спит – точно спит, сомненья нет,

Улыбка по лицу струится,
И грудь колышется, и смутные слова
Меж губ скользят едва-едва..
Понять не трудно, кто ей снится.
О! Эта мысль запала в грудь мою,
Бежит за мной и шепчет: мщенье! Мщенье!
А я, безумный, всё еще ловлю
Надежду сладкую и сладкое сомненье!
И кто подумал бы, кто смел бы ожидать?
Меня, – меня, – меня продать
За поцелуй глупца, – меня, который
Готов был жизнь за ласку ей отдать,
Мне изменить! Мне – и так скоро.
(Задумывается.)

Да. Да, я этого хочу;
Я вырву у нее признание
Угрозой, страхом, я ей от<о>мщу,
Как прежде мстил, – без сострадания.
(Молчание.)

Бывало, я искал могучею душой
Забот, трудов, глубоких ощущений,
В страданиях мои пробуждался гений,
И весело боролся я с судьбой;
И был я горд, и силен, и свободен,
На жизнь глядел как на игрушку я,
И в злобе был я благороден,
И жалость не смешна казалась моя,
Но час пришел – и я упал, – ничтожный,
Безумец, безоружен против мук и зла;
Добро, как счастье, мне стало невозможно,
И месть, как жизнь, мне тяжела..
явление 3
Ар<бенин>, Нин<а>, Олен<ька>

Оленька (входя, увидав)

Ах, боже мой!.. Он здесь..
Арбенин

Не разбуди..
(Увидав узел)

Что это значит?
Оленька

Я пришла проститься..
Арбенин

К кому же ты пойдешь?
Оленька

К кому случится..
Прощайте!
Арбенин

Погоди!
Мне жаль тебя... бедняжка, ни родного,
Ни друга на земле.
Оленька

Что ж? Я на всё готова..
Арбенин

Легко сказать... Презренье, нищета..
Ужасно..
Оленька

Да, ужасно!..
Арбенин

Тебе упреком будет красота.
Пройдут и скажут: да, она прекрасна;
С подобным личиком невинность сохранить
Задача трудная – к тому ж ведь надо жить!..
Оленька

О, я умру.
Арбенин

Кто виноват? Не ты ли?..
Подумай!..
Оленька

Я одна.
Арбенин

Признайся мне, вы в заговоре были,
Тебя солгать заставила она..
Ты гибнешь – если нет – признайся – спасена.
Есть время..
Оленька

О, не искушайте!
Арбенин

Я жду последний твой ответ.
Оленька (уходя)

Прощайте!
Арбенин

Постой... войди сюда... и через час
я кликну... может быть, и прежде.
Оленька

Для чего же?
Арбенин

Узнаешь.
(Она уходит.)

явление 4
Арбенин, Нина

Арбенин

Боже! Боже!
Дай твердость мне в последний раз.
(Арбенин подходит к Нине.)

Проснись... пора..
Нина

Ах, это ты, Евгений!
Какой тяжелый сон... толпа видений
В уме моем еще теснится. Снилось мне,
Что ты ласкал меня так страстно!
А говорят, что всё во сне
Наоборот... и верить им опасно..
Боюсь, что ждет меня беда!
Арбенин

Предчувствиям я верю иногда.
Нина

Тебя я жду всю ночь – была готова
Послать искать.
Арбенин

О, редкая жена...
Нина

Послушай, милый друг, я что-то нездорова.
Арбенин (в сторону)

Судьба мне помогает снова.
Нина

Я очень, кажется, больна.
Арбенин

Мне жаль.
Нина

Послушай, я сказать тебе должна.
Со мною ты ужасно изменился,
Стал холоден и принужден.
И отчего?
Арбенин

Как быть, мне также снился
Зловещий сон!..
Нина

Всё грустен, всё ворчишь – мне в тягость жизнь такая.
Арбенин

Ты права, что такое жизнь? – жизнь вещь пустая, –
Покуда в сердце быстро льется кровь,
Всё в мире нам и радость и отрада;
Пройдут года желаний и страстей,
И всё вокруг темней, темней!
Что жизнь? Давно известная шарада
Для упражнения детей,
Где первое – рожденье, где второе –
Ужасный ряд забот и муки тайных ран,
Где смерть – последнее... а целое – обман.
Нина

О, нет, я жить хочу.
Арбенин

Пустое!
Нина

И умереть боюсь.
Арбенин

Жизнь – вечность, смерть – лишь миг.
Нина

Нельзя ль от шуток мне твоих
Избавиться, я слушать всё готова,
Но не теперь... Евгений, я молю,
Пошли за доктором... я очень нездорова,
И голова кружится!
Арбенин

Не пошлю.
Нина

О, ты меня не любишь...

А за что же
Тебя любить... за то ль, скажи,
что был обманут я, ты требуешь любви,
Насмешка горькая...
Нина

О боже!..
Арбенин

Тому назад лет десять я вступал
Еще на поприще разврата,
Раз в ночь одну, я всё до капли проиграл.
Тогда я знал уж цену злата,
Но цену жизни я не знал.
Я был в отчаянье. Ушел и яду
Купил – и возвратился вновь
К игорному столу – в груди кипела кровь,
В одной руке держал я лимонаду
Стакан – в другой четверку пик,
Последний рубль в кармане дожидался
С заветным порошком – риск, право, был велик,
Но счастье вынесло, и в час я отыгрался!
Заветный порошок я долго сберегал
Среди волнений жизни шумной,
Как талисман таинственный и чудный,
Хранил на черный день, и этот день настал.
Нина

Что хочешь ты сказать, не мучь меня, Евгений.
Но ты дрожишь: ты стал бледнее тени?
Арбенин

Тут был стакан – он пуст – кто выпил лимонад?
Нина

Я выпила – смеешься?
Арбенин

Да, я рад.
Нина

Что ж было в нем?
Арбенин

Что? Яд!
Нина (вскочив)

Не верю! Невозможно! И с такою
Холодностью смеяться надо мною.
И в чем виновна я – ни в чем;
Что балы я люблю, вот вся беда в одном.
Яд – это было бы ужасно.
Нет, поскорей рассея мой страх,
Зачем терзать меня напрасно?
Взгляни сюда, о, смерть в твоих глазах.
Арбенин (бросая браслет на стол)

Ты изменила мне – вот обвиненье.
Нина

Не верь – не верь... из сожаленья!
Арбенин

Признайся!
Нина

Не могу!..

Арбенин

Пожалуй, ты умрешь.

Нина

Но я невинна.

Арбенин

Ложь!

Нина

Так нет спасенья!

Арбенин

Нет спасенья!..

(Нина плачет.)

Да, горько я ошибся – возмечтал
О счастье – думал снова
Любить и веровать – но час судьбы настал,
И всё прошло, как бред больного.
Я мог бы воскресить погибшие мечты,
Я мог бы, веруя надежде,
Быть снова тем, чем был я прежде.
Ты не хотела, ты!
Плачь, плачь – но что такое, Нина,
Что слезы женские? вода!
Я ж плакал! Я, мужчина!
От злобы, ревности, мученья и стыда.
Я плакал – да!
А ты не знаешь, что такое значит,
Когда мужчина плачет!
В тот миг к нему не подходи,
Смерть у него в руках – и ад в его груди.
Нина (упадая на колени)

О, ты ужасен! О, помилуй, пощади!
Я всё исполню, я признаюсь, – поскорее,
Еще есть время, говори, чего
Ты хочешь... смерть всего страшнее,
Смерть, смерть, – да, я люблю его,
Нет, нет, – то было заблужденье,
Ребячество, обман, воображенье,
Я не любила никого...
Позволь обнять твои колени...
Ты видишь, я у ног твоих, Евгений,
Скажи, скажи, какой ценой
Купить мне жизнь... ценой мучений?
Чем хочешь буду я – твоей работой...
Я молода – жизнь так прекрасна;
О, ты меня спасешь – ты не злодей.
Я знаю, жалость есть в душе твоей,
Помучишь и простишь: напрасно, всё напрасно,
Мне кажется, я чувствую в груди
Огонь, огонь, – о, сжался, пощади!..
(Бросается к дверям.)

Сюда, сюда... на помощь – умираю.
Яд, яд, не слышат, понимаю,
Ты осторожен... никого, нейдут,
Но помни, я тебя, жестокий, проклинаю,
И ты придешь на божий суд!
Явление 5
Ар<бенин>, Нин<a>, Оленька

Оленька

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru
я здесь! Что с вами?

Нина

Ах, скорее, ради бога,
Покуда время есть! Я жить хочу, жить, жить,
Ужели и тебя мне надо так молить?
(Становится пред нею на колени.)

Оленька

О, что вы сделали...
Арбенин (помолчав)

Перепугал немного!
Хотел знать правду и узнал...
Опомнитесь и встаньте, я солгал,
Я не ношу с собою яда...
В вас сердце низкого разряда,
И ваша казнь не смерть, а стыд,
Что вы дрожите? Будьте вновь спокойны,
Вам долго жить на свете суждено,
И счастье вам еще возможно. Но
Ничьей любви, ничьей вы мести недостойны.
Да, ныне чувствую, я стар,
Измучен долгою борьбою,
Последний на меня упал судьбы удар,
И я поник покорной головою,
Желаний нет, надежды нет,
Я выброшен из круга жизни шумной
С несносной памятью невозвратимых лет,
Страдалец мрачный и безумный.
(Садится. Нина почти без чувств на креслах; входит князь с пистолетами.)

явление 6

Арбенин, Нина, Оленька, князь и Казарин

Князь

Что это значит, смею вас спросить,
Дуэль в кругу семейства – очень ново.
Тем лучше, случая такого
Мне, верно, больше не нажить.
Казарин

По чести, странный выбор секундантов.
Где о дуэли речь, там я в числе педантов.
Князь

Мне всё равно, без дальних слов.
Вот пистолеты, я готов...
Арбенин (встает и подходит к нему)

День, час тому назад хотел я крови, мести;
Защитник прав своих и чести,
С надеждой трепетной в груди
Я думал отразить позор и обвиненье,
И я ошибся; с глаз слетело заблужденье –
Вы правы, торжествуйте – впереди
Вас ждут победы славные, как эта,
Отчаянье мужей, рукоплесканье света,
И мало ль женщин есть во всем подобных ей?
Они того, – кто посмей!!!
Смотрите, как бледна, почти без чувства,
А отчего, не отгадаешь вдруг;
Что это – стыд, раскаянье, искусство?
Ничуть! Испуг – один испуг!
Ни вы, ни я, мы не имели власти
В ней поселить хоть искру страсти.

Ее душа бессильна и черства.
Мольбой не тронется – боится лишь угрозы,
Взамен любви у ней слова,
Взамен печали слезы.
За что ж мы будем драться – пусть убьет
Один из нас другого – так. Что ж дале?
Мы ж в дураках: на первом бале
Она любовника иль мужа вновь найдет.
Теперь стреляться вы хотите,
Вот грудь моя обнажена.
Возьмите жизнь мою, возьмите,
Она ни мне, ни миру не нужна!..
Казарин (тихо князю)

Стреляйте же скорей – скорей.
Арбенин

Молчите?
Задумались, – итак, оставьте нас!
Мы квиты.
(Князь уходит.)

Казар<ин>

Обманул, еще раз увернулся,
Скорей и мне убраться с глаз,
Покуда не очнулся.
(Хочет уйти.)

Арбенин (останавливая)

Куда спешишь?.. Пстой:
Расчет у нас не кончился с тобой.
Недаром моего позора
Ты был свидетелем!..
(насмешливо)

Т<ак> вежливость храня,
Прошу я, поклонись Камчатке от меня..
Казарин (в испуге)

Как?.. Что?.. Когда?..
Арбенин (выталкивает его)

Утешься! – очень скоро!
Явление 7
Ар<бенин>, Олень<ка>, Нина

Арбенин

Я еду, Оленька, прощай!
Будь счастлива, прекрасное создание,
Душе твоей удел – небесный рай,
Душ благородных воздаянье;
Как утешенье образ твой
Я унесу в изгнание с собой.
Пускай прошедшее тебя не возмущает.
Я будущность твою устрою: ни нужда,
Ни бедность вновь тебе не угрожает..
Оленька

Вы возвратитесь?..
Арбенин (помолчав)

Никогда!..
Примечания
Драматургия Лермонтова
В настоящий том входят все драматические произведения Лермонтова.

Драматургия Лермонтова в истории русской культуры и литературы – явление менее значительное, чем его поэзия и проза. Это объясняется в известной степени и тем, что Лермонтов обращался к драматической форме лишь в первые годы своей литературной деятельности. Пять пьес (не считая отрывка «Цыганы»), различных по характеру, по стилю, по художественной законченности и ценности, написаны Лермонтовым до 1836 г. Убедившись в полной невозможности увидеть что-либо из своих пьес на сцене или в печати, глубоко разочаровавшись в репертуарной политике, которую проводила дирекция императорских театров, Лермонтов отошел от драматургии.

Драматическое наследие Лермонтова почти не было освоено театральным репертуаром XIX в. Сцены из запрещенного в 1835 г. «Маскарада» после долгих цензурных мытарств впервые на петербургской сцене были поставлены лишь в 1852 г. Первая полная постановка драмы состоялась в Московском Малом театре в 1862 г. Настоящая сценическая жизнь «Маскарада» началась, однако, только в 1917 г., когда эту драму в оформлении А. Я. Головина поставил в Александринском театре В. Э. Мейерхольд. Драма «Два брата» лишь однажды, в 1915 г., была представлена в качестве юбилейного спектакля. Таким образом, в XIX в. драматургия Лермонтова не могла оказать сколько-нибудь большого влияния на судьбы русского театра и его репертуара. По сути дела таковой же была участь и драматического наследия Пушкина, которое по существу стало достоянием театра только в советское время. Передовая драматургия 20-х и 30-х годов XIX столетия, включая сюда и бессмертную комедию Грибоедова, оставалась и жила вне театра и доходила до сцены с большим опозданием.

Все это ни в какой мере не снимает вопроса об историческом значении лермонтовской драматургии.

В своих драматических произведениях, как и в лирике, Лермонтов сосредоточивал внимание на самых существенных противоречиях русской общественной жизни конца 1820 – начала 1830-х годов, периода реакции и общественного упадка, последовавшего за разгромом декабристского движения. Напряженные раздумья о народе, томившемся в крепостном рабстве, о пустоте жизни дворянского общества, страстный протест против всякого проявления социального зла и насилия над человеком – таково главное идейное содержание и лирики, и драматургии Лермонтова.

Обращение Лермонтова к драматургии далеко не случайно. Театральные интересы занимали одно из первых мест в культурной жизни русского дворянства второй половины XVIII – начала XIX в. Расцвет крепостного театра в значительной степени содействовал общему росту театральной культуры и в какой-то степени предопределял дальнейшие успехи столичных императорских театров: лучшие крепостные актеры часто переходили на столичную сцену. Неудивительно, что в родственном окружении молодого Лермонтова прочно укоренилась любовь к театру. Предки Лермонтова с материнской стороны – Арсеньевы и Столыпины – были страстными театраломанами. С детских лет будущий поэт слышал рассказы бабушки Е. А. Арсеньевой о крепостном театре ее отца А. Е. Столыпина, считавшемся одним из лучших помещичьих провинциальных театров: его даже привозили из Пензенской губернии в Москву «на гастроли». Таким же театралом, пожалуй еще более культурным, был дед Лермонтова – М. В. Арсеньев. Его домашний театр в небольшой усадьбе Тарханы был явлением примечательным. М. В. Арсеньев одним из первых в России оценил и поставил на своей сцене «Гамлета» Шекспира в переводе, непосредственно восходящем к английскому оригиналу. Эта постановка была известна Лермонтову по рассказам старших; она была связана с трагической смертью деда, который исполнял в пятом действии роль одного из могильщиков, а затем после спектакля отравился.

Театральные впечатления вошли в жизнь Лермонтова очень рано. Шести лет от роду во время очередного приезда с бабушкой в Москву Лермонтов видел в Большом (Петровском) театре оперу К. А. Кавоса «Князь Невидимка».

В Тарханах, где протекали детские годы поэта, нередко бывали домашние спектакли. А. П. Шан-Гирей, воспитывавшийся вместе с Лермонтовым в 1825–1826 гг., рассказывает в своих воспоминаниях: «Когда собирались соседки, устраивались танцы и раза два был домашний спектакль». [163]

В те же годы десяти-одиннадцатилетний Лермонтов увлекается лепкой из крашеного

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru
воска. Он лепит целые сцены, и вскоре восковые фигурки становятся участницами
действ театра марионеток. Это увлечение театром марионеток еще больше захватило
Лермонтова после переезда в Москву осенью 1827 г., когда он начал готовиться к
поступлению в Московский университетский пансион. М. Е. Меликов в своих
воспоминаниях рассказывает: «...маленький Лермонтов составил театр из марионеток,
в которых принимал участие и я с Мещериновыми: пиесы для этих представлений
сочинял сам Лермонтов». [164]

К сожалению, эти первые драматические опыты мальчика Лермонтова не сохранились.
Мы даже не знаем, были ли это импровизации или пьесы с закрепленным, записанным
текстом. Неизвестно также и содержание спектаклей лермонтовского кукольного
театра. А. П. Шан-Гирей хорошо помнил впоследствии актеров-кукол, вылепленных
Лермонтовым из воска. Он рассказывал П. А. Висковатову, что среди кукол была
одна, «излюбленная мальчиком-поэтом, носившая почему-то название „Verquin“ [165]
и исполнявшая самые фантастические роли в пьесах, которые сочинял Мишель,
заимствуя сюжеты или из слышанного, или прочитанного». [166] В годы учения в
Московском университетском пансионе и в Московском университете Лермонтов часто
бывал в театрах и, по-видимому, хорошо был знаком с репертуаром того времени. Из
его писем 1827–1832 гг. видно, что Лермонтов увлекался и оперным, и
драматическим театром. Под влиянием этих впечатлений уже в пансионе он
задумывает написать либретто для оперы на сюжет незадолго до того напечатанной
поэмы Пушкина «Цыганы». В сохранившемся наброске либретто (см. ниже, с. 7–8) он
использует не только стихи Пушкина, но и хор цыган «Мы живем среди полей и лесов
дремучих» из оперы А. Н. Верстовского «Пан Твардовский» (либретто М. Н.
Загоскина).

Русские драматические театры того времени много терпели от театральной цензуры,
которой с 1828 г. ведало III Отделение. В искаленном, «обезвреженном» виде шли
на сцене трагедии Шиллера «Разбойники» и «Дон Карлос», а также «Отелло,
венцианский мавр» и «Гамлет» Шекспира. Но даже изуродованные переводчиками и
цензурой, эти пьесы захватывали московскую передовую молодежь.

Любимцами московской театральной публики в те годы были П. С. Мочалов и М. С.
Щепкин. Много лет спустя в статье «Михаил Семенович Щепкин» А. И. Герцен писал:
«Щепкин и Мочалов, без сомнения, два лучших артиста из всех виденных мною в
продолжение тридцати пяти лет и на протяжении всей Европы. Оба принадлежат к тем
намекам на сокровенные силы и возможности русской природы, которые делают
незыблемой нашу веру в будущность России». [167]

Как и Белинскому и Герцену, юному Лермонтову даже ущемленный цензурой
драматический театр представлялся своеобразной школой возвышенных идеалов. Он
был в курсе тогдашних театральных интересов и споров. В письме к М. А. Шан-Гирей
в 1829 г. он спрашивал: «Помните ли, милая тетенька, вы говорили, что наши
актеры (московские) хуже петербургских. Как жалко, что вы не видали здесь
„Игрока“, трагедию „Разбойники“, вы бы иначе думали. Многие из петербургских
господ соглашались, что эти пьесы лучше идут, нежели там, и что Мочалов в многих
местах превосходит Каратыгина» (см.: наст. изд., т. IV).

Предпочитая Мочалова Каратыгину, Лермонтов разделял общее увлечение Мочаловым
передовой московской молодежи. «Для выражения тяжких сердечных мук души, –
взволнованно писал о Мочалове один из его современников, – для изображения
тоски, безвыходной и трудной, в Москве был тогда орган, могучий и повелительный,
сам измученный страшными вопросами жизни, на которые ответов не находил, – это
Мочалов». [168]

С Мочаловым для романтически настроенной передовой молодежи того времени
особенно тесно было связано имя Шиллера. Современники Лермонтова запомнили
Мочалова в ролях Карла и Франца Моора («Разбойники»), Дон Карлоса («Дон
Карлос»), Мортимера («Мария Стюарт») и Фердинанда («Коварство и любовь»). Многие
студенты знали наизусть почти все роли Мочалова, особенно его страстные
монологи, обличавшие всякую ограниченность, бездушие, корыстность, ханжество и
лицемерие.

Лермонтов и его поколение воспринимали драматургию и лирику Шиллера как
выражение идей воинствующего романтического гуманизма. Эти идеи в условиях
русской крепостнической действительности приобретали особую целенаправленность и
силу. Вскоре в юношеских драмах Лермонтова отзвуки шиллеровских ролей Мочалова
звучали особенно искренне и убедительно, так как Лермонтов выражал в них свой

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru
гнев, свой протест, свое негодование против социального неравенства, угнетения и насилия.

Поразительна напряженность творческих исканий юного Лермонтова в последний год пребывания его в Московском университетском пансионе и в первый год после поступления в Московский университет. Наряду с большим числом стихотворений, представляющих собою нечто вроде лирического дневника, Лермонтов записывает в своих тетрадях ряд планов трагедий, драм и драматических поэм. Тут и разбойничья, типичная для романтизма тема с сюжетной разработкой в духе мелодрамы или даже «трагедии рока» («Отец с дочерью, ожидают сына»), и замыслы исторической трагедии о Марии (из Плутарха), трагедия во мотивах романа Ф.-Р. Шатобриана «Атала» («В Америке (дикие, угнетенные испанцами)»), трагедии (точнее, драмы) из русской социальной действительности (см.: наст. изд., т. IV).

Летом 1830 г. поэт, увлекавшийся в это время легендой об испанском происхождении рода Лермонтовых, записывает в одной из своих тетрадей первые планы и наброски трагедии из испанской жизни; осенью эта пятиактная стихотворная трагедия – «Испанцы» – была завершена.

В центре трагедии – романтический мятежный герой, проходящий через все драмы и многие поэмы Лермонтова; он напоминает благородных бунтарей Шиллера в Байрона. Его любовь, как и его ненависть, титаничны и выражаются в монологах, исполненных шиллеровской экспрессии. Трагедия не знает полутонов; и характеры, в конфликты в ней резко контрастны. Высокое благородство безродного еврея-подкидыша противостоит алчности и чванливости кастильского дворянства, его возвышенная любовь – плотским вождениям служителя христианской церкви, иезуита Соррини; донна Мария продает падчерицу – Моисей готов выкупить свободу сына всем своим состоянием. Фигура Моисея, впрочем, отличается достаточной психологической сложностью; в его монологах слышатся отзвуки монологов Шейлока из «Венецианского купца» Шекспира – персонажа, которого Пушкин приводил как пример углубленной разработки драматического характера.

Фернандо восстает против общественных пороков, своего рода персонификацией которых является галерея его противников. Это делает «Испанцев» социальной трагедией, точнее, социальной драмой, так как и конфликт, и характеры тяготеют скорее к драматической разработке.

В двух следующих прозаических драмах – «Menschen und Leidenschaften» (1830) и «Странный человек» (1831) – Лермонтов обращается непосредственно к современному ему русскому быту.

В этих драмах Лермонтов широко использует автобиографические мотивы (семейная распря, несчастливая любовь), но эти мотивы при всем их индивидуальном своеобразии органически входят в обобщенную картину исторической действительности с ее важнейшими социальными противоречиями, характерными для крепостнической эпохи. Романтические «шиллеровские» элементы все еще ощутимы в обрисовке центральных образов этих драм. В пафосе и даже во фразеологии приподнятых монологов Юрия Волина («Menschen und Leidenschaften») и Владимира Арбенина («Странный человек») явно сказываются традиции и французской романтической драматургии. Но бытовые сцены, рисующие крепостническую усадьбу и жизнь московского городского дворянства, выхвачены из повседневной русской действительности, и в изображении их Лермонтов во многом следует традициям бытовой комедии XVIII в. – в первую очередь фонвизинской. Возникает известная стилевая двойственность, характерная, между прочим, и для первого прозаического романа Лермонтова «Вадим»: центральный герой по существу лишен быта, поднят над ним и противопоставлен ему; остальные персонажи, напротив, живут житейскими заботами, в них приглушено духовное начало. Эта типично романтическая концепция является основой конфликта обеих прозаических драм. Вместе с тем фигура Владимира Арбенина уже усложнена: раскрывается в его противоречиях внутренний мир героя, вступающего в многообразные контакты с окружающими; его конфликты с ними даны в их последовательном развитии. Личная трагедия Владимира Арбенина подготовлена и мотивирована всей совокупностью этих взаимоотношений и выглядит психологически более достоверной, чем личные трагедии героев предшествующих драм. Отчасти поэтому антикрепостническая направленность «Странного человека» более отчетлива по сравнению с «Menschen und Leidenschaften», а сцены, изображающие помещичий быт и бесправное положение крепостных, более разработаны и более автономны. При всем том Владимир Арбенин остается героем романтическим: его идейная характеристика, его внешний облик, его фразеология могут быть

Подобная двуплановость характерна и для самого значительного драматического произведения Лермонтова – драмы «Маскарад». Однако здесь сюжет и стиль усложняются. В «Маскараде» мы имеем дело уже с неким художественным и стилевым единством. Эта драма, при появлении в печати принятая критикой довольно холодно и долгое время оценивавшаяся как произведение незрелое и слабое, безусловно является значительным художественным достижением Лермонтова.

Прежде всего самая тема маскарада, характерная и для лермонтовской лирики («Как часто, пестрою толпою окружен» – см.: наст. изд., т. I, с. 424), разработана здесь с большой глубиной и силой обобщения. Это символическая художественная тема, сюжетно реализующая романтический мотив «двойной жизни». Он получает у Лермонтова сатирическую остроту, и острие это обращается против «большого света».

«Дианой в обществе... Венерой в маскераде» предстает в драме баронесса Штраль. В этом смысле она – характерная представительница «света», но не пример персонификации его пороков, как мы это видели в «Испанцах». В «Маскараде» нет столь свойственного мелодраме разделения на «героев» и «злодеев». Ни баронесса, ни слабый, легкомысленный, но субъективно честный князь Звездич не являются романтическими злодеями. Но они составляют частицу «большого света», несут на себе печать его психологии и подчиняются принятым в нем нормам социального поведения. Эти-то нормы и оказываются причиной гибели Нины и Арбенина. Катастрофа закономерна и почти фатальна, так как возникает в силу естественной логики поведения «убийц» и «жертв». Конфликт получает социальную мотивировку.

Новое появляется и в характере главного героя. Прежде он был недоступен влиянию среды. Арбенин же – плоть от плоти этой среды; порвав с нею, он не смог освободиться от ее представлений и психологии. Это своеобразный вариант Алеко из пушкинских «Цыган», но в иной ситуации. Алеко не может простить измены. Арбенин не может поверить в невинность «ангела», любовь к которому стала его последним прибежищем. Помимо всего прочего, он находится «в пределах досягаемости» светского общества, он не заставил забыть о себе, и этого достаточно, чтобы общество предъявило на него свои права. Когда баронесса дает ход интриге против Нины; князь, введенный в заблуждение, домогается любви Нины и, забыв о благодеянии Арбенина, афиширует мнимую связь с его женой; Казарин, Шприх поддерживают интригу из личных видов, – Арбенин не выдерживает, и в нем просыпается подозрение.

Слишком хорошо зная общество, чтобы поверить в существование «ангела», он начинает действовать, осуществляя своими силами суд и казнь. В том, что отравление Нины – не простой акт мести, нас убеждает монолог Арбенина в III действии («Я сомневался? Я? А это всем известно», с. 347–348), сближающий ситуацию лермонтовской драмы с трагедией обманутого доверия в «Отелло» Шекспира.

Развязка «Маскарада» окончательно проясняет концепцию центрального образа. Арбенин – единственный герой лермонтовских драм, который не погибает, хотя уже покончил все счеты с жизнью и должен погибнуть и по логике характера, и по сложившемуся драматургическому канону. Лермонтов заставляет его не только уничтожить собственными руками все, что ему было дорого в жизни, но и испытать сомнения в справедливости совершенных им суда и казни, а затем убедиться в том, что акт высокого мщения обернулся убийством невинной. Подобно байроническому герою и герою ранних лермонтовских поэм, Арбенин – «преступник-жертва», но концовка драмы перемещает акцент на первую часть этой двуединой формулы. Наказание начинается вместе с осознанием своего преступления и завершается не искупительной смертью, но продолжающейся жизнью, не романтическим безумием, но сумасшествием. Появление мотива наказания в «Маскараде» не случайно; оно связано с общей эволюцией лермонтовского творчества. В ранних драмах резко подчеркивалась обособленность героя, личность которого подавалась как абсолютная, безусловная ценностная величина. В «Маскараде» личность и поступки Арбенина соотнесены с личностями и поступками других – в первую очередь Нины, – так создается возможность для оценки главного героя и морального суда над ним. С точки зрения психологической разработанности и достоверности образа, Нина, конечно, значительно уступает Арбенину, но в общей концепции «Маскарада» ей принадлежит важная роль. Так подготавливается коллизия поздних редакций «Демона», где судьба Тамары станет критерием правомочности героя, «побежденного» силой ее любви и страдания.

Сюжетно и стилистически «Маскарад» во многом перекликается с комедией Грибоедова. Как и Грибоедов, Лермонтов в совершенстве владеет искусством диалога и острой эпиграмматической характеристики. Как и в «Горе от ума», диалог в «Маскараде» часто строится на кратких отрывистых репликах, что придает сценам особую живость и движение. Некоторые из этих реплик прямо восходят к Грибоедову. А. Н. Муравьев в своих поздних воспоминаниях даже назвал «Маскарад» комедией вроде «Горя от ума». [169] Муравьеву изменила память, но самая его ошибка показательна. Грибоедовское начало в «Маскараде» несомненно, но в целом это произведение иной жанровой формы, иной проблематики, чем «Горе от ума», от которого оно к тому же резко отличается по своей общей тональности. Комедийная шутка сменилась в «Маскараде» саркастической иронией, и в устах Арбенина, героя нового времени, уже невозможно представить себе пылкие монологи Чацкого.

В последний раз Лермонтов обратился к драматической форме в «Двух братьях» (1834–1836). Сюжет драмы автобиографичен; коллизия ее отчасти предвещает «Княгиню Лиговскую». Разработка характеров также делает эту драму ближайшим подступом к психологическому роману; в «Герое нашего времени» Лермонтов воспользовался художественным опытом «Двух братьев».

При жизни Лермонтова ни одно из его драматических произведений напечатано не было. Первым увидел свет «Маскарад», в сильно искаженном цензурой виде вошедший в 1842 г. в третью часть посмертных «Стихотворений М. Лермонтова». В 1857 г. С. Д. Шестаков в статье «Юношеские произведения Лермонтова» (Русский вестник, т. 9, май – июнь) дал пересказ содержания «Испанцев», «Странного человека», «Двух братьев» и опубликовал выдержки из них. В 1859 г. С. С. Дудышкин в статье «Ученические тетради Лермонтова» публикует «Цыган»; годом позднее вводит в собрание сочинений Лермонтова под своей редакцией текст «Странного человека» (по черновой рукописи) и печатает посвящение к драме «Menschen und Leidenschaften» с пересказом ее содержания. В 1880 г. П. А. Ефремов издает отдельной книгой «Юношеские драмы М. Ю. Лермонтова», куда вошли «Странный человек» (по белой рукописи) и – впервые полностью – «Испанцы», «Два брата» и «Menschen und Leidenschaften».

Особенно длительной была история публикации редакций «Маскарада», связанная с постепенным раскрытием разных этапов творческой истории драмы. В 1875 г. в «Русской старине» (№ 9) под ошибочным названием «Маскарад» был напечатан «Арбенин». Ранняя редакция драмы была обнародована лишь в 1935 г. в четвертом томе собрания сочинений Лермонтова в издании «Academia», в разделе вариантов к основному тексту; с 1953 г. печатается как самостоятельное произведение.

Черновые и белые автографы, копии «Цыган», «Испанцев», «Странного человека» и «Двух братьев» хранятся в Ленинграде в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР; автограф драмы «Menschen und Leidenschaften» – также в Ленинграде в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Сведения о местонахождении довольно обширного и разрозненного фонда источников текста «Маскарада» см. в примечаниях к этой драме (с. 606–607).

* * *

Редактор тома – Л. Н. Назарова. Статья «Драматургия Лермонтова» – В. А. Мануйлов и В. Э. Вацуро. Подготовка текста и составление примечаний – А. М. Докусов («Маскарад», ранняя редакция «Маскарада», «Арбенин» – примечания), Л. М. Лотман («Странный человек»), А. П. Могиланский («Испанцы»), Н. А. Хмелевская («Цыганы», «Menschen und Leidenschaften», «Два брата», «Арбенин» – текст).

Драмы
Цыганы

Впервые опубликовано в статье С. С. Дудышкина «Ученические тетради Лермонтова» в 1859 г. в «Отечественных записках» (т. 125, № 7, отд. I, с. 26–27).

Датируется 1829 г., так как автограф находится в одной тетради со стихотворениями этого года.

«Цыганы» – первый драматический опыт Лермонтова, представляющий собою незаконченное либретто для оперы по одноименной поэме Пушкина.

Возможно, что намерение написать либретто возникло у Лермонтова под впечатлением от оперы А. Н. Верстовского «Пан Твардовский» (либретто М. Н. Загоскина),

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драмы. Михаил Юрьевич Лермонтов termontovmikhail.ru которая была поставлена в Москве в Большом театре 24 мая 1828 г. Отрывок из этой оперы – «Цыганская песня», – напечатанный в «Драматическом альманахе для любителей и любительниц театра» (СПб., 1828, с. 133), в сокращенном и несколько измененном виде Лермонтов ввел в текст своего либретто.

Испанцы

Содержание пьесы пересказано и отрывки из нее напечатаны в статье С. Д. Шестакова «Юношеские произведения Лермонтова» в 1857 г. в «Русском вестнике» (т. 9, май, кн. 2, с. 233–260).

Впервые опубликовано (полностью) в 1880 г. в издании П. А. Ефремова «Юношеские драмы М. Ю. Лермонтова» (с. 1–127).

Датируется концом лета – осенью 1830 г. по положению отдельных набросков трагедии в тетради со стихотворениями этого года. Конец трагедии отсутствует.

«Испанцы» – одно из значительных произведений русской романтической драматургии 1830-х годов, представляющее собою важный этап в творческом развитии Лермонтова. Гуманистический пафос трагедии тесно связан с прогрессивными литературными традициями, как русскими, так и западноевропейскими. Отдельные ее эпизоды близки к подобному же рода драматическим положениям в пьесах Лессинга («Натан Мудрый», «Эмилия Галотти»), Шиллера («Разбойники», «Дон Карлос»), Гюго («Эрнани»), Шекспира («Гамлет») (подробнее о реминисценциях из произведений Шекспира в трагедии Лермонтова «Испанцы» см. в кн.: Шекспир и русская культура. Под редакцией акад. М. П. Алексеева. М.–Л., 1965, с. 241–245 (автор – Ю. Д. Левин)). Это объясняется духовным родством Лермонтова со своими предшественниками, а также стремлением молодого поэта овладеть законами драматургического мастерства. В литературе о Лермонтове указывалось и на связь замысла «Испанцев» с шумевшим в то время в России велижским делом (см.: Л. П. Гроссман. Лермонтов и литературы Востока. – В кн.: Литературное наследство, т. 43–44. М., 1941, с. 719–735).

Сама испанская тема является характерным проявлением того интереса передовой части русского общества к Испании, который был особенно значителен в эпоху испанской революции 1820 г. Об интересе Лермонтова к Испании свидетельствуют также другие его произведения: поэмы «Две невольницы» в «Исповедь», вторая редакция «Демона» и ряд рисунков.

В трагедии Лермонтова изображена Испания периода особенно жестокой деятельности инквизиции (XV–XVII вв.), но без точного исторического приурочения, так как ее хронологические данные противоречивы. С одной стороны, официальное проживание в Испании раввинов и правоверных, т. е. сохранивших свой веру, евреев указывает на эпоху до 1492 г. С другой стороны, наличие среди действующих лиц трагедии монаха-иезуита и трехкратное упоминание имени Лютера переносят действие ее в эпоху после 1540 г. (год утверждения ордена иезуитов). Однако пространственный рассказ Алвареца о его многочисленных предках (действие первое, сцена I), в том числе о первом из них – современнике испанского короля Карла I, отодвигает действие трагедии даже в XVII в.

Развитие замысла трагедии отражено в отрывочных записях и набросках Лермонтова 1830 г. Одна из этих записей («В Америке (дикие, угнетенные испанцами)» – см.: наст. изд., т. IV) свидетельствует о том, что первоначальный замысел трагедии об испанцах-угнетателях был связан с темой завоевания Америки европейцами.

Ряд записей, непосредственно относящихся к «Испанцам», свидетельствуют об исканиях и колебаниях поэта при окончательном установлении сюжета и плана трагедии. Приводим эти записи:

I

Сюжет

В Испании у матери дочь увез в дурной дом обманщик, хотя служащий при инквизиции, который хочет после обмануть и другую сестру. Любовник первой, за которого не хотели отдать, ибо у него нет многих благородных предков, узнает происшествие, когда сидит с друзьями. Он спасает жида от инквизиции прежде. Жид и говорит, что ее увезли. Он клянется живую или мертвую – привезти ее. Жид ему помогает ее найти. Он находит – ему злодей не отдает. Он ее убивает и уносит. Злодей не мешает, ибо сам боится, чтоб не узнали похищения. Злодей идет к матери. Приносит тот свою любезную мертвую. Его схватывают, спрашивают, полиция. Входит злодей. Обвиняемый бросает<ся> к нему на шею, целует и кинжалом колет в

II

Когда испанец вынимает портрет своей любезной, жидовка отвращается, и он говорит: «Вот что значит женщина, она не может видеть лица, которое не уступает ей в красоте». После он, видя, что она огорчилась, тут же спрашивает: что он должен дать ей, чего она хочет? Она говорит: «Чего я хочу, того ты не можешь мне дать!» – и уходит. Он: «Она только желает и молчит; а как многие требуют невозможного от нас!..» (во второй сцене у жида). Действ<вие> IV.

III

(В первом действии моей трагедии молодой испанец говорит отцу любовницы своей, что «благородные для того не сблизятся с простым народом, что боятся, дабы не увидели, что они еще хуже его».)

(В том же действии испанец говорит: «Что такое золото, которое мое может сделать счастье, ибо без него не могу обладать моей любезной? – металл, как другой. Верно, бог не дал ему этого преимущества, коего многие люди не имеют?»)

IV

Действующие лица

Дон Алварец – отец. Немного бедный, но гордый дворянин и добрый.

Донна Мария – мачеха Эмилии – причудливая, капризная, глупая женщина.

Эмилия – дочь Алварца. Любит и любима Фернандом.

Фернандо – молодой испанец, воспитанный в доме Алварца.

Патер Соррини – итальянец. Хитрый, богатый иезуит.

Моисей – жид.

Нозми – дочь его.

Испанцы празднующиеся.

Жида и жидовки.

Слуги.

(действие в Кастилии).

V

В первом действии так начинается: мачеха с Эмилией идут в церковь: Фернандо тут. Эмилия из-под мантильи роняет записку, где она говорит, что если Алварец ему что-нибудь станет говорить, то чтоб он не горячился. Тут приходит Алварец и говорит ему, что хотя прежде он обещал за него выдать дочь, но теперь не может, ибо имеет другие виды, а Фернандо побочный сын – и проч.!

VI

Когда я еще мал был, я любил смотреть на луну, на разнovidные облака, которые в виде рыцарей с шлемами теснились будто вокруг нее; будто рыцари, сопровождающие Армиду в ее замок, полные ревности и беспокойства. N.B. В первом действии моей трагедии Фе<р>нандо, говоря с любезной под балконом, говорит про луну и употребляет предыдущее сравнение.

К трагедии...

Далее в записи Лермонтова следует монолог Фернандо о луне, почти без изменений введенный в трагедию, – «Взгляни на тихую луну! О, как прекрасна!» (действие первое, сцена II).

Впервые обратившись к большой драматической форме, Лермонтов развил в своем произведении, временами с большой художественной выразительностью, идею протеста против социального неравенства и национального угнетения. Таким образом, он выступил в «Испанцах» как продолжатель декабристских традиций (см.: Б. М.

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru
Эйхенбаум. «Испанцы» Лермонтова как политическая трагедия. – В кн.: М. Ю. Лермонтов. Сборник статей и материалов. Ставрополь, 1960, с. 45–56). Мятёжный герой пьесы Фернандо, способный противостоять насилию и угнетению, близок Арсению из «Боярина Орши» и Мцыри. Сложную диалектику помыслов и действий Фернандо Лермонтов основывает на философской идее Шеллинга о противоречивом единстве добра и зла, приводящей к положительному выводу относительно общественной ценности энергии разрушения (см. об этом: Н. М. Владимирская. Романтический герой в трагедии Лермонтова «Испанцы». – В кн.: Ученые записки Великолукского педагогического института. Кафедра русской и зарубежной литературы, 1960, вып. 11, с. 13–30).

Советские театры не раз осуществляли постановку «Испанцев». В 1923 г. трагедия была поставлена К. В. Эггертом в Москве, в 1939 г. – в Вологде и в 1941 г. (?) в Ленинграде (группой артистов при лекторском бюро Пушкинского общества). Большой успех имел спектакль Московского гос. еврейского театра в 1941 г. Были также постановки «Испанцев» в 1954–1955 гг. в Ворошиловграде, в 1955 г. в Гродно и в Гомеле, в 1956–1957 гг. в Петрозаводске, в 1962–1963 гг. в Великих Луках, в Северо-Осетинском национальном музыкально-драматическом театре и на сценах других театров СССР.

Menschen und Leidenschaften

Содержания пьесы пересказано и отрывок из нее (посвящение) напечатан в 1860 г. в собрании сочинений под редакцией С. С. Дудышкина (т. II, с. 90).

Впервые опубликовано (полностью) в 1880 г. в издании П. А. Ефремова «Юношеские драмы М. Ю. Лермонтова» (с. 129–195).

Датируется 1830 г. На заглавном листе автографа рукою Лермонтова крупными буквами выведено: «Menschen und Leidenschaften (ein Trauerspiel) <Люди и страсти (трагедия)> 1830 года. М. Лермонтов». На следующем листе написан текст посвящения. После слова «Посвящается» в рукописи следует двоеточие, тире и тщательно зачеркнутое, не поддающееся прочтению имя. На том же листе рядом с текстом посвящения нарисован поясной портрет молодой женщины под деревом. Изображение это не имеет сходства ни с одним из известных портретов знакомых Лермонтову женщин.

Возможно, что обе ранние драмы Лермонтова, т. е. «Испанцы» и «Menschen und Leidenschaften», посвящены той самой девушке, о которой поэт писал в своем стихотворении «К Гению» (см.: наст. изд., т. I, с. 25). В этом стихотворении, как и в обоих посвящениях, говорится о воспоминаниях прошедшей любви. В стихотворении и в указанных драмах есть похожие сцены любовных свиданий, где обязательно упоминаются беседка или балкон и луна (ср. стихотворение «К Гению» (начиная со стиха «Но ты забыла, друг! Когда порой ночной» – наст. изд., т. I, с. 25–26) со сценой II первого действия «Испанцев» и с явлениями 3 и 4 второго действия «Menschen und Leidenschaften»). Очевидна зависимость изображения свиданий героев от собственных воспоминаний поэта о свидании, описанном им в стихотворении «К Гению». В позднейшем примечании к этому стихотворению Лермонтов писал: «Напоминание о том, что было в ефремовской деревне <т. е. в имении Ю. П. Лермонтова Кропотове> в 1827 году – где я во второй раз полюбил 12 лет – и поныне люблю» (наст. изд., т. I, с. 545). Этой «второй» любви поэта посвящены также стихотворение «Дереву» (там же, с. 127, 558) и заметки: «1830 (мне 15 лет)» и «Мое завещание» (наст. изд., т. IV). Вероятную связь со стихотворением «Дереву» и заметкой «Мое завещание» имеет и то обстоятельство, что неизвестная на рисунке Лермонтова, находящемся на листе с посвящением к «Menschen und Leidenschaften», изображена сидящей под сухим деревом.

Обычно исследователи творчества Лермонтова называют двух женщин, интересовавших поэта в 1830 г.: Анну Григорьевну Столыпину, в замужестве философова, и Агафью Александровну Столыпину.

Имя Анны Григорьевны Столыпной, однако, вызывает сомнение, так как поэт сам говорит, что девушка, которую он любил, была старше его на 5 лет (см. заметку «1830 (мне 15 лет)»), в то время как А. Г. Столыпина родилась в 1815 г. и была моложе Лермонтова на год. По предположению В. А. Мануйлова, все названные произведения Лермонтова посвящены Агафье Александровне Столыпной, дочери брата Е. А. Арсеньевой Александра Алексеевича Столыпина, родившейся в 1809 г., т. е. на 5 лет раньше Лермонтова. Однако достаточно веских доказательств в пользу и этого предположения нет. Вряд ли Агафья Столыпина гостила в 1827 г. в имении Ю.

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru
П. Лермонтова Кропотково, о чем пишет поэт в примечании к стихотворению «К
Гению».

По-видимому, речь может идти также о С. И. Сабуровой, о которой в связи со стихотворением «К***» («Глядися чаще в зеркала») писал И. Л. Андроников (см.: И. Л. Андроников. Лермонтов. Исследования и находки. Издание 4-е. М., 1977, с. 224–227).

Среди литературных планов и набросков, относящихся к 1830 г. и находящихся в тетради под заглавием «Отдельные стихотворения Лермонтова 1830 г.», имеется запись, которая почти без изменений была включена Лермонтовым в монолог Юрия Волина в явлении 9 пятого действия: «Природа подобна печи, откуда вылетают искры. Природа производит людей иных умнее, других глупее; одни известны, другие не известны. Из печи вылетают искры, одни больше, другие темнее, одни долго, другие мгновенно светят; но все-таки они погаснут и исчезнут без следа; подобно им последуют другие также без последствий, пока печь погаснет сама: тогда весь пепел соберут в кучу и выбросят; так и с нами».

Мысли, чувства и переживания главного героя пьесы Юрия Волина были во многом близки самому Лермонтову, судя по его лирическим стихотворениям, предшествующим драме. К моменту завершения «Menschen und Leidenschaften», т. е. к осени 1830 г., Лермонтов был автором примерно десяти поэм и более ста двадцати лирических стихотворений, большинство которых было написано в том же году. Существует рукописный сборник Лермонтова, озаглавленный «Разные стихотворения (1830)». Содержание этих стихотворений иногда почти текстуально совпадает с монологами Юрия Волина. Один из первых собирателей материалов о Лермонтове – В. Х. Хохряков, знавший близких поэту С. А. Раевского и А. П. Шан-Гирея, оставил в своей тетради следующую запись: «...характер Юр. Никол. <Волина> похож на лермонтовский» (М. Ю. Лермонтов. Сочинения в шести томах, под редакцией Н. Ф. Бельчикова, Б. П. Городецкого, Б. В. Томашевского, издание Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР, т. V. М. – Л., 1956, с. 726; далее – Лермонтов). Нашел отражение в драме и такой автобиографический момент, как семейная распря, возникшая между отцом поэта, Юрием Петровичем, и бабушкой, Елизаветой Алексеевной Арсеньевой, за право воспитывать его. Эта распря наложила тяжелый отпечаток на детство и юность Лермонтова и отразилась в его стихотворениях «Ужасная судьба отца и сына» и «Эпитафия» («Прости! Увидимся ль мы снова?») (наст. изд., с. I, с. 217, 318). Рассказана в драме и история с духовным завещанием Арсеньевой, которая поставила условием получения Лермонтовым наследства разлуку его с отцом.

При явном автобиографизме драмы не может быть, однако, признано справедливым полное отождествление героев ее с членами семьи Лермонтова, которое содержится в записи Хохрякова: «М. И. Громова – бабушка Лермонтова. Н. М. Волин – отец Лермонтова. Ю. Н. – Лермонтов. В. М. Волин – брат отца Лермонтова. Любовь, Элиза – двоюродные сестры Лермонтова. Заруцкий – Столыпин (не знаю, который из Столыпиных). Дарья – нянька Лермонтова. Иван – слуга Лермонтова, муж няньки. Он привез в Тарханы тело Лермонтова. Лермонтов стрелялся со Столыпиным из-за двоюродной сестры. Замужняя жизнь Марьи Мих<айловны> Лермонтовой <матери поэта> была несчастлива, потому на памятнике переломленный якорь. Елизавет<ета> Алексе<евна> дала отцу Лермонтова деньги, лишь бы он не брал сына» (Лермонтов, т. V, с. 726).

Сомнительно, чтобы в образах отвратительной старухи Громовой и Николая Михалыча Волина, несправедливого, проклинающего своего сына, поэт изобразил горячо любимых им бабушку и отца. Брат отца Лермонтова, который, по словам Хохрякова, изображен в лице В. М. Волина, в действительности никогда не существовал: у Ю. П. Лермонтова не было братьев.

Героинь драмы, Любовь и Элизу, Хохряков называет двоюродными сестрами Лермонтова. У Лермонтова было много молодых родственниц, двоюродных сестер его матери. Но возможно, что здесь и не следует искать портретного сходства, как это делал Хохряков. Обе героини драмы являются олицетворением двух противоположных женских типов. Любовь, возвышенная, благородная, правдивая, не похожая на окружающих ее людей, по духу близка к Юрию Волину; в образе Элизы, бездушной, эгоистичной, злой, во многом близкой по характеру к Заруцкому, Лермонтов, вероятно, хотел дать тип избалованной и пустой светской барышни.

Указание на то, что прототипом Заруцкого является один из Столыпиных, с которым

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов Lermontovmikhail.ru у Лермонтова была дуэль из-за двоюродной сестры, никакими документами и воспоминаниями о поэте не подтверждается. Вероятно, и в этом образе Лермонтов стремился изобразить не какое-то конкретное лицо, а пустого и легкомысленного светского человека – тип, противоположный Юрию Волину.

Известны прототипы персонажей драмы Дарьи и Ивана, о которых пишет Хохряков: это Дарья Григорьевна Соколова, ключница в Тарханах, и ее муж Андрей Иванович Соколов, «дядька» и лакей Лермонтова (см.: П. А. Вырыпаев. Лермонтов. Новые материалы к биографии. Саратов, 1976, с. 60–64). О них Е. А. Арсеньева писала Лермонтову в письме от 18 октября 1835 г.: «Скажи Андрею, что он так давно к жене не писал, она с ума сходит, все плачет, думает, что он болен, в своем письме его письмо положи, купи что-нибудь Дарье, она служит мне с большой привязанностью» (наст. изд., т. IV). Через Соколова во время ареста Лермонтова по делу о стихотворении «Смерть Поэта» С. А. Раевский послал поэту копию своих ответов на следствии. В 1842 г. Соколову было поручено перевезти тело Лермонтова из Пятигорска в Тарханы.

Пьеса Лермонтова обнаруживает следы его знакомства с произведениями западной и русской литературы и философии.

Существует предположение, что ко времени создания драмы ему уже были известны идеи социалистов-утопистов, в частности учение Сен-Симона; носителем этих идей является его герой Юрий Волин. По этому поводу Б. М. Эйхенбаум писал: «В основе своей эта трагедия – социальная, созданная путем приложения сен-симонистских идей к русской жизни последекабрьской поры. Людей связывает здесь не взаимная любовь и уважение друг к другу, не стремление к общему идеалу, а расчет, хитрость, вражда. Юрий Волин противопоставлен другим персонажам пьесы не как „характер“, а как не зараженный еще пороками своей среды и своего времени («критической эпохи», по Сен-Симону) член этого общества» (Б. М. Эйхенбаум. Статьи о Лермонтове. М.–Л., 1961, с. 169–170).

Такие эпизоды, как чтение Дарьей Евангелия, проклятие сына отцом, разговор Юрия с Иваном накануне самоубийства, могли быть навеяны аналогичными сценами из драмы Шиллера «Разбойники», которую Лермонтов хорошо знал и о которой писал в письме к М. А. Шан-Гирей весной 1829 г. (см.: наст. изд., т. IV). Шиллер был одним из любимых авторов Лермонтова, и в своем творчестве поэт часто обращался к его произведениям (см. об этом, например: Г. Германов. Романтическая драма на М. Ю. Лермонтов и Шиллерова традиция. – В кн.: Славянская филология, София, 1973, т. 13, с. 91–102). В 1829–1830 гг., т. е. ко времени написания «Menschen und Leidenschaften», Лермонтов перевел из Шиллера ряд стихотворений: «Три ведьмы», «К Нине», «Встреча», «Перчатка», «Дитя в люльке», «Делись со мною тем, что знаешь». Немецкая романтическая драматургия имела немалое воздействие на творчество Лермонтова. Оно сказалось в общем построении лермонтовских драм, в изображении тяжелых, трагических переживаний героев, роковых недоразумений и кровавых развязок. Сказалось оно и в названии данной пьесы. Несмотря на чисто русское содержание, пьеса имеет заголовок на немецком языке, похожий на заголовки немецких романтических драм: «Kabale und Liebe» («Коварство и любовь») Шиллера, «Sturm und Drang» («Буря и натиск») Клингера, «Menschenhass und Reue» («Человеческая ненависть и раскаяние») А. Коцебу и др.

Что же касается русских произведений, оказавшихся важными для Лермонтова – автора «Menschen und Leidenschaften», то здесь следует назвать «Недоросля» Фонвизина (Марфа Ивановна Громова напоминает Простакову), «Горе от ума» Грибоедова (Юрий, подобно Чацкому, стремится «бродить по свету» в поисках успокоения), повести Марлинского «Испытание» и «Замок Нейгаузен» (сцена дуэли). В текст своей драмы Лермонтов включил два стихотворения Пушкина. В пьесе отразилась и присущая русской драматургии XVIII в. традиция символизировать именами героев их внутренние качества; отсюда фамилии Громова, Волин и имя Любовь.

Реалистическая тенденция, в известной мере свойственная даже самым ранним романтическим поэмам Лермонтова, в «Menschen und Leidenschaften» выражена более определенно: введены бытовые подробности, дифференцирован язык героев. В юношеских произведениях, написанных до драмы «Menschen und Leidenschaften», поэт обычно избирал местом действия страну, привлекавшую его своей неизвестностью и экзотичностью: Грецию в «Корсаре», Финляндию в поэме «Два брата», Италию в «Джюлио», Испанию в «Двух невольницах», «Испанцах» и второй редакции «Демона» или Кавказ в «Черкесах» и «Кавказском пленнике». В драме же «Menschen und

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru
«Leidenschaft ten» Лермонтов впервые, как мы видели, обратился к изображению современной ему русской действительности.

Образы и характеры героев драмы были подсказаны Лермонтову хорошо знакомой ему с детства жизнью помещичьей усадьбы и крепостной деревни.

Детские годы поэт провел в Тарханах – имении своей бабушки Е. А. Арсеньевой в Пензенской губернии. Подростком он бывал в Кропотове, Тульской губернии, имения отца, и в Середникове, подмосковном имении Столыпиных. Собственные впечатления Лермонтова и слышанные им рассказы о соседних помещиках и их отношении к крепостным легли в основу его драмы.

Еще до написания драмы Лермонтов составил не дошедший до нас план, о котором упоминается в жандармской «Описи перенумерованным бумагам корнета Лермонтова», произведенной при его аресте 20 февраля 1837 г. за стихотворение «Смерть Поэта»: «План, составленный Лермонтовым для драмы, заимствованный из семейного быта сельских дворян, – написана ли по сему плану драма, неизвестно» (Лермонтов, т. VI, с. 474). Можно предположить, что пьеса «Menschen und Leidenschaften» и была создана по этому плану. Однако осуществление замысла раздвинуло первоначально поставленные рамки. «Menschen und Leidenschaften» нельзя назвать только семейно-бытовой драмой. В этом своем произведении Лермонтов попытался создать картину, изобличающую самое страшное зло тогдашней России – крепостное право.

В образах помещицы-крепостницы Марфы Ивановны Громовой и ее горничной Дарьи поэт дал обобщение наиболее отрицательных, уродливых проявлений крепостничества: жестокости, лицемерия, ханжества, издевательского отношения к людям. Этими же чертами наделены и другие герои драмы (Элиза, Василий Михалыч Волин).

В крепостническом обществе, хозяевами которого являются холодные, безжалостные люди, невозможны искренние человеческие отношения. Герой драмы Юрий Волин, благородный, свободолюбивый и великодушный юноша, вступает в спор с этой средой и гибнет в неравной борьбе с окружающим его злом. Так драма Лермонтова, задуманная на материале частного семейного конфликта, стала произведением большого социального звучания.

Антикрепостническая направленность «Menschen und Leidenschaften», противопоставление «мятежных» страстей жестоким людским законам, вольнолюбие и философские искания героя драмы выражали настроения передовой молодежи того времени. Следует вспомнить, что в том же 1830 г., почти одновременно с Лермонтовым, другой студент Московского университета, с которым в то время Лермонтов не был знаком, В. Г. Белинский, также написал антикрепостническую драму «Дмитрий Калинин», в идейном отношении близкую драме Лермонтова.

Созданная на материале русской действительности, проникнутая передовой критической мыслью, драма «Menschen und Leidenschaften» развивает обличительную тенденцию в творчестве Лермонтова, направленную против подавления человеческой личности.

На сцене драма не ставилась.

Странный человек

Содержание пьесы пересказано и отрывки из нее (по белой рукописи) напечатаны в статье С. Д. Шестакова «Юношеские произведения Лермонтова» в 1857 г. в «Русском вестнике» (т. 9, июнь, кн. 1, с. 317–336).

Впервые опубликовано: с цензурными купюрами в явлении 8 второго действия (сцена V окончательного текста) и явлении 1 третьего действия (сцена VII), по черновой рукописи – в 1860 г. в собрании сочинений под редакцией С. С. Дудышкина (т. II, с. 197–282); полностью, по белой рукописи – в 1880 г. в издании П. А. Ефремова «Юношеские драмы М. Ю. Лермонтова» (с. 197–271).

Датируется 1831 г. На обложке тетради, содержащей первоначальный текст пьесы, рукою Лермонтова написано: «Странный человек. Романтическая драма. 1831 года кончена 17 июля. Москва». Однако в дальнейшем Лермонтов продолжил работу над драмой. Среди автографов произведений, относящихся к августу – октябрю 1830 г., находятся две сцены и монолог Арбенина, которые Лермонтов дополнительно ввел в пьесу «Странный человек». Им предшествует запись, свидетельствующая о том, что поэт не переставал обдумывать свою драму: «Метод <для памяти>: прибавить к

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru „Странному человеку“ еще сцену, в которой читают историю его детства, которая нечаянно попала в Белинскому». Возможно, что Лермонтов не включил в пьесу рассказ о детстве Арбенина, решив ограничиться введением в «студенческую сцену» строф стихотворения «1831-го июня 11 дня» («Моя душа, я помню, с детских лет» – наст. изд., т. I, с. 167).

Окончательно текст драмы «Странный человек» установился в октябре – декабре 1831 г., когда Лермонтов переписал ее. На обложке тетради, содержащей беловой текст пьесы, Лермонтов обозначил: «Странный человек. Романтическая драма. Москва. 1831 года».

Замысел «Странного человека» многими нитями связан с драмой «Menschen und Leidenschaften». В обоих произведениях Лермонтов стремится показать трагическую судьбу прогрессивно и гуманно настроенного молодого человека в дворянском обществе, которое характеризует прежде всего как крепостническое. Уже в «Menschen und Leidenschaften», развертывая действие на фоне крепостного поместья, юноша Лермонтов пытается совершить переход от семейно-психологической к социальной драме. Мотивы, намеченные в «Menschen und Leidenschaften», в «Странном человеке» концентрируются, становятся исторически и социально более определенными (сопоставление проблематики и художественного стиля драм Лермонтова «Menschen und Leidenschaften» и «Странный человек» см. в статье: Н. М. Владимирская. Драма «Странный человек» и становление художественной системы Лермонтова. – Ученые записки Великолукского педагогического института. Кафедра литературы, 1964, вып. 24, с. 5–27). Перенеся действие из помещицкой усадьбы в светское общество Москвы, Лермонтов сумел не только не ослабить, но и усилить моменты обличения крепостного права. В «Странном человеке» тема барского произвола, насилий, которые чинят помещики над крестьянами, бесправия крепостных зазвучала в полной мере. Антикрепостническая направленность драмы с особенной силой выразилась в сцене V. факты издевательств помещиков над крестьянами, беззаконий и произвола вызывают у свободолюбивого юноши Владимира Арбенина горькие мысли о положении отечества, чувство негодования против крепостного права и социальной несправедливости вообще. Владение крепостными душами, возможность «менять людей на бумажки» и порожденные этим алчность, бессердечие, жестокость и цинизм предстают в драме как основа всего быта дворянского общества, внешне столь благоустроенного и блестящего; «О! Проклинаю ваши улыбки, ваше счастье, ваше богатство – всё куплено кровавыми слезами», – восклицает Владимир Арбенин. Герой драмы – мыслящий передовой человек своего времени, горячий патриот. «О, мое отечество» мое отечество!» – негодует Арбенин, услышавший о жестокостях помещиков, и заявляет, что готов сам сурово покарать крепостницу, истязующую крестьян.

В сцене V Арбенину дается характеристика, совпадающая в известной степени с центральной мыслью стихотворения «Парус»: «Ты желаешь спокойствия, но не способен им наслаждаться; и оно сделалось бы величайшею для тебя мукой, если бы поселилось в груди твоей»; ср. с автохарактеристикой Печорина в «Герое нашего времени»: «...отчего я не хотел ступить на этот путь... где меня ожидали тихие радости и спокойствие душевное... Нет! Я бы не ужился с этой долей!» (наст. изд., т. IV). Однако Арбенин – не только сильный человек, мыслящий и протестующий, но и поэт, который «мог бы сделаться одним из лучших наших писателей», в опытах которого «виден гений». Таким образом, вопрос о судьбе сильной передовой личности, протестующей против социальной несправедливости, в драме связывается с проблемой положения лучших представителей творческой дворянской интеллигенции в современном обществе.

Лермонтов показывает непримиримый антагонизм героя и дворянского общества. Но в драме изображен и тот круг, который поддерживает Владимира Арбенина. Арбенин, по словам одного из своих друзей, «любим молодежью». Кружок московских студентов – его друзей – противопоставляется в драме светской молодежи, о которой Владимир заявляет: «Несносное полотерство, стремление к ничтожеству, пошлое самовыказывание завладело половиной русской молодежи» (сцена II).

В ходе работы над драмой «Странный человек» Лермонтов, усиливая ее обличительное звучание, расширил социальный фон, на котором развертывается трагическая судьба героя.

Сцены, дополнительно введенные Лермонтовым в первоначальный текст, имели значение не столько для развития действия, сколько для характеристики положения Владимира Арбенина в обществе. Сцены эти как бы предупреждают возможность

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драм. Михаил Юрьевич Лермонтов Lermontovmikhail.ru восприятия читателем Арбенина как действительно «странного человека», всеми непонятого мечтателя, не способного жить среди людей. Сцена IV изображает любовь товарищей-студентов к Арбенину, сцена X – сочувствие слуг герою и осуждение, которое они выражают Павлу Григоричу Арбенину – карьеристу, стяжателю и крепостнику, живущему по законам высшего общества; сцена XI рисует признательность и уважение, которые испытывает к гуманисту Владимиру Арбенину крепостной крестьянин – слуга.

Уже в черновой рукописи, работая над текстом вступления, Лермонтов отбросил рассуждения о характере героя и погубивших его страстях. Поэт ввел характеристику светского общества, которое несет ответственность за гибель Арбенина. В беловом тексте появляется патриотическая тирада друга Владимира Арбенина, Заруцкого, о подвиге русских в 1812 г. (сцена IV); с большей определенностью, чем в черновике, выявлена ненависть к герою представителей светского общества, которые осуждают Арбенина не за то, что он «злой человек», а за поведение, роняющее, по их мнению, его дворянское достоинство, утверждая, что он «не заслуживает названия дворянина» (сцена II).

Идейная и тематическая близость драм «Menschen und Leidenschaften» и «Странный человек» дала возможность Лермонтову использовать некоторые реплики, монологи и даже целые явления «Menschen und Leidenschaften» в драме «Странный человек». Наиболее крупным заимствованием в «Странном человеке» является сцена XI, состоящая из диалога слуги Ивана и Владимира Арбенина и монолога последнего (ср. явления 8 и 9 пятого действия «Menschen und Leidenschaften»).

Известны немногие постановки драмы «Странный человек» на сцене: в Московском драматическом театре Суходольских в 1916 г., в Московском театре им. Моссовета (спектакль студии) в 1948 г., в Киевском театре юного зрителя в 1958 г., в Пензенском драматическом театре в 1964 г.

Маскарад

Впервые опубликовано: с многочисленными цензурными искажениями – в 1842 г. в издании «Стихотворения М. Лермонтова» (ч. III, с. 1–187); без цензурного вмешательства – в 1873 г. в собрании сочинений под редакцией П. А. Ефремова (т. II, с. 324–437).

Автограф неизвестен.

Датируется 1835 г.

Замысел «Маскарада» возник у Лермонтова, по-видимому, в конце 1834 г. или в начале 1835 г. В эти годы Лермонтов-офицер непосредственно познакомился с великосветским обществом Петербурга, посещавшим светские маскарады в доме Энгельгардта. Хорошо знал Лермонтов и театральную жизнь Петербурга. Глубоко неудовлетворенный казенно-патриотическим репертуаром театров, он задумал написать пьесу на тему из современной жизни. Пьеса должна была явиться сатирой на великосветское общество столицы и всей своей художественной системой противостоять благонамеренной официальной драматургии 30-х годов XIX в.

Творческая история «Маскарада» очень сложна (подробно об этом см.: А. М. Докусов. «Маскарад» М. Ю. Лермонтова. – Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, кафедра русской литературы, 1955, т. 120, с. 5–36). Существует несколько дошедших до настоящего времени списков драмы: 1) рукопись (авторизованная копия) из собрания Якушкиных, содержащая неполный текст драмы (утрачено начало) и начинающаяся со слов Арбенина: «А думаешь: глупец?..» (хранится в Центральном государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства (Москва); см.: Приложения, с. 419–503); 2) писарская копия четырехактной редакции 1835 г., с которой воспроизводился в 1842 г. текст первого издания; этот текст, постепенно освобождавшийся от цензурных искажений, печатался во всех последующих изданиях «Маскарада» (хранится в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР (Ленинград)); 3) авторизованная копия последней редакции под названием «Арбенин» (хранится в Государственном историческом музее (Москва); см.: Приложения, с. 504–571); 4) писарская копия последующей редакции «Арбенина», дополняющая авторизованную копию (хранится в Центральном государственном историческом архиве СССР (Ленинграда)).

Последовательность работы Лермонтова над «Маскарадом» устанавливается в

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драмы. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru следующем виде. Одна из ранних редакций драмы в четырех актах отражена в Якушкинском списке, обнаруживающем как бы два варианта: а) писарский текст и б) тот же текст с правкой Лермонтова и в немногих случаях С. А. Раевского.

Исправляя копию, Лермонтов вычеркнул довольно значительные куски текста и отдельные слова, внес больше ста новых вставок, что в общем усилило и стремительность в развитии действия, и выразительность монологов и диалогов. Иногда изъятия вызывались несомненно и цензурными соображениями. В результате правки в последнем варианте ранней редакции более четко проведена разбивка на акты, обозначены выходы, дополнены ремарки, улучшена рифмовка, устранены перебои ритма, отработаны речевые характеристики. В обоих вариантах резко сатирически нарисован обобщенный портрет светского общества, крупным планом дана фигура Казарина, иначе, чем в последующих редакциях, разработана сцена мести Арбенина Звездичу. Из общего количества сцен шесть по содержанию, по направленности, по расстановке действующих лиц, по обрисовке характеров совпадают с тремя первыми действиями основного текста «Маскарада».

В начале октября 1835 г. Лермонтов представил в драматическую цензуру новую редакцию «Маскарада». Рукопись этой редакции до нас не дошла. Сохранился лишь подробенный отзыв цензора Ольдекопа с изложением ее содержания. Из этого отзыва мы узнаем, что в новой редакции драмы было три акта и многое в ней оказалось переработанным настолько, что можно говорить о создании Лермонтовым по существу почти нового произведения. О тексте этой новой трехактной редакции можно судить по следующим материалам: писарская копия четырехактного «Маскарада» и правка в ней, сделанная С. А. Раевским; два отзыва Ольдекопа (первый – на драму в трех актах, второй – в четырех актах); доцензурный Якушкинский список и письма М. Ю. Лермонтова к А. М. Геденонову и С. А. Раевскому (см.: наст. изд., т. IV). Из указанных материалов можно заключить, что содержание представленной в цензуру трехактной редакции, по-видимому, было текстуально очень близко, а может быть и тождественно, первым трем актам писарской копии канонического текста до правки Раевского.

Пьеса рассматривалась драматической цензурой, которая нашла ее недопустимой к представлению на сцене. В своем отзыве на драму Ольдекоп писал: «Я не знаю, сможет ли пьеса пойти даже с изменениями; по крайней мере сцена, где Арбенин бросает карты в лицо князю, должна быть совершенно изменена... Я не понимаю, как автор мог допустить такой резкий выпад против костюмированных балов в доме Энгельгардтов» (Лермонтов, т. V, с. 738).

Рукопись была возвращена автору с пометой: «Возвращена для нужных перемен. 8 ноября 1835». Цензура нашла в пьесе «неприличные нападки» на костюмированные балы в доме Энгельгардта, «дерзости противу дам высшего общества» (там же), т. е. запретила ее за резко обличительное содержание. Возмущение цензора объясняется главным образом тем, что на маскарадах Энгельгардта бывали члены царской фамилии. Шеф жандармов Бенкендорф, сыгравший главную роль в запрещении «Маскарада», ознакомившись с пьесой, усмотрел в ней еще и прославление порока (Арбенин, отравивший свою жену, оставался безнаказанным) и потребовал «изменения пьесы автором таким образом, чтобы она кончилась примирением между господином и госпожой Арбениными», т. е. фактически изменения всего идейного смысла драмы. Видимо, об этом же свидетельствует и хорошо осведомленный в делах III Отделения А. Н. Муравьев, когда в своих воспоминаниях пишет: «Пришло ему <Лермонтову> на мысль написать комедию вроде „Горе от ума“, резкую критику на современные нравы, хотя и далеко не в уровень с бессмертным творением Грибоедова. Лермонтову хотелось видеть ее на сцене, но строгая цензура Третьего отделения не могла ее пропустить. Автор с негодованием прибежал ко мне и просил убедить начальника сего отделения, моего двоюродного брата <А. Н.> Мордвинова, быть снисходительным к его творению; но Мордвинов остался неумолим; даже цензура получила неблагоприятное мнение о заносчивом писателе, что ему вскоре отозвалось неприятным образом» (А. Н. Муравьев. Знакомство с русскими поэтами. Киев, 1871, с. 22). В последних строках Муравьев, очевидно, намекает на ссылку Лермонтова в феврале 1837 г. за стихотворение «Смерть Поэта».

К концу 1835 г. Лермонтов создал новую редакцию пьесы и в декабре того же года представил ее через С. А. Раевского на рассмотрение в драматическую цензуру, о чем писал директору императорских с. – петербургских театров А. М. Геденонову: «Возвращенную цензурой мою пьесу „Маскарад“ я пополнил четвертым актом, с которым, надеюсь, будет одобрена цензором» (наст. изд., т. IV; письмо свидетельствует, что и трехактная редакция «Маскарада» была в свое время

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов termontovmikhail.ru представлена в театральную дирекцию). Работа над этим четвертым актом шла не позднее ноября и первой половины декабря 1835 г., ибо 20 декабря Лермонтов, получив отпуск «по домашним обстоятельствам», вскоре выехал в Тарханы.

В новую четырехактную редакцию был введен образ Неизвестного, что обусловило ряд сюжетно-композиционных изменений всего текста драмы. До нас дошла писарская копия данной редакции. В ней рукою Раевского сделаны (вероятно, с автографа) добавления и ремарки, касающиеся первых трех действий драмы, особенно значительные в сцене первой третьего действия (выход четвертый). Четко выявляется вся сюжетная линия Неизвестный – Арбенин: Неизвестный (маска первого действия) пророчит трагедию («Несчастье с вами будет в эту ночь»); Неизвестный появляется на балах, где бывает Арбенин, потому что он давно и неустанно следит за каждым его шагом; на балу Неизвестный видит, как Арбенин всыпает яд в мороженое Нины, и не удерживает ни Нину, ни Арбенина, ибо знает, что смерть Нины для него лучший и наиболее полный вид мести (при этом его слова «А действовать потом наступит мой черед» приобретают четкий смысл); все, что говорит и делает Неизвестный в третьем и четвертом действиях, абсолютно мотивировано; в конце сцены первой третьего действия раскрывается жестокость Неизвестного. Цензура не пропустила и эту четырехактную редакцию «Маскарада», о чем говорят рапорт Ольдекопа и имеющаяся в рапорте карандашная помета: «Убрать до востребования. В театре позволено к представлению быть не может» (Лермонтов, т. V, с. 744). Не пропустила потому, что никакой переработки трехактной редакции, побывавшей в цензуре и запрещенной ею, на самом деле не было. Лермонтов не выбросил из трехактной редакции ни одного стиха. Он категорически отказался также закончить пьесу «примирением между господином и госпожой Арбениными». И хотя Арбенин и осужден поэтом, но не в угодном цензуре смысле. Арбенин осужден (сходит с ума) за крайний эгоизм, за индивидуалистический произвол. Введенная Лермонтовым фигура Неизвестного, так сказать внешнего, формального обличителя Арбенина, есть главным образом «пружина», способствующая «механизму» возмездия. Четвертый акт, придавший «Маскараду» еще большую идейную и художественную законченность, также не мог удовлетворить цензора; более того, новая редакция драмы вызвала его особое негодование.

Несомненно «Маскарад» существовал не в одном списке. Так, М. Н. Лонгинов вспоминает, что он видел у Лермонтова 30 или 31 марта 1836 г. «тщательно переписанную тетрадь in folio и очень толстую, на заглавном листе крупными буквами было написано „Маскарад, драма“ (Русский вестник, 1857, т. 9, Современная летопись, Смесь, с. 237–238). Сослуживец С. А. Раевского по Департаменту государственных имуществ В. А. Инсарский сообщает, что ему в свое время «навязали читать и выверять „Маскарад“, который предполагали еще тогда <в 1836 г.> поставить на сцену» (Из записок В. А. Инсарского. – Русский архив, 1873, кн. 1, стб. 527).

Сказанное позволяет наметить следующие стадии работы Лермонтова над «Маскарадом»: 1) была создана доцензурная редакция «Маскарада» (автограф неизвестен); 2) с него снята копия (Якушкинский список), и по ней Лермонтовым и частично Раевским проведена правка (копия сохранилась – см. выше, с. 606); 3) потом был написан трехактный «Маскарад», и копия, снятая с него, представлена в цензуру в октябре 1835 г.; 8 ноября она запрещена цензурой и «возвращена для нужных перемен» (ни автограф, ни копия неизвестны); 4) в ноябре и первой половине декабря 1835 г. написан четвертый акт, введен образ Неизвестного и внесены все нужные изменения в предыдущие акты, особенно в третий (автограф неизвестен); 5) как только Раевский получил рукопись четвертого акта, он незамедлительно принял меры к созданию копии, в которую внес некоторые поправки, и в конце декабря вариант четырехактного «Маскарада» представил в драматическую цензуру; в январе 1836 г. цензура вновь и решительно запретила драму (копия сохранилась – см. выше, с. 606).

В феврале 1837 г. в своем «объяснении» по делу о «...непозволительных стихах на смерть Пушкина» Лермонтов в таких словах сформулировал печальный итог попыткам провести «Маскарад» через драматическую цензуру и увидеть свою драму на сцене: «Драма „Маскарад“, в стихах, отданная мною в театр, не могла быть представлена по причине (как мне сказали) слишком резких страстей и характеров и также потому, что в ней добродетель недостаточно награждена» (Вестник Европы, 1887, т. 1, с. 341).

После запрещения «Маскарада» цензурой в январе 1836 г. Лермонтов создал еще одну, теперь уже пятиактную редакцию драмы, отличающуюся от всех предшествующих.

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драмы. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru
Он даже счел нужным дать ей новое заглавие «Арбенин», которое переносило внимание читателя с маскарада, «света», с картины нравов на Арбенина, на частное лицо, на его личную и обычную для того времени и общества драму.

В пьесе «Арбенин» сняты нападки на светское общество, изменились образы Звездича, Нины, измелечал Казарин, по-иному выглядит Арбенин. Лермонтов изменил и сюжет пьесы: великосветский маскарад он заменил простым балом, историю с браслетом – любовной интригой Нины с князем Звездичем, месть Арбенина жене ограничил мнимым ее отравлением и семейным разрывом. В финале пьесы Арбенин, подобно баронессе Штраль и Звездичу предыдущих редакций, уезжает, порывая со «светом» навсегда. Поэт ввел новое действующее лицо (воспитанница Оленька), отказался от некоторых прежних (нет баронессы Штраль, Неизвестный слит с Казариным).

Новая пятиактная редакция поступила в цензуру в двадцатых числах октября 1836 г. Рассматривал пьесу все тот же цензор Ольдекоп. Но и в переработанном виде с измененным названием она не получила разрешения для постановки на сцене. На сохранившемся рапорте цензора имеется надпись: «Запретить. 28-го октября 1836».

Как уже указывалось, известны две копии «Арбенина»: авторизованная и позднейшая, в более законченной редакции, с заголовком «Арбенин. Драма в пяти действиях, соч. Лермонтова». Таким образом, при уточнении текста «Арбенина» следует пользоваться обоими источниками, дополняющими друг друга.

Приведенные материалы об «Арбенине» дают возможность говорить об известных стадиях работы и над этим, сильно измененным вариантом «Маскарада». В марте 1836 г. Лермонтов вернулся в Петербург (во всяком случае, во второй половине марта он был уже в полку), получил запрещенную копию «Маскарада» и принялся за переработку пьесы, переименовав ее в «Арбенина». Переписчик, перебеливая рукопись и очень многое не разобрав, оставил пустые места (пропуски), их заполнили Лермонтов и Раевский (копия сохранилась – см. выше, с. 606–607). Снятый с копии список был представлен в цензуру (не сохранился). И наконец, по всей вероятности позднее, во вновь созданном списке поэт произвел небольшую стилистическую правку, уточнил ремарки и отработал заново заключительную сцену (копия сохранилась – см. выше, с. 607).

Так, в общих чертах, на основе известных нам данных представляется творческая история текста «Маскарада» – «Арбенина». К тому количеству списков, которые сейчас установлены, следует добавить еще по крайней мере один, до сих пор не известный нам список четырехактного «Маскарада», в котором оказались стихи о Трущове (см. с. 263), отсутствовавшие в первом издании драмы 1842 г. (а также в издании: Сочинения Лермонтова, т. II. Издание А. Смирдина. СПб., 1847) и впервые напечатанные в «Библиографических записках» (1859, № 12, стб. 583). Список, очевидно, находился в распоряжении редакции «Библиографических записок».

Лермонтов, как известно, не напечатал «Маскарада». Видимо, запрещение пьесы для постановки на сцене вселило мысль о безнадежности увидеть ее и в печати. Но вскоре после трагической гибели поэта А. А. Краевский принял решительные меры к напечатанию пьесы, рукопись которой попала к нему вместе с другими рукописями Лермонтова. 22 сентября 1842 г. цензор А. В. Никитенко представил «Маскарад» на рассмотрение Цензурного комитета, предварительно изъяв те места, которые могли, с его точки зрения, вызвать безусловный запрет драмы, тем более что все принадлежавшее перу опального поэта, было взято под особо бдительный надзор. Многие места, которые могли осложнить процесс прохождения драмы через цензуру и которые Никитенко не хотел ни запрещать, ни пропускать под свою личную ответственность, он привел в докладе на заседании Цензурного комитета. Но, знакомя с ними Цензурный комитет, Никитенко сделал все от него зависящее, чтобы пьеса произвела впечатление чисто семейной драмы. 22 сентября 1842 г. комитет разрешил драму «Маскарад» к печати со всеми «сомнительными», по мнению Никитенко, и отмеченными в протоколе стихами. Цензорское разрешение Никитенко относит к 29 сентября 1842 г. В том же году драма была напечатана и вызвала ряд неодобрительных отзывов критики. Им противостояла оценка Белинского, увидевшего в «Маскараде» произведение, достойное гения Лермонтова. В нем, писал Белинский, «нельзя не увидеть следы его мощного, крепкого таланта; так везде видны следы льва, где бы ни прошел он» (В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. VI. М., 1955, с. 548).

Если подлинный лермонтовский «Маскарад», хотя и с цензурными купюрами, через год

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов termontovmikhail.ru после смерти поэта все же был напечатан, то для представления на официальной театральной сцене даже и в этом виде пьесу разрешили только в 1862 г., что и было позднее отмечено карандашом на рапорте Ольдекопа о трехактной редакции: «Позв<олено> в 1862 г.»

Тем не менее сценическая жизнь драмы Лермонтова началась значительно раньше. Впервые сцены из двух действий «Маскарада» исполнялись в любительском спектакле в пользу бедных жителей г. Галича Костромской губернии 31 января 1847 г. Постановкой сцен из «Маскарада» жители Галича были обязаны семейству П. И. Петрова, женатого на тетке М. Ю. Лермонтова, А. А. Хастатовой. С П. И. Петровым поэта связывали не только родственные, но и сердечные, дружеские отношения. Так, когда Лермонтов был в Ставрополе, он переписал для П. И. Петрова стихотворение «Смерть Поэта», позднее подарил Павлу Ивановичу автограф стихотворения «Последнее новоселье», в детский альбом его сына Аркадия написал четверостишие «<А. Петрову>» («Ну что скажу тебе я спросту?»). Аркадий Павлович Петров, став взрослым, вел «Дневник» (хранится в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина), на 525 странице которого записал: «Читал вслух всю драму Лермонтова „Маскарад“, и нашли, что я провел ее хорошо». На страницах же 540–541 «Дневника» за 1847 г. он сделал следующую запись: «31 января был дан... спектакль в пользу бедных жителей г. Галича, главным и почти единственным распорядителем которого был я сам. Играли: сцены из двух действий драмы Лермонтова „Маскарад“. Арбенин – я; Нина – Маша <сестра Аркадия Петрова>, служанка – Н. А. Прокудина; слуга – П. В. Шигорин». В тот же вечер шла «Тяжба» Н. В. Гоголя и «Воздушные замки» Н. И. Хмельницкого. «Театр, – записывает далее А. П. Петров, – сошел прекрасно, а „Маскарад“ и „Тяжба“ превосходно». Заслуживает быть отмеченным, что роль Бурдюкова в «Тяжбе» Гоголя и Альнаскарва в «Воздушных замках» Хмельницкого исполнял писатель А. Ф. Писемский (см.: Л. Прокопенко–Лондгауз. Интересная находка искусствоведов. – Северная правда, Кострома, 1959, 24 января, № 20 (11384)).

Прежде чем состоялась первая постановка «Маскарада» в 1862 г. на сцене Московского Малого театра, драме пришлось пройти через многие мытарства. Великий трагик П. С. Мочалов, любимый актер Лермонтова, в 1843 г. через В. П. Боткина настойчиво добивался разрешения на постановку «Маскарада», но его хлопоты окончились неудачей. 22 июня 1846 г. «Маскарад» представлялся в цензуру дирекцией Александринского театра для бенефиса М. И. Валберховой и был также запрещен. В 1848 г. Мочалов снова пробовал добиться разрешения на постановку «Маскарада» и опять безуспешно. Попытки поставить «Маскарад» на петербургской сцене вновь возобновила в 1852 г. М. И. Валберхова. И только 27 октября 1852 г. в бенефис М. И. Валберховой, но без ее участия, состоялось первое представление «Сцен» из лермонтовского «Маскарада». «Сцены» шли в Александринском театре в Петербурге три раза: 27 октября, 29 октября и 5 ноября 1852 г. 21 января 1853 г. «Сцены» были показаны также Московским Малым театром, а 24 сентября 1862 г., только через десять лет после разрешения «Сцен», «Маскарад» был полностью поставлен на сцене этим же театром с незначительными изъятиями некоторых стихов. В январе 1864 г. драма шла на сцене Александринского театра в Петербурге. В 1880–1890-е годы частные театры (театр А. Бренко, театр Ф. Корша и др.) включают «Маскарад» в свой репертуар. В 1911 г. Александринский театр намеревался еще раз поставить «Маскарад», но отложил постановку до 100-летней годовщины рождения поэта в 1914 г. Мистическую трактовку «Маскарада» дал театр Корша в 1912 г.; вслед за ним киевский театр Соловцова – в 1914 г.

Александринский театр осуществил новую постановку «Маскарада» лишь 25 февраля 1917 г. Спектакль шел в великолепном оформлении А. Я. Головина, музыка к спектаклю была написана А. К. Глазуновым. Постановкой и режиссурой руководил В. Э. Мейерхольд.

Истинная сценическая жизнь «Маскарада» началась только на сцене советского театра, который раскрыл драму Лермонтова как реалистическое произведение, полностью сохранив заключенную в ней высокую романтическую патетику. Постановки драмы Лермонтова в 1930–1960-х годах в Ленинградском государственном академическом театре драмы им. А. С. Пушкина, в Московском драматическом театре им. Моссовета (музыка А. Хачатуряна), в Ереванском театре им. Сундукяна и Воронежском государственном областном театре драмы вошли в историю советского театра. Позднее, в 1971–1972 гг., «Маскарад» ставился также в театрах таких городов, как Орджоникидзе, Тбилиси, Ульяновск, Харьков. Значительным событием в жизни советского кино была экранизация «Маскарада» с Н. Д. Мордвиновым в главной роли и музыкой В. Пушкина (ленфильм, 1941, сценарий и постановка С. Герасимова).

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драмы. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru
Опера Б. Зейдмана «Маскарад» шла в Азербайджанском государственном театре оперы и балета им. М. Ф. Ахундова в Баку (1954), опера Д. Толстого «Маскарад» – в Пермском государственном театре оперы и балета (1953–1955), балет Л. Лапутина «Маскарад» – в Новосибирском и Ташкентском театрах оперы и балета (1956) и в Ленинградском государственном академическом театре оперы и балета им. С. М. Кирова (1960) (подробнее об оперных и балетных спектаклях на сюжет «Маскарада» см. в кн.: Б. Гловацкий. Лермонтов и музыка. М.–Л., 1964, с. 83–93).

Звездич, Казарин, Шприх, баронесса Штраль, Неизвестный – образы, типичные для петербургских салонов.

Фамилии Звездич и Штраль имеются в повести А. А. Бестужева (Марлинского) «Испытание»; Шприх – видоизмененная фамилия одного из героев повести О. И. Сенковского (Барона Брамбеуса) «Предубеждение», Шпирха. Фамилия Арбенин встречается у Лермонтова в драме «Странный человек» и в прозаическом отрывке «Я хочу рассказать вам...» (наст. изд., т. IV).

Прототипом Шприха явился, по-видимому, широко известный в светских салонах Петербурга некий А. Л. Элькан – меломан, говоривший на многих языках, писавший фельетоны и биографии артистов, хвалившийся знакомством с разными европейскими знаменитостями и пользовавшийся в свое время громкой и скандальной репутацией; «его рисовали Невахович, Тимм и Степанов, выводили на сцену Самойлов и Мартынов. Элькана имел в виду Грибоедов, создавая образ Загорецкого в „Горе от ума“ Сенковский списывал с Элькана своего Шпирха в повести „Предубеждение“ (Н. О. Лернер. Один из героев Грибоедова и Лермонтова. – Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения к журналу «Нива» на 1914 г., т. 1, с. 39–56); Элькан послужил прототипом героев многих литературных произведений (см. повесть Т. Г. Шевченко «Художник», фельетоны М. А. Бестужева-Рюмина в «Северном Меркурии» 1830 г. и альманахе «Сириус» 1826 г.; водевиль П. А. Каратыгина «Ложа первого яруса на последний дебют Тальони», 1838).

Лермонтов использовал образы знакомых читателю того времени литературных персонажей, но осмыслил и подал их совершенно по-новому. Загорецкий Грибоедова – лицо больше комическое, Шпирх Сенковского – только комическое. Шприх Лермонтова – ростовщик, подхалим, угодник и темный делец, фигура мрачная и зловещая, вызывающая отвращение. В образ Шприха, как собирательный, могли войти и черты Булгарина – продажного литератора, агента Бенкендорфа, человека злобного и мстительного, заклеянного Лермонтовым в эпиграммах.

В «Маскараде» отражено широко распространенное в среде русского дворянства 1830-х годов увлечение карточной игрой. За картами завязывались знакомства, обсуждались партии, определялось продвижение по службе, игра в карты открывала доступ в свет людям даже непричастным к нему. Один из современников Лермонтова записывал: «Можно положительно сказать, что семь десятых петербургской мужской публики с десяти часов вечера всегда играют в карты» (А. Башуцкий. Панорама Санкт-Петербурга, т. III. Спб., 1834, с. 93). Карточная игра являлась мерилем «нравственного достоинства человека. „Он приятный игрок“ – такая похвала достаточна, чтобы благоприятно утвердить человека в обществе» (П. Вяземский. Старая записная книжка. Л., 1929, с. 86; см. также: В. А. Соллогуб. Воспоминания. М.–Л., 1931; Ф. Ф. Вигель. Записки, т. II. М., 1928).

В судьбе Арбенина есть нечто сходное с эпизодами из жизни писателя Н. Ф. Павлова, которого Лермонтов лично знал. Н. Ф. Павлов пользовался репутацией одержимого и подозрительного в карточной игре человека. Таким же несдержанным в игре был и другой современник Лермонтова – композитор А. А. Алябьев, автор знаменитого романса «Соловей». Не менее примечательна в этом смысле и фигура Ф. И. Толстого–Американца (см. о нем с. 622).

Темы карточной игры и маскарада были широко представлены в русской и иностранной литературе того времени. Из произведений западноевропейских писателей могут быть упомянуты «Тридцать лет, или Жизнь игрока» Дюканжа и Дино, «Берлинские привидения, или Нечаянная встреча на маскараде» А. Радклиф, «Маскарад, или Удачное испытание» А. Коцебу, «Урок недоверчивым, или Маскарадная трагедия» неизвестного автора и др.; из русских книг – «Игроки» А. А. Шаховского, «Игрок в банк» А. С. Яковлева, «Семейство Холмских» Д. Н. Бегичева, «Пиковая дама» Пушкина, «Игроки» Гоголя и др.

«Маскарад» написан Лермонтовым с учетом творческих достижений русской

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов termontovmikhail.ru литературы, в первую очередь опыта Грибоедова – создателя «Горя от ума». Комедия Грибоедова и напечатанная в «Библиотеке для чтения» (1834, кн. 2) «Пиковая дама» Пушкина имели прямое отношение к истории возникновения замысла «Маскарада» Лермонтова.

Арбенин Лермонтова с его нелюбовью к чинам, с высоко развитым чувством человеческого достоинства, презрением к светской черни – это современник Чацкого, показанный в трагическую пору николаевской реакции. С комедией Грибоедова генетически связаны такие черты лермонтовской драмы, как афористическая завершенность стиха, его меткость, близость к разговорной речи, прием подхвата незаконченной фразы другими персонажами, разбивка строки между несколькими участниками сцены, в определенной степени содержание стихов, речений, сценических тем и других элементов художественного стиля. Но Лермонтов не повторяет этот опыт, а продолжает, развивает и углубляет его.

В ранних драмах Лермонтова отчетливо прослеживается воздействие на него драматургии Шиллера и Гюго. В «Маскараде» нетрудно видеть и творческое использование драматургических принципов Шекспира, которое сказывается в характере романтической приподнятости, отличной от ранних драм, в своеобразной монологичности, в углубленном психологизме, в мотиве мучительной ревности Арбенина, в способах драматической завязки, в том, как изображены этапы развития интриги и драматическая катастрофа (об отзвуках в драме Лермонтова «Гамлета» и «Отелло» Шекспира см.: Шекспир и русская культура, с. 244–245).

Б. М. Эйхенбаум и Д. Е. Максимов показали, что «Маскарад» – социально-философская драма, в которой получили свое развитие философские взгляды Шиллера и Шеллинга об антиномии добра и зла (см.: Б. М. Эйхенбаум. Пять редакций «Маскарада». – В кн.: Б. Эйхенбаум. О поэзии. Л., 1969, с. 228–229; Д. Е. Максимов. Поэзия Лермонтова. М.–Л., 1964, с. 68–69). Добавим, что идея добра и зла реализуется в драме и в простейшем преломлении: любое жизненное зло порождает зло (роль Арбенина в судьбе неизвестного), и более сложно. Ближе всего к Шеллингу основная мысль драмы о бессилии добра в попытке противостоять злу, о единственной возможности борьбы с ним с позиций бунта, мятежа, разрушения, т. е. самого зла. Но Лермонтов дает этой проблеме свое осмысление, показывает трагические последствия такой позиции для человека, принявшего ее.

«Маскарад» вообрал в себя предшествующий опыт Лермонтова-драматурга, но отличается от ранних драм особенно густой реалистической окраской всего произведения. Много в образ Арбенина Лермонтов внес и личного – это высокая грусть, величайшее презрение и ненависть к светскому обществу, горечь и страстность самопризнаний, протест против злой и позорной действительности. По мнению одного из исследователей, «...в обеих ранних редакциях „Маскарада“ любовь Арбенина и Нины с точки зрения поэтической выразительности не только примыкает к четвертой редакции „Демона“, но и входит в лирический цикл Лопухиной» (В. Комарович. Автобиографическая основа «Маскарада». – В кн.: Литературное наследство, т. 43–44. М., 1941, с. 658–662 и др.).

Драма «Маскарад» во многом близка к крупнейшему произведению Лермонтова «Демон». В воспоминаниях Арбенина о своем прошлом высказаны те же мысли, что и в «Демоне». Причина страданий Арбенина и Демона одна и та же: пустота и бесцельность одинокого существования, на которое они обречены силою обстоятельств. Для Арбенина, так же как и для Демона, любовь к женщине должна была явиться источником возрождения и обновления.

Несомненное родство характеров Демона и Арбенина проявляется в независимости их взглядов, непримиримом отношении к уродству бытия, в силе протеста против мировой несправедливости. Ср.:

Везде я видел зло и, гордый, перед ним
Нигде не преклонился.

(Арбенин)

И слишком горд я, чтоб просить
У бога вашего прощенья...

(Демон)

Родство Арбенина с Демоном хорошо видел и сам поэт, вложивший в уста Звездича вопрос, обращенный к Арбенину: «Вы человек иль демон?» (действие второе, сцена четвертая).

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru
Кроме того, Арбенин – предшественник Печорина. Он, как и главное действующее лицо «Героя нашего времени», на голову выше окружающего общества, человек острого аналитического ума, большого сердца, сильной воли, не способный равнодушно относиться к добру и злу. Гордый и непреклонный, он судит нравы, обычаи общества не менее беспощадно, чем Печорин.

Два брата

Содержание пьесы пересказано и отрывок из нее напечатан в статье С. Д. Шестакова «Юношеские произведения Лермонтова» в 1857 г. в «Русском вестнике» (т. 9, июнь, кн. 1, с. 336–344).

Впервые опубликовано (полностью) в 1880 г. в издании П. А. Ефремова «Юношеские драмы М. Ю. Лермонтова» (с. 273–313).

Датируется 1834–1836 гг. на основании записи В. Х. Хохрякова, который составил список действующих лиц драмы, снабдив его примечанием: «Написана около 1834–36 (Раевский)» (Лермонтов, т. V, с. 751). Очевидно, это примечание записано со слов родственника и близкого друга Лермонтова – С. А. Раевского. О более точном времени написания «Двух братьев» можно судить по письму Лермонтова к тому же Раевскому от 16 января 1836 г., где он сообщал: «...пишу четвертый акт новой драмы, взятой из происшествия, случившегося со мною в Москве» (наст. изд., т. IV). В Москве Лермонтов был в конце декабря 1835 г. проездом из Петербурга в Тарханы, куда он ехал в отпуск. В это время в Москве жила В. А. Лопухина (1815–1851), вышедшая в мае 1835 г. замуж за Н. Ф. Бахметева (1798–1884). Возможно, встречу с ними и имел в виду Лермонтов, когда писал Раевскому о происшествии, случившемся с ним в Москве. Если это так, то драма «Два брата» была написана в очень короткий срок: 31 декабря 1835 г. Лермонтов приехал в Тарханы, а 16 января 1836 г. уже писал «четвертый акт».

Сохранилась только авторизованная копия драмы, но без заглавия и без списка действующих лиц. При первом упоминании о драме в печати в статье С. Д. Шестакова она без всяких оговорок названа «Двумя братьями». Возможно, что заглавный лист с обозначением названия, списком действующих лиц, посвящением или эпиграфом, что было обычно для пьес Лермонтова, тогда еще существовал. В настоящее время этот лист утрачен. Список действующих лиц имеется только в тетради В. Х. Хохрякова (Лермонтов, т. V, с. 751). Приводим его:

«Дмитрий Петрович Радин.

Александр, Юрий сыновья

Князь Лиговский.

Вера (его жена).

Петрушка, лакей Юрия.

Федосей, камердинер Дмитрия Петровича».

По сравнению с текстом пьесы в этом списке только одно расхождение: лакея зовут не Петрушкой, а Ванюшкой.

В драму впервые введена фамилия Лиговских, впоследствии неоднократно встречающаяся в прозаических произведениях Лермонтова («Княгиня Лиговская», «Герой нашего времени»), и повторяется фамилия Загорскиной, впервые присутствующая в драме «Странный человек».

Эти повторения не случайны. Судьбы героинь – Наташи Загорскиной из «Странного человека», Веры Лиговской (в девичестве Загорскиной) из «Двух братьев», Веры Лиговской из «Княгини Лиговской» и Веры из повести «Княжна Мери» в «Герое нашего времени» – сходны. Все они изменяют своему первому чувству и выходят замуж по расчету.

Мотив измены возлюбленной, соблазненной богатством в положении в обществе, особенно волновал поэта. Именно в такой измене он обвинял любимую им с юных лет В. А. Лопухину.

Если поводом к созданию «Двух братьев» послужил эпизод из жизни Лермонтова –

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов termontovmikhail.ru встреча его с Лопухиной после ее замужества (ср. в драме встречу Юрия с Верой), то дальнейшее развитие сюжета не обнаруживает соответствия с известными нам биографическими сведениями о поэте. Написанная в романтической манере юношеских драм, эта пьеса более условна и схематична, чем «Menschen und Leidenschaften» и «Странный человек», а в ее построении и изображении действующих лиц в большей степени сказались влияние литературных источников (драм Шиллера «Разбойники» и «Мессинская невеста», Клингера «Близнецы», повести Марлинского «Изменник»).

По своей социальной направленности драма «Два брата» ближе всего примыкает к «Маскараду». Здесь, как и в «Маскараде», разоблачаются нравы светского общества, продажность и лицемерие так называемого большого света («...миллион, да тут не нужно ни лица, ни ума, ни души, ни имени – господин миллион – тут всё» – действие первое, сцена первая). В образах Дмитрия Петровича и князя Лиговского изображены люди, уверенные, что за деньги можно купить все – и любовь, и счастье.

В драме два главных героя – Александр и Юрий Радины. Оба они, смелые, страстные, вольнолюбивые, возвышаются над своей средой. Оба страдают от разочарования в любви, ревности, от пошлости и корыстолюбия окружающих их людей. Но Юрий доверчив и прямодушен, подобно героям ранних лермонтовских драм, тогда как Александр осторожен и скрытен, разочарования в жизни и людях сделали его жестоким и мстительным.

Некоторые особенности душевного склада обоих братьев впоследствии сочетались в образе Печорина в романе «Герой нашего времени». Когда Печорин говорит: «...одна половина души моей не существовала, она высохла, испарилась, умерла, я ее отрезал и бросил...» (наст. изд., т. IV), он имеет в виду такие безвозвратно исчезнувшие черты своего характера, как «способность глубоко чувствовать добро и зло», «готовность любить весь мир», доверчивость, сближающие его с Юрием. С другой стороны, замкнутость, эгоизм (та, другая половина души, которая «шевельнулась и жила к услугам каждого» – там же) свидетельствуют об определенном сходстве его с Александром. Недаром монолог Александра «Да!.. Такова была моя участь со дня рождения...» (действие второе, сцена первая) почти дословно переносится Лермонтовым в роман «Герой нашего времени» как автохарактеристика Печорина. Таким образом, драма «Два брата» является одним из этапов на пути создания Лермонтовым образа Печорина в «Герое нашего времени».

Б. М. Эйхенбаум, считая, что в этом произведении намечен переход Лермонтова от драмы к роману, подчеркивал закономерность его создания после «Маскарада» и ранее «Героя нашего времени» (см.: Б. М. Эйхенбаум. Статьи о Лермонтове. М.–Л., 1961, с. 216–219).

К драматургии в прозе Лермонтов больше не возвращался.

Пьеса «Два брата» впервые была поставлена В. Э. Мейерхольдом 10 января 1915 г. в Петрограде на сцене Мариинского театра в связи с празднованием столетия со дня рождения поэта. В роли Юрия выступил Ю. М. Юрьев, декорации и костюмы были выполнены по эскизам А. Я. Головина.

В 1936 г. пьеса передавалась по ленинградскому радио. Спектакль шел под руководством заслуженного артиста РСФСР И. Ф. Ермакова при участии заслуженных артистов РСФСР Н. М. Железновой, В. Э. Крюгера, Д. Л. Волосова, А. М. Жукова.

В 1939 г. И. Ф. Ермаков вновь обратился к пьесе «Два брата» и осуществил ее постановку в Ленинградском опытном телевизионном центре. Участниками были те же артисты, что и в радиоспектакле, за исключением героини: роль Веры исполняла народная артистка РСФСР И. П. Гошева.

В 1954 г. тот же режиссер возобновил постановку «Двух братьев». На этот раз в спектакле Ленинградской студии телевидения участвовали народный артист РСФСР В. И. Стрельчик и заслуженные артисты РСФСР Л. П. Штыкан, Г. И. Соловьев, В. Э. Крюгер.

В 1964 г. в честь 150-летия со дня рождения Лермонтова на Ленинградской студии телевидения был создан телевизионный фильм «Два брата» по сценарию и в постановке И. Ф. Ермакова. На экран он вышел 13 октября 1964 г. (см.: М. Серебряков. Певец голубого экрана. – Звезда, 1979, № 7, с. 163).

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драмы. Михаил Юрьевич Лермонтов termontovmikhail.ru
Приложения
Маскарад <ранняя редакция>

Впервые опубликовано: в извлечениях, как вариант основного текста – в 1935 г. в собрании сочинений в издании «Asademia» (т. IV, с. 522–551); полностью, как самостоятельное произведение – в 1953 г. в собрании сочинений в издании «Правда» («Библиотека „Огонек“») (т. III, с. 349–419).

Датируется началом 1835 г.

Сохранилась авторизованная копия из собрания Якушкиных, начало которой утрачено (полностью отсутствует первое действие и начало сцены первой второго действия драмы). Подробно об этой копии см. в примечаниях к «Маскараду» (с. 606).

Арбенин

Впервые опубликовано: под ошибочным названием «Маскарад» – в 1875 г. в «Русской старине» (№ 9, с. 3–56); в более законченной редакции – в 1956 г. в академическом собрании сочинений (т. V, с. 532–601).

Датируется мартом – октябрём 1836 г.

Сохранились две копии драмы, дополняющие одна другую. Подробно о них см. в примечаниях к «Маскараду» (606–607).

Примечания

1

Ср. с текстом «Цыганской песни» М. Н. Загоскина:

Мы живем среди полей
И лесов дремучих;
Но счастливей-веселей
Всех вельмож могучих.
Наши деды и отцы
Нам примером служат,
И цыгане-молодцы
Ни о чем не тужат!
Гей, цыгане! Гей, цыганки!

2

Лермонтов оставил место для включения «Цыганской песни» С. П. Шевырева, напечатанной (без подписи) в «Московском вестнике» (1828, ч. 10, № 15, с. 320):

Добры люди, вам пою я,
Как цыганы жизнь ведут;
Всем чужие, век кочуя,
Бедно бедные живут.
Но мы песнями богаты,
Песня – друг и счастье нам:
С нею радости, утраты
Дружно делим пополам.
Песня все нам заменяет,
Песнями вся жизнь красна,
И при песнях пролетает
Вольной песенкой она.

3

Его слова ср. со стихами Пушкина из поэмы «Цыганы»:

Его молоденькая дочь
Пошла гулять в пустынном поле.
Она привыкла к резвой воле,
Она придет; но вот уж ночь,
И скоро месяц уж покинет
Небес далеких облака –
Земфиры нет как нет; и стынет
Убогий ужин старика.
Но вот она...

4

Веду я гостя: за курганом и далее до конца – стихи Пушкина из поэмы «Цыганы».

5

К кому обращено посвящение – не установлено.

6

Патер – католический священник.

Иезуит – монах католического ордена иезуитов, основанного в 1534 г. Игнатием Лойолой и утвержденного папой в 1540 г.

Инквизиция – следственный и карательный орган католической церкви, созданный в XIII в.

7

Четки – шнурок с бусами, употреблявшийся монахами и монахинями для счета коленопреклонений и прочитанных молитв.

8

Кастильские горы – горы на Пиренейском полуострове в Испании, входящие в Центральную Кордильеру.

9

Бургос – главный город провинции того же названия, в Кастилии.

10

Карл I (1500–1558) – король испанский в 1516–1556 г. и император Священной Римской империи в 1519–1555 г.

11

Речь идет о причислении к «лику святых», т. е. в данном случае о канонизации католической церковью.

12

Здесь, нужно полагать, подразумеваются неудачные действия испанского флота (так называемой «Непобедимой Армады») против англичан в 1558 г.

13

«Глас трубный», по представлениям христианской религии, будет означать наступление страшного суда.

14

Пергамент – обработанная кожа (обычно телячья), употреблявшаяся для письма. Здесь – документы, свидетельствующие о дворянском происхождении.

15

Глава католической церкви римский папа считается среди католиков наместником на земле апостола Петра.

16

Мадрид (Мадрид) – с конца XVI в столица Испании.

17

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драмы. Михаил Юрьевич Лермонтов termontovmikhail.ru
Доминго (Доминик, 1170–1221) – основатель монашеского ордена доминиканцев, воинствующий преследователь религиозных ересей, причисленный к лику святых.

18

Армида – героиня поэмы «Освобожденный Иерусалим» (1580) итальянского поэта Торквато Тассо (1544–1595). О своих приключениях в волшебном дворце Армиды рыцари рассказывают в песни X поэмы (см.: Тассо Т. Освобожденный Иерусалим. Пер. С. Е. Раича. М., 1828, с. 259 и след.).

19

Следовательно. (Лат.).

20

Нужно полагать. (Лат.).

21

Гурии, по мусульманской мифологии, райские девы.

22

Ракалия – негодяй, бестия, подлец.

23

Индульгенция – грамота об отпущении грехов, выдававшаяся или продававшаяся католической церковью, преимущественно папами римскими, начиная с XI в.

24

Гвадиана – река в Испании и Португалии.

25

Ср. в поэме Лермонтова «Каллы» описание памятника, ставившегося над могилами убитых, которые должны были быть отомщены: «Белеет памятник простой: Какой-то столбик округленный! Чалмы подобие на нем» (наст. изд., т. II, с. 100); изображение чалмы указывало на то, что погребенный – хаджи, т. е. мусульманин, совершивший паломничество в Мекку.

26

Сарацины – древнее кочевое арабийское племя. Здесь сарацин – мусульманин.

27

Трубадур – странствующий поэт-певец во Франции XI–XIII вв.

28

Авраам – герой библейских легенд, один из древнееврейских патриархов (родовых вождей).

29

Цитра – старинный испанский музыкальный струнный инструмент.

30

Еврейская мелодия. Первоначальную редакцию см.: наст. изд., т. I, с. 143.

31

Израиль, или «земля Израилева», – библейское название Палестины, здесь – народ Израиля.

Солим – одно из названий древнего Иерусалима (ср. стихотворение «Ветка Палестины» – наст. изд., т. I, с. 375).

32

После завоевания римлянами Иерусалима в 70 г. евреи рассеялись по Африке, Азии и Европе.

33

По библейскому сказанию, пророку Моисею во время исхода евреев из Египта явился бог в горящем, но не сгорающем кусте терновника.

34

Сион – гора в юго-восточной части Иерусалима, на которой возвышалась крепость. Сион назывался «городом Давидовым» и считался столицей древнееврейского царства Иудеи.

35

Ливанские холмы – плоскогорье Ливана.

36

Великий инквизитор – глава испанской инквизиции (с 1483 г.).

Святой отец – папа римский.

Кардинал – самый высокий (после папы) сан в католической церкви.

37

Победа!.. (Лат.).

38

Пришел, победил. (Лат.).

Восходит к известному изречению Юлия Цезаря «Пришел, увидел, победил», часто цитируемому по-латыни («Veni, vidi, vici»). Этими словами, как рассказывает Плутарх, Цезарь известил одного из друзей о своей победе над понтийским царем Фарнаком в 47 г. до н. э. В данном случае выражение это употреблено иронически.

39

Мартин Лютер (1483–1546) – видный реформатор католической церкви в Германии, освободивший ее от сложного богослужебного обряда и заменивший непонятный народу латинский текст богослужебных книг их немецким переводом.

40

Возможно, реминисценция из Шекспира (ср. слова леди Макбет в трагедии «Макбет» (действие V, сцена 1): «Прочь, проклятое пятно, прочь, говорю я тебе!»).

41

Согласно библейской легенде, Авраам по требованию бога согласился принести ему в жертву единственного своего сына Исаака. В то время, когда Авраам занес над связанным сыном нож, к нему явился ангел и передал ему слова бога, удовлетворившегося послушанием Авраама и разрешившего ему сохранять жизнь сына.

42

На этом месте рукопись обрывается.

Люди и страсти. (Трагедия). (Нем.).

44

Эти слова соответствуют биографии Лермонтова. Мать его умерла 24 февраля 1817 г. 28 февраля Е. А. Арсеньева выдала Ю. П. Лермонтову вексель на 25 тысяч рублей, а 5 марта он уехал из Тархан в свое имение Кропотово, Тульской губернии, Ефремовского уезда.

45

Нарахтиться – стремиться к чему-либо.

46

Если жизнь тебя обманет... – стихотворение А. С. Пушкина, впервые напечатанное в 1825 г. в «Московском телеграфе», № 17.

47

Смертный, мне ты подражай! – измененная цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Гроб Анакреона» (1815), в окончательной редакции напечатанного в 1826 г. в книге «Стихотворения Александра Пушкина»:

Смертный, век твой привиденье:
Счастье резвое лови!
Наслаждайся, наслаждайся!
Чаще кубок наливай!
Страстью пылкой утомляйся,
А за чашей отдыхай!

48

Возможно, что Юрий говорит о «всеобщем братстве», упоминаемом в книге Сен-Симона «Новое христианство» (1825). Слова Юрия можно сравнить со следующей строфой из стихотворения Лермонтова «Отрывок» (1830; см.: наст. изд., т. I, с. 107):

Не будут проклинять они;
Меж них ни злата, ни честей
Не будет. Станут течь их дни,
Невинные, как дни детей;
Меж них ни дружбу, ни любовь
Приличья цепи не сожмут,
И братьев праведную кровь
Они со смехом не прольют!..

49

Например. (Франц.).

50

Эта и другие реплики Юрия по содержанию близки следующим стихотворениям Лермонтова 1829–1830 гг.: «К Гению» (наст. изд., т. I, с. 25–26), «Песня» (там же, с. 33), «К.....» (там же, с. 34), «К Нине» (там же, с. 38), «Н. Ф. И...вой» (там же, с. 74), «Разлука» (там же, с. 81), «Одиночество» (там же, с. 88), «Гроза» (там же, с. 90), «Отрывок» (там же, с. 105–107), «К...» (там же, с. 110), «Эпитафия» (там же, с. 114), «Посвящение» (там же, с. 119), «К***» (там же, с. 125) и др.

51

Измененные заключительные строки из басни И. А. Крылова «два голубя» (1808):

Но, верьте, той земли не сыщете вы краше,
Где ваша милая, иль где живет ваш друг.

52

Сестра. (Франц.).

53

Речь идет о первой главе четвертой части романа Вальтера Скотта «Вудсток, или Всадник. История Кромвелевых времен».

54

Троице-Сергиева лавра в Сергиевом Посаде (ныне г. Загорск). Лермонтов бывал там летом 1830 г.

55

Боже мой! Боже мой! (Франц.).

56

Шмерцы – презрительное прозвище немцев.

57

Кант Иммануил (1724–1804) – родоначальник немецкой классической философии. Многие из современников Лермонтова изучали философию Канта на его родине, в университетах Германии.

58

...знает, что он ничего не знает – перефразировка изречения, приписываемого греческому философу Сократу.

59

Я должна быть сегодня красивее, чем когда-либо. (Франц.).

60

Как будто это государственное дело!.. (Франц.).

61

Я-то над всем этим смеюсь! (Франц.).

62

Двусмысленность. (Франц.).

63

Далее идет рассказ, передающий историю, близкую семейной драме Лермонтова.

64

Его прототип – предположительно брат Е. А. Арсеньевой, Афанасий Алексеевич Столыпин.

65

В завещании Е. А. Арсеньевой, написанном в 1817 г., вскоре после смерти дочери, есть подобное же распоряжение: «...в случае же смерти моей я обнадеживаюсь дружбой моей... с родным братом моим... Афанасием Алексеевичем Столыпиным, коего и прошу до совершеннолетия означенного внука моего принять в свою опеку имение, мною сим завещаемое, а в случае его, брата моего, смерти, прошу принять оную опеку другим братьям моим родным Столыпиным или родному зятю моему... Григорью Даниловичу Столыпину... если же отец внука моего истребовает... то я, Арсеньева, все ныне завещаемое мной движимое и недвижимое имение предоставляю по смерти моей уже не ему, внуку моему Михайле Юрьевичу Лермантову, но в род мой Столыпиных, и тем самым отдаляю означенного внука моего от всякого участия в остающемся после смерти моей имении» (Литературное наследство, т. 45–46. М., 1948, с. 635).

66

Этот образ навеян, по-видимому, чтением басни Крылова «Рыбы пляски» (1824).

67

Купидон – древнеримский бог любви.

68

С глазу на глаз. (Франц.).

69

По библейской легенде, жена Лота была превращена в соляной столб в наказание за то, что во время бегства из Содома оглянулась на гибнущий город, нарушив запрет ангелов.

70

Сирены – по греческой мифологии, полудевы-полуптицы, своим пением увлекающие моряков в морскую пучину.

71

Дорогая. (Франц.).

72

Явления 8 и 9 Лермонтов впоследствии почти без изменений перенес в драму «Странный человек» (сцена XI).

73

Дорогая. (Франц.).

74

Сестра. (Франц.).

75

Ср. с последним стихом «Эпитафии» – «Он не был создан для людей» (наст. изд., т. I, с. 114) и со стихами из «Демона» (там же, т. II, с. 402):

Творец из лучшего эфира
Соткал живые струны их,
Они не созданы для мира,
И мир был создан не для них!

76

Стихотворение Байрона «Сон» произвело большое впечатление на молодого Лермонтова. Он намеревался его перевести. В тетради поэта, содержащей сцены «Странного человека», имеется запись: «Метор <для памяти>: перевести в прозе: The Dream of Lord Byron pour miss Alexandrine <Сон лорда Байрона для мисс Александрины>». Был ли осуществлен этот перевод, предназначавшийся для Александры Михайловны Верещагиной, неизвестно. В «The Dream» Байрон рисует трагическую судьбу людей, которые не сумели понять, что они могут быть счастливы только вместе. Лермонтов подчеркивает близость стихотворения Байрона «Сон» к своему замыслу, помещая строки этого произведения в качестве эпиграфа к драме. Он вводит в сцену IV эпизод чтения «пьесы» Арбенина (стихотворение Лермонтова «Видение»), о которой Заруцкий говорит: «Арбенин описывает то, что с ним было, просто, но есть что-то особенное в духе этой пьесы. Она, в некотором смысле, подражание „The Dream“ Байронову». В контексте драмы «Странный человек» основным содержанием «Видения» становится не трагедия неразделенной любви, а судьба вольнолюбивой личности в условиях крепостничества.

77

Женщина, которую он любил, была обвенчана с другим,
Но тот любил ее не больше

.....

...И это мир называет безумием, но безумие мудрецов глубже,
И меланхолический взгляд – страшный дар;
Не телескоп ли он, в который рассматривают истину,
Телескоп, который сокращает расстояние и тем самым уничтожает фантазию,
Приближает жизнь в ее истинной наготе
И делает холодную действительность слишком действительной...
(Сон. Лорд Байрон).
(Англ.).

78

Драма «Странный человек» содержит автобиографические моменты. Отношения Владимира Арбенина с Натальей Федоровной Загорскиной в известной мере отражают факты биографии Лермонтова: увлечение его Н. Ф. Ивановой и ее измену. Героине драмы даны то же имя и отчество, которые носила Иванова, точно воспроизведены семейное положение, возраст и характер прототипа Загорскиной. Центрального героя драмы, Владимира Арбенина, Лермонтов наделил некоторыми чертами, близкими ему самому. Арбенину он приписал собственные стихи, посвященные им Н. Ф. Ивановой. Однако было бы ошибочным видеть в герое «Странного человека» автопортрет Лермонтова, искать прототипов для всех персонажей драмы и полагать, что все эпизоды произведения изображают события, реально имевшие место. Поэт опирался на личные наблюдения и передавал чувства, которые возникали у него, однако он не преследовал цели точного воспроизведения фактов своей биографии. Следование природе, о котором Лермонтов говорит в предисловии к «Странному человеку», означало прежде всего правдивое изображение типических для среды, окружавшей поэта, характеров.

79

Даты, которые Лермонтов указывает перед каждой сценой, появились в белой рукописи вместе с разделением текста на сцены. И. Л. Андроников считает, что даты эти отражают дни, памятные Лермонтову, составляющие вехи в истории его взаимоотношений с Н. Ф. Ивановой (И. Андроников. Лермонтов. М., 1951, с. 38).

80

В рукописи ошибочно: Анне.

81

Фамилию этого персонажа драмы Лермонтов, очевидно, образовал от названия села Бельнь Нижнеломовского уезда Пензенской губернии, расположенного неподалеку от его родных мест. Таким образом, фамилия его героя была сформирована по тому же принципу, что и фамилия критика В. Г. Белинского, к которому данный персонаж «Странного человека» безусловно никакого отношения не имеет. Есть основание предположить, что прототипом Дмитрия Белинского был студент Московского университета Д. П. Тиличев, имя которого упоминается в стихотворении Лермонтова «А. Д. З.....», обращенном к студенту А. Д. Закревскому (см.: И. Андроников. Лермонтов, с. 39–42).

82

Подобной легенды нет ни в Коране, ни в преданиях об основателе ислама Мухаммеде (ок. 570–632). Сюжет этот восходит к рассказу, принадлежащему перу Дж. Аддисона и помещенному в английском просветительском журнале «The Spectator» (1711, 18 июня) (см. об этом: Ю. Д. Левин. Из реминисценций английской литературы у Лермонтова. – Русская литература, 1975, № 2, с. 204–205).

83

Дорогая! (Франц.).

84

Это кокетка. (Франц.).

85

Мушка – карточная игра.

86

Ряд выражений и характеристик в пьесе Лермонтова восходят к комедии Грибоедова «Горе от ума». Впервые, в искаженной цензурой редакции, комедия была представлена на сцене в Петербурге 26 января, а в Москве – 27 ноября 1831 г. По Москве ходили многочисленные списки «Горя от ума», и Лермонтов хорошо знал комедию Грибоедова. Совершенно самостоятельно и чрезвычайно своеобразно разрабатывая тему столкновения вольнолюбивого молодого человека с высшим обществом, Лермонтов подчеркивает вместе с тем, что действие его драмы происходит в «фамусовской» Москве. В тексте «Странного человека» содержатся многочисленные «отсылки» к комедии «Горе от ума». Среди молодых людей, посещающих те же балы и салоны, что Владимир Арбенин, назван Чацкий (сцена II), старшее поколение высшего общества Москвы именуется «очаковским веком» (сцена XII), Павел Григорич Арбенин, подобно Фамусову, руководствуется во всех своих поступках соображением: «Что скажут в свете?» (сцена I). Гости салона Загорскиных пытаются объявить Владимира Арбенина сумасшедшим задолго до того, как он под влиянием глубоких разочарований впадает в безумие. Наталья Загорскина не только предпочла Владимиру Арбенину преуспевающего пошляка, помышляющего лишь об упрочении своего материального положения и о карьере в «свете» (окончательный приговор над ним произнесен в сцене XII устами Арбенина, заявившего о Наташе и ее женихе: «...пускай закладывают деревни и покупают другие... вот их занятия!»), но и готова поддержать клевету о безумии Арбенина: «...как хочется, чтоб сумасшедший поступал как рассудительный человек!..» – говорит она (сцена XII). Узнав об измене Натальи, Арбенин сначала не верит, считая это злою шуткой. После беседы со своим счастливым соперником, в ходе которой последний раскрывает свои жизненные принципы, Арбенин восклицает: «Какая низость! И она может... его любить!..»; «Всемогущий! Как ты позволил ей пожертвовать моей любовью для такого подлеца!» (сцена XII).

87

Речь идет о Московском благородном собрании, которое помещалось в здании, построенном архитектором М. Ф. Казаковым в 80-х годах XVIII в. (ныне Дом Союзов). Здесь давались балы и маскарады.

88

Лермонтов воспроизводит здесь действительный факт. В раннем детстве его волновала и до слез трогала музыка. В 1830 г. Лермонтов записал в одной из своих тетрадей: «Когда я был трех лет, то была песня, от которой я плакал: ее не могу теперь вспомнить, по уверен, что, если б услышал ее, она бы произвела прежнее действие. Ее певала мне покойная мать» (наст. изд., т. IV).

89

Сцена IV. В этой сцене отразились университетские впечатления Лермонтова. Характеризуя Москву, В. Г. Белинский впоследствии специально останавливался на огромном значении Московского университета в жизни Москвы и всей России. «В Москве находится не только старейший, но и лучший русский университет, привлекающий в нее свежую молодежь из всех концов России», – писал он (В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. VIII. М., 1955, с. 404). Лермонтов учился в университете в одно время с В. Г. Белинским, Н. В. Станкевичем, А. И. Герценом, Н. П. Огаревым, Н. М. Сатиным, Н. И. Сазоновым, С. М. Строевым, И. А. Гончаровым и другими – в пору, когда в широко распространенных студенческих кружках горячо обсуждались философские, социальные, политические и литературные проблемы. Один из таких кружков изображен Лермонтовым в сцене IV. Писатель воспроизвел здесь некоторые черты своего студенческого окружения, той группы молодежи, которая в высшем обществе Москвы получила прозвание «la bande joyeuse» – «веселая шайка» (см.: Н. Л. Бродский. М. Ю. Лермонтов. Биография, т. I. М., 1945, с. 278–296). Вполне вероятно, что в лице студента Заруцкого Лермонтов

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драмы. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru изобразил своего товарища А. Д. Закревского – весельчака, остроумного собеседника, страстного любителя поэзии Лермонтова. Закревский живо интересовался историей и свои общественные идеалы выразил с наибольшей полнотой в статье «Взгляд на русскую историю» (Телескоп, 1833, ч. 17, № 20, с. 489–504, подпись «А. З.»). В этой статье он защищал мысль о национальной самобытности России и ее высокой исторической миссии. Особенное значение в русской истории он придавал Отечественной войне 1812 г. «1812 год есть начало самобытной, национальной жизни России», – писал он (Телескоп, 1833, ч. 17, № 20, с. 490). Ср. заключительный монолог Заруцкого в сцене IV.

90

Черт побери! (Франц.).

91

Речь идет о драме «Разбойники» Шиллера в переделке Н. Н. Сандунова. Вольный перевод этой драмы, осуществленный Сандуновым еще в 1793 г., в течение ряда лет шел на петербургской и московской сценах и, очевидно, приспособлялся к условиям императорских театров. Лермонтов иронизирует над попытками «переделать» драму Шиллера в угоду требованиям театральной администрации. Свое отрицательное отношение к переделкам творений великих драматургов, искажающим их смысл и создающим превратное впечатление о художественных достоинствах оригинала, Лермонтов высказал и в письме к М. А. Шан-Гирей 1830 г. (см.: наст. изд., т. IV). Переделка «Разбойников», которую дирекция императорских театров предпочитала подлинному произведению Шиллера, возмущала современников Лермонтова. С. Т. Аксаков писал о постановке «Разбойников» на московской сцене в 1829 г.: «Плод разгоряченного воображения юного Шиллера, еще не знавшего ни драматического искусства, ни света, ни людей... дается на русской сцене – в сокращенном виде!.. Рука, которая поднялась на Шиллера, не необходимостью была на то подвигнута: если б исключили сцены или выражения, противные строгой нравственности, вредные в каком-нибудь отношении, по крайней мере признанные такими, это дело другое, а то просто: показалась пьеса длиною, действующие лица болтливими – и трагедию сократили» (С. Т. Аксаков. Собрание сочинений, т. III. М., 1956, с. 464). Театральная администрация, однако, предпочитала искаженный текст пьесы подлинному тексту Шиллера не только «для бенефисных спекуляций», как полагал Аксаков. Она руководствовалась при этом в значительной степени цензурными соображениями.

92

Замечательный русский трагический актер П. С. Мочалов был кумиром московской студенческой молодежи; его мастерство высоко ценили Белинский и Герцен (см. выше, с. 577). На примере исполнения Мочаловым роли Карла Моора Белинский, подобно Лермонтову, доказывая преимущество творческого метода Мочалова перед манерой петербургского трагика В. А. Каратыгина (В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. I. М., 1953, с. 184–186). Вместе с тем, подобно Лермонтову, Белинский отмечал как существенный недостаток Мочалова «неровность» его игры, неумение всегда в полной мере владеть собой: «Со дня вступления на сцену, привыкли надеяться на вдохновение, всего ожидать от внезапных и волканических вспышек своего чувства, он всегда находился в зависимости от расположения своего духа: найдет на него одушевление – и он удивителен, бесподобен; нет одушевления – и он впадает не то чтобы в посредственность – это бы еще куда ни шло – нет, в пошлость и тривиальность... Вот в такие-то неудачные для него спектакли и видели его люди, имеющие о нем понятие как о дурном актере. Это особенно приезжие в Москву, и особенно петербургские жители» (В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. X. М., 1956, с. 390–391). Об этой же особенности игры Мочалова писал Герцен: «Он знал, что его иногда посещает какой-то дух, превращающий его в Гамлета, Лира или Карла Моора, и поджидал его» (А. И. Герцен. Собрание сочинений в тридцати томах, т. XVII. М., 1959, с. 269).

93

Здесь Лермонтов вводит в пьесу как «фантазию» Арбенина строфы (1, 2 и 5) из своего стихотворения «1831-го июня 11 дня», написанного независимо от драмы «Странный человек». Отдельные строки этого стихотворения в драме «Странный человек» несколько отличаются от текста стихотворения «1831-го июня 11 дня» (см.: наст. изд., т. I, с. 167–168).

94

Стихотворение, очевидно, специально написано для драмы «Странный человек».

95

«Сну» (Англ.).

96

Здесь с некоторыми изменениями в тексте приводится стихотворение Лермонтова «Видение» (см.: наст. изд., т. I, с. 189–190).

97

Исполнение на сцене драмы «Коварство и любовь» Шиллера с П. С. Мочаловым в роли Фердинанда вызвало горячий энтузиазм московского студенчества и передовой, демократически настроенной публики. «Я помню, как он исполнял роль Фердинанда в поре своей молодости, искренний пыл которой обнаруживался и в сценах нежной любви, и в сцене отчаянной ревности. Мы, студенты, знали почти наизусть всю эту роль», – вспоминал один из зрителей той поры (цит. по: Б. Алперс. Актерское искусство в России, т. I. М.–Л., 1945, с. 379). Волнение Натальи во время спектакля Арбенин истолковывает как явный признак ее духовного родства с ним. В дальнейшем жизнь разбивает эту иллюзию героя. Замечательно сходство этого момента драмы Лермонтова с одним из эпизодов «Дворянского гнезда» Тургенева. Студент Московского университета Лаврецкий на основании впечатления, которое производит игра Мочалова на юную красавицу, делает поспешный вывод о благородстве и независимости ее натуры, вывод, в котором ему приходится затем горько разочароваться (см.: И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в двадцати восьми томах. Сочинения в пятнадцати томах, т. VII. М.–Л., 1964, с. 166 и далее).

98

В изображении ужасов крепостного права отразились личные впечатления и воспоминания поэта о жестокостях пензенских помещиков, соседей его бабушки по имению (см.: В. С. Нечаева. В. Г. Белинский. Начало жизненного пути и литературной деятельности. М., 1949, с. 307–326; А. Храбровицкий. Дело помещицы Давыдовой. – В кн.: Литературное наследство, т. 57. М., 1951, с. 243–247). Реальная основа изображенных в «Странном человеке» событий и общая антикрепостническая направленность драмы явились источником близости ее к трагедии В. Г. Белинского «Дмитрий Калинин», написанной незадолго до «Странного человека», в конце 1830 г. Лермонтов мог знать драму Белинского, которая в рукописи ходила среди студентов Московского университета, однако документально факт знакомства Лермонтова с этим произведением не подтвержден. Как и Лермонтов, Белинский стремился изобразить действительное положение крестьян, опираясь на свои наблюдения над жизнью крестьян Чембарского уезда. Пензенской губернии, где он провел детство. Сообщая отцу о возможности скорого опубликования своего драматического произведения, Белинский писал: «Вы в нем увидите многие лица, довольно Вам известные» (В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. XI. М., 1956, с. 46). На «полное тождество идей у обоих студентов и начинающих писателей» – авторов «Дмитрия Калинина» и «Странного человека» – обратил внимание уже П. А. Висковатов (см.: Сочинения М. Ю. Лермонтова, первое полное издание, под редакцией П. А. Висковатова, в шести томах, т. VI. М., 1891, с. 123–125). Сопоставление драм было также сделано С. А. Венгеровым (см.: Полное собрание сочинений В. Г. Белинского, под редакцией С. А. Венгерова, т. I. СПб., 1900, с. 133–136).

99

Светское общество! (Франц.).

В течение 1829–1830 гг. в Москве функционировал частный французский театр, созданный по инициативе «любителей французских спектаклей» из «высшего света» Москвы – старшины Благородного собрания С. С. Апраксина, московского генерал-губернатора кн. Д. В. Голицына, министра императорского двора кн. П. М. Волконского и др. Антрепренер французской труппы в Москве С. В. Карцева не

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru смогла собрать достаточно сильную труппу; к тому же во время холеры 1830 г. умерли два лучших артиста ее театра. Снятое Карцевой для спектаклей помещение оказалось неудобным: холодным, плохо проветриваемым. Однако это не могло заставить московский «beau monde» отказаться от французских спектаклей. В мае 1831 г. в Москве открылся Московский императорский французский театр. В начале 1831 г. (сцена V «Странного человека» помечена датой «10 января», очевидно, 1831 г.) антреприза французского театра еще находилась в руках Карцевой, хотя уже велись переговоры о передаче труппы дирекции императорских театров (см.: В. П. Погожев. Столетие организации императорских московских театров, вып. 1, кн. III. СПб., 1908, с. 210–252).

100

Дорогая кузина! (Франц.).

101

Очаровательный молодой человек! (Франц.).

102

Кузина. (Франц.).

103

Дорогой друг! (Франц.).

104

Речь идет о выступлениях французской артистки Спади Бертран, которая дала свой первый концерт 24 января 1831 г. в зале Большого театра. Гастроли ее в Москве продолжались до конца марта 1831 г. (см.: Московские ведомости, 1831, №№ 7 и 21).

105

Первоначально в тексте драмы вместо этого стихотворения было помещено стихотворение «Романс к И...» (наст. изд., т. I, с. 176), которое подверглось значительной переделке в белом автографе драмы «Странный человек». Впоследствии, в 1841 г., Лермонтов вновь переработал это стихотворение («Оправдание» – наст. изд., т. I, с. 459).

106

Герой романа Гёте «Страдания молодого Вертера» (1774) – «мученик мятежный», по определению Пушкина, ненавидящий пошлость бюргерского общества, не мог вместе с тем осудить свою возлюбленную, верную морали этого общества, и порвать с нею. Владимир Арбенин считает для себя неприемлемой такую непоследовательность. Герой драмы Лермонтова иронизирует над тем, что Наташа Загорскина хотела бы повторить в своих отношениях с ним и Белинским изображенную в романе Гёте ситуацию трогательной дружбы участников любовного «треугольника». Эта и другие ситуации «Вертера» воспринимались читателями как образец проявления высоких чувств и делались предметом подражания. Образ «тройственного» дружеского союза женщины и двух любящих ее мужчин запечатлен, например, на известном полотне немецкого живописца-романтика Ф.-О. Рунге (1777–1810) «Мы трое» (1805).

107

Пикантное лицо! (Франц.).

108

Дорогая! (Франц.).

109

Речь идет о И.-К. Лафатере (1741–1801), который в своей «физиономике» («*Physiognomische Fragmente zur Beförderung der Menschenkenntniss und*

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов Lermontovmikhail.ru
Menschenliebe») развивал теорию зависимости черт и выражения лица от характера человека.

110

Нина – здесь уменьшительное имя от Анастасии. В тексте драмы читаем: «Настасья Павловна споет нам что-нибудь» (действие третье, сцена первая).

111

Банк, или штосс, – название одной из распространенных в 1830-х годах азартных карточных игр. Метать банк – вскрывать карты при игре в банк, уплачивая проигранные суммы по карте, выпавшей направо, и получая выигрыши по карте, выпавшей налево. Понтировать – участвовать в игре в банк в качестве понтера. Приводимые здесь и ниже слова – примеры использования Лермонтовым карточного жаргона (см.: Н. С. Ашукин. Историко-бытовой комментарий к драме Лермонтова «Маскарад». – В кн.: «Маскарад» Лермонтова. Сборник статей под редакцией П. И. Новицкого. М.-Л., 1941, с. 235).

112

Понтер – игрок, который ставит деньги на карту, наудачу выдернутую из колоды.

113

Банкомет – игрок, держащий банк, против которого играют все прочие игроки (понтеры).

114

Семпель – прямая, простая ставка, не увеличенная против назначенной ранее суммы.

115

Гнуть – увеличить ставку в два раза.

116

Ва-банк – ставка, равная той сумме, которую поставил банкомет.

117

Убитая карта – карта проигравшая.

118

Ванька-Каин – лицо реальное. Это Иван Осипов, по прозвищу Каин, сын крестьянина Ростовского уезда, живший в XVIII в. Существует относящаяся к 1764 г. автобиография Ваньки-Каина, в которой он рассказал о своей бурной «карьере» (издана в 1782 г. с портретом в приложении его любимых песен; переиздавалась в XVIII в. пятнадцать раз). На ее основе создано несколько произведений, в частности авантюрно-приключенческий роман М. Комарова под названием «Обстоятельное и верное описание добрых и злых дел российского мошенника, вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки-Каина, всей его жизни и странных пождений». Соч. М. К. в Москве, 1775 г.» (СПб., 1779). У Лермонтова употреблено в значении «мошенник», «ловкий пройдоха».

119

Обрежется, или обдернется, т. е. ошибется, поставит не на ту карту, на которую задумал сделать ставку.

120

В. В. Энгельгардт (1785–1837), известный дружкой с Пушкиным (оба члены кружка «Зеленая лампа»; Пушкин посвятил ему в 1819 г. стихотворение «Прости, счастливый сын пиров»), – внук одной из сестер Потемкина, полковник в отставке, «хорошо и всенародно был знаком Петербургу. Расточительный богач, не пренебрегающий

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов termontovmikhail.ru
весельями жизни, крупный игрок, впрочем, кажется, на веку своем более проигравший, нежели выигравший», он в середине 1830-х годов выстроил в Петербурге, на Невском проспекте, большой дом (ныне № 30), специально приспособленный для публичных концертов, балов, маскарадов, благотворительных вечеров и т. п., – дом, «сбивающийся немножко на парижский Пале-Рояль, со своими публичными увеселениями, кофейнями, ресторанами» (Исторический вестник, 1911, № 5, с. 549–550). Именно в 1835 г., когда Лермонтов работал над своей драмой, публичные маскарады в доме Энгельгардта пользовались необычайно шумным успехом. На «масляной неделе» их посещал А. Н. Вульф, оставивший в своем «Дневнике» живое воспоминание о массе людей, «тесно сжатой» и «оживленной» (цит. по: Л. Н. Майков. Пушкин. М., 1899, с. 214).

121

Ср. со стихами Пушкина из «Евгения Онегина» (глава седьмая, строфа XXII):

...два-три романа,
В которых отразился век
И современный человек
Изображен довольно верно
С его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой...

122

Жорж Санд – псевдоним знаменитой французской писательницы Авроры Дюдеван (1804–1876). Многие из ее романов, в которых развивались идеи женской эмансипации, широко обсуждались в 1830-х годах на страницах русских журналов. Так, в т. 7 журнала «Библиотека для чтения» за 1834 г. (где напечатана упомянутая выше повесть Сенковского «Предубеждение») был помещен перевод статьи из французского журнала «Revue de Paris» с разбором с реакционных позиций романа Жорж Санд «Jacques». В монологе баронессы Штраль можно усмотреть иронический отклик Лермонтова на выступление «Библиотеки для чтения» и самого издателя журнала Сенковского против французской писательницы.

123

Моя любовь. (Франц.).

124

Мысль превосходная, как и всегда у вас. (Франц.).

125

Прощай, дорогая. (Франц.).

126

Мой ангел. (Франц.).

127

Острое слово. (Франц.).

128

Стихи вот было время... Утром отдых, нега и далее до стиха К приятелю... взошли... игра уж в самой силе... близки по содержанию строфам XVI, XVII и XVIII первой главы «Евгения Онегина».

129

Ср.: «Когда б мне быть отцом, супругом...» («Евгений Онегин», глава четвертая, строфа XIII).

130

Лепаж – парижский ружейный мастер начала XIX в.

131

Картель (франц. cartel – соглашение, договор) – письменный вызов на дуэль.

132

Ср. в «Евгении Онегине» (глава третья, строфа XXVI):

Доныне гордый наш язык
К почтовой прозе не привык.

133

Ср.: «И вот на чем вертится мир» («Евгений Онегин», глава шестая, строфа XI).

134

Мой друг! (франц.).

135

Тетя! (франц.).

136

Ср. в «Евгении Онегине» (глава шестая, строфа XXXI):

Дохнула буря, цвет прекрасный
Увял на утренней заре...

137

Идите сюда. (франц.).

138

Слово «трельяж» (франц. treillage) имеет два значения: зеркало, состоящее из трех створок, и тонкая решетка, предназначенная для вьющихся растений и цветов или употребляемая в качестве легкой ширмы.

139

Фермуар (от франц. fermer – запирать) – ожерелье с застежкой.

140

Кузнецкий мост – улица в Москве, получившая свое название от бывшего на ней до 1819 г. моста через реку Неглинную. На этой улице было сосредоточено большое количество преимущественно французских модных магазинов, которые служили своеобразной выставкой мод и других новинок. Ср. в «Горе от ума» (действие I, явление 4) Грибоедова:

А всё Кузнецкий мост и вечные французы,
Оттуда моды к нам, и авторы, и музы:
Губители карманов и сердец!
Частые посещения этих магазинов московской знатью превратили Кузнецкий мост в место модного гулянья, где можно было не только купить или посмотреть последние французские наряды, но и услышать городские новости.

141

Диалог Александра с Верой от слов Веры: «О, лучше убей меня» – до слов Александра: «...в груди воей возникло оттаяние, – не то, которое лечат дулом пистолета...» – с небольшими изменениями перенесен в роман «Герой нашего времени» (ср. разговор Мери с Печориным от слов Мери: «...возьмите лучше нож и зарежьте меня...» – до слов Печорина: «...не то отчаянье, которое лечат дулом пистолета...» (наст. изд., т. IV).

142

Каин, по библейскому преданию, убил своего брата Авеля, за что был проклят богом.

143

Ср. со словами Фамусова из «Горя от ума» (действие IV, явление 14) Грибоедова:

Не быть тебе в Москве, не жить тебе с людьми;
Подалее от этих хватов,
В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов!
Там будешь горе горевать,
За пальцами сидеть, за святцами зевать.
А вас, сударь, прошу я толком
Туда не жаловать ни прямо, ни проселком...

144

Начало отсутствует.

145

Моя любовь. (Франц.).

146

Мысль превосходная, как и всегда у вас! (Франц.).

147

Прощай, дорогая. (Франц.).

148

Острое слово. (Франц.).

149

Содом – легендарный библейский город, разрушенный землетрясением и огненным дождем за грехи его жителей. В данном случае слово употреблено как нарицательное для обозначения крайнего беспорядка, неурядицы и разногласия.

150

Аматер (франц. amateur) – любитель,
Lausseur и Шамбертень – марки французских вин.

151

Миллионная – улица в Петербурге (ныне улица Халтурина).

152

Супир (франц. soupir – вздох), сувенир (франц. souvenir – воспоминание) – слова, обозначающие принадлежности или фасоны дамского туалета; репантир (франц. repentir – раскаяние) – название фасона модной прически.

153

Слово «дезесепоар» (франц. desespoir – отчаяние) употреблено в насмешку над причудливыми названиями дамских туалетов.

154

Мой друг. (Франц.).

155

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драммы. Михаил Юрьевич Лермонтов Lermontovmikhail.ru
В данном случае Содом – город.

156

В измененном виде эти строки см.: наст. изд., т. I, с. 507 («И на театре, как на сцене света»).

157

Светское общество. (Франц.).

158

Общество столь смешанное, состоящее из лиц, которых видишь на бульваре, на сборищах. После ремарки: Мадам, не хотели бы вы повальсировать? (Франц.).

159

Приезжий – очевидно, подразумевается граф Ф. И. Толстой-Американец. Дуэлист, картежник, нечисто игравший, Толстой отличался скандальнейшей репутацией и беспутным образом жизни. В 1803–1806 гг. он участвовал в кругосветном путешествии И. Ф. Крузенштерна и за недопустимое поведение на корабле был ссажен с него капитаном на один из Алеутских островов. Остров Уналаска входит в этот архипелаг.

160

Зоил (ок. 400–ок. 330 гг. до н. э.) – древнегреческий ритор и софист, известный своей придирчивой, мелкой и злобной критикой Гомера. Имя Зоила стало нарицательным для обозначения недоброжелательной критики.

161

В данном случае трельяж – легкая ширма, увитая растениями.

162

Канapé (франц. canapé) – диван с приподнятым изголовьем.

163

М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1972, с. 33.

164

Там же, с. 70.

165

Vequin – Арно Беркен (ок. 1749–1791) – автор нравоучительных пьесок и рассказов для детей, составитель популярной детской хрестоматии (1775–1776; русские переводы – начиная с 1779 г.) (см.: В. Д. Рак. Переводческая деятельность И. Г. Рахманинова и журнал «Утренние часы». – В кн.: Русская культура XVIII века и западноевропейские литературы. Л., 1980, с. 112–114).

166

Сочинения М. Ю. Лермонтова, первое полное издание, под редакцией П. А. Висковатова, в шести томах, т. VI. М., 1891, с. 24.

167

А. И. Герцен. Собрание сочинений в тридцати томах, т. XVII. М., 1959, с. 268–269.

168

Н. Д. Студенческие воспоминания о Московском университете. – Отечественные

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Драмы. Михаил Юрьевич Лермонтов Lermontovmikhail.ru
записки, 1859, № 1, отд. V, с. 9.

169 А. Н. Муравьев. Знакомство с русскими поэтами. Киев, 1871, с. 22.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://Lermontovmikhail.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!